

ПОЪЗДКА ВЪ РУМЕЛШЮ.

АРХИМАНДРИТА **АНТОНИНА.**

Члена Сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лив., № 12.)

1879.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

31-го Октября 1879 г.

Секретарь *И. Помяловскій.*

ПОЪЗДКА ВЪ РУМЕЛІЮ.

Константинополь. 1 Мая 1865 г. ¹⁾ Суббота.

Что такое: Румелия? *Рум*—или значить: *страна Римлянъ* или точнѣе *Ромеевъ*, т. е. Грековъ — по турецкому словоупотребленію, короче бы сказать: *Греція*, если бы около 40 лѣтъ уже подъ этимъ названіемъ не была извѣстна Европѣ одна только южная оконечность Румелии. Не смотря на происшедшій въ 30-хъ годахъ сего столѣтія политическій переворотъ въ „Римской землѣ“, постоянно учащіяся и ничему не научающіяся владѣтели ея фатально продолжаютъ называть ее старымъ именемъ, давая тѣмъ даровой поводъ всякому, кто заинтересованъ въ дѣлѣ, смотрѣть на Румелию со всякой другой, только не турецкой, точки зрѣнія; заинтересованы же тутъ, конечно, прежде всего Римляне, именемъ коихъ зовется страна. Гдѣ же эти преславные и презпаменитые собственники не принадлежащаго имъ владѣнія? Въ ... исторіи! такой отвѣтъ, кромѣ остроты, заключаетъ въ себѣ и положительный смыслъ — рѣзкаго политическаго оттѣнка, выгодный многимъ на Востокѣ, въ томъ числѣ и Турціи. Не знаемъ только, на-

¹⁾ Позднее появленіе въ печати настоящаго труда одного изъ русскихъ старожиловъ Востока зависѣло отъ цѣлаго ряда причинъ, не имѣющихъ интереса для читателя.

сколько онъ приходится соответствующимъ волагаемымъ на него различнымъ надеждамъ... Духъ времени старается, на сколько можетъ, игнорировать этого троянского коня. Онъ выезжаетъ на политическую арену на другихъ любимыхъ своихъ конькахъ — фактъ и силѣ. Гдѣ не возьметъ однимъ, беретъ другимъ. Къ исторіи же прибѣгаетъ уже тогда, когда замѣтитъ, что коньки-то не вывозятъ его туда, куда нужно. Ибо — на бѣду или на счастье — и исторія есть тоже фактъ и тоже сила, и перо и виѣсть, смотря по тому, кто чего въ ней поищетъ. А искать въ ней того или другаго есть кому на Востока. То, что для постороннихъ зрителей сего, таинственнаго своими судьбами (и именемъ), Востока можетъ казаться одною умственною забавою, невинною игрою въ давно отжившія понятія, преданія, имена и лица, для мѣстныхъ дѣятелей представляется дѣломъ первостепенной важности, чуть не вопросомъ жизни. Гдѣ не чаешь, встрѣтишься съ „патріотизмомъ“ такого склада, цвѣта и закала, о какомъ и понятія не имѣлъ дотолѣ. Туристу, разъѣзжающему по восточной окраинѣ Средиземнаго моря съ цѣлю, какъ говорится, „людей посмотреть и себя показать“, можно совѣтовать избѣгать бесѣдъ со „встрѣчнымъ и поперечнымъ“ объ отжившихъ, по общему убѣжденію, предметахъ древней исторіи и даже мѣологии. Мы не можемъ забыть, какъ одна, самая невинная, шутка на счетъ доблестности (*ἀνδραγαθία*) пресловутаго Иракла (Геркулеса) при дворѣ царя Авгія вызвала однажды совѣтъ неожиданную вопышку въ одномъ „патріотѣ“, замѣтившемъ горячю: *миши* Ираклы по крайней мѣрѣ очищали, что могли, а *миши* только гадли въ исторіи. Не даромъ такая запальчивость. Это говорить претендентъ на какое нибудь историческое или географическое наследство „Восточное“. Есть немалочисленные наследники и громкаго имени *Римскаго*. И, по странной случайности, именословныя права ихъ на наследство находятся въ обратной пропорціи съ действительными. Имя *Римляне* — *Romani* — фактически досуществовало до нашего

времени только въ *Руминахъ*. Но; конечно, никому въ голову не придетъ считать Румелию практическимъ достояніемъ *Влаховъ*, пусть даже — *Дакосъ* (а по нашимъ изслѣдованіямъ — *Починковъ*), хотя подъ названіемъ *Куцо-славосъ* и *Цинцаръ* ихъ можно встрѣтить, говорятъ, въ раздробь по всей Румелии. Другими, прямыми — по метрическому, такъ сказать, свидѣтельству, наследниками „Римской Земли“ могли бы быть народы преспомянутой *Римской Имперіи*, переходившей въ теченіи вѣковъ съ мѣста на мѣсто изъ Италіи во Францію, изъ Франціи въ Германію (заглянувшей даже въ Испанію), и досуществовавшей съ грѣхомъ по поламъ до текущаго столѣтія. Но и эта „калика переходящая“ въ 1804 г. скончалась и торжественно погребена Европою, по приказу тогдашняго ея диктатора. Настоящихъ, документальныхъ „римлянъ“ такимъ образомъ не стало. Но, упомянутые выше, ничему не научившіеся арендаторы Востока, кромѣ слова *Рум-и.м.* къ счастью имѣютъ еще другое, за которое крѣпко и ухватились — было въ достопамятнѣй 1853 годъ, и продолжаютъ держаться досель. Это ходячее и официальное въ Турціи слово есть: *Рум-милеті* т. е. *родъ* или *народъ: Румъ*, представляющій собою если на преимущественную, то во всякомъ случаѣ — существенную часть Турецкой державы. Въ немъ заключается неоспоримый документъ народа *Румъ = Румаліон = Романополи* на право владѣнія Румелией — по юрисдикціи буквы и фатальной Турецкой практики. Только опять бѣда. Въ настоящее время называется существующимъ не въ исторіи уже, а въ географіи, изучаемой всею Турціей, королевство *Румъ*, которому имя его служить отличною посылкою къ почетному безъ намека, политическому силлогизму. Не беремъ судить, на сколько отъ приятель и возжелѣнъ властителю Румелии „Великому Турку“, какъ его называли въ средніе вѣка. Можетъ быть онъ, въ своемъ величій, совѣтъ и неразумждаетъ о такой мелочи. Нигдѣ на свѣтѣ такъ не чтится и не вѣруется любимое божество глупости и неспособности — *fatum*, какъ въ Турціи.

Тамъ есть *Рума*, а адѣсь есть *Рум-или*, думаетъ фатопоклонникъ. Ну, чтожь? Значитъ, такъ и быть должно. Остается быть покойнымъ... до радостнаго утра! А если бы онъ хотя мало сдвинулся съ своей точки зрѣнія, то въ *fatum* прочиталъ бы, можетъ быть, только *factum* его собственнаго произведенія, который можно толковать до того различно, что при небольшой изворотливости схоластики, Румели не останется и помину при этомъ, а изъ мрака, нагнаннаго ею именемъ, возникнутъ *Мисія*, да еще и не одна, *Иллирикъ* и *Норикъ*, *Фракія* и *Дакія*, *Миседонія* и *Македонія*, *Пеонія*, *Пелагонія*, *Визалтинка*, *Халкидонка* и несчетное множество другихъ именъ и прозваній, и вѣроятно даже простыхъ прозвищъ, хорошихъ уже тѣмъ, что ихъ много... Но — учить своего компатріота (по *Туркестану*) мы не будемъ. Тотъ, кто его послалъ и, такъ сказать, навалилъ на Востокъ, знаетъ и знаетъ, что дѣлать, и не безъ Его конечно намѣренія, по крайней мѣрѣ — созволенія, существуетъ до нашихъ дней такъ называемая *Румелия*, столько вѣковъ привлекающая къ себѣ взоры востока и запада, сѣвера и юга. Кто тамъ не бывалъ изъ великихъ дѣятелей историческихъ? Ксерксъ, Александръ, Пирръ, Антиохъ, Миерадатъ, Цезарь, Константинъ, Аттіла, Святославъ, Барбарусса, Баявидъ... и столько другихъ славныхъ воителей и завоевателей ходомъ ходили по перепутной Румелии. Пытаюсь рисовать ее себѣ воображеніемъ по періодамъ, если уже не по вѣкамъ, держа передъ глазами историческія карты *Целларія*, *Крузе*, *Штрумера* и еще кое-кого. Что за хаосъ именъ и пограничныхъ дѣленій! И не перечесть всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ и народцевъ, въ разныя времена пестрѣвшихъ на *балканскомъ*, какъ теперь его зоветъ географія, полуостровѣ — отъ всесвѣтной Македонской до микроскопической Черногорской державы. Сколько различныхъ языковъ въ разныя времена слышалось на пространствѣ нынѣшней Румелии, и до сейдѣ еще слышится! Какихъ религій тамъ не перебивало! Какихъ орудій убивать ближняго ни за что ни прочто не перепробовано!

Какихъ кровопролитнѣйшихъ сраженій не видѣла и не вынесла на себѣ историческая почва!

Все эти восклицательные знаки имѣли для меня послѣдствіемъ своимъ одинъ вопросительный: не побывать ли въ такой, полной археологическаго интереса, странѣ? Отвѣтъ на это условливался двумя обстоятельствами: позволеніемъ и, такъ сказать, произволеніемъ. Первое естественно должно было предшествовать послѣднему, и, по особннымъ соображеніямъ, не представляло въ себѣ ничего, надъ чѣмъ бы можно было задуматься. По второму предстояло пройти черезъ цѣлое горнило помысловъ.

Отличное дѣло — прокатиться по Румелии отъ моря до моря, но для этого требуются: крѣпкое здоровье, туго набитый кошелекъ, значительная доля храбрости, терпѣнья и умѣнья и наконецъ — достаточная ученая подготовка, чтобы къ ожидаемому не потерпѣемому *dulce* примѣшивалось хотя маленькое *utile*. Рискнуть на поѣздку, запасшись однимъ *Изамберомъ*¹⁾, можно было конечно, но за то слѣдовало проститься съ мыслию вынести изъ нея съ собою какія нибудь „замѣтки“, „записки“, „очерки“ даже простыя „путевыя впечатлѣнія“, достойныя печатнаго слова. Широкій *Ротъ*²⁾, пожравшій столько моихъ денегъ за разныя, большею частію до сихъ поръ неразрѣзанныя, иностранныя книги, отрекомендовалъ, но отказался доставить, мнѣ подробный дорожникъ нѣкоего *Ami Boué* всей Европейской Турціи. За то попались недавно въ руки „*Les Turcs*“ греческаго туриста — стратегика *В. Николаиди*³⁾, проѣхавшаго всю Румелию вдоль древній *Via Egnatia*,

¹⁾ *Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient par Adolphe Joanne et Emile Isambert. Paris. 1861.*

²⁾ Въ близкомъ кругу нашемъ такъ титуловался константинопольскій книгопродавецъ *Roth*, такъ часто докучавшій намъ своими долговыми счетами.

³⁾ *Les Turcs et la Turquie contemporaine... par V. Nicolaidy, capitaine de génie au service de la Grèce, Paris. 1859.*

и счужившаго обратитъ (цѣлыми селами) Болгарь въ Грековъ на томъ законномъ основаніи, что Турки вообще всѣхъ православныхъ зовутъ Греками (Румъ). Если присовокупить къ этимъ пособіямъ *Целларія* съ *Пестингеровой картой*, да выдержки изъ *Oriens christianus* и двухъ-трехъ *Византійцевъ*, то вотъ и весь мой книжный запасъ, которымъ пришлось бы воспользоваться при возможной попыткѣ поставить на ноги исторію того или другаго прославленнаго мѣста. Двѣ карты Европейской Турціи — нѣмецкая *Киперта* ¹⁾ и болгарская, очевидно переделанная изъ кипертовой, дополняли мою дорожную бібліотеку.

црѣ-градъ. 4 Мая 1865 г. Вторникъ.

Все вышеписанное надумано было мною вчера и третьяго дня, подъ вліяніемъ расказовъ о *Румелии* одного „родолюбца“ книгоноши, румелійскаго уроженца, въ тишинѣ уединенія у любимаго окна, изъ котораго открывается видъ прямо на *Св. Софію*, на Дворцовый мысъ, на портъ Византійскій и на гигантскій *Царь-городъ*, глубоко и широко разстилающійся внизу на югъ и на востокъ и представляющій восхитительную панораму зданій, зелени, воды, цѣлаго лѣса мацгъ, поминутно снующихъ лодокъ и цѣлыхъ пароходовъ, вѣнчаемую высокими горами на далекомъ горизонтѣ. Эти голубыя линіи, отдѣляющія доль земной отъ выси небесной, принадлежать уже другой части свѣта, и другой половинѣ Турецкой Имперіи, которую въ соотвѣтствіе имени: *Рум-или*, слѣдовало бы назвать *Тюрк-или*, такъ какъ тамъ преобладающую стихію народонаселенія составляютъ Турки. А между тѣмъ зовется она официально: *Анадолі*, т. е. А Анатоли = востокъ. Словомъ этимъ открывается безконечная историческая перспектива,

¹⁾ Потомъ удалось достать большую карту Европейской Турціи, составленную австрійскими военными инженерами; несмотря на изыщную отдѣлку, она далеко уступаетъ кипертовой въ точности.

отъ которой не отвалъ бы глазъ. Востокъ есть колыбель человѣчества. Довольно сказать это, что бы сдѣлать мысленный поклонъ въ ту сторону, „откуда свѣтъ истекаетъ“. Человѣку, любящему припоминать дни древніе и цѣмшлять о дѣлахъ вѣчныхъ, нѣтъ пригоднѣе мѣста для этого, тоже въ своемъ родѣ умнаго, дѣланія, какъ *Византія*, отъ которой и безъ того на русскую душу вѣетъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ, но такимъ давнимъ, что теряются всѣ различительныя черты дорогаго образа, и остается въ душѣ одно общее представленіе чего-то неодолимо влекущаго, какъ память о матери у человѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ. Малѣйшую долю какъ бы лежащаго на мнѣ археологическаго долга передъ Востокомъ, я уже выполнялъ, посѣтивъ за три года передъ этимъ ¹⁾ ближайшую къ мѣсту теперешняго наблюдения, окраину *Анатоли*, и изблизи повидавъ тѣ, чарующія взоръ, очертанія снѣжныхъ горъ, которыми заканчивается юговосточный горизонтъ. Тѣмъ сильнѣе чувствовалаась тяжесть другой половины (скромнѣе-доли) долга — посѣтить западную часть гостепріимной имперіи, вотъ уже пятый годъ дающей мнѣ затишныи и, я справедливо бы могъ сказать, неоцѣненный пріютъ.

Пера. 7 Мая 1865 г. Пятница.

Изъ приведенныхъ выше соображеній наиболее внимательнымъ я считалъ параграфъ о храбрости, потребной несравненно въ большемъ, нежели сколько у меня есть, количествѣ для того, кто задумалъ бы странствовать по внутреннимъ, закрытымъ для воздѣйствія Европы, мѣстностямъ Турціи, а слѣдовательно и Румелии. Вся гористая полоса ея за Адрианополь къ сѣверу и за Солунь къ западу мнѣ представляется однимъ сплошнымъ гнѣздомъ хищниковъ, которыхъ вся (и единственная) профессія состоитъ въ томъ, чтобы поджидать,

¹⁾ См. статьи мои: *Византія*, въ христіанскомъ чтеніи за 1868—5-годи.

ловить и обирать, а то и убивать, дорогихъ гостей, несущихъ имъ законную, и Богомъ внушенную — по ихъ понятіямъ, дань отъ своихъ избытковъ. Нужно нанимать себѣ конвой, придать лицу своему значеніе большее, чѣмъ есть и чѣмъ имѣть хочется, запастись рекомендательными письмами, этикетировать съ разными властями, держать при себѣ переводчика, и пр., что все совершенно не по духу мнѣ, да и не по платью, если уже говорить всю правду. Какъ же быть? Оказалось — такъ, какъ бываетъ съ тѣмъ ловцомъ, на котораго звѣрь бѣжить, т. е. ухватиться обѣими руками за тотъ случай, который совсѣмъ неожиданно посылаетъ Богъ. Въ консульскомъ составѣ нашего посольства при Высокой Портѣ произошла перемѣна. Занимавшей до сихъ поръ консульскій постъ въ Витолѣ, г. Х* получилъ переводъ въ Константинополь, а одинъ изъ чиновниковъ генеральнаго консульства здѣшняго, г. Я* опредѣленъ на его мѣсто. Оба чиновника собираются вмѣстѣ отправиться въ Витоль одинъ сдавать, другой принимать консульство. Можно ли было придумать что либо лучше сего для выполненія моихъ задушевныхъ желаній? На робкія освѣдомленія мои о пути въ самое, такъ сказать, сердце Румелии, и главнымъ образомъ объ его безопасности, мнѣ коротко и ясно, и вполне удовлетворительно было сказано, что такое официальное лицо, какъ консуль, можетъ въ сопровожденіи одного кабаса искрестить всю Европейскую Турцію благополучнѣйшимъ образомъ. И такъ оставалось напроситься въ товарищи къ неустрашимымъ путешественникамъ и готовиться въ путь. Разумѣется, отказа не было. Даже и на счетъ того, какъ бы не оправдалось на насъ слово Премудраго: *кое причастіе горницу съ котломъ? Сѣй приразитъя, и той сокрушитъя*, — на такомъ дальнемъ и длинномъ пути, послѣдовало успокоительное завѣреніе, что вся компанія — болѣе или менѣе — будетъ состоять изъ *горницевъ*, да уже и подержанныхъ, такъ что рискнуть кому нибудь, въ видахъ удалства, сокрушить свои кости едва ли придетъ охота.

5 Мая въ Ореду ударили по рукамъ, двое съ *мѣ* и двое съ *на-*
мѣ стороны. Ко мнѣ присталъ одной, какъ говорится, масти со мною
 человѣкъ, страстный неохотникъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, давно по-
 рывавшійся повидать какъ живутъ на своей прастетеской землѣ лю-
 безные ему, единоплеменные сиромахи *Буаре*, которые ищутъ ум-
 ственно и гражданственно подавить, не менѣе любезные, единоумѣрные
 есомахи *Грецы* или точнѣе *Греки*. Для меня такой заинтересованный
 наблюдатель страны, въ которую мы собирались ѣхать, былъ дорогою
 находкою. А если еще прибавить къ тому, что онъ владѣетъ пятью
 языками — въ томъ числѣ и болгарскимъ, — то можно назвать себя
 просто счастливимъ, имѣя такого, и столько приспособленнаго къ
 дѣлу, спутника. На упомянутомъ рукобѣиіи условились было завтра
 же отправиться въ путь, воспользовавшись отходомъ въ Солунь деше-
 ваго французскаго парохода. Но одна „треба“, имѣющая совершиться
 въ посольской церкви непремѣнно 9-го Мая, задержала насъ вотъ
 чуть не на цѣлую недѣлю. За это время мы планируемъ предстоящую
 поѣздку на всевозможные лады. Карта балканскаго полуострова,
 можно сказать, не выходитъ изъ рукъ. Сложившіяся обстоятельства
 указываютъ намъ прежде всего неотложный путь моремъ до Солуны,
 и оттуда сухопутьемъ до Битоля. А далѣе — что? Здѣсь-то и открыва-
 ется поприще празднопатательству фантазій. Рѣшено было, во что
 бы то ни стало, заглянуть въ такъ называемую *Старую Болгарію* и
 побывать въ *Охридѣ*, откуда выбраться на Адриатическое море или
 черезъ *Эль-Бассанъ* (Albanopolis) въ *Дураццо* (Диррахій), или черезъ
Верацъ (Велеградъ) въ *Авалу*, гдѣ и ожидать срочнаго Ллойдова
 парохода, который возвратитъ насъ въ Константинополь. Такъ посту-
 пать казалось намъ и проще и вѣрнѣе и — главное — экономнѣе.
 Но сердце не лежало къ этому направленію — и не знакомому и не
 занимательному и весьма небезопасному по причинѣ разбойническаго
 духа мѣстныхъ жителей, столько извѣстныхъ Албанцевъ или Арбани-

товъ. Болѣе манитъ меня къ себѣ путь сѣверный, полный историческаго интереса, на городъ *Призренъ*, когда-то столичный краевѣства Сербскаго, на славный монастырь *Дечанскій*, хранящій въ себѣ мощи Св. *Стефана*, седьмаго изъ кралей Неманевои династїи, славнаго своими несчастїями, — на бывшїй патриаршїй городъ *Пека* или *Инекъ*, — на знаменитую *Студеницкую Лавру*, — на *Красуцацъ* съ его скупщиной, и наконецъ — на *Дунай*, который вынесъ бы вѣсь въ Черное море и затѣмъ въ нѣтъ несравненный *Воспоръ*. Послѣ неоднократныхъ въ подобномъ родѣ, такъ сказать, репетицій предположенной поѣздки, мы остановились наконецъ на добромъ правилѣ доморощенной русской философіи: „утро вечера мудренѣе“. Подъ первымъ разумѣлось одно изъ тѣхъ, въ которое мы, посмотрѣвшись въ сытость на *Параю Юстинїану* и на омывающее ее *Лисидское* озеро, по уваженно обстоятельству, не сообразимыхъ въ Константинополѣ, изберемъ либо сѣверъ либо западъ.

Бей-Оглу. 9 Мая. Курлахъ.

Какъ вчерашнее: *Пера*, такъ сегодняшнее: *Бей-Оглу* суть разноязычныя названїя одного и того же предмета, т. е. мѣстности, которая простирается далѣе (*пѣра*) предмѣстїя: *Галата*, смотря на послѣднее изъ Константинополя, и на которой въ какія нибудь, не очень памятные и совсѣмъ нестоющїя памяти, времена обиталъ вѣроятно нѣкій „сынъ (*белу*, а по знакомому намъ татарскому произношенїю — *угланъ*) Вея“. Если представится другое, болѣе вѣрное, объясненїе турецкаго названїя роднаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, угла, мы не имѣемъ ничего противъ этого. Чѣмъ ни замазано негодное къ употребленїю платье, все равно... Менѣе равнодушнымъ можно оставаться къ названїю времени, чѣмъ мѣста, въ заголовкѣ. Во всемъ христіанскомъ мїрѣ одни мы — русскїе — называемъ *Господній день* (= Курлахъ *пѣра*, Dominica dies, etc.) *Воскресеньемъ*. Какъ и когда осмѣлились

мы сдѣлать это, стѣять изслѣдованія. Правда, и другіе славяне не отстали отъ насъ, характеристично придумавъ для перваго дня седмицы имя *неделя*, которое мы безхарактерно распространили на всю седмицу. Въ маленькихъ вещахъ этихъ, право, есть своя философія. Съ незапамятныхъ временъ, какъ видно, мы начали смотрѣть на себя, какъ на полновластныхъ распорядителей въ своей „избѣ“. Какъ далеко зашли мы съ этимъ деревенскимъ принципомъ въ глубь церковной жизни, полагаю, всякій видитъ. Недалеко ходить за приѣбромъ. Мы установили у себя праздникъ *перенесенія св. мощей Святителя Николая*. Сносилась ли при этомъ со всею полнотою православной Церкви? Неизвѣстно, но весьма сомнительно. Недавно мы внесли въ ликъ Святыхъ Божіихъ Святителя *Тисона*. А увѣдомили ли объ этомъ всю церковь (*τὴν καθ' ὅλου ἐκκλησίαν*), т. е. *каволическую* церковь, именемъ которой хвалимся? И чего, .. чего мы не вводили у себя, ни мало не помышляя о томъ, что мы составляемъ цѣльную часть всего общества вѣрующихъ! Что же дивиться тому, что изъ всего православнаго міра у насъ однихъ оказался, живетъ и здравствуетъ позорный расколъ? Но... что толочь воду? Единственная польза отъ такого занятія — моціонъ — не вознаграждаетъ понесеннаго труда. Возвратимся лучше къ празднику *Св. Николая* — храмовому въ той церкви, гдѣ мы сегодня служили. Живущему на Востокѣ и въ частности въ Константинополѣ многое изъ церковной практики нашей должно представляться въ большей живости, ясности и какъ бы близости. Кто читалъ *Синаксарь* (Прологъ), тотъ не могъ не замѣтить, что почти въ каждомъ сказаніи о Святыхъ въ концѣ прибавлено, что память его совершается тамъ-то, въ такой-то церкви, что все относится прямо къ Константинополю. Не мало было въ немъ въ старое время и посвященныхъ славному Чудотворцу храмовъ. Упоминаются — наприм. церкви имени его *Дворцовая* и *Влакертская*. Можно бы думать, что всемірная слава его началась именно съ Константинополя, т. е. явле-

ніемъ его здѣсь (еще при жизни) во снѣ императору Константину. Бывалъ ли самъ лично великій Святитель въ новой столицѣ имперіи, не можемъ сказать. Годъ блаженной кончины его неизвѣстенъ. Константинополь официально сталъ именоваться съ 330 года. Послѣ Никейскаго Собора, можетъ быть христіаннѣйшій государь и показалъ всесвѣтному собранію епископовъ свою намѣченную *христіанскую* столицу Имперіи, которой епископъ имѣлъ уже преимущественное значеніе на Соборѣ, въ 325 году. Тогда и празднуемый нынѣ Святитель могъ видѣть и благословить predetermined для толикой славы мѣсто. Какой-то несвидѣтельствованный рассказъ о немъ не усумнился, однакоже, и прямо поставить его въ Константинополь въ достойной его чудодѣйственной славы обстановкѣ. Въ силу его, Св. Николай, прибывши въ столицу ходатайствовать за свой епархіальный городъ, явился будто бы въ императорскій дворецъ въ видѣ убогаго странника, и, послѣ неласковаго приѣма отъ слугъ, снявши самъ съ плечъ своихъ дорожній плащъ, повѣсилъ его, за неимѣніемъ другаго чего, на солнечный лучъ, проходившій изъ окна по передней. . . Кончая же свои дѣла здѣсь, отправилъ полученный отъ Царя въ пользу города Муръ указъ прямо въ свою епархію по морю, въ тростниковой лудкѣ. . . Всѣхъ сказаній о вселенскомъ по истинѣ Святителѣ вѣроятно наберется не на одну книгу. Въ далекой дали и въ отдаленной перспективѣ дѣтства припоминается мнѣ рассказъ „тѣтушки“ о томъ, какъ ономѣдни (или: боѣвѣдни) въ деревнѣ *Притыкѣ* къ одной бабѣ, полѣннѣйшейся пойти на „богомолье“ по случаю безведрія, пришелъ въ избу одинъ незнакомый старичокъ, и сказалъ: „а ты пошто не въ церквѣ?“ Баба грубо отвѣчала: „а тибѣ што за дѣло?“ Но чуть она произнесла это, какъ нижняя челюсть ея отвалилась. Несчастная поняла, что имѣеть дѣло съ Николой батюшкой, стала молиться и каяться, и изцѣлѣла. Скольго такихъ сказаній ходитъ по свѣту, не занесенныхъ на бумагу! Хотѣлось бы по крайней мѣрѣ то, что занесено, собрать

въ одно мѣсто, и пересмотрѣть. П. П. И. праздникъ отпраздноваль, и треба исполнена. Прибавлю: и Ami Boué достался въ руки, хотя и не тотъ, т. е. то именно сочиненіе ученаго туриста, какое имѣлось въ виду ¹⁾).

12 Мая 1865 г. Среда.

Проводили сегодня всерадостный праздникъ Пасхи, и завтра собираемся въ дорогу. „Дешовый“ пароходъ давно ушелъ, куда ему путь лежалъ. Намъ рекомендуютъ плыть на греческомъ, отправляющемся завтра вечеромъ въ нашъ путь. Наплававшись вдоволь на австрійскихъ и французскихъ пароходахъ, не говоря уже о своихъ русскихъ, я съ удовольствіемъ согласился сѣсть на греческій пароходъ или *паролловъ*, переводя точнѣе греческое слово: ἀτμόπλοιον. Съ высоты своего наблюдательнаго пункта я уже не разъ разсматривалъ его въ зрительную трубу, отыскавъ его (по флагу) между десяткомъ другихъ пароходовъ, загромождающихъ безсмѣнно древнюю пристань Византіи, и прочитавъ даже имя его. Оно было: *Семь-островъ* (Ἑπτάνησος), данное въ честь такъ называемыхъ Ионическихъ острововъ, недавно присоединенныхъ къ Греціи. Это изъ самыхъ большихъ пароходовъ греческаго Пароходнаго Общества и ктому же изъ самыхъ новыхъ, имѣетъ довольно изящную структуру, и, какъ увѣряютъ, весьма ходокъ. Вечеръ текущаго дня посвященъ былъ службѣ Божіей и сборамъ. Одинъ бывалець совѣтуетъ не минуть въ Македоніи древняго городка *Сери* (въ первый разъ мною слышимаго), гдѣ есть много остатковъ христіанской древности и надписей. Поваръ, съ своей стороны, рекомендуетъ заѣхать на его родину, зовомую: *Палѣ-наотья*, въ переводѣ: *Старая Погонія*, знаменитую только однимъ его рожденіемъ, какъ тутъ

¹⁾ Имѣлось въ виду достать его сочиненіе: La Turquie d'Europe, въ 4-хъ томахъ, а приобрѣтенъ его же: Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe, въ 2-хъ томахъ.

же дополнилъ одинъ острословъ. Съ трудомъ отыскавъ на картѣ оба мѣста, лежащія подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ широты, но одно при подошвѣ *Олимпа*, а другое въ подгоріяхъ *Пинда*, на разстояніи 200 верстъ другъ отъ друга и въ сторонѣ отъ всякой, возможной для насъ, дороги, я на отрѣзъ отказался отъ удовольствія видѣть ихъ. Пагонійца огорчило подобное обстоятельство. На вопросъ, что же у него тамъ есть особенно замѣчательнаго, обиженный живо отвѣчалъ: какъ, что? *Все!*.. Такое ultra - патриотическое утвержденіе развеселило собесѣдниковъ, вообще нѣсколько мрачно настроенныхъ. Поѣздка предполагалась срокомъ на мѣсяць, а въ разговорахъ промежъ себя не затруднялись отодвинуть предѣлъ ея и на два мѣсяца. Нужно было, потому, не мало кое-чего привести въ порядокъ на мѣстѣ, и даже написать — на всякій случай — родъ завѣщанія, хотя, oprичъ нѣсколькихъ сотенъ книгъ, да съ поддесятка оптическихъ инструментовъ, и нечего было росписывать.

Эптанисъ. 13 Мая 1865 г. Четвертокъ.

Заботы разныя не давали заснуть до самаго почти утра. Огѣже, когда заснулъ, тревожили покой мой представленіемъ моря, бури, крушенія и избавленія отъ неминуемой смерти весьма простымъ, хотя и оригинальнымъ, способомъ — рѣшеніемъ проснуться. День былъ настоящій Майскій, — тихій, теплый, грозившій къ полудню, пожалуй, стать знойнымъ. Напутствовавъ себя молитвою въ посольской церкви по случаю праздника Вознесенія, мы съ спутникомъ дѣлали прощальные визиты. Изъ Греческаго Агенства принесены были пареходные билеты, взятые до *Фессалоники*. Что-то въ родѣ раскаянія или жалѣнія о принятіи рѣшенія странствовать вызвали въ душѣ эти невинныя бумажки. Въ своемъ мѣстѣ и въ собственной квартирѣ онѣ заставляли чувствовать себя чужимъ. Лѣнь, привычка и робость прямо протестовали противъ нихъ, внося въ сердце ни съ чѣмъ несообразное

увыніе. Живой и благодушный спутникъ, замѣтивъ мое раздумье, началъ перечислять точно по книгѣ: „Оредиземное море... Олимпъ... боги... Александръ Македонскій... Волгаре... Юстиніанъ и Велисарій... древніе монастыри... надписи... мембраны“... Онъ зналъ мою антикварную слабость, и ловко заманивалъ меня въ подкращенную довшку. Расчетъ, конечно, былъ вѣренъ. „Мембрана“, т. е. книга, писанная на кожѣ или пергаментѣ, имѣетъ для меня неотразимую прелесть. Съ того времени, какъ я познакомился съ мембранами, верхомъ благополучія мнѣ кажется открытіе въ какой нибудь безвѣстной кладовой какого нибудь разрушеннаго монастыря или замка цѣлой кучи мембранъ, писанныхъ унциаломъ I—III христіанскаго вѣка, если это письмо греческое, и X—XII вѣка, если оно — славянское. А въ *Старой Болгаріи* такихъ монастырей, говорятъ, непочатый уголь.

Было уже 2 часа по полудни. Въ 4 пароходъ отходить. Нечего, значить, медлить. Истертый чемоданъ, не такъ давно побывавшій подъ 60° сѣверной широты и 81° восточной долготы, уже отправился на спинѣ хамала ¹⁾ погулять еще по бѣлу-свѣту подъ другими, менѣе пугающими, градусами. Вскорѣ и мы послѣдовали примѣру своего багажа. 100 разъ пересчитанныя, 105 ступенекъ крылечныхъ уже стали между мною и моимъ жилищемъ. „Поздравляю съ приѣздомъ“, говоритъ мнѣ провожатый, ища развеселить меня. — Куда же? — Въ *Румелию*, конечно, — во Фракійскій городъ: *Перу*, не извѣстный ни *Страбону* ни *Птоломѣю*. — Остричь человѣку было сподручно, потому что онъ укладывалъ незадолго передъ тѣмъ въ сакъ-вояжъ обоихъ писателей-географовъ. При выходѣ изъ „Москов-Серая“ встрѣчается намъ почтенный сосѣдь, „по бородѣ — Патріархъ“ (года за два передъ этимъ

¹⁾ Турецкое названіе переносчика тяжелыхъ вещей, взятое вѣроятно изъ греческаго языка, гдѣ есть похожее слово: χαμηλός или χαμαλός. Впрочемъ, еще прямѣе слово объясняется изъ арабскаго языка, гдѣ *Гхямель* значитъ: несущій бремя.

объявившіи мнѣ торжественно, что „25 лѣтъ — срокъ духовенству“) — Куда это васъ?.. — спрашиваетъ онъ, глотая копецъ фразы. — Что: васъ? Богъ несетъ? или: несетъ нелегкая? въ свою очередь спрашиваетъ мнѣ. — Эхъ вы, неисправимые! — отвѣчаетъ русскій Мефистофель — все у васъ Богъ да Богъ! Не бось у Бога — то и кромѣ васъ не мало дѣла. — Такая отличная сентенція была послѣднимъ напугіемъ намъ на твердой землѣ. Со „скалы“ Русскаго Агентства мы сѣли въ лодку и направились къ „Эптанису“. Послѣобѣденный вѣтеръ взволновалъ зыбкую стихію, и мы не безъ труда взобрались на трапъ парохода. — Ну вотъ мы и въ Греціи! Какъ скоро! — восклицаетъ все тотъ же индюкоплевствъ, какъ окрестилъ его товарищъ и соперникъ его по краснорѣчію. — Греція не диво. А вотъ я вамъ докажу, что мы въѣзжаемъ уже въ сердце Франціи! — Географъ, произнесшіи слова эти, вытащилъ изъ кармана бутылку шампанскаго. „Гарсонъ“ Іоніецъ подаль бокалы, и мы чокнулись за благополучное возвращеніе къ мѣсту благополучнаго отправленія, ... съ гостинцами, конечно, подъ которыми разумѣлись, какъ оказалось, доброе здоровье и, приписанное намъ въ видѣ прощальнаго комплимента, не возмутимое благодущіе. Спасибо на добромъ словѣ! Послѣ дружескихъ изліяній переполнявшаго душу чувства наступило грустное прощаніе. Съ нырявшей въ зеленоватосѣрыхъ волнахъ лодки еще махали вдали платками, какъ подвѣрнувшійся пароходикъ Босфорскій заслонилъ отъ насъ все, что было впереди.

Море опасный товарищъ. Побратавшись съ нимъ, неминуемо, думаю, держать при себѣ страхъ смерти. Правда, что реформаторъ міра, царь, уменьшилъ значительно этотъ страхъ, и даже, какъ говорилъ мнѣ одинъ мореходъ, научилъ совсѣмъ не думать о смерти, для которой столько причинъ и поводовъ на безопасной сушѣ. Но, если не прямо страхомъ, то какимъ-то безотчетнымъ уныніемъ охватываетъ неотразимо душу зрѣлице безпредѣльнаго, однообразно волнующагося

моря. Какая-то оставленность, сиротство, чуть не обида со стороны прочаго міра, чувствуются въ сердцѣ у человѣка, ввѣрившагося безсердечной, неумолимой и своенравной стихіи. Страхъ-то, или тоска западаютъ въ душу, только первыя минуты пребыванія моего на пароловѣ эллинскомъ не веселы. Развлекаюсь движеніемъ подплывающихъ и отплывающихъ лодокъ, сдающихъ пассажировъ на палубу *Этніаса*. Высокій „Серай Московскій“, отчасти прятаящийся за прибрежнымъ лесомъ мачтъ, тоже не сходитъ съ поля зрѣнія. Пять оконъ его третьяго этажа, обращенныя на югъ и завѣшенныя теперь, на время отсутствія хозяина, ниторами, шлютъ душѣ не прошеную память тоже цѣлаго ряда оконъ за вѣтнаго дома отчаго и оставляемой на пригоркѣ, за полицею *Салоданской*, родной семьи, пригорюнившейся и пристально смотрящей на увозимаго въ школу „бѣднаго парня“. Бѣднымъ-то пожалуй и за правду можно было назвать его въ то, не веселое для него, время. Наука (Латинская и Греческая долбня) не давались „парню“. Въ классѣ ¹⁾ онъ си-

¹⁾ Дѣло идетъ о Д...мъ духовномъ училищѣ 1825—30-хъ годовъ. Начальникъ его былъ завзятый латинистъ. Школьные дни недѣли дѣлились на *Латинскіе* и *Греческіе*: Понедѣльникъ, Среда и Пятница — Латинскіе, остальные — Греческіе. Въ стѣнахъ класса ученики обязаны были въ Латинскіе дни говорить по латини, и тому, кто проговаривался по русски, всучивался въ руки *calculus*. Всѣхъ, у кого онъ побываетъ за день, вносила «цензоръ» въ «записку», и ожидала неминуемая расправа у *порога*, характеризуемая именемъ «березовой каши» и пр. Передъ классомъ всѣхъ учениковъ выслушивали «аудиторъ», и отмѣчали въ «нотатѣ» знающихъ буквами: *z* (*sciens*) и *γ* (*γινώσκων*), ошибающихся: *er* (*gans*) и *αμ* (*αράων*), худо знающихъ: *nb* (*non bene*) и *οὐκ* (*οὐ καλῶς*), со всѣмъ незнающихъ: *ms* (*nesciens*) и *οὐχ* (*οὐχί*). *Неситтовъ* всегда и *Дибеевъ* почти всегда «порокъ» учитель. *Францовъ* и *Амартановъ* переслушивалъ, и ставилъ «на колѣни» или на мѣстѣ, или тоже «у порога». Случалось, что переспрашивалъ и *Ситтовъ* съ *Гимосками*, и горе аудитору, если они оказывались помѣченными выше своихъ дѣйствительныхъ успѣховъ. Аудиторы въ свою очередь тоже «слушались» у другихъ, подслушивая другия аудиторы. Не безъ того, что бывали и злоупотребленія властью со стороны этихъ тиранчиковъ, въ родѣ прижимокъ, потачекъ и негласныхъ поборовъ хлѣбомъ, бумагой, перьями, бабками. Между одноаудиторниками бывало такого рода, соревнованіе, что невмучившіе «урока» мѣшали всячески вмучившему отвѣтить передъ аудиторомъ хорошо. Пышущій сім строка дѣлае

дѣль „ниже“, къ злоименному „порогу“ ходилъ часто, „безъ обѣда“ оставался чуть не по седми разъ на недѣль, въ „нотатѣ“ почти постоянно значился подъ іероглифами NB и ОК, въ рѣдкость — ER и AM, и почти никогда — S и G, — до того, что наиболѣе тужившій о немъ, имя рекъ помышлялъ уже взять „тупицу“ изъ школы, и будущаго археолога обратить въ борноволока. Давно все это было, и очень далеко отъ Византіи, которую и тогда лѣнивый умъ, впрочемъ, уже ловилъ подъ всякимъ подходящимъ образомъ, а наука, вооруженная „ковой“ и „безобѣдомъ“, постоянно искала закрыть отъ воображенія, подставляя ему, вмѣсто свѣтлаго видѣнія, мрачный урокъ, урокъ, и больше ничего! Какое-то чудовище, стучащее и пыхтающее, какъ бы уразумѣвъ ходъ моихъ мыслей, ищетъ вотъ и въ настоящія минуты заслонить отъ меня, уже тѣлесно и самолично стоящую передо мною, Византію. Это былъ — Ллойдовъ *Плутонъ*, тоже собиравшійся выйти въ море, и поворачивавшійся не совсѣмъ вѣжливо передъ нашими *Седмью-островами*. Какъ будто даже что-то презрительное замѣтилъ я при этомъ въ немъ по отношенію къ своему сосѣду. Итало-нѣмецкое пароходное общество, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно нѣсколько свысока относится къ эллинскому, чуя въ немъ себѣ соперника не дюжиннаго разбора. Когда заводилось послѣднее общество, помнится мнѣ, была рѣчь въ Греціи о томъ, что Ллойду дадутъ, выражаясь по гречески „башмаки въ руки“, т. е. предложить убираться съ Богомъ изъ водъ Греческихъ. Это исконнѣвное соперничество Адриатики съ Архипелагомъ, Зевса съ Юпитеромъ, алфавитарія съ абecedаріемъ, однимъ словомъ: латинства съ гречествомъ нигдѣ такъ не дало себя знать, какъ тутъ, въ Византіи, — этомъ не впасть придуманномъ, *Новомъ Римѣ*. Византія почти ровесница заморской *Римъ*, которую,

два года не выходилъ изъ уковъ и эмбессъ только потому, что попалъ въ среду такихъ, для которыхъ и *e* (произноси: *je*) *рамъ* былъ предметомъ зависти.

конечно, не церемонилась въ свое время обзывать „варварскою“. И вдругъ ей приходится, въ видѣ не зная какой чести, присвоить себѣ ея, уже довольно изношенное и дискредитованное имя, да еще и съ прибавкой новизны, т. е. какъ бы начинанія быть тѣмъ, чѣмъ стала та. Какъ бы то ни было, Великій Константинъ свелъ давнихъ соперниковъ. Востокъ и Западъ, такъ сказать, повѣнчались 11 Мая 330 года. Римъ и Византія вышли изъ подъ вѣнца *Константинопольск.* Конечно, ничего лучше этого не придумалъ бы христіанинъ Императоръ для разпатавшейся державы Цезарей, но мнѣ думается, что въ критической „нотатѣ“ дѣль его неумолимый аудиторъ все же не поставитъ ему ни S ни Г подъ сказаннымъ числомъ мѣсяца и года, а скорѣе помѣтитъ степень государственной исправности его скромнымъ **ЄR**. Погрѣшилъ тутъ собственно не императоръ лично, а наслѣдованный имъ порядокъ вещей. Памятный совѣтъ лорда Редклифа грекамъ, устроившимъ ласкательно знаменитому дипломату въ недавнія времена прощальный обѣдъ, постараться размножиться, годится не для однихъ нынѣшнихъ Грековъ. Это всякій имѣлъ право дать въ старое время Римской Имперіи. Высока была она конечно по всѣмъ измѣреніямъ геометрическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣдка или жидка, — сквозила вся. Ея едва хватало на Западъ. Для Востока требовалась такий образомъ другая вспомогательная стихія. Не нужно было отыскивать ея. Она была у всѣхъ на виду. Все восточное побережье Великаго Моря высматривало гречески, и представляло изъ себя даровую, такъ сказать, силу, за которую и ухватилась ослабѣвшая Имперія Латинская. Тутъ-то и вышелъ оный *ergavit*! Сила-то была только перспективная, или и просто фиктивная. Греческая стихія была еще рѣже и тоньше Латинской. Обѣ вмѣстѣ онѣ казались не густымъ и сплошнымъ покровомъ, а скорѣе какимъ-то прозрачнымъ флѣромъ, брошеннымъ на существовавшую еще, по физическому закону „инерціи“, но уже треснувшую по всѣмъ направленимъ Имперію, сквозь кото-

рый (флёръ) можно было видѣть всю ея сколоченность и спивность на живую нитку. Когда дѣйствительная сила устремилаь на нее съ сѣвера и юга, искусственно сплоченное цѣлое разсѣялось передъ нею, какъ легкое облачко въ небѣ, и, давно уже въ разводѣ проживавшіе подъ именемъ Константинополя, Римъ и Византія преобразились, въ посмѣяніе всякой исторіи и филологіи, въ *Истамбуль* т. е. „Въ — городъ“ (εις τὴν πόλιν)!.. Вышелъ полный: pessit. Но... довольно надѣваться надъ историческимъ явленіемъ, послѣдствія котораго во все не смѣшны, и отзываются даже въ настояція минуты горемъ и бѣдою и глубокимъ религіознымъ и социальнымъ разладомъ между милліонами преемниковъ стараго порядка вещей.

Въ 4 часа раздался на „Эптанисъ“ первый свистокъ. Другимъ знаменовался уже отходъ его. Круто поворотилъ онъ на право къ памявному *Халкидону* и *Принцевымъ* островамъ, а затѣмъ направился прямо въ *Пропонтиду*, по русски: въ *Предчорноморье*, по Турецкой картѣ (есть таковая. Пусть не сомнѣвается читатель!) въ *Мермергемисі* т. е. въ *Мраморное море*, и потомъ вдоль юговосточной стѣны Константинополя, подставляя взору попеременно *Великую Церковь*, дворецъ *Вулелеонъ*, храмъ *Сергія* и *Вакха*, портъ *Θεοδοσιεύς*, *Студійскій* монастырь и въ самой оконечности — древній *Бикловій* съ *Золотыми Воротами*... Все это она — Византія робко заявляетъ о себѣ рядомъ памятниковъ своего славнаго прошедшаго. Конечно, болышею частію ихъ нужно отыскивать, и, исключая дѣйствительно „великой“ Церкви, все прочее разрисовывать воображеніемъ, чтобы приблизить къ идеѣ величія. Но для меня все, носящее на себѣ печать угасшей столицы христіанства, имѣетъ въ себѣ нѣчто, чарующее взоръ и мысль, — замѣняющее и размѣры протяженія и красоты изацества. Прощай ненаглядный образъ! Изъ Босфора вѣетъ холодный вѣтеръ, очевидно — нашъ сѣверякъ, Понтіецъ. Солнце садится и посылаетъ багровые лучи свои по всему Никомидійскому

заливу, слабо отражаясь на кучѣ упомянутыхъ, тоже *Седми остро-
вовъ*, сливавшихся перспективно съ высокимъ конусомъ *Алексан-
тисовой* горы, до которой я до сихъ поръ не удосужился добраться. Мало по малу все позади насъ слилось въ одну сплошную массу сѣро-фіолетоваго цвѣта. — А вѣдь есть, надъ чѣмъ задуматься, не правда ли? — спросилъ меня по гречески одинъ пассажиръ, кивая головой къ сѣверу, и отвѣчая, такъ сказать, на мои мысли. Да! ужъ если, завидавъ нашъ Кіевъ, весь превращаешься въ думу, то конечно не пожалѣешь головы для поклоновъ Царю-граду. Много разъ, странствуя тамъ и сямъ по Востоку, я нудился ставить себя въ положеніе грека, чтобы живѣе и, такъ сказать, первобытнѣе были тѣ впечатлѣнія, кои неслись на сердце отъ той или другой исторической мѣстности, совсѣмъ иначе, конечно, говорящей въ *родной* слухъ греческій, чѣмъ въ слухъ туриста, даже изолѣдователя-историка, даже отъявленнаго византиста, но чужеплеменника. Въ виду ли такого чарующаго зрѣлища, какъ панорама Константинополя, не пожелать на минуту стать грекомъ? Какое жгучее, болѣзненное, раздражающее и вмѣстѣ подавляющее, чувство должно возбуждать это видѣніе въ душѣ патріота, еще носящаго греческое имя, еще говорящаго языкомъ двѣнадцати Константиновъ, еще принадлежащаго къ той самой *Великой Церкви* (учрежденія, а не зданія), которая смогла досуществовать до его времени во всемъ, если не величій, то отличій своихъ древнихъ почтенныхъ формъ вѣровыхъ и дѣловыхъ! И все мнѣ думается, что мысль современнаго византіяца, носясь по широкому пространству 15 вѣковъ его исторіи, ни на чемъ столько не останавливается, какъ на грустномъ и достопаечивомъ періодѣ паденія Восточной Имперіи, — на царствованіяхъ *Комниновъ* и *Палеологовъ*. Наше доброе выраженіе: „съ чужа жаль“ знакомо мнѣ не по слуху только. Царь *Олексъ* и царь *Калуикъ* когда-то были на Руси такими же ходячими именами, какъ въ недавнее время *Наполеоны*. Того, кто волей-неволей

сидитъ цѣлодневнo у окна и смотритъ на нѣмой, но вопіющій обликъ Св. Софіи, и теперь, пожалуй, занимаетъ не столько Наполеонъ, сколько Палеологъ. Первый, не смотря на то, что еще продолжаетъ благополучно жить и преуспѣвать во всемъ, чего ни пожелаетъ, представляетъ изъ себя нѣчто рѣшонное и сведенное къ итогу. А послѣдній при всемъ томъ, что пересталъ слышаться уже 400 лѣтъ, все еще, кажется мнѣ, носить въ себѣ не разрѣшимуую загадку. Я вѣрю, что невѣдомые пра-предки мои, при вѣсти о полонѣ Царя-града невѣрнымъ Салтаномъ, плакали, и думали въ тугѣ и кручинѣ, что наступили уже послѣдніе дни. Добрыя слезы! Трогающее отчаяніе! Я желаю остаться вѣрнымъ вынуждавшему ихъ праотеческому благосердію. Конечно, безбожнаго Махумета я не проклиная въ безплодной ярости, ибо знаю, что изъ множества славныхъ въ исторіи завоевателей онъ далеко не былъ ни самымъ жестокимъ, ни самымъ безумнымъ, ибо знаю, что онъ, вопреки фальшивымъ іереміадамъ, не вѣхалъ на лошади въ Церковь Св. Софіи по трупамъ христіанъ въ сажень вышиною, и что кровь христіанская не лилась рѣкою изъ храма Божія по площади, а напротивъ знаю, что въ горестный день 29 Мая преславный храмъ часамъ къ двумъ по полудни былъ совершенно пустъ и разграбленъ — это правда, но не залитъ кровью, и что султанъ-завоеватель и иновѣрецъ, подѣвжая къ нему, слѣзъ съ лошади, и пѣшій вошелъ во святилище. Валичіе его поразило азіата. Увидавъ, что одинъ изъ турковъ ломаетъ въ одномъ мѣстѣ мраморъ, онъ спокойно спрашиваетъ: „зачѣмъ ты портишь полъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „изъ-за вѣры“. Отвѣтъ долженъ былъ поправиться варвару изувѣру. Въместо того, султанъ ударилъ мечемъ единоувѣрца и сказалъ: „довольно вамъ сокровищъ и плѣна. Зданія городскія принадлежатъ мнѣ“. Полумертваго грабителя за ноги вытащили изъ церкви. Можетъ быть это была единственная, пролитая въ тотъ день въ храмѣ Св. Софіи, кровь. За

тѣмъ султанъ взобрался на престолъ и помолился оттуда Богу, по своему уставу. Назову и я его, вмѣстѣ съ огорченнымъ историкомъ, за это „сыномъ беззаконія“ и „предтечею антихриста“, но не стану возводить на него напраслины. Довольно и дѣйствительности. Она была вполнѣ ужасна. Городъ стоналъ и вопіялъ стами тысячъ беззащитныхъ жертвъ неумолимой судьбы. Съ кѣста, гдѣ я переживалъ воображеніемъ военлачевный день Византіи, я конечно не могъ бы слышать раздирающихъ душу голосовъ. Но, кажется возлѣ самого уха шипѣлъ противнымъ диссонансомъ, почему-то очень знакомый, одинъ голосъ, не то бранившій, не то поощрявшій сражавшихся за Византію. Онъ принадлежалъ „кардиналу Исидору Сарматскому“. Утромъ вертлявый человѣкъ терся около *Палеолога* на городской стѣнѣ, а вечеромъ уже благополучно себѣ плыль по Мраморному морю отъ новаго Рима къ старому. Москва таки имѣла своего представителя при паденіи Царя-града. Не веселѣе стало отъ этого. Напротивъ, къ физической тошнотѣ, возбуждаемой начавшеюся качкой, присоединилась еще другая, душевная. Да! плыль онъ тутъ гдѣ-то, *Русскій кардиналъ*, улепетывая отъ бѣды, тоже въ одну изъ Майскихъ ночей. „Везбожный“ Махуметь разрушилъ все его унистическіе планы. Было о чемъ пожалѣть и покрушиться человѣку... Подалѣе отъ такого, даже мысленнаго, сосѣдства! Я спустился внизъ и улегся на диванѣ прямо надъ винтомъ, мѣрно и однообразно стучавшимъ въ безднѣ. Въ 9 часовъ намъ подали „цѣй“, а въ 10 я уже поконлся въ своей каютѣ беззаботнымъ сномъ... Исидора.

Калѣйполь. 14 Мая 1865.

На разсвѣтѣ что-то потревожило мой глубокій и отличный сонъ. Представлялось, что пѣлась какая-то однотонная нескончаемая пѣсня, и вдругъ перестала слышаться. Оказалось что пѣсню эту для соннаго

слуха и воображенія распѣвала паровая машина; она кончила ее, когда пароходъ остановился въ урочной станціи. За ночь онъ успѣлъ пройти весь *Мармара* и вошелъ въ *Дарданеллы*, выражаясь же „эллиникурно“¹⁾, — всю *Пропонтиду*, и вступилъ въ *Эллиспонты*, ключомъ къ которому служить рисующійся еще неотчетливо за раннимъ временемъ на берегу, *Доброградъ* Херсониса Фравійскаго, мой старый, но не коротко знакомый. Много разъ приходилось мнѣ останавливаться въ виду его, но ни разу ни времени, ни охоты не было побывать въ немъ. И теперь, конечно, таже выйдетъ исторія. А стѣило бы взглянуть на него изъ него самаго. Есть нѣкоторыя селенія человѣческія, на долю которыхъ хотя — не хотя выпадало быть историческими. Таковыми ихъ дѣлало ихъ придорожное положеніе. Однимъ изъ таковыхъ былъ *Калліполъ*, городъ весьма древній, но, не въ примѣръ другимъ, не отмѣченный никакимъ преданіемъ или свидѣтельствомъ о своемъ *колоніальномъ* происхожденіи, безъ чего, какъ у насъ безъ метрическаго свидѣтельства, нѣтъ на Востокѣ хода и почета историческому имени. Но, что онъ былъ первоначально поселеніемъ какихъ-нибудь Аргивянъ, Мегарянъ, Платейцевъ, Эриерейцевъ и т. п., въ этомъ увѣряетъ его Эллинское имя, чуждое Фракійской землѣ и рѣчи, что бы вопреки сему ни говорили ученые „патріоты Византіи“. Историки краснобаи, въ родѣ *Пазимера*, не пропускаютъ случая, конечно, окрестить его *городомъ Каллія* (*Καλλίου-πόλις*), но кто былъ сей подставной *Каллій*, разумѣется напрасно было бы спрашивать у нихъ. На равныхъ правахъ онъ могъ быть и *городомъ красоты* (*Καλλίπολις*) и *городомъ зова* (*Κάλει-πόλις*), такъ какъ Троянцы или Дарданцы Азійскаго берега пролива могли держать тутъ свою переправу на Евро-

¹⁾ Теперешній разговорный языкъ греческій много разнится отъ древняго эллинскаго, который обязательно изучается въ школахъ, ради сего официально именуемыхъ *Эллинискими*. Попытки говорить по эллиниски у взрослого народа зовутся *эллиникурами*.

вейскій берегъ, и, когда нужно было, *золам* оттуда кого слѣдовало. Полагають, что въ незапамятныя времена тутъ была столица Фракійскаго царства, на что будто бы указываютъ могильные курганы вблизи города, именуемые (къмъ и съ какого времени?) „царскими“. Старога времени цари были непосѣды, и можетъ быть даже при жизни одного и того же царя не разъ мѣнялась его резиденція, а слѣдовательно и столица государства. Такихъ выморочныхъ столицъ отыщется не одна сотня на пространствѣ нынѣшней Турціи. Любопытно было бы составить полный списокъ ихъ. Въ ожиданіи отъ „патріотовъ“ подобнаго труда, мы освѣтимъ ту эпоху Каллиполя, когда онъ просіялъ на всю исторію паче десятка столицъ миниатюрнаго размѣра — эпоху *Комниновъ* и *Палеологовъ*, имѣющую специальный для насъ интересъ. Итакъ, спустя много вѣковъ послѣ послѣдняго изъ царей Фракійскихъ, но выраженію одной справочной книги, вообще „весьма темныхъ“, когда надъ Каллиполемъ царствовалъ не свѣтлый, хотя и *добрый Іоаннъ* (*Καλο-Γωάννης* = Калуянъ) ¹⁾, а именно въ 1356 г. Турки пересправились съ Азіатскаго берега на Европейскій у Каллиполя, которымъ первымъ и овладѣли въ Европѣ. Теперь, кто ни начинаетъ говорить о Каллиполѣ, это первое, чѣмъ онъ, такъ сказать, тычетъ въ глаза опозоренному мѣсту. „Добротному городу“ слѣдовало отбиться отъ непрошенныхъ гостей, а онъ этого не сдѣлалъ. Вотъ потому-то и заслужилъ укоръ и даже какъ бы гнѣвъ Европы. Защищать аполучнаго Фракійца мы не будемъ. Панэллинизмъ считаетъ своимъ долгомъ (чуть не привилегіей) вѣдать все, что относится къ Фракіи. Пусть онъ и пишетъ апологію Каллиполю. Справедливость заставляетъ насъ только замѣтить, что христоненавистное знамя арабскаго реформатора развѣвалось уже за 646 лѣтъ до *Каллиполской переправы*,

¹⁾ Это былъ третій *Калуянъ*. Первый былъ *Іоаннъ Комнинъ*, второй — *Іоаннъ Ватакъ*, третій — *Іоаннъ Палеологъ*.

въ Испаніи, за 685 лѣтъ, во Франціи, за 529 лѣтъ, въ Италиі, за 118 лѣтъ, въ Россіи, и наконецъ въ самой Фракіи за долго до того были хорошо извѣстны самыя *Турки* подъ ихъ собственнымъ именемъ. Въ видѣ наемныхъ войскъ императорскихъ, мусульмане за десятки и сотни лѣтъ передъ тѣмъ рыскали по Румелии, и избивали христіанъ по призыву христіанъ... Въ 1308 г. они уже владѣли на европейской сторонѣ Эллиспонта городомъ *Эксамилемъ*, какъ ключемъ всего пролива. Въ 1309—15 годахъ, всю Фракію грабили и опустошали турецкіе вожди *Мамизъ* и *Хамилъ* съ 2,000 пѣшого и 1,300 коннаго войска (Григоръ). И не далѣе, какъ за 7 лѣтъ до фатальной переправы пришло ихъ во Фракію 20,000 на помощь императору противъ краля Сербскаго!

Исторія пресловутой переправы не будетъ полна, если мы не будемъ знать предшествовавшихъ ей многолѣтнихъ волненій и нестроеній края. Отсчитаемъ для примѣра хотя 50 лѣтъ до нея. Что мы видимъ тутъ? Все тоже несчастное безлюдье, а затѣмъ и бездушіе побережья, которыя сдѣлали возможною и самую переправу Орхановыхъ ордъ. Въ тѣ злополучныя времена (да и гораздо ранѣе ихъ, чуть ли не съ самаго начала „всемирной“ имперіи) войско имперскаго состояло изъ наемниковъ. Въ указанную эпоху служили имперіи на жалованьи 16,000 *Аланъ* и 10,000 *Каталонцевъ* или *Каталанъ* — по Византіядамъ, и много другихъ чужеземцевъ. Послѣдніе разыграли тутъ не бывалую, хотя и весьма естественную, роль. По недосмотру ли правительства, или по необходимости, наемники одного языка и племени составляли тогда одинъ цѣльный корпусъ, какъ бы своего рода *status in statu*. Послѣ разныхъ побѣдъ на дальнемъ востокѣ, Каталонское войско возвратилось, по замиреніи дѣлъ, на южный берегъ Пропонтиды, гдѣ ему указана была оеѣдность. Отъ скуки ли, отъ привычки ли двигаться и завоевывать, или отъ какаго нибудь неудовольствія на правительство, они переправились на сѣверный бе-

регі и поселились въ окрестностяхъ Каллиполя, укрьпившись (противъ воюго?) въ одномъ нѣкоемъ пунктѣ. Это происходило въ 1306 году. Въ слѣдующемъ году измѣннически погибъ въ Адрианополѣ ихъ вождь *Ресмеръ*. Исторія вышла темная и тутъ, какъ почти все, случившееся въ это темное время, Византійскіе историки приписываютъ это злодѣяніе Аланамъ, соперникамъ Испанцевъ по военному ремеслу, а Латинскіе — самимъ Грекамъ, которымъ надоѣли своими грабежами эти союзники и побѣдители Турокъ. Старое правило Византіи бросаться въ объятія врага начало примѣняться уже въ фатальныхъ размѣрахъ въ это время. Въ виду неотразимой бѣды съ востока и сомнительной помощи съ запада, казалось уже лучше сойтись съ открытыми врагами, чѣмъ ухаживать за лицемерными друзьями. Впрочемъ, прежде, чѣмъ планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, Турки и Испанцы соединились, чтобы за одно добывать имперію. Подъ предлогомъ мести за смерть своего военачальника, Каталонцы сдѣлали изъ крѣпости своей набѣгъ на Каллиполь, взяли его, и избили „все множество“ его населенія ¹⁾, не щадя самыхъ младенцевъ. Выручать городъ пришелъ наследникъ престола и со-императоръ *Мисаилъ* съ 30,000 наемниковъ. Такой арміи давно уже не видала имперія. Мятежники укрьпили Каллиполь, и засѣли въ немъ. Образовалось что-то въ родѣ малаго государства на Фракійскомъ полуостровѣ. Царскія войска ничего не могли подѣлать, и разошлись. Нѣкто *Мутимеръ* сталъ настоящимъ царемъ въ Каллиполѣ, и даже ходилъ войною на городъ *Родоосто*, и въ какой-то пристани *Стістарагъ* истребилъ флотъ императорскій.

Во время этого похода Каллипольскихъ Каталонцевъ случился траги-комичный эпизодъ у Каллиполя. Какой-то Солунскій вельможа,

¹⁾ *καμπληθεί* — по Пахимеру. Риторическая «круглота», избавляющая читателя отъ труда счисления. Одинъ писатель, на основаніи ея, утверждаетъ, что жители Каллиполя при этомъ избиты были — *все до одного!*

именемъ *Георгій*, отправлялся со свитою изъ 80 человекъ въ Константинополь съ подарками для царя. Минуя Каллиполь, онъ овѣдѣлся, что „Франки“, владѣющіе городомъ, ушли на войну, вспомнилъ, какъ славно, воспользовавшись подобнымъ случаемъ, еще можетъ быть на его памяти, *Алексій Стратимонуло* отобралъ у Франковъ, такъ сказать, мимоходомъ Константинополь, и тѣмъ заслужилъ себѣ достоинство Кесаря; покусился и самъ отвоевать Каллиполь у иновѣрцевъ и чужеземцевъ. Походивъ около стѣнъ и напрасно востучавъ въ ворота, онъ забралъ нѣсколько муловъ и телѣгъ въ окрестностяхъ города, но тутъ же налетѣлъ на него возвращавшійся во своемъ Мунтанеръ, отнялъ у него все, что тотъ имѣлъ своего и чужаго, и перебилъ всѣхъ его храбрыхъ воителей. Успѣлъ убѣжать только самъ завоеватель, добравшійся до царя чуть не въ одной исподниці.

Приключеніе это не осталось однакоже безъ послѣдствій. Императоръ (Андроникъ Старшій) былъ задѣтъ за живое дѣлами Каллипольскаго царька, и, не надѣясь болѣе на собственныя силы, задумалъ выбить клинъ клиномъ, по пословицѣ. Онъ послалъ на выручку Каллиполя *Генуезцевъ*, новыхъ союзниковъ Имперіи, славныхъ побѣдами на сушѣ и на морѣ. Флотъ изъ 25 галеръ съ Генуезскими и Греческими матросами подплылъ къ Каллиполю. Сколько могу, рисую его воображеніемъ, вмѣстѣ съ его адмираломъ *Спинолой*. Повторяется въ миниатюрѣ старая исторія. Европейцы истребляютъ другъ друга за тридевять земель отъ своей родины. Спинола еще прежде прѣзжалъ въ Каллиполь (можетъ быть отъ своего собственнаго имени), думая переговорами убѣдить Мунтанера отдать ему городъ, въ которомъ оставалось тогда человекъ 50 гарнизона, такъ какъ прочіе всѣ ушли воевать съ Аланами, но желѣзный человекъ отвѣчалъ коротко и ясно: „приди, возми“. Спинола точно незамедлилъ придти и еще при весьма казистой обстановкѣ, но взять-то города все таки не могъ. Случай вышелъ прекуръезный, и не разоказать о немъ нельзя. Ге-

итусци высадились на берегъ. Мунтанеръ хотѣлъ было помѣнить высадку, но былъ раненъ и заперся въ городѣ. „Клингъ“ былъ выбитъ, такъ сказать, съ разу же. Назавтра высадившееся войско пошло на городъ въ полной увѣренности, что 50 человекъ гарнизона съ раненымъ комендантомъ поспѣваютъ открыть ему съ хлѣбомъ-солью ворота. Вмѣсто того, оно увидѣло на стѣнахъ сплошную массу воителей числомъ въ 2 или 3 тысячи. Это было все женское население города, оставленное мужчинами на произволъ судьбы. Мунтанеръ раздѣлилъ его на десятки, приставивъ къ каждому десятку по одному мушкетеру. Генуезцы, увидавъ, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло, пришли въ веселое расположеніе духа, и, подходя къ стѣнамъ, позволяли себѣ разныя выходы на счетъ новыхъ амазонокъ. Но чуть они покусились возвратиться на стѣны, какъ встрѣчены были градомъ камней и всякаго оборонительнаго матеріала. Два раза они были отбиты повсемѣстно экспромптированнымъ гарнизономъ. Спинола (вмѣстѣ съ прусскимъ сыномъ) потѣшался зрѣлищемъ съ адмиральскаго корабля. Но, послѣ двукратной неудачи осаждавшихъ, пришло въ бѣшенство, и съ моря — можетъ быть съ самаго этого мѣста — кричалъ на берегъ командѣ: „Негодные кавалы! Трое паршивцевъ защищаются тамъ внутри противъ васъ столькоихъ! Волваны вы! Трусы вы!“ Вмигъ онъ самъ былъ на берегу, и съ 400 всадниками, не бывшими еще въ дѣлѣ, устремился на приступъ. Но неочетное множество труповъ одноземцевъ, лежавшихъ подъ стѣнами города, привело его вмѣсто ярости въ ужасъ. Не до брани и не до насмѣшекъ уже было ему. И третій приступъ каталанки отразили съ равнымъ мужествомъ. Былъ тогда Іюль мѣсяцъ. Отъ нестерпимаго жара солдаты пришли въ изнеможеніе. Тогда-то Мунтанеръ сдѣлалъ отчаянную вылазку съ 106 оставшимися въ городѣ мужчинами, изъ коихъ только 6 имѣли лошадей, и напалъ на 400 человекъ навалерій. Почти вся она пала на мѣстѣ, неисключая и самого адмирала. Кое кому удалось добѣжать до берега

и спастись на судахъ. Мунтанеръ имѣлъ даже нѣсколько плѣнниковъ и съ ними учинилъ торжественный въездъ побѣдителя въ Калинополь! Дѣло походило на сказку, если бы о немъ не свидѣтельствовали согласно и восточные и западные историки. Храбрые воеводы, отразивъ Генуезцевъ, вскорѣ сами оставили мѣсто, которое такъ упорно и славно защищали. Сила уступила слабости — искусительной мысли забрать Солунь, и (вѣроятно) возстановить тамъ уничтоженную Франкскую имперію Монферратовъ. Солуня они не взяли, и должны были пройти въ Θεσσαλίю и еще далѣе, бѣя и отбиваясь отъ своихъ и чужихъ. Калинополь, оставленный иноземцами, самъ собою возвратился Палеологамъ.

Если была возможность горсти пришельцевъ истребить поголовно населеніе цѣлаго города, и если 50 иноземцевъ могли держать въ рукахъ своихъ тотъ же городъ и цѣлый край, такъ какъ бы туземцевъ тамъ вовсе не было, то что же дивиться, если дикія орды Турокъ безпрепятственно могли переправиться изъ Азіи въ Европу подъ Калинополею? Прежде „Каталанъ“ владѣли мѣстомъ еще Венеціанцы. Въ теченіи ста лѣтъ край былъ систематически разоряемъ и парализуемъ въ чувствѣ народности и всякой законности. Въ краткій періодъ 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ Каталанскаго до Турецкаго порабощенія, Калинополь, однакоже, не ехидитъ со страницъ исторіи, обязанный тѣмъ случайному обстоятельству, водворенію въ немъ замѣчательнаго государственнаго чловѣка, изъ придворнаго чиновника возвысившагося до императорскаго вѣнца. Это былъ *Іоаннъ Комнинакузисъ*, долгое время заправлявшій дѣлами имперіи въ званіи „Великаго Доместика“, а потомъ и со-императора. Желая по возможности возстановить единство имперіи по крайней мѣрѣ въ европейской ея половинѣ, такъ какъ азіатская безвозвратно уже была потеряна, зашивая, такъ сказать, прорѣхи, оставленныя на ней Франкскими, Болгарскими, Сербскими и всякими другими набѣгами, онъ все вниманіе свое обра-

тилъ на Фракію и Македонію, и оредоточіемъ своей дѣятельности избравъ многострадальный Каллиполь. Здѣсь постоянно жило его семейство. Отсюда онъ разъѣзжалъ и моремъ и оупней всюду, гдѣ только требовалось его присутствіе. Здѣсь же онъ условился съ правителями Фракіи и Македоніи (Сирьяномъ и Синадиномъ) на счетъ государственнаго переворота, низвергнушаго съ престола Андроника „Старого“ (дѣда) и возведшаго на оный Андроника „Юнаго“ (внука), задушевнаго друга великаго Доместика (въ 1328 г.). По смерти послѣдняго, въ малолѣтство преимника его, Кантакузинъ полновластно управлялъ имперіей, и въ это-то время онъ сблизился съ смертельными врагами имперіи, отдавъ даже собственную дочь въ замужество за султана. Въ возникшее междуусобіе между нимъ и „законнымъ“ императоромъ, онъ уже прямо призывалъ на помощь турецкія орды, окончательно приучивъ ихъ такимъ образомъ къ мысли о завладѣніи Фракією, а слѣдовательно и Константинополемъ. Человѣкъ съ государственнымъ умомъ, патриотизмомъ и гуманными стремленіями не могъ дѣйствовать на обумъ или по увлеченію. Даже простаго политическаго начала — бить врага врагомъ (клинь-клиномъ) едвали можно искать у эконо-местика. Крайность заставляла его, повидимому, отбиваться отъ наступающаго врага (къ сожалѣнію — иногда и личнаго) всѣмъ, что есть подъ руками, а слѣдовательно и Турками. Все равно, своего *грече-скаго* войска не было. Разные Алане, Комане, Варяги и tutti quanti, къ коимъ привыкла прибѣгать имперія, ничѣмъ не представлялись лучше Турковъ. Полагаемъ, что если бы и не случилось печальной и совершенно безвременной борьбы двухъ Андрониковъ и двухъ Іоанновъ, кажется, исходъ дѣла все былъ бы тотъ же самый. Безъ помощи мусульманской не обошлись бы престолодержцы Византіи, коимъ, такъ сказать, перевести духъ не давали неугомонные „кralи“ *Трибалловъ* и *Миссовъ* (Сербскіе и Болгарскіе). Вѣдь оставалось только позвать ихъ прямо возложить на себя вѣнецъ Кесарей, что и сдѣлалъ

бездережонный король *Душанъ*, объявивъ себя „Самодержцемъ Греческимъ“, а убогий „царь“ *Кало-Петръ* не устыдился даже у забѣглаго чужеземца (Фредерика I) искать въ Адрианополь, „дабы *Греческому* дядимъ на него возложилъ...“¹⁾. Такъ и видны единокровные Славяне съ своими незаконными стремленіями къ высокимъ титуламъ, высокимъ шапкамъ, высокимъ хоромамъ и прочимъ высокимъ модочамъ, мало стѣсняющіеся условіями и требованіями исторической правды, и пережившіе отъ Греческовъ только то, что тѣхъ довело до гибели. Какъ бы то ни было, Франки ли, Славяне ли, сами ли Греки виноваты, только фатальная переправа Турковъ въ Европу совершилась въ 1356—57 году²⁾, уже послѣ отреченія Кантакузина отъ престола³⁾. Произошло это повидимому исподоволь, въ тихомолку, незамѣтно. Составившій подробное описаніе своего царствованія Кантакузинъ, вскользь и какъ бы неварокомъ упоминаетъ о немъ, сознается впрочемъ прямо, что у него не было никакихъ средствъ вступить въ борьбу съ Орханомъ, что онъ неоднократно протестовалъ саму послѣднюю (своему зятю) противъ захвата греческихъ городовъ сыномъ *Суллейманомъ*, что отецъ говорилъ одно, а сынъ дѣлалъ другое, первый обѣщался возвратить забранныя земли (за 40,000 золотыхъ), а сынъ увѣрялъ, что онъ вовсе не забираетъ дружеской земли, а только за-

¹⁾ *Ранчъ*. Кн. II. Гл. 9. § 2.

²⁾ По Lebeau — въ 1354 г., по Ранчу — въ 1358 г.

³⁾ Въ обнародованной г. *Гриморочемъ* въ 1859 г. Волошской лѣтописи говорится, что императоръ *I Кантакузинъ*, узнавъ о намѣреніи Турковъ переехать изъ Азии въ Европу, просилъ для отраженія ихъ вспомогательнаго войска у краевъ Сербскаго и Болгарскаго, но тѣ отвѣчали: «Обороняйся самъ, какъ умѣешь». Императоръ опечалился и послалъ сказать имъ: «Если теперь не хотите помочь мнѣ, то послѣ будете каяться». На какихъ основаніяхъ все это утверждается, не знаемъ. Намъ кажется, что Кантакузинъ въ своей исторіи не опустилъ бы случая похвалиться своею ревностію, встрѣченною съ такою холодностію со стороны славянскихъ «варваровъ». Но тамъ нѣтъ ни слова объ этомъ.

налъ и возстановилъ оставленные прибрежными жителями послѣ случившагося землетрясенія пустопни... Ясно было, что конка играетъ съ мнѣшкой, по пословницѣ. „Барбары явно нарушили свои условія“, говорить онъ въ свое и наше утѣшеніе. Главная забота насальниковъ была занять Калиполъ и укрѣпить его, исправивши стѣны и башни. Начальство (*δῆμος*) города, при занятіи, успѣло однакоже бѣжать на суда. Видно какъ бы изъ этого, что Турки сдѣлали свою переправу не прямо передъ Калиполемъ, и подошли къ нему уже сухимъ путемъ. Иначе перевозныя суда турецкія не позволили бы спастись горожанамъ моремъ. По одному турецкому историку ¹⁾, переправа проходила на плотахъ отъ *Ференчука* въ *Зевеник-Хисару*, гдѣ завоеватели и высадились. Это значило бы, что ей послужила и безъ того историческая мѣстность древнихъ городовъ: *Систа* и *Асида* (Абидоса), не въ мѣру прославленная именами *Леандра* и *Геры* и воеванная Байрономъ. Другой турецкій историкъ (приводимый Ранчемъ) напротивъ утверждаетъ, что побѣдоносные соотечественники его подплыли въ кожаныхъ лодкахъ къ самому Калиполю, который вавли слѣдующимъ, достойнымъ азіатской фантазіи, образомъ. Часть ихъ, забравшись въ одинъ изъ загородныхъ садовъ, жарила тамъ на вертелахъ четырехъ пойманныхъ калипольцевъ. На ужасное зрѣлище это вышло изъ города все мужское населеніе. Турки воспользовались этимъ и овладѣли опустѣвшимъ городомъ. Жители, разумѣется, разбѣжались отъ страха. Турки выставили на стѣнахъ городскихъ всѣхъ обывательскихъ младенцевъ, грозя зарѣзать ихъ, если отцы ихъ не возвратятся каждый къ своему дому, и прочія басни.

Но — довольно о Калиполѣ, какимъ онъ былъ и оглашалъ себя за 500 лѣтъ передъ сего. Въ наше время уже конечно не случится съ нимъ того, чтобы не осталось въ немъ никого, кромѣ женщинъ или

¹⁾ *Муратъ Драгоманъ*, приводимый у *Ранча*.

владенцевъ. Жарить людей съ цѣлю сдѣлать изъ этого пріятное зрѣлище для ихъ согражданъ въ наше время едва ли найдеть, достойнѣе своего нера, вынескомъ самый плохой писатель. Кожанья лодки тоже врадъ ли увидить кто теперь на Эллисπονтъ. Главнокомандующихъ, распоряжающихся съ моря сухопутною осадюю, можетъ быть кто еще и встрѣтитъ на землѣ. А ругающихся командировъ въ очень недавнее еще время мы сами могли слышать, и именно тутъ же въ пристани Каллиполя, когда наша „Мегера“ чуть не съѣла на мель, только въ выраженіяхъ, далеко превосходящихъ Опинолины своею славяновою тинчвостію... Отходимъ отъ города. Въ пристани его видятся въ утреннемъ сумракѣ два — три судна. Какъ будто для большого числа ихъ не достало бы и мѣста въ ней. А между тѣмъ, стояло ихъ тутъ, какъ мы видѣли, однажды 25, а нѣсколько позже, подъ командою „Великаго Дуки“ (адмирала) *Апокаста* даже — 80. Сколько же ихъ перебывало тутъ во время войнъ Лисандра, Александра, Миерадата, Септимія Севера, Константина? Самое большее, и не совсѣмъ вѣроятное число судовъ упоминается подъ 1190 годомъ, когда Византійскій самодержецъ для переправы межъ Европы въ Азію нѣмецкихъ крестовниковъ 3-го похода прислалъ въ Каллиполь 1500 разнаго рода и вида, разнѣроу и названій судовъ. Условлено было гораздо меньшее число ихъ, но желаніе Алексія поскорѣ освободиться отъ дорогихъ гостей прибавило нѣла его усердію. Въ теченій 7 дней непрерывно переправлялось хриголюбивое воинство. Последнимъ перешлыть роковой рубежъ самъ *Фредерикъ* „рыжая борода“. Переправка началась въ Великій пяттокъ, и продолжалась слѣдовательно до Свѣтлаго Четверга. Такъ отпраздновали освободители св. мѣсть страданія и Воскресенія Христова великіе дни всемірнаго чествованія ихъ! И еще хочетъ Европа, чтобы кто нибудь на Востокѣ почувствовалъ ея, безпорно славному, но самолюбивому и лицемѣрному, минувшихъ дней предпріятію! Она поднимала насъ на смѣхъ за нашу „ради св. мѣсть“ Крымскую войну.

Право, ей есть надѣ чѣмъ и безъ насъ пожитьяся, заглянувъ въ свое прошлое.

Трирема наша бѣжитъ безспорно шибче всѣхъ эллино-романо-византийскихъ и персо-сарацинскихъ. Вмѣсто трехъ ярусовъ изнуренныхъ и озабоченныхъ ея *осельмиковъ* — *κωτηλατῶν*¹⁾, видятся на ней, истрая словомъ, только ряды веселыхъ *ἐπιβατῶν* т. е. пассажировъ. Мы верхній ярусъ—соотвѣствуемъ древнимъ *σκαμνιστάταις* или стульникамъ — *θραμίταις*. Ибо дѣйствительно сидимъ кто на скамьяхъ, кто на стульяхъ. Ниже насъ ходять и сидятъ *κονάρη* — *ζευγῆται*, про-свиры 3-го класса, несомнѣнно болѣе насъ трудящіяся, кто руками, кто зубами, а больше всего языкомъ... Нижній ярусъ *καλοπικηνοὺς* — *θαλαμηγῶν*, т. е. матросы, кочегары и пр. очевидно несутъ самую тяжелую работу. Ими собственно движется вся *τριτάξια* (*τριέρης*) наша. Читатель благоволитъ простить намъ наши веселыя аллюзии. Прощаясь съ Каллиполемъ, я заглянулъ въ одинъ французскій *Voyage* по Турціи 1726 г., и встрѣтилъ тамъ мнѣніе (а долго ли стать ему „преданіемъ“?), что Каллиполь выстроенъ Императоромъ *Калигулой*, или по крайней мѣрѣ ему обязанъ разными своими памятниками, всего же важнѣе — своимъ именемъ... Точно Каллиполь есть Калигулополь! И точно „Калигула“ было официальное имя, а не народное прозвище Императора *Кая*.

Плывемъ скоро, держась все Европейскаго берега, пустыннаго и безплоднаго. Высматриваю на противоположной сторонѣ городъ *Ламсакъ*: Встающее солнце мѣшаетъ видѣть его. Французъ въ свой выжскъ ведетъ длинную исторію города и его окрестностей. Упоминаются тутъ и *Велрмисъ* и *Фокейцы* и *Лаксидемонте*, и *Валусъ* и *Харонъ*, *Мандранъ*,

¹⁾ «Les rameurs du rang superieur... les Grecs les appelaient θραμίται. Ceux du rang inferieur... portaient le nom de θαλαμηγῶν. Ceux enfin, qui étaient attachés au rang du milieu, étaient nommés ζευγῆται.» Dictionnaire des Antiquités Romaines et Grecques. pag. 678.

Этиды, Аргопасты, Крестоносцы... Всего болѣе не понравилось мнѣ во всей этой вереницѣ собственныхъ именъ имя главнаго божества Лампсакевъ — *Пріана*, которому (какъ лицу, или культу?) книга придаетъ два періода, одинъ: невинности, когда онъ божествовалъ только надъ виноградниками, а другой... Но лучше упомянуть о третьемъ періодѣ, когда сынъ Вакха и Афродиты проживалъ уже въ отставкѣ, но память старыхъ вакханалій еще разъ откликнулась въ Лампсакѣ. Къ неожиданному моему удовольствію, у одного византійца отыскалось нѣкое повѣствованіе о происходившемъ въ мѣстахъ этихъ царственнымъ весельѣ или „весильѣ“ въ малорусскомъ значеніи слова. Случилось это въ промежутокъ времени между излюбленными мною Комнинами и Палеологами, именно же въ 1234 г. Царствовали тогда въ сопредѣльномъ мѣрѣ цари *Иоанн*, — въ Константинополѣ *Жанъ Бриеннскій*, за предѣлами его *Иоанн Ватацци*, а за предѣлами владѣній сего послѣдняго, *Иванъ Асенъ*. Дѣло началось съ того, что доблестный Ватацци, не видя пока возможности выгнать чужеземца изъ Константинополя, захотѣлъ по крайней мѣрѣ положить начало дѣлу освобожденія родной земли отъ „Латинскаго ига“ отнятіемъ у Венеціанъ *Калишмола*, доставшагося имъ въ бѣдственный для имперіи 1204-й годъ. На этотъ конецъ изъ Лампсака (принадлежавшаго тогда Никейскому правительству) онъ переправился съ войскомъ черезъ проливъ, и осадилъ городъ. Дѣло пошло успешно, и крѣпость была взята у „Франковъ“. Кратко объ этомъ упоминаетъ историкъ (Акрополитъ), и мы ничего къ тому прибавить не можемъ. Но дѣло это было какъ будто только предлогомъ къ другому, болѣе значительному замыслу Императора. Онъ задумалъ сблизиться съ Болгарами, увлечь ихъ въ свои виды, и вмѣстѣ съ ними выгнать „Ригу“ изъ Константинополя. Путемъ къ сему сблизенію послужило — столько обычное въ тѣ времена — брачное родство двухъ царственныхъ домовъ. У Ватацци былъ тогда сынъ, у Асеня-дочь. Составился планъ повѣнчать ихъ, не смотря на то, что

царевичу было только 11, а королевѣ 9 лѣтъ. Объ этомъ уже прежде упоминалось между собою государи. И такъ, чуть дошла вѣсть до Асена, что царь *Калманъ* (II-й) взявъ Каллиполь, какъ онъ, забравъ свое семейство, прибылъ туда. Монархи встрѣтились дружески, забывши вѣковую вражду управляемыхъ ими народовъ. Потомъ императоръ съ Королевою (*Маріей*, дочерью Венгерскаго государя) и невѣстой переплыли на Азіатскій берегъ въ Лампсакъ, гдѣ уже ожидала ихъ императрица *Ирина* съ жинихомъ (Феодоромъ). Нельзя понять, отчего самъ царь не отправился вмѣстѣ съ ними на свадьбу ¹⁾. Историкъ прямо замѣчаетъ, что онъ остался въ Каллиполѣ или въ предѣлахъ его. Вѣроятно, онъ на досугѣ высматривалъ тѣмъ временемъ, какъ и что прибрать къ своимъ рукамъ, при удобномъ случаѣ, у Риги то или у царя — все равно, на столь значительномъ стратегическомъ пунктѣ, каковъ Эллисπόνтъ. Повидимому, онъ не очень сочувствовалъ заключаемому брачному союзу ²⁾. На случай предполагаемаго бракосочетанія,

¹⁾ Всего вѣроятнѣе по кавризу. Былъ онъ человекъ — изъ ряда вонъ. Сынъ Асена старшаго и слѣдовательно, наследникъ престола, онъ выжидалъ, пока державствовали двое дѣдовъ и послѣ нихъ двоюродный братъ. Боясь козней послѣдняго, онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ, собравши полкъ охотниковъ, съ ними возвратился въ отечество, побѣдилъ соперника, и 7 лѣтъ держалъ въ осадѣ столичный городъ *Турново*, гдѣ укрился тотъ. Когда Венгерскій король *Андрей* возвращался домой черезъ Болгарію изъ Крестоваго похода, онъ захватилъ его и не выпускалъ дотолѣ, пока не вынудилъ его отдать за себя дочь (*Марію*). Когда временный императоръ Солунскій, нарушивъ миръ съ нимъ, объявилъ ему войну, онъ мирную грамоту того придвинулъ къ своему знамени, и такъ сражался. Побѣдивъ врага, онъ выкололъ ему глаза, а потомъ держалъ въ чести при дворѣ своемъ и женился на его дочери... Ссорился и мирился съ кѣмъ и за что пошло, выдавалъ себя и за паписта и за православнаго. Акрополитъ пишетъ, что для него ничего незначила никакая клятва, и въ виду маглѣйшей выгоды онъ измѣнялъ своему слову, притворялся другомъ, и поступалъ какъ врагъ.

²⁾ Онъ вскорѣ и прямо раскался въ томъ, и лукавствомъ вниманію у императора дочь свою, все еще остававшуюся въ дѣвствѣ, какъ несовершеннолѣтнюю. Посадивъ ее передъ собою верхомъ на сѣдло, онъ билъ ее рукою, чтобы та не плакала. Впрочемъ видно, что бѣдная крѣпко привязана къ мужу, отославъ ее потомъ къ свекру.

находился съ Императоромъ въ Лампсакъ и Вселенскій патриархъ *Германъ*, который и повѣнчалъ дѣтей, вопреки церковнымъ правиламъ. Полагать надобно, что и при Асенѣ находилоса его собственный архіерей. Послѣ празднествъ, какихъ затишный городъ не видалъ можетъ быть отъ дней „невиннаго“ Пріапа, царственныя семьи готовы были разстаться. Но дѣло оказалось еще не конченнымъ. Отсутствующій Асенъ послѣ брака заговорилъ о разводѣ... своей іерархіи съ Константинопольскимъ престоломъ. По его желанію и императорскому настоянію, тутъ же составленъ былъ Синодальный Актъ, предоставлявшій Трновскому архіерею независимость Церковную и Патріаршій титулъ. Лампсакъ такимъ образомъ тесноименно просіялъ этими двумя событіями на всю тогдашнюю исторію. Константинопольскій державецъ перепуганъ былъ этимъ родственнымъ союзомъ единовѣрныхъ государей. Папа увидѣлъ, что столькихъ дѣтъ дѣло уніи въ Болгаріи было простою комедіей, заключившейся автономією церкви Болгарской. Продолжись только согласіе и единодушіе Ватаци и Асеня и ихъ преемниковъ, православіе восторжествовало бы на Востокъ и надъ папствомъ и надъ исламомъ и надъ антиевангельскими идеями „народности“ въ Христовой церкви. Но...

Давно не видать ни *Каллиполя*, ни *Лампсака*. Держимся ближе къ южному берегу пролива, радующему взоръ обильною зеленью и частію селитвою людскою. Съверный берегъ по прежнему сухъ и некрасивъ. Вотъ на немъ и памятный *Земнишъ*, къ которому пристали будто бы первые мусульманскіе соглядатаи Румелии. Сказка говоритъ, что они захватили тамъ перваго, попавшагося имъ, жителя и отвезли его назадъ въ Азію. Здѣсь Сулейманъ накормилъ, напоилъ его, одѣлъ въ дорогое платье, и спросилъ, не знаетъ ли онъ кого, кто бы провелъ вѣрно и безопасно къ Каллиполю мусульманскую дружину. Еуропеецъ, какъ и слѣдовало ожидать, предложилъ ласковому и щедрому турку свои услуги. Съ такого рода предательствомъ не разъ

встрѣтися на страницахъ дѣяній эпохи Комнининыхъ — Палеологовъ. Печальный фактъ. Чѣмъ объяснить его? Иной „патріотъ“ пожалуй найдеть ему въ словѣ *Землики*, очевидно не греческомъ... а то съумѣетъ напомнить намъ, какъ въ другомъ Херсонесѣ тоже гнѣкій *Анастасъ* предалъ врагу родной городъ и заслужилъ похвалу въ исторіи...

Стоимъ въ *Чані-нале*, иначе: *Богазъ-Гиссаръ*, иначе: *Султанмаксисъ*, въ *Дарданеллахъ*. Пришли еще довольно рано. Городъ только что просыпался, и, видно, мало думалъ о нашемъ появленіи передъ нимъ. Если бы это былъ „вапуръ“ гнѣмскій или французскій, вѣрно насъ сейчасъ же атаковала бы цѣлая флотилія лодокъ, а теперь едва насъ удостоилъ оффиціальнымъ посѣщеніемъ карантинный чиновникъ, да еще лѣнливо двигался къ намъ съ плодами двѣ-три „калмерки“, какъ наши матросы на водахъ Греціи съ доморощеннымъ остроуміемъ зовутъ туземныя лодки. Бодрствуя отъ самаго Каллиполя, я задремалъ теперь на ватпикѣ, и отправился къ „зевгитамъ“ спать. Черезъ часъ или около того намъ предложенъ былъ чай. Долго простоялъ тутъ? оправиваемъ мы своего хохлатого камеротто. А вонъ уже показалась *Патрисъ* (Патрея = отечество). Она сласть намъ свой грузъ, и тотчасъ же мы отправимся. Пароходъ послѣдно подходитъ къ намъ съ противоположной стороны, и казался солиднѣе нашего „Эптаниса“. Сколько вы настроили новыхъ ваноровъ, говорю я въ видѣ комплимента своему сосѣду и товарищу по аваню. — Ну, ужъ этотъ то вовсе не новый, отвѣчаетъ онъ. Нового въ немъ только надписи. Прежде онъ звался *Оеонъ*... Я въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же узналъ своего стараго знакомаго. А не грѣшно вамъ переименовывать своихъ дѣтей родныхъ? спросилъ я, — чѣмъ хуже „Оеонъ“ „Патриды“? — Оеонъ теперь... Заговорилъ собесѣдникъ на распѣвъ, и сдѣлалъ рукою жестъ, означавшій, что чей-то и слѣдъ простилъ. — Знаю, отвѣчалъ я, да вѣдь и „Патрисъ“ тоже пожалуй когда-нибудь... Товарищъ вопросительно посмотрѣлъ на меня при этомъ... Вонъ и вчерашняя Византія, продол-

жалъ я, тоже когда то была патрисъ, а теперь. — Патриотъ видимо не зналъ, какого румба держаться ему въ разговорѣ со мною, и благо- разумно нашолъ предлогъ оставить меня, отправившись внизъ по дѣламъ службы. Не дожидаясь, пока „Отчизна“ подойдетъ къ „Семи-островамъ“ и станетъ на якорь, мы съѣхали на берегъ, гдѣ насъ долженъ былъ ожидать главный изъ спутниковъ нашихъ, уредившій насъ выѣздомъ изъ Константинополя. Справились о немъ у своего консула, еще почивавшаго. Насъ направили къ мѣстному доктору, у котораго и обрѣли искомаго. Квартира доктора за городомъ въ саду, на взморьѣ. По такому описанію можно рисовать себѣ ее раемъ. Между тѣмъ на насъ вѣяло отъ нея пустыней и подавляющимъ однообразіемъ. — А, вообще говоря, согласились ли бы вы прожить тутъ цѣлый вѣкъ? спросилъ я космополита спутника, когда мы возвращались по набережной къ пристани. — Вѣкъ? Въ Чана-кале? — возразилъ онъ. Да я уже и теперь дивлюсь, что не умеръ отъ тоски... Вотъ вамъ и аттестатъ мѣсту, которое у всякаго морехода на языкѣ и въ памяти!

Экс-Оттомъ сдалъ все, что нужно было (тоже черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ быть Экс) Этманису нашему, и въ 11 часовъ мы отправились далѣе. Такъ какъ подулъ довольно сильный сѣверный вѣтеръ, то въ помощь парамъ поставлены были еще паруса на суднѣ нашемъ, и мы понеслись съ быстротою птички. Проливъ сталъ расширяться. Надъ южнымъ поморьемъ начали мелькать вдали пирамидальныя очертанія высокой горы. Карта сказала, что это препрославленная *Ида* (Ἰδα). „Видала виды“ старушка, скажемъ мы, играя ея именемъ. Сколько разъ увлекать меня помыслъ повидать мѣста, „гдѣ въ древности цвѣла Троянская столица“, но до сихъ поръ не удалось сдѣлать этого. Думаю, что и не удастся совсѣмъ. Соперницу ея Аргивскую столицу (*Микены*) я видѣлъ не одинъ разъ. Тамъ, дѣйствительно, „въ наши времена посѣяна пшеница“. Но тамъ высатся еще городскія стѣны съ пресловутыми воротами, украшенными изображеніемъ львовъ. А въ

Троянскомъ *Илиъ*, говорятъ, не осталось ничего отъ временъ царя Пріама. Да даже и самое мѣсто, приурочиваемое къ знаменитому городу, не указывается съ желанною несомнѣнностію. На картѣ читаются: *Pium vetus* и *Pium recens*, изъ коихъ можетъ быть ни одинъ не занимаетъ мѣста *Пергама* (кремля) Троянскаго. У самой превоспѣтой столицы, судя по описанію поэта, рѣка *Скамандоръ* вытекаетъ двумя источниками, — однимъ-горячей, другимъ-холодной воды. Теперь такого геологическаго курьоза не находятъ ни у того ни у другаго предположительно — *Илиъ*. Не поискать ли намъ-славянамъ, вмѣсто французовъ и нѣмцевъ, занесеннаго историческимъ иломъ мѣста? Говорилъ же мнѣ одинъ славянофилъ, что безъ участія нашего Европа половины своихъ старыхъ и новыхъ собственныхъ именъ не пойметъ. Не сомнѣваюсь, что для него въ Пріамѣ оказался бы *Прямъ*, въ Парисѣ — *Борисъ* и т. д. Царей *Труса* (Τρῶς) и *Ила* и подправлять неужно. Самъ *Дарданъ* простѣйшимъ образомъ слагался бы изъ: *даръ данъ*. Верхушка Иды: *Гаргара* значила бы *гору горъ*. А рѣки: *Смой* (Σμοῖς), *Слей* (Σιλῆϊς—), *Граникъ*?.. А города *Перхота* (Περχῶτη), *Ар-изба* (Ἀρίσβη), *Чебрена* (Κεβρήνη), *Питля*, *Земля*?.. Но довольно дразнить патриотовъ, которые не знаютъ, куда дѣться и отъ дѣйствительно славянскихъ названій въ самомъ сердцѣ Греціи, въ Пелопоннисѣ.

Выходимъ въ открытое море. Такимъ оно рисуется на картѣ. Въ самомъ же дѣлѣ представляется инымъ. Острова *Иморосъ* и *Тенедосъ* справа и слѣва служатъ какъ бы продолженіемъ береговъ Эллиспонта. Спереди же загораживаетъ горизонтъ третій островъ *Лимносъ*. Между нимъ и Тенедо выходитъ большая прогалина воды, ни чѣмъ не пересѣкаемая. Холодный сѣверякъ согналъ меня съ палубы внизъ, а значительное покачиваніе судна съ боку на бокъ уложило и въ койку. На помощь подоспѣлъ глубокій сонъ, вознаградившій меня за утреннее бодрствованіе и парализовавшій начинавшееся ощущеніе тошноты. Разбуземъ былъ въ 2½ часа приглашеніемъ обѣдать. — Гдѣ нахо-

дима? спросилъ я. — Да, все еще въ виду первой группы острововъ, отвѣчали мнѣ. А „первая группа“ эта когда-то была мѣстомъ подвиговъ нашего, въ свое время шумѣвшаго и гремѣвшаго въ Архипелагѣ, флота, о которыхъ рѣдко кто вспоминаетъ теперь. У меня же и до сихъ поръ какъ бы жужжить въ ушахъ, съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ произносимое несчетное число разъ: *Митри Николаиш!* Слова эти выходили изъ подъ сѣдыхъ усовъ симпатично — вкрадчиваго лица, имѣвшаго въ домѣ нашемъ (въ 50-хъ годахъ) кличку: *капитанъ Фотья*. Это былъ лѣкарь — практикъ, лѣчившій меня отъ долговременной болѣзни (*ἰρροσθήπεια* — по гречески). Вовсе онъ не былъ „капитаномъ“ и ни почему не шло къ нему прозваніе: „фотья“ (огонь), но то и другое такъ пристало къ нему, что собственное имя его *Георгій Мелидони*, было какъ бы совсѣмъ неизвѣстно въ кругу нашемъ. Это былъ одинъ изъ „агонистовъ“ (подвижниковъ) греческаго возстанія 1821 г., родомъ крестьянинъ, старикъ одинокій, безпріютный и крѣпко бѣдный. Съ успѣхомъ помогши мнѣ встать на ноги, онъ сталъ какъ бы своимъ у насъ въ домѣ, и посѣщалъ насъ благовременнѣ и безвременнѣ. Любимою темою безконечныхъ бесѣдъ его была служба его (вольнонаемникомъ) на флотѣ нашемъ подъ командою Адмирала *Димитрія Николаевича Сенявина*, имя котораго почти не сходило съ языка у стараго воителя. *Тенедосъ* и *Лимносъ* также слышались сплошь да рядомъ. Человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ всего русскаго, и при разсказѣ о томъ, какъ мы разгромили около *Лимно* флотъ „Тиранна“, чуть не плакалъ отъ удовольствія. Въ то блаженное время еще не возникалъ жгучій племенной вопросъ греко-славянскій, а за 40—50 лѣтъ передъ тѣмъ наши единовѣрцы восточные сочли бы его безуміемъ или предательствомъ. И такъ, сижу я вотъ опять на палубѣ, смотрю на уходящія вдаль острова и слушаю воображаемую рѣчь воображаемаго „капитана Фотья“ о славныхъ дѣяніяхъ нашихъ моряковъ героевъ, на сихъ самыхъ мѣстахъ когда-то владѣвшихъ и сушей и моремъ. Было

это, должно быть, въ 1807 г. Въ концѣ зимы эскадра наша изъ 10 кораблей пришла къ устью Эллиспонта и блокировала его 9 Марта. Мы овладѣли островомъ *Тенедо*, и держали его въ своей власти до 25 Августа, обративъ его какъ бы въ свою резиденцію. Весь Архипелагъ, отъ Малой Азіи до теперешней Греціи, былъ русскимъ тогда по праву завоеванія. Тильзитскій миръ положилъ конецъ нашему тутъ владычеству. Готовясь къ отплытію изъ „Бѣлаго моря“, мы имѣли (не-нужный) духъ взорвать порохомъ на воздухъ крѣпость острова Тенедо. Это единственное, кажется, что осталось въ Архипелагѣ памятникомъ нашего въ немъ господства. Особенно похвалиться, значить, намъ тутъ не чѣмъ. Страху нагнали, правда, на Турокъ, и подняли нѣсколько духъ Грековъ, но за то въ первыхъ поселили убѣжденіе въ нашей слабости передъ „франками“, а въ послѣднихъ — разочарованіе въ самыхъ дорогихъ ихъ надеждахъ, не говоря уже о томъ, что, по уходѣ нашемъ, оставили послѣднихъ на жертву первымъ за ихъ сочувствіе къ намъ. Послѣднее обстоятельство повторялось уже не одинъ разъ. Но, такъ какъ у политики, по общему признанію, нѣтъ сердца, то и не кого винить въ томъ.

Минуемъ *Имвро*, и равняемся съ *Лимно*. Съ парохода нельзя составить надлежащаго понятія объ относительной величинѣ острововъ. По картѣ, первенство остается за Лимно. Исторія прибавляетъ, что въ 1455 г. иноплеменные Дуки острововъ платили завоевателю (Магомету II), за право владычества надъ ними, Имврскій 1200, а Лимнскій 2325 золотыхъ монетъ. Такова была разница тогда въ оцѣнкѣ острововъ... Не любя статистики, я оставляю вопросъ о нынѣшнемъ значеніи ихъ экономическомъ, и всякомъ другомъ, совершенно въ сторонѣ. Довольно для меня одного ихъ наружнаго вида да исторической славы. Не могу скрыть: нѣчто чарующее для меня имѣютъ всѣ острова вѣщаго Архипелага. Я ихъ любилъ, когда разсматривалъ еще съ ученической скамейки, любуясь ихъ своенравными очертаніями и

странными наименованіями. Когда же увидѣлъ на самомъ дѣлѣ, за 15 лѣтъ передъ этимъ, ихъ одиноко стоящими среди моря съ очертаніями горъ и полянъ, окруженными свѣтлымъ воздухомъ, окрашенными въ розово-фіолетовый цвѣтъ съ темно-голубыми тѣнями, то по истинѣ не могъ оторваться отъ восхитительнаго зрѣлища. Все думалось, что тамъ должны жить блаженные люди, не вѣдающіе ни нужды, ни заботъ, ни болѣзней, ни самой смерти. И какъ не быть имъ, представлялось, умными, дѣятельными, добрыми, прекрасными! Кругомъ — во всѣ стороны море съ его безпредѣльностію, вѣчнымъ движеніемъ и неисчерпаемыми богатствами, а внутри — около себя — чудное разнообразіе горъ, долинъ, потоковъ, заливовъ и пр., чего и во снѣ не увидишь на нашихъ поляхъ неисходимыхъ и необозримыхъ! Впечатлѣнія эти не потеряли своего характера и своей живости и доселѣ, хотя уже не разъ приходилось пожить на этихъ воображаемыхъ уголкахъ земнаго счастья и отъ всего сердца пожелать перебраться на твердую землю съ ея незамѣтными удобствами, немислимыми на островахъ и еще менѣе на—островѣ. Всего болѣе тревожить—по крайней мѣрѣ тревожило въ весьма недавнія еще времена — островитянъ, открытое для злодѣйскихъ набѣговъ, беззащитное положеніе ихъ. Я помню, какой дереполохъ произвелъ въ блаженныхъ (по истинѣ) временныхъ насельникахъ одного *Ксерониса* (*Ξερωνισι*-сухой островъ) раздавшійся въ глухую и темную ночь съ моря выстрѣлъ. А чѣмъ глубже простираемся мыслію въ даль минувшаго, тѣмъ больше встречаемъ охотниковъ нарушить неожиданно нечаянно благополучіе островитянъ. Исторія византійская полна разсказовъ о набѣгахъ *Сарацинскихъ* на всякій открытый берегъ греческій, гдѣ только чуялась пожива голодранымъ степнякамъ. Къ немалому удивленію, она занесла на свои страницы и случай морскаго разбоя, произведеннаго *Славянами*... Славяне и пираты! Возможно ли это? Однакоже дѣло такого рода вышло при Императорѣ Константинѣ IV Копронимѣ. Вѣроятно, это были отважные Далматинцы. Они

напали на эти самые острова „первой группы“, и произвели не только грабежъ, но и плѣнь людей. Чтобы выкупить забранныхъ ими мирныхъ островитянъ, императоръ уплатилъ пиратамъ 2500... шоловыхъ одеждъ! Такъ говорятъ лѣтописцы. Характеристично. Невольно припоминаешь при этомъ „паволочные“ паруса, вытребованные, недолго спустя послѣ того, у другаго Константина русскими „гостями“ въ Константинополь. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, взять было шолка Славянамъ на своихъ снѣгахъ и болотахъ? А у Грековъ его было вдоволь. Очевидно, что должна была произойти мѣна однихъ произведеній на другія, — людей на кафтаны, тѣмъ болѣе что первые то были чужіе.

По мѣрѣ того, какъ Лимно все болѣе и болѣе развертывается передъ нами, мы удаляемся отъ него, принимая направленіе къ сѣверу. Нельзя потому разглядѣть хорошо его такъ называемый *Райскій портъ* (Porto Paradiso). Любопытно бы узнать, съ какого времени и за что именно онъ получилъ такое ублажающее имя. Географическія очертанія острова даютъ разумѣть, что въ незапамятныя времена онъ былъ огнедышущимъ. Потомъ подземная лабораторія подвинулась къ западу подъ островъ *Сиру* (Санторинъ). Успокоенные Лимнійцы отъ радости не придумали ничего другаго сдѣлать, какъ переименовать мѣсто дѣйствія разрушительныхъ силъ *Аида* („ада“ по теперешнему) въ мѣсто блаженнаго покоя вѣчнаго, въ *Рай*. Такъ могло быть. На выручку нашей мысли снѣшить и мѣстное баснословное сказаніе древнихъ временъ. По увѣренію міеологіи, не только могло быть, но и положительно было на Лимнѣ нѣчто подходящее къ аду — въ его языческомъ смыслѣ. Расскажемъ случай какъ можно короче. Въ то время, когда нигдѣ ничего еще не было, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ теперь сіяетъ солнце и носятя легкія облачка, въ одну непроглядную ночь одна мать родила сына. Посмотрѣвъ на него съ естественнымъ въ ея положеніи любопытствомъ, она до того огорчилась его безобразіемъ, что швырнула его немилосердо отъ себя внизъ. Ребенокъ упалъ какъ разъ на подо-

снѣвшую къ нему землю (безъ чего ему пришлось бы утонуть въ морѣ), которая и была — островъ *Лимнъ*. Отъ огорченія, вѣроятно, на свою жестокую мать, сынъ не захотѣлъ ни эмпирея своихъ бессмертныхъ родителей, ни даже дальняго обиталища земнородныхъ, а остался въ глубинѣ земли, куда его вторгла рука матери. Онъ устроилъ тамъ гигантскихъ размѣровъ кузницу и занялся, въ укоръ богамъ, человѣческимъ ремесломъ. Отъ стука, огня и дыма его мастерской и пошли по свѣту землетрясенія и огненные изверженія, по его имени зовомыя *Ифестовыми* или *Вулканическими*. Сверженный богъ былъ Вулканъ. Лимнійцы, терпѣвшіе больше всѣхъ отъ этихъ упражненій непрощеннаго сосѣда, воздвигли ему умилостивительныя чтлища, свыклись съ своимъ положеніемъ, и даже гордились небывалою честію компатриотства съ божествомъ. Вообще говоря, все на островѣ обстояло благополучно. Но черезъ множество лѣтъ — по эмпирейскому счисленію — послѣ сверженія Ифеста въ тартаръ, жестокость матери — богини отозвалась на Лимнѣ въ матеряхъ смертныхъ. Сказочный періодъ греческой исторіи сберегъ пословичное выраженіе: „Лимнійскія жены“. Лимніотки разъ задумали и привели въ исполненіе неслыханную жестокость, перебили всѣхъ мужей, сколько ихъ было на островѣ, исключая царя, котораго спасла дочь его *Ипситила* (въ переводѣ: „высокая порта“). Поводомъ къ такому отчаянному дѣлу послужило то, что мужья имѣли, поголовно всѣ, отвращеніе отъ своихъ женъ и чтобы сбыть ихъ, рѣшились затѣять войну съ заморскими Эранійцами. Мужья, въ оправданіе свое, приводили, что жены ихъ, говоря безъ прикрасъ... воняли. Сказка не отрицаетъ и сего печальнаго обстоятельства, но сваливаетъ вину, по сказочной логикѣ, на неподсудную личность *Афродиту* (Венеру), которой угодно было послать на Лимніотокъ противный запахъ, будто бы изъ ревности. Логическая прорѣха кое-какъ заштопывается подобнымъ объясненіемъ, но очевидно на живую нитку. У пресловутой супруги *Ифеста* всегда было

много дѣла и кромѣ домашнихъ дразгъ острова Лимна. И изъ зачего бы она овлобилась на смертныхъ Лимніотокъ? Если она и могла предположить, что хромой и безобразный сожитель ея поддастся обаянію своихъ усердныхъ чительницъ, могло ли это огорчить ее? Не предположить ли, что пламенная девица страшнаго кузнеца — бога, въ избыткѣ благочестія, пустила какое нибудь словечко не въ похвалу невѣрной жены, хотя и богини?... Какъ бы то ни было, но чуть героини раздѣлались съ своими несчастными мужьями, какъ пристали къ острову ихъ, неизбежные при всякой древней исторіи, *Аргонавты* съ неугомоннымъ *Иракломъ*... Тутъ сказка двоятся въ своихъ показаніяхъ, но въ обоихъ случаяхъ не обходится безъ.. зловонія. Я радъ былъ, когда по сказкѣ дошелъ до того пункта, гдѣ проказникъ Ираклъ поднялъ наконецъ паруса на своемъ *Арго*, и отплылъ „съ товарищи“ къ острову *Самобраты*, гдѣ посвятилъ ихъ въ тайнства „Великихъ“ (боговъ). Кстати мы и сами направляемся по тому же пути.

Какъ на образчикъ педантическихъ попытокъ древняго міра внести исторію въ сказку, мы можемъ указать на разсказъ Греческихъ историковъ о заселеніи острова *Лимна*. Дѣло, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, начинается, разумѣется, въ Греціи, и притомъ въ любезныхъ мнѣ Аѳинахъ. Автохеоны (коренные жители) тамошніе, какъ извѣстно, были *Пеласги* ¹⁾. Когда Греки завладѣли ихъ мѣстожи и выгнали ихъ вонъ изъ родины, они, воспользовавшись случаемъ, когда новые Аѳиняне были за чѣмъ-то въ отлучкѣ, похитили ихъ женъ, и съ ними отплыли на островъ Лимнъ. Здѣсь они прижили съ плѣнницами дѣтей. Матери постарались воспитать пошлѣсь въ чисто аттическомъ духѣ. Выросши, эти Пеласго-греки положили отмстить

¹⁾ Съ нѣкоторой натяжкой *Пеласговъ* можно считать за: οἱ πέλας ἐπὶ γῆς = туземцы. На ряду съ этимъ заслуживаетъ упоминовенія и утроба одного нашего ультра-монтана славянофила добратъся, во всеоружіи исторіи, до этой загадочной *Бѣлой см.*

безчестіе своихъ матерей, и востали на Лимнійцевъ Пеласговъ (т. е. своихъ отцовъ!), тѣ умирили востаніе самою крайнею мѣрою, т. е. избии дѣтей своихъ вмѣстѣ съ матерями, всѣхъ до одного. За симъ послѣдовали на островѣ безначаліе, нищета, моровая язва и всякія другія бѣды. Лимнійцы послали спросить Дельфійскую Пиѳію, какимъ путемъ они могутъ поправить дѣла свои. Отвѣтъ послѣдовалъ: „удовлетвореніемъ Аѳинянь“. Спросили Аѳинянь: чѣмъ они могутъ быть довольны? Тѣ отвѣчали: „будемъ довольны, если вы уйдете изъ Лимна“.. Такое требованіе показалось островитянамъ непомѣрнымъ но, памятуя заповѣдь оракула, они не носмѣли отказать прямо, и сказали: хорошо, уйдемъ, но подъ условіемъ, если Аѳиняне въ теченіи одного дня достигнутъ острова при сѣверномъ вѣтрѣ... На это, ни къ селу ни къ городу приплетенное, условіе Аѳиняне имѣли полное право сказать Лимніотамъ: убирайтесь вы къ своему Ифесту. Но вышло иначе. Они серьезно отнеслись къ требованію, которое мало назвать нелѣпнымъ. Полководецъ Аѳинскій *Мильтіадъ* (отличный отъ извѣстнаго историческаго лица) изыскалъ способъ, какъ оставить въ дуракахъ Лимнійцевъ. Онъ основалъ Аѳинскую колонію въ приморской Фракіи, и изъ нея, какъ бы изъ Аѳинъ, дѣйствительно въ теченіи одного дня сѣвернымъ вѣтромъ переплылъ въ Лимнъ. Нечего было дѣлать. Пеласги удалились съ острова. Такое натянутое и дѣтски измышленное объясненіе заселенія острова Греками, къ удивленію, удовлетворяло не только поэтовъ *Еврипида* и *Овидія*, но и географовъ *Плутія* и *Страбона*, и самого историка *Иродота*. Кромѣ Пеласговъ и Эллиновъ, близорукая ученость древнихъ патриотовъ не знала никого. А нынѣшнимъ ultra — патриотамъ можно поучиться на островѣ Лимнѣ тому необходимому и весьма полезному, уроку, что даже въ самыя отдаленныя времена ихъ исторіи на нихъ смотрѣли не только въ Румелии и Малой Азій, но и въ самой Атикѣ, въ самыхъ Аѳинахъ, какъ на чужихъ!

На прощанье съ исчезающимъ островомъ, мы дополнимъ истори-

ческую характеристику его еще двумя тремя штрихами. Кроме „Лимнійскихъ жемъ“, съ языка древнихъ не сходили еще: *Лимнійская земля*, *Лимнійская бѣда*, *Лимнійская рука*... первая славилась во врачебномъ мѣрѣ, какъ лѣкарство (болѣе амулеточнаго свойства) отъ укушенія змѣй и вообще отъ ранъ. Вторая означала самое крайнее зло. Третья намекала на дѣло безчестное и нечестивое. Извѣстенъ былъ еще „огонь Лимнійскій ¹⁾“, относящійся къ періоду вулканическихъ изверженій на островѣ, затѣмъ славилась кроме природнаго, такъ сказать Лимнійскаго божества Ифеста, Лимнійская Афродита и Лимнійская Афина (Минерва), т. е. конечно изображенія или названія богинь, или очень древнія или высокаго техническаго выполненія и т. под.

О христіанской эпохѣ острова намъ негдѣ выправиться. По близости къ матеріку, онъ вмѣстѣ съ Имвромъ, вѣроятно въ древнія времена принадлежалъ какой нибудь береговой епархіи или Фракійской или Мало-азійской, хотя въ извѣстныхъ намъ „нотиціяхъ“ Епархій нигдѣ о нихъ не упоминается. Въ *Oriens Christianus* отысканы, однакоже, имена трехъ архіереевъ Имвровскихъ: *Іоакима*, *Автанасія* и *Григорія* изъ XVII—XVIII столѣтій, и 12 архіереевъ Лимнійскихъ: *Стратимія* (325 г.), *Силвана* (691), неизвѣстнаго (790), *Арсенія* (861), *Павла* (1054), неизвѣстнаго (1067), *Пентакла* (?) (1084—1111), *Михаила* (1156), *Василія* (1193—1199), *Неофита* (1564), *Иматія* (1642) и *Іоаннисія* (1721). Въ настоящее время каждый островъ составляетъ отдѣльную епархію, подлежащую вѣдомству Вселенскаго Патріарха, занимая въ ряду другихъ митрополій мѣста 54-е и 55-е. Оба сановника церковные носятъ пустоименный титулъ „Экзарха Эгейскаго моря“. Изъ разныхъ хрисовуловъ монастырей Аеонскихъ видно, что при

¹⁾ У поэтовъ упоминается Лимнійская огнедышущая гора *Москель* (*Μοσχολός*), не существующая теперь.

Комниныхъ — Палеологахъ было въ обычаѣ надвѣять тамошнія обитѣли землями на близъ лежащихъ островахъ, въ томъ числѣ и Лимнѣ. Писатели древняго времени не пропускаютъ случая замѣтить, что во время солнцестоянія — лѣтняго конечно — тѣнь Аеонскаго пика падаетъ при солнечномъ закатѣ на Лимнійскій городъ *Мирину*, и закрываетъ его. Предоставляемъ географіи повѣрить сказаніе и сообщить къ свѣдѣнію астрономовъ, на сколько точка захожденія солнечнаго подвинулась въ ту или другую сторону со времени замѣченнаго факта. Но для этого прежде всего нужно отыскать мѣстоположеніе Мирины. По поводу такого курьеза природы, мы долго высматривали „Святоименную“ гору на западномъ горизонтѣ, но въ лучахъ склонявшагося къ морю свѣтила не могли различить ничего. Однѣ колышущіяся волны рисовались на грани, отдѣляющей морскую поверхность отъ неба.

Равняемся съ островомъ *Самоэраки*. Чудную, величественную, и какъ бы грозную фигуру имѣетъ этотъ угрюмый и наиболее удаленный семьянинъ „Кикладъ“. Страшная громада скаль выдвинулась изъ глубинъ морскихъ и сгруппировалась въ одинъ гигантскій шатеръ, поражающій своимъ строгимъ и стремнистымъ характеромъ. Кажется, тамъ негдѣ поставить и стѣпы человѣку. Отовсюду смотрятся въ лице наблюдателю неприступные утесы, одинъ другаго выше, суше и диче. *Ипéгаге* передаетъ (на основаніи: dit-on), что вершина пика Самоэракекаго достигаетъ 2000 метровъ¹⁾, и слѣдовательно была бы выше даже Аеонскаго. Повѣрить это утверженіе можно съ острова Лимна, откуда на равныхъ почти разстояніяхъ должны видѣться обѣ горныя массы. Физическая исторія острова, вмѣстѣ съ прочими островами Архипелага, должна сводиться къ двумъ давнимъ событіямъ до исторической эпохи, или погруженію подъ уровень моря большаго мате-

¹⁾ По Плинію, 10,000 шаговъ высоты.

рика, или возникновенію изъ нѣдръ морскихъ вулканической массы. Политическая же исторія, какъ и вся греческая старина, темна и разнорѣчива. Заселили островъ будто бы выходцы съ острова: *Сама*, откуда и имя его: *Самоотраки*, т. е. „Самъ Фракійскій“, въ отличіи отъ Іонійскаго. Царь Троянскій *Дарданъ* не то родился тутъ, не то укрылся послѣ пожара своей столицы, захвативъ наъ нея съ собою Палладіумъ, т. е. статую Паллады или Минервы. Оттого будто бы и островъ звался нѣкогда *Дарданійей*, а по Аристотелю еще и *Лесосіей*. Болѣе извѣщенное преданіе привязываетъ къ исторіи острова нѣкакого *Сая* (*Сама* — по Діодору Сицилійскому), сына *Эрма* (Меркурія) и *Римы*, коего именемъ назывался ветарину и никъ Самоотракійской *Саа*.

Островъ славенъ былъ въ древности паче другихъ. Знаменитость его составляли пресловутыя *Самоотракійскія ташкетта*, не менѣе Элевсинскихъ занимавшія древній міръ, и тоже относившіяся къ *Персефоніи* (Прозерпинѣ) и къ „Матери боговъ“. Но островъ — вѣроятно въ болѣе охладенныя времена — имѣлъ и свой отдѣльный культъ *Великихъ боговъ* или *Кабировъ*¹⁾, подъ которыми что именно разумѣлось или должно быть разумѣемо, не вполне известно. Число ихъ определяется семью. Включается въ рядъ ихъ и самъ *Зевса*. А за нимъ слѣдуютъ имена *Посидона*, *Вакха*, *Цереры* съ *Прозерпиной*... Должно быть слѣдовали тогда нашей пословицѣ: чего хочешь, того прошибь. Въ существѣ же дѣла и сами, завѣдывавшіе культамъ, вѣроятно не знали, кто такіе эти: великіе. Происхожденіе ихъ несомнѣнно восточное, — или финиійское или египетское. Въ Мемфисѣ тоже былъ храмъ *Кабаровъ*. Но тамъ чествовался болѣе *Вулканъ* (Фта?) или кто-то. похожій на него, коего статую предаль позору „безбожный“ Камбизъ. Пронеслось стороною, что *Кабиръ* были дѣти *Сидика*²⁾,

¹⁾ *Кабиръ* или *Кобиръ* по арабски значить: большой, великій.

²⁾ По Санхоніатону, *Сидикъ* — это самъ Юпитеръ. Евсевій говоритъ: «Отъ Сидика (прозвѣшля) Діоскуры, Кабиръ, Корибанты, Самоотраки...». Если уже писатель съ такой

общепризнаваемого родителя „*Дioskуровъ*“, т. е. братьевъ близнецовъ *Кастора* и *Поллукса* (Поллукса). Очень могло быть, что семь „великихъ“ (боговъ) были на своей родинѣ въ Сирии просто 7 планетъ, въ началѣ еще неизвѣстныхъ грекамъ и не переводимыхъ на греческія понятія, и планетъ конечно не въ астрономическомъ, а въ астрологическомъ ихъ значеніи. Падкіе на все чужое, невѣдомое и таинственное, греки чѣмъ менѣе понимали, въ чемъ дѣло, тѣмъ больше благоговѣли передъ нимъ. Все таже да таже компанія боговъ, такъ сказать насквозь уже для воѣхъ видимыхъ, надобѣдала подвижному уму эллинскому. Иное дѣло — новые, никому невѣдомые, и ни начто не похожіе, *Кабири*. Чѣмъ менѣе характеризовалась ихъ личность, тѣмъ болѣе разглашалось ихъ достоинство. Назывались они и *μεγάλοι* (великіе), и *χρηστοί* (хорошіе), и *δυνατοί* (сильные), смотри, вѣрно, потому, кому съ какой стороны они въ данный моментъ были нужны. Усерднымъ читателямъ усердно раздавались отъ святини перстни железные съ золотымъ ободкомъ или и сплошь позолоченные на врачеваніе всякихъ недуговъ, и другіе дары. По осмысленному представленію древникъ (Варронъ, Климентъ Александрійскій) подъ „великими богами“ разумѣть нужно небо и землю. Но въ такомъ случаѣ выходило уже не 7, а только 2 Кабира ¹⁾. Да и такія „великія“ понятія о божествѣ у Самоэракійцевъ (особенно, если, по Иродоту, это первоначально были все таки *Пеласты*) не могли зародиться, ни привиться, занесенныя съ совердательнаго Востока. Да и что же въ представленіяхъ неба и земли есть такого, что вызывало бы таинства ²⁾?

исторической славой, какъ Евсевій, отдѣливается подобнымъ сумбуромъ, то ясно, что не откуда ожидать свѣта для такого темнаго культа, каковъ культъ *Кабировъ*.

¹⁾ Въ древности, при входѣ въ пристань главнаго города острова, стояли двѣ мѣдныя мужскія статуи, которыя и слыли въ народѣ за великихъ боговъ, но ошибочно, какъ замѣчаетъ *Варронъ*.

²⁾ Къ немалому сожалѣнію холоднаго исследователя, гдѣ встрѣтятся въ древней ми-

Дополнимъ сказанія о примѣчательномъ мѣстѣ древности извѣстїемъ, что островъ имѣлъ когда-то, въ уваженіе своей славы святаго мѣста, право „убѣжища“, которымъ разъ и воспользовался было Македонскій (последній) царь *Персей*, побѣжденный Римлянами. Побѣдители, не смотря на свой положительный характеръ, уважали неприкосновенность священнаго обычая, при всемъ томъ, что островъ составлялъ тогда часть Македоніи, и слѣдовательно, собственность какъ бы Персея, а слѣдовательно, и ихъ, какъ побѣдителей. Другаго рода убѣжищемъ былъ тотъ же островъ (уже развѣнчанный и разоблаченный отъ всякой таинственности) въ другія времена. При византійцахъ онъ былъ осмысленнымъ мѣстамъ. Тоже ради спасенія — только въ иномъ смыслѣ — присланъ былъ на него въ 948 г. эно-императоръ *Константинъ*, одинъ изъ четырехъ со-царствователей *Константина Багрянороднаго*, носившій на себѣ тогда уже (невольный) иноческій образъ. Не поправилось

эологін таинство, тамъ вѣрно предполагать нужно нѣкое явное безобразіе. Хотѣлось бы о Самоеракійскихъ таинствахъ имѣть лучшее понятіе. Но Протоново разсужденіе (кн. II, гл. 51) о томъ, какъ и почему у Самоеракійцевъ изображался Эрмесъ, неблагопріятствуетъ тому. Чтобы это, если не прямо безстыдное, то не стыдливое божество не имѣло отношенія къ таинствамъ, трудно повѣрить. Эрмесъ былъ въ числѣ 7 Кабировъ и носилъ особое имя *Казимла*, можетъ быть Фракійское, можетъ быть Финкійское (не Славянское ли: какъ иль?). Хотя съ другой стороны историкъ *Діодоръ* разсказомъ своимъ о томъ, за что пораженъ былъ молніею (*fulmine ictus perlit, attentatâ Cereris pudicitia*, Кн. I) на островѣ братъ Дардановъ *Ясо*, какъ будто даетъ знать, что въ «оргіяхъ» Самоеракійскихъ не могло быть ничего недобраго. Преступленіе Ясово относилось конечно не самой богинѣ, а къ посвященному ей явку, тѣмъ не менѣе оно говоритъ о нравственной чистотѣ культа. Судя по Діодору, и прословутый культъ Вести въ Римѣ былъ въ исторической связи съ Самоеракійскимъ. Онъ полагаетъ несомнѣннымъ, что Весталки кромѣ огня смотрѣли еще за чѣмъ-то другимъ, не кому кромѣ ихъ и приставниковъ неизвѣстнымъ, и гадаетъ, что это была святая, вынесенная въ Римъ изъ Трои Энеидъ, а въ Трою занесенная Дарданомъ изъ Самоераки, или, какъ думаютъ другіе, то былъ самъ *Палладій*, т. е. подлинная статуя *Аони* (Паллады—Минервы) *Илійской*, о которой говорили, что она упала съ неба. Отъ Аони тоже вѣдетъ чистота. Дай Богъ по чаще встрѣчаться съ нею на классической землѣ обоженного разврата.

ему много знаменитыхъ таинствъ; и онъ всячески искалъ случая покинуть его. Но приставленные шуриномъ зоркіе корибанты не оставляли ему никакой надежды одѣлать это. Въ отчаяніи онъ убилъ одного изъ стражей, другимъ самъ былъ убитъ. Ни грустная, ни веселая исторія. Было не карабкайся на престолъ, и безъ того уже занятый двумя вѣнцями, а, взобравшись на него, не сгнать стараго отца, который дѣйствительно оказывалъ государству важныя услуги, а — главное — не слѣдовало, сидя на престолѣ, считать себя „великимъ богомъ“.

Уношу послѣднее впечатлѣніе „священнаго“ острова. Оно славно и торжественно. Саланиющагося къ землѣ олимпъ шлетъ на него не изображимую черу тѣней. Господствуютъ цвѣта розово-фиолетовый и голубой, что, вмѣстѣ съ синевою моря и неба, представляетъ взору нѣчто, по истинѣ чарующее. Тамъ бы и летѣлъ туда, пріотислся гдѣнибудь подъ скалою или подъ деревомъ, и съ послѣднихъ высотъ *Сия* посмотрѣлся бы на всю необозримость пресловутаго *Козьяго* ¹⁾ (Эгейскаго) *Моря*. Какая пригодная точка для наблюденія земли и неба. Этихъ истинныхъ „великихъ“ (безличностей) нашего времени, къ которымъ, и послѣ іудейства и христіанства, все еще возвращаются (только не съ мольбами, а чуть уже не съ угрозами) корибанты современной науки, предпочитаютъ ясному и свидѣтельствуванному Евангелію своихъ темныхъ и безвѣстныхъ кабировъ.

¹⁾ Не врасплохъ, но что дѣлать? Есть много словоприводовъ собственнаго имени: *Αἰγαίον*. Такъ 1) думать, что оно вышло отъ множества острововъ, концы устья Архипелага, напоминающихъ собою стадо *козъ* (*αἰγες*), 2) производятъ отъ царя *Эя*, ринувшагося въ него (?) при вѣсти о смерти сына *Фиса* (*Тезея*), 3) отъ Амазонской царицы *Эи*, утопившей въ немъ, 4) отъ одной изъ опасныхъ отмелей на немъ, имѣвшей фигуру козы, 5) отъ Эгейскаго города *Эи*, 6) отъ волнъ, весьма частыхъ на немъ, которые у Дорянъ зовутся «козани», 7) (наше мнѣніе) отъ имени вообще моря на какомъ-нибудь не—греческомъ языкѣ, остаткомъ или памятникомъ котораго можно считать теперешнее простонародное слово: *ялò* т. е. *αἰγαλός*—морской берега.

6-й часъ. Впередъ обоимъ затишь. Погода великолѣпная. Дерзнула почти прямо на сѣверъ. Впередѣ открывается материкъ съ высокими горами, въ которыхъ карта указала гигантскій хребетъ древней *Радоты*, а по теперешнему: *Деспото* == Владыки. Позади, нѣсколько къ западу, хорошо очерчивается конечный матеръ Аэона, зоркій товарищъ разлмчаетъ на немъ даже снѣжныя полосы. А такъ какъ на Самаркандскомъ нитѣ таковыхъ не было видно, то естественное заключеніе, что сей нитѣ онаго. Впрочемъ, Аэонъ примыкаетъ къ матеріку, и почти весь покрытъ лѣсомъ, не диво потому, что долѣе борется съ зимею, а о Саѣ голоскалестомъ и окруженномъ со вѣдъ сторонъ водою, нельзя сказать того же. Прямо къ западу отъ насъ также очерчивается подъ лучами солнца лонная линія горъ, сравнительно невысокихъ, принадлежащихъ одному изъ острововъ Эгейскихъ — самому сѣверному, *Тасу*. Съ закатомъ солнца мы повернули къ востоку, и вскорѣ вошли въ обширную бухту съ низкими и невзрачными берегами. *Самангъ* пошелъ осторожнѣе, и какъ бы сталъ пробираться опущью. На берегу показалось неясная кучка строеній. Мы взяли за бинокли, но не долго пользовались ихъ услугою. Смотрѣть было не на что. Наконецъ мы стали. Былъ брошенъ якорь, и сейчасъ же заревѣлъ, выпущенный на волю, паръ. Гдѣ мы находимся? На вопросъ этотъ отвѣдали намъ: въ *Порто-Лазо*, о которомъ я не имѣлъ дотолѣ никакого понятія; и даже не слышалъ вовсе. *Itinéraire* совершенно молчитъ о немъ. Ину мѣста его на старой картѣ *Thraciae antiquae*, и не нахожу ничего подобнаго на бухту по берегу между *Sapothrae* и *Thassa*. Все Фракіійское море изображено на ней кудрими, знаменующими воображаемые заливы моря и соответствующіе имъ мысы. Указанъ и родъ приморскихъ городовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго созвучія съ *Lago*. А слово это, очевидно, древнее, и хорошо комментировалось бы греческимъ: *Λαγός* — заяцъ. Это должна быть пристань, гдѣ неизвѣстный географъ или

мореплаватели увидѣлъ прежде всего на берегу зайца, именемъ котораго и называлъ открытый имъ портъ. Но какъ рѣшиться повѣрить тому, что придумано самимъ? Не у всякаго хватаетъ на то духа. Не говоря уже о Птоломѣ или Страбонѣ, хотя бы какой Византиецъ упомянулъ о *Лименѣ Лавосомъ*, какъ упоминаютъ всѣ сплосны о *Птоломѣ Лавосомъ* (сынѣ). Но нѣтъ и сего. А между тѣмъ такое обширное пристанищное мѣсто не могло не имѣть значенія и имени въ старья времена. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ свести концы съ концами, я счелъ возможнымъ, что которое нибудь изъ упоминаемыхъ древними, двухъ озеръ или болотъ прибрежныхъ *Бистониды* и *Мамариды*, красующихся на Целляриевой картѣ и не означенныя болѣе Кипертомъ, слились съ моремъ, и образовали изъ себя бухту *Лаго*. Что же касается имени ея, то оно могло быть дано мѣсту Венецианцами или Генуезцами, распорядившимися въ свое время картографіей Средиземнаго моря безконтрольно, и слышавшими, что тутъ существовало нѣкогда озеро — *lacus*, а по теперешнему произношенію: *lago*. А такъ какъ при одномъ изъ упомянутыхъ озеръ, именно *Исмаридѣ*, стоялъ и городъ *Исмаронъ*, упоминаемый еще *Омиромъ*, и такъ какъ *Исмаронъ* тотъ вѣроятно есть *Маромія* византийцевъ и нашего времени, отстоящая отъ Порто-Лаго на цѣлый день пути (верстъ 50), то остается искать и видѣть въ теперешней озерной бухтѣ древнюю *Бистониду*, при которой, по Плинію ¹⁾, былъ прежде городокъ *Тирида*, славный конюшнями царя *Діамиды*, а въ его (Плиніево) время уже другой городъ: *Дикей* или, по другимъ, *Дикетомъ*. Когда я съ нѣкоторымъ самодовольствомъ сообщилъ къ свѣдѣнію спутниковъ, что тутъ существовалъ когда-то „городъ праведныхъ“, то получилъ въ отвѣтъ: ну, такъ, значить, пора спать.

¹⁾ Онъ же передаетъ, что ни одинъ предметъ не всплывалъ на поверхность Бистониды... Хотя бы и не отъ него слышать такую сказку.

Заснуть, конечно, не мѣшаетъ, особенно послѣ цѣлодневнаго труда археологическихъ поисковъ, большею частію неблагоприятныхъ. Но это не легко сдѣлать тому, кто съ высотъ Самоэраки упалъ такъ окативъ вдругъ въ Бистонское болото. Городъ *праведныхъ* возникъ на мѣстѣ ужасающей неправды. Не всѣмъ извѣстна историческая слава конюшени царя Діомиды. Царь этотъ сльветъ за Фракійскаго, но царствовалъ онъ только надъ *Бистонами* — особымъ народцемъ Фракіи. Онъ былъ страстный охотникъ до лошадей и кормилъ своихъ критскихъ рысаковъ человѣческимъ мясомъ ¹⁾... Фактъ неслыханный остался бы неизвѣстнымъ потомству, если бы на бѣду людорѣза не присталъ къ берегамъ Бистоніи всесвѣтныи корабль *Арго* (по слѣдамъ котораго, какъ видно, идетъ нашъ Эптанисъ).. Аргонавты познакомились съ Діомидомъ, и конечно узнали, отчего у него такіе славные кони. Не заѣзжая они на Самоэраки и не посвятивъ въ тамошнія таинства, они можетъ быть погуляли бы съ галантомомъ царемъ и отправились бы далѣе съ чистою и спокойною совѣстію. Но, подѣ влияніемъ гужанскихъ идей кроткаго культа „матери боговъ“, или въ одушевленіи величіемъ „Великихъ“, они возмущились слышаннымъ и можетъ быть видѣннымъ ими въ Тиридѣ. А тутъ еще случилось фатальное для Діомиды обстоятельство: замѣтивъ между гостями одну личность, цвѣтущую юностію и красотою, онъ не устоялъ противъ искушенія, и рѣшился угостить имъ своихъ лошадей, что и исполнилъ. Оказалось, что отравленный конямъ аргонавтъ былъ любимецъ Иракла, *Авдиръ* (Абдеръ). Ясно, что должно было послѣдовать за симъ. Полубогъ одинъ сразился со всѣми четырехногими людоедами, укротилъ ихъ своею дубиною пресловутой и схватился съ самимъ Діомидомъ, котораго, разумеется одолѣлъ, и живаго отдалъ на сѣдненіе его собственнымъ ло-

¹⁾ На Целларіевой картѣ Фракіи онъ даже изображенъ (въ порфирѣ и діадимѣ) рубящимъ кого-то у дверей своей конюшни.

падамъ, а — что и того важнѣе — стеръ съ лица земли самое царство Бистонское, выстроивъ въ 15 миляхъ отъ мѣста своихъ подвиговъ городъ *Абдера* (Abdera) въ память своего злополучнаго друга, котораго кости похоронилъ тамъ... Перебирая воображеніемъ все вышесказанное, можно ли было подумать о свѣтѣ? А тутъ еще, рядомъ съ Эптанисомъ, рисуется покачивающійся съ боку на бокъ корабль *Арго*, въ 50 локтей длиною, съ 30-ю парами весель, весь сосновый, исключая кормы, сдѣланной изъ Додонскихъ дубовъ, и потому самому имѣвшей даръ пророчанія... и пр. Шестъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я любовался имъ (тоже въ воображеніи) на рейдѣ *Пассейскомъ*¹⁾, отправлявшимся въ Колхиду. Теперь онъ возвращается уже оттуда, везя съ собою пресловутую овчину съ золотою шерстью, да еще и царевну Колхидскую, неуступавшую въ мужествѣ самому Иранлу. Видно уже время тогда было такое жестокое, когда жили на свѣтѣ *Геркулесы, Диомиды, Меды*... греки ли, еракійцы ли, колхидцы ли — все равно. У грузинки достало ума и сердца истребить двѣ царскія фамиліи, и зарубить своими руками своихъ собственныхъ троихъ сыновей!.. Вѣдь не все же вымысль. Есть что нибудь и дѣйствительно бывшее во всѣхъ этихъ ужасающихъ разсказахъ сѣдой древности. Но.. заснуть все таки слѣдуетъ.

Неаполь. 15 Мая 1865. Суббота.

Отвѣзшися отъ Троады, приидохомъ въ Самоеракъ, во утрѣ же въ Неаполь. Дѣян. XVI. 11.

Въ 10 часовъ я послѣдовалъ примѣру своихъ спутниковъ, а въ полночь опять уже бодрствовалъ. Пароходъ снимался съ якоря и бѣготня по палубѣ разбудила меня. Нашумѣли парами своими на всю Бистонию, двинулись, повернулись и стали! Говорять, сѣли на мель.

¹⁾ См. *лампадки поклонника Св. Горы*. Кіевъ 1864 г., стр. 391.

Бѣготня усилълась. Меня искушалъ помысль идти на верхъ и высматривать мѣстность имени той *Абдеры*, славной цѣлымъ рядомъ философовъ — опепиковъ, но рассчитавъ, что въ темную ночь не много чего увидишь, а, притомъ же, разстояніе въ 15 римскихъ миль отъ *Дикси* до *Абдеры* потребуетъ отъ нашего Арго двухчасоваго пути, и въ это время невозможно, чтобы я не задремалъ, я рѣшился оставаться въ своей каютѣ, довольствуясь мысленнымъ привѣтомъ и весельчаку *Демокриту* и мѣдному лбу *Протазору* и не знаю еще какому Авдириту eiusdem farinae. „Обо всемъ можно утверждать и да и нѣтъ“.. Велушиваюсь я въ это отличное рассужденіе, какъ будто что-то хочу возразить, нужная слова не подбираются, я сержусь или стѣжусь, и вдругъ между мной и философомъ встаетъ лошадиннй образъ цари Діомиды въ діадимѣ съ топоромъ.. я уже спалъ! Проснулся въ 6 часовъ. По вчерашнему разбудило меня прекращеніе винтоваго стука. Мы стали на якорь передъ *Кавалю*. Зная изъ вчерашняго разговора, что здѣсь ожидается Эптаниса нашего большой грузъ табаку, и что новое, совсѣмъ не археологическое ¹⁾, имя мѣста не общаетъ мнѣ никакой поживы, я отдался сладкому покою. Разбуженъ былъ неожиданнымъ открытіемъ, которое удалось сдѣлать на берегу моему спутнику. Онъ усмотрѣлъ тамъ съ парохода много развалинъ, и поспѣшилъ порадовать меня такою вѣстью. Городъ оказался выстроеннымъ при самомъ морѣ на плоскомъ берегу. Непосредственно за нимъ къ сѣверу начинается возвышаться сухая каменистая гора, и по ней тянутся длинныи зигзагами старыя стѣны съ башнями по мѣстамъ, принадлежавшія очевидно стоявшей на высотахъ крѣпости. А можетъ быть тамъ былъ и цѣлый городъ съ другимъ, болѣе античнымъ именемъ.

¹⁾ Cavallo — лошадь. И у грековъ тоже въ просторѣчій ѣ *καβάλα* идетъ вмѣсто: ἵππος почти повсемѣстно.

Прибѣгаемъ за объясненіями къ „Французу“¹⁾, и къ немалому удовольствію узнаемъ, что тутъ процвѣталъ когда-то городъ *Неаполь* (новый городъ), служившій морскою пристанью Апостольскому городу *Филиппамъ*, отстоящему отъ берега морскаго часа на 3 пути прямо къ северу. Подивившись тому, какъ „Неаполь“ могъ переименоваться въ „Кавалу“, мы рѣшились немедленно отправиться на берегъ. Мысль, что за 1800 лѣтъ передъ симъ также, подобно намъ, плыли тутъ къ берегу съ корабля Апостолы *Павелъ*, *Сила* и *Лука*, вносила въ душу умиленіе. Это было вѣдь первое благовѣстіе Европѣ о Христѣ. Здѣсь она, вся христіанствующая теперь, отворила первую дверь Евангелію. Здѣсь бы ей и воздвигнуть всеплеменный памятникъ Апостолу языковъ за его слово и дѣло, и загладить тѣмъ тотъ жестокой и постыдный приемъ, какой она оказала всемірному учителю и его сотруднику. Известно, что Апостоловъ били палками въ *Филиппахъ* и засадили въ темницу безъ суда и допроса. На помощь узникамъ явился самъ Богъ — съ своею чудодѣйствующею силою. Но не страхъ передъ судомъ Божиимъ, а отвѣтственность передъ судомъ человѣческимъ заставила первыхъ представителей Европѣ возвратиться на путь умеренности и справедливости относительно проповѣдниковъ новаго ученія. Пусть бы почаще и современная намъ Европа прочитывала 16-ю главу книги „дѣяній Апостольскихъ“. Она спасетъ ее и отъ самоуправства въ дѣлѣ вѣры, и отъ рабства передъ обычаями, и отъ недуга чудобоязни, и отъ духа пытливаго, и отъ... Ренана болтливаго.

Городъ состоитъ собственно изъ набережной улицы, длиною въ полверсты и шириною въ четверть версты. Его вѣнчаетъ цитадель плохой постройки, видимо ненужная торговому мѣсту. Мы прошлись по берегу, довольно шумному и оживленному. Рѣчь всюду турецкая и греческая. Зданія незавидныя. Съ моря они высматриваютъ краси-

¹⁾ «Французъ», ради краткости. Разумѣется: itinéraire de l'Orient etc.

вѣе. Мѣстная особенность: съ одной стороны улицы на другую перекинуты по жердямъ виноградныя лозы, бросающія въ лѣтніе жары прохладную тѣнь. Въ нѣсколько минутъ исходивши городъ, мы вышли за него черезъ ворота, не знаемъ для чего существующія, и сейчасъ же стали подниматься по косогору къ старому водопроводу, а отъ него еще выше къ старымъ стѣнамъ, манившимъ насъ къ себѣ еще на морѣ. Противъ чаянія, онѣ не представили мнѣ ничего, стоившаго понесеннаго нами труда. Сперва встрѣтилась опустѣлая мельница, за тѣмъ случай неважнаго значенія, помѣченный въ записной тетради словомъ: *алмазъ*. По самой стѣнѣ, обвалившейся на обѣ стороны, мы поднялись къ „первой“ башнѣ, полюбовались съ нея видомъ на городъ, и, чувствуя въ себѣ избытокъ утренней бодрости, подготовленный вчерашнимъ цѣлодневнымъ лежаніемъ и сидѣніемъ, рѣшились обойти весь кремль стараго Фракійскаго *Новгорода*. У „второй“ башни награждены были за то неожиданнымъ зрѣлищемъ развалинъ церкви, до того малой, что нельзя было рѣшить, для кого и для чего она существовала въ древности. На мѣстѣ бывшаго престола поставленъ черепокъ, и въ немъ видишь нѣсколько крупинокъ недожженнаго ладана. Трогательное усердіе христіанское! Не менѣе трогаетъ и терпимость мусульманская. Освященное мѣсто совершенно чисто. Разоxtившись, мы надѣялись что нибудь найти и у „третьей“ и у „четвертой“ башни, но кромѣ камней, поросшихъ быліемъ и разбросанныхъ немилосердо геркулесовскою рукою времени, ничего не увидѣли. Больше смотрѣть было нечего. Оставалась еще одна башня, одиноко и выше всѣхъ другихъ стоящая. Не възрачный видъ ея не обѣщаль то же архелогической поживы, но манила къ ней дѣтская надежда видѣть отъ нея *ту сторону*. Ну, что, думалось, если съ высоты ея откроется взору памятная мѣстность города *Филитъ*? Можно было вѣрить, что не откроется, а все таки мы направились къ ней, сообразивши, что все же лучше коротать время на незыблемой тверди земной, чѣмъ на

колышущейся поверхности воды. Не устрашилась насъ даже крутой подъемъ къ этой главной стражницѣ порта „Придаточной Македоніи“. Однакоже, по дорогѣ къ ней должны были сдѣлать привалъ, ибо солнце уже начинало грѣть насъ со всѣмъ жаромъ близящагося Іюня. За то, сидя на травѣ и смотря на далекое море, можно было вдоволь насладиться прохладяющимъ вѣяніемъ древности. Чего только не пройдешь по устремленному въ глубь ея воображенію! Все по той же синевѣ того же моря приходятъ и уходятъ флоты *Египтянъ, Финикянъ, Ашшянъ, Персовъ, Македонянъ, Римлянъ, Византійцевъ, Сарацинъ, Венеціянъ, Турокъ, Русскихъ* и недавнихъ „союзниковъ“ *Англо-французовъ*, точно неясно очертывающіяся облачка по далекому небу! На комъ хочешь остановись и рисуй возможные конечно, но въ сущности небывалыя, подробности морскихъ перипетій, пока не устанешь и не скажешь самъ себѣ: *и сіе суета!*

Побывали и у послѣдней башни. Никакой *той* стороны не нашли за нею. Гора и за нею поднималась уступами все выше и выше. Какая гора? У старыхъ географовъ тутъ помѣщается гора *Символь*, составляющая одинъ изъ отроговъ горнаго края *Родоты*, столь именитой въ древности, теперь же почему-то зовомой *Деспото-дагъ*, т. е. „горою Владыки“. *Діонъ* прямо говоритъ, что гора этого имени (Символь) стоитъ между *Новымъ-городомъ* и *Филиппами*. Мы находимся теперь на полосѣ земли между *Фракіей* и *Македоніей*, или точнѣе — все еще во *Фракіи*, только уже отчисленной во времена Македонскаго всевлadyчества къ монархіи Филиппа, который выстроилъ тутъ и пограничный городъ своего имени для сдержки и отраженія *Фраковъ*. Географы зовутъ эту полосу земли *Придаточной Македоніей*, и помѣщаютъ на ней нѣсколько отдѣльныхъ народцевъ, въ родѣ *Медовъ* (*Μαίδων*) *Идоновъ, Вессовъ, Дмитровъ, Фрагиндовъ, Одомантовъ, Дамон-*

¹⁾ Не прибавить ли ко всѣмъ имъ еще *Асотиновъ*? Недавній русскій «туристъ» ар-

литовъ¹⁾... Еще: Παῖτοι, Κίχονες, Σακαῖοι, Δέρσαῖοι, Σάτραι, Πίερες, Δόβπρες, Παίотпес, (Ирод.) Παναῖοι, Δρῶοι, Ἐορδοι, Ἀλμῶπες... Чѣмъ больше ихъ насчитывается по именамъ, тѣмъ менѣе вѣрится въ ихъ дѣйствительное когда-то существованіе. Но, не съ вѣтра же взяты имена ихъ. Можетъ быть это были не болѣе какъ наши *Кобанцы*, *Макаровцы*, *Мингалевцы* и тому подобныя „народы“, оставившіе когда-то одну, знакомую мнѣ (но не историческую) Б. волость, коея начальство если и не кормило лошадей своихъ людьми, все же, подъ веселую руку, доставляло послѣднимъ пріятное зрѣлище торжественнаго вѣзда на лошади въ ихъ избы, не боясь ни какихъ Аргонавтовъ, развѣзавшихъ тогда нерѣдко изъ города за золотымъ руномъ... При спускѣ съ горы, мы не держались никакой дороги, а шли напрямикъ къ морскому берегу, и оттого попадали на такія крутизны, какихъ и не воображали, стоя на верху. Кромѣ этой невзгоды, насъ еще не мало напугало обиліе змѣй по пути. Я встрѣтилъ двухъ живыхъ и одну мертвую, а четвертую тутъ же при насъ убили подошедшіе пастухи. Отъ такого зрѣлища пропали и поэзія и исторія. Поскорѣе добратся до Кавалы, было самымъ увлекательнымъ помысломъ на ту минуту. Въ городѣ уже было полднее затишье. Прятаясь на улицѣ отъ палашихъ лучей солнца, я въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ „ложный шагъ“ по скользкой мостовой и упалъ, но къ счастью отдѣлался однимъ легкимъ ушибомъ. Случай этотъ я счелъ знакомъ, что остаюсь въ чемъ нибудь повиненъ мѣсту, отчего и сдѣлалъ ему земной поклонъ. Виновность же, очевидно, состоитъ въ томъ, что я забылъ упомянуть о самомъ главномъ для Кавалы¹⁾ обстоятельствѣ, томъ, что здѣсь родился и воспитался преобразователь Египта, *Месметъ-Али*.

тисть и аферистъ» и вдобавокъ, публицистъ, увѣрилъ свѣтъ, что у монаховъ Афонскихъ есть свой флотъ и свой флагъ.

¹⁾ Не удалось мнѣ нигдѣ вычитать этимологіи слова: *кавала*. Что оно не древнее,

12 часовъ. Отдыхаемъ отъ путевого труда на пароходѣ, отчетливо пересматривая стѣны и башни вѣнчавшаго когда-то гору *Неаполя*. Нагрузка единственнаго почти мѣстнаго продукта, табака приходитъ къ концу. Не было охоты узвать, куда его везутъ, по чемъ продаютъ, что стоитъ перевозъ, во что обходится тамъ и сямъ пошлина, и пр., что все доставляетъ предметъ для разговора пассажиру съ торговцемъ отгѣнкомъ, какъ я убѣдился въ другое время, на цѣлые часы. Новые „эпиваты“ (пассажиры) не подъѣзжаютъ, что и на руку старымъ. Въ ожиданіи, пока наступитъ моментъ отправки, рисую въ записной книжкѣ видъ города, довольно приглядный отъ обилія зелени. Зданія видятся длинныя и высокія съ правильными архитектурными линіями. Два высокіхъ и стройныхъ минарета и нѣсколько почти столько же высокіхъ кипарисовъ, выникающіе изъ за крышъ домовъ, придаютъ немалую красоту цѣлому. Можно бы общать хорошую будущность городку. Вмѣсто именитыхъ когда-то *Филиппъ*, онъ служитъ теперь портомъ другому тоже, не малозначительному, Трако-Македонскому городу *Серрамъ* съ смѣшаннымъ греко-славянскимъ населеніемъ (въ 30,000 душъ) и именитымъ въ краю монастыремъ *Св. Іоанна Предтечи*, въ которомъ оканчивалъ дни своей многотревожной жизни ученый *Григорій Схолярій*, первый патріархъ Константинопольскій, по наденіи

это очевидно. Что при наименованіи имъ города какой нибудь мореплаватель итальянецъ не руководствовался памятью сосѣднихъ Діонидовыхъ «лошадей», это также вѣрно. Византийцамъ не зачѣмъ было давать мѣсту римскую кличку. Одинъ грекъ туристъ съ замашками учеными полагаетъ, что на мѣстѣ *Кавалы* былъ когда-то городъ *Халитъ* (*Χαλιτός*). Но ни во Фракии ни въ Македоніи такого имени у древнихъ не встрѣчается. Думаемъ, что его именно разумѣетъ одна карта Европейской Турціи, когда помышляетъ (на значительномъ отдаленіи отъ нынѣшней Кавалы) городъ «Старую Кавалу» и прибавляетъ въ скобкахъ: *Кансалъ*. Наконецъ одинъ французскій оріенталистъ (Белонъ), говоря о Кавалѣ, утверждаетъ, что мѣсто называлось въ старину: *Βουκέφαλος* (бычачья голова) что, какъ извѣстно, было кличкою пресловутой лошади Александра Великаго. И такъ, все таки мы не уходимъ отъ лошади, т. е. кавалы.

Имперіи, занимавшій Вселенскій престолъ всего 5 лѣтъ подъ именемъ *Гетадія*. Въ *Серрахъ* и катедра православнаго Митрополита, переходящая туда можетъ быть изъ древняго и славнаго *Амфинола* — Апостольской памяти. Но *Кавала* не принадлежитъ къ его епархіи. Она входитъ въ составъ Драмской епархіи. Городъ *Драма* всего чаебахъ въ 5—6-ти отъ *Кавалы*; лежитъ въ прекрасной долинѣ его имени, которую Турки зовутъ „золотою“, и обязанъ своимъ происхожденіемъ Византійской эпохѣ. Онъ перенялъ значеніе и, такъ сказать, службу города Филиппъ, такъ что Митрополитъ Драмскій титулуется, кромѣ *Зихонійскаго* и *Неверонопскаго*, еще *Филиппійскимъ* ¹⁾. Третія союзная епархіа въ „Придаточной“ бывшей *Македоніи* въ настоящее время есть *Мелникская*. Прежде она была епископіей *Серрской* Митрополіи. Когда и за что почтена вышнимъ достоинствомъ, неизвестно. Уже изъ самаго приведеннаго перечня Филиппійскихъ епископій видно, что двѣ изъ нихъ носятъ славянскія имена. *Мелникъ* (по картѣ Кинерта-Melnikj, т. е. *Мелникъ*) очевидно славянское слово. Рядомъ съ нимъ встрѣчаются имена городовъ и селеній: *Чертова*, *Простита*, *Престични* и многія другія. Какого времени все это *Фракійское* славянство? Патріоты утверждаютъ, что у древнихъ писателей не встрѣчается во *Фракіи* ничего, звучащаго по славянски, и есылаются при этомъ, между прочимъ, на самую книгу *Дѣяній Апостольскихъ*.

¹⁾ *Серрская* катедра занимаетъ въ ряду другихъ подчиненныхъ Константинопольскому престолу 27-е мѣсто, а *Драмская* 28-е. Въ «Нотіціи» Имп. *Льва мудраго* (по *Лекеню*), митрополіи Филиппійской подвѣдомы были 7 епископій: *Феорійская*, *Полмстимская* (городъ: *Πολύστηλον* занималъ въ византійскую эпоху, какъ вообще думаютъ, мѣсто *Абдеръ*), *Вилкиійская*, *Хрисопольская* (по инымъ спискамъ: *Хрисопольская*), *Смоленская* (*Σμόλαίνων*), *Кесарнопольская* и *Алексіопольская*. *Феорійской* въ этихъ спискахъ недостаетъ. Не читать ли вмѣсто *Θεωρίου*, *Νεωρίου*, т. е. *пристань*? Ибо трудно предположить, чтобы такое значительное мѣсто оставалось въ тѣ времена безъ епископа. Впрочемъ въ числѣ Архіепископій Константинопольскаго престола упоминается и прямо *Неатомская* (17-я въ ряду другихъ). Гдѣ ея искать должно, неизвестно.

Правда, тамъ Апостоль Павель проходитъ города: *Несполь, Филиппы, Амфиталь, Аполлонію* — всё съ эллинскими именами, но доказывается ли этикъ тѣмъ, что хочется панэллинистамъ? Развѣ у насъ нѣтъ русскихъ городовъ *Петербурга, Екатеринбургa, Оренбурга* и даже Рязанскаго *Римбурга*? Всѣ эти русскіе *бурги* и Трако-Иллирійскіе *поли* суть проявленія или колониальнаго педантизма или мономаніи, не имѣющія отношенія къ этнографическимъ вопросамъ. Засвидѣтельствовано исторіей, что эллиноманъ *Филиппъ II* (отецъ Александра В.) называлъ своимъ именемъ городъ Тракійскій, носившій до него туземное имя: *Дитосъ* или *Критидисъ*, и то — по огреченному, конечно, произношенію. А извѣстны весьма древніе города этой мѣстности, занесенные въ исторію и съ настоящими ихъ „варварскими“ именами, каковы: *Тотирисъ* (Плиній, Птоломей), а въ христіанскія времена: *Тотиросъ* (епископальный городъ въ области Родопы), *Довиросъ* или *Доберосъ* (Штол. Оук.) приморскій городъ, — тоже потому епископальный, *Дравискосъ, Дерискосъ, Пистиросъ, Стагира*... Какое славянское ухо не почуветь въ именахъ этихъ нѣчто *свое*, хотя и переименованное ¹⁾? Если еще рано и смѣло намъ видѣть въ нихъ наши *критту* или *критицу*, наши *топоръ*, наши *пестеръ*, нашу *траву*, наше *добро*, и пр., то по крайней мѣрѣ нѣтъ въ нихъ, надѣемся, ничего, что бы ечель роднымъ себѣ, единственно возможнымъ конкурентъ нашъ на этомъ поприщѣ, *Готскъ, Кельтскъ, Дакскъ* и не знаю кто еще. Самая рѣка *Нестъ*

¹⁾ При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ славянскихъ *б, ж, ч, т, ш* (полагая, что *ц* есть сложное *тс*), и что для *б* при передачѣ славянскихъ словъ греческими буквами должны были служить *β* и *π*, для *ж* конечно ближе всего *ζ*, для *ш* всегда *ς*, для *ч* сложныя *τσ* или *τς*. Присовокупимъ къ сему, что въ греческомъ *ο* весьма часто должно скриваться наше *у* или *ю* (*Στρίμων* — Струма), въ *κ* передъ *ε, ι, υ* звучать наше *ч* или *ц* (*Κυριαχόν* — церковь, *Κεράσιχ* — черешня), въ *γ* часто предполагается наше *й*, или, незамѣчаемое нами, вридыханіе ямчатое, если стоятъ передъ *ε* и *ι*, и особенно между двумя гласными (*Διάγυος* — Янко, т. е. Ваня, *Τσέτιγγε* — Петянье).

(Νέστος), главная въ сихъ мѣстахъ (Ирод. Плин. Фукид. Страв. Смилл. Мед.), до сихъ поръ зовомая: *Мѣста*, въ совокупности съ чисто славянской *Струмою* (*Стримомомъ* Στρίμων) текущею по сообществу, не даютъ ли повода заключать, что Славяне обитали въ мѣстахъ этихъ ранѣе не только Юстиниана, но и Феодосія II, при которомъ будто бы впервые огласилось настоящее имя ихъ въ Имперіи?

Въ часъ по полудни „котва“ корабля нашего была поднята, „вѣтрила“... Но вѣтриль больше нѣтъ. Въмѣсто ихъ есть „вратило“, которое тамъ въ глубинѣ водной и началò поворачиваться, глухо постукивая своимъ трезубцемъ, невиданнымъ со временъ отставленнаго отъ службы Посидона. Воображаю, какими куреніями и возмущеніями почтили бы эгейскіе Неаполитанцы новое, и такое страшное, божество подводное, если бы встали изъ гробовъ своихъ на свѣтъ „Этаниса“. Прощаемся съ мѣстомъ, которому въ близкомъ будущемъ грозятъ немалыя тревоженія. Оно лежитъ на рубежѣ Фракіи и Македоніи, и послужитъ, вмѣстѣ съ столькими другими, международнымъ яблокомъ раздора. Въ первую вѣщались всѣми руками потомки *Эллина* (ни чуть не повиннаго въ бытіи ихъ), по праву завоеванія, а вторую они же требуютъ себѣ по наслѣдству. Эллингъ былъ сынъ *Демаліона*, которому (видю) по правамъ возстановителя рода человѣческаго ¹⁾, принадлежало на землѣ все, въ томъ числѣ и Фракія. Кромѣ Эллина, у Девка-

¹⁾ А самое имя Δευκαλίων какъ мало звучитъ по гречески! Одинъ эвангелистъ (Феофанъ), признавая въ Девкалионѣ библейскаго Ноя, выводитъ имя его изъ вѣраемаго въ уста его покаяннаго обращенія къ грѣшникамъ его времени, въ переводѣ на греческій языкъ будто бы составляющаго фразу: Δεῦ (τε) Καλεῖ (ὑμᾶς ὁ θεὸς εἰς μετάνοι) αὐ. Такъ какъ отъ великаго до смѣливаго одинъ только шагъ, то мнѣ и пришло въ голову, какъ одинъ изъ товарищей моихъ по Риторикѣ, отличавшійся быстроуміемъ, читалъ въ загадочномъ имени русскую фразу: *Девка* (что) *ли онъ?* произнесенную возродителемъ людей, когда Фемидѣ завѣряла его, что бросая за спину свою кости «матерой матери», онъ народитъ вновь людей.

ліона еще былъ другой сынъ *Амфиціонъ*, наслѣдовавшій отцу. Но такъ какъ исторія его начинается уже выходить на свѣтъ критики; и слѣдовательно не приноситъ всей ожидаемой пользы патріотамъ, то у Девкалиона явился третій сынъ *Македонъ*, отъ котораго Эллина и имѣють теперь право владѣть Македоніей... Вступая съ сей минутой въ предѣлы Македоніи, я нужень узнать что нибудь о ней, и потому не даромъ заговорилъ о Девкалионѣ и Македонѣ. Надобно же, въ самомъ дѣлѣ, поискать объясненія термину, надѣлавшему столько историческаго шума, и теперь еще готовому валить Румелию отъ края до края междоусобіемъ. Конечно, увлечся нельзя блестящимъ предположеніемъ одного царградскаго „родолюбца“, сочиненнымъ очевидно для насъ русскихъ, что въ Македоніи проще всего слышать *Маки* и *Демъ*, не злонамѣреннымъ сопоставленіемъ понятій мачихи и дочери, аплусирующимъ на отношенія Греческой церкви въ Македоніи къ народу. Слава Богу, есть возможность произвестъ Македонію отъ названія одного изъ племенъ, населявшихъ ее въ глубокой древности, именно *Мидонозъ* (Μυδοῖνας), сходство бьющее въ глаза (или уши). Отчего мы сей часъ же даемъ преимущество этой этимологіи передъ Девкалионовскою. Все это я переводилъ въ мысли, сидя одиноко за картофельнымъ обѣдомъ съ Страбономъ и Изааберомъ. Спутникъ мой въ это время рисовалъ на палубѣ что-то. Возвратившись на верхъ, я нашолъ его въ схваткѣ съ однимъ патріотомъ, завѣрявшимъ нашего скиеа, что ни одинъ грекъ не измѣнялъ и не измѣнитъ вѣрѣ отцевъ своихъ, тогда какъ Болгары напр. сегодня дѣлаются уніатами, завтра протестантами... Скиеъ, вмѣсто отвѣта, только значительно и послѣдовательно кивнулъ головою на берегъ по направленію къ оставленной *Бовалѣ*. — А что *тамъ* такое? спросилъ составатель. — А тамъ Драма... — Что же такое: Драма? Какъ, что? А „Святый Андрамасъ“? Спутникъ оторвалъ при этомъ глаза отъ рисунка, и вперилъ ихъ въ патріота. — Вотъ нашли кѣмъ укорить! Бездѣльникомъ, маскарадни-

комъ, мопешникомъ. — Такъ. Но значить, *есть* такіе греки. Чего же вамъ еще нужно? заключилъ каракулистъ — художникъ, не удостоившая уже взоромъ своимъ противника. Полнѣйшая побѣда была на вашей сторонѣ. И подошло же такъ кстати вѣщее имя *Драмы!* Чтобы ощутить всю соль случая, надобно знать, что предмѣстникъ нынѣшняго Митрополита Драмскаго, позванный за какія-то злоупотребленія въ Константинополь на судъ Великой Церкви и долженствовавшій понести наказаніе, перешолъ въ Латинство, и не только остался въ своемъ санѣ въ глазахъ Римской Куріи, но и сталъ получать пенсію отъ Папскаго делегата въ Константинополь, посмѣваясь своимъ „гонителямъ“ — той же квашни тѣсту, по его мнѣнію. Къ прискорбному сему факту, на диво всѣмъ Скиѣамъ, греческое духовенство и вся православная интеллигенція Византіи отнеслись совершенно равнодушно, довольствуясь данною отщепенцу каламбурною кличкою: *Анодрамаса* (*ὁ ἀπὸ Δράμας*, вмѣсто *ὁ Δράμας* или полнѣе *ὁ ἅγιος Δράμας*), въ чемъ, по мнѣнію ихъ, заключается весьма тонкій и колкій намекъ на отбѣгъ (*ἀπό—δρόμος*) митрополита отъ православія. . . Не дѣти ли это, закрывающіе себѣ глаза въ виду приближающейся бѣды? Но, нѣтъ, какъ будто не дѣти. Столько шума газетнаго, и всякаго другаго, надѣлали за четыре года передъ этимъ тѣже самые каламбуристы, когда нѣсколько болгаръ Константинопольскихъ, въ видѣ угрозы или принудительной мѣры Великой Церкви, приняли унию, кидаясь, какъ говорится, изъ огня въ полымя.

Плывемъ между островомъ *Θасомъ* и Македонскимъ материкомъ, держась ближе къ первому. Отъ нечего дѣлать рисую горы его, невысокія и неказистыя вообще. Извѣстный на Востокѣ своимъ строительнымъ матеріаломъ ¹⁾ (немогоза — по словамъ одного поэта), ост-

¹⁾ Еще опалами и аметистами. Еще — уксусомъ. Еще — эллеборомъ, издѣлавшимъ глазную боль.

ровъ мало представляетъ взору гѣбистой поверхности, по крайней мѣрѣ на высотахъ своихъ. Въ древнѣйшія времена онъ именовался иначе, и даже, по видимому, не разъ мѣнялъ свое имя, означавшее то его благорастворенный воздухъ, то ведренную погоду, то плодоносіе, то минеральное богатство, — всѣ, конечно, греческія. Одно только, самое древнее, названіе его: *Едомисъ* или *Одомисъ* не выражаетъ прямо ничего, и вѣроятно дано ему *Идоами*, обитавшими насупротивъ его на материкѣ. Поэты звали его „золотымъ“, по обилію золотоносныхъ росыпей на немъ. *Фасомъ* — словомъ очевидно чужеземнымъ — называли его Финикіяне, и тоже будто бы за золото, а по инымъ — отъ имени вождя ихъ золотопромышленной компаніи ¹⁾, отрывшаго на островѣ золотыя прииски. Кромѣ лѣса и золота, островъ славился когда-то еще виномъ, имѣвшимъ свой, высоко цѣнившійся, вкусъ ²⁾, а также мраморомъ съ золотыми жилками. Золота, какъ утверждаетъ *Продотъ*, добывалось тутъ когда-то около ста талантовъ, болѣе полутора миллионновъ рублей. Цѣлая гора золотоносная, обращенная къ острову Самоэраки, была скрыта. Мѣстность эту, по такимъ указаніямъ, легко отыскать, и вѣроятно какой нибудь предприимчивый золотопромышленникъ нашего времени не остался бы въ накладѣ, если бы морылся на мѣстѣ старыхъ приисковъ, такъ какъ древніе (по мнѣнію „новыхъ“ — по крайней мѣрѣ) не умѣли хорошо отдѣлать дорогой металлъ отъ земной пероти.

Острову этому принадлежать два три славныхъ въ древности имени. Живописецъ *Поллигонтъ*, уроженецъ Фасскій, жившій около

¹⁾ По *Продоту* (кн. II. гл. 44) компанія имѣла въ виду другую цѣль, а именно — отыскать похищенную Еврону.

²⁾ Вино имѣло замѣчательное, если не прямо чудесное, свойство принимать вкусъ окружающихъ виноградныхъ лозъ растений (для чего и сѣяли около кустовъ *элеборъ*), и было двухъ родовъ, одно — усыпляло, другое — производило бессоницу... «Не любо не слушай».

420 года до Р. Х., первый стал изображать лица людей с открытым ртом и вообще с выражением жизни. Онъ росписалъ храмъ въ Дельфахъ и одинъ портикъ въ Афинахъ, извѣстный подъ именемъ „пестраго“ или разноцвѣтнаго (Ποικίλη), вѣроятно названный такъ именно отъ пестроты красокъ, весьма любимой Полигнотомъ. Другая, преславная въ свое время, знаменитость острова была *Θεαγένης* Тимононовъ сынъ, атлетъ (борецъ) 1400 разъ увѣнчанный на разныхъ всенародныхъ играхъ Греціи, и прозванный „сыномъ Иракла“. Его статуя стояла въ самой Олимпіи рядомъ съ статуями царей Македонскихъ. Прелюбопытенъ судебный процессъ, бывший тутъ на островѣ, по поводу статуи сего самаго атлета. Какой-то соперникъ его, не терпѣвшій его славы, въ отместку ему приходилъ, и каждую ночь билъ его статуя, вылитую изъ мѣди. Статуя наконецъ не выдержала ударовъ, и упала, но, падая, убила самаго оскорбителя. Сынъ убитаго завелъ процессъ съ убійцей. Отличные *Θεσίοτες*, держась Драконовыхъ законовъ, присудили утопить виновнаго въ морѣ. Но, вслѣдъ за этимъ прототипомъ нашего Шемякина Суда, островъ постигло большое несчастье, а именно — голодъ. Обратилесь, по обычаю тѣхъ временъ, за объясненіемъ къ Дельфійскому прорицалищу. Богъ (*sic*) сказалъ: „Пусть возвратятъ изгнанниковъ“. Сказано — сдѣлано. Но голодъ не прекращался. Шлется другое посольство въ Дельфы. Пиѳія оставляетъ загадочный языкъ, и прямо стихословить: „*Θεαγένης*, не вспомнивши, оставили Великаго вашего“... Думается мнѣ, что вижу, какъ возвратившіеся съ богомолья островитяне собрались тутъ на берегу, и ломаютъ себѣ руки, не зная, какимъ способомъ вынести изъ глубины морской такую массу металла. И — о, чудо! Рыбаки просто вытаскиваютъ статуя неводомъ! Съ тѣхъ поръ *Θεαγένης* прославился на весь свѣтъ уже не одною физическою силою или ловкостію, а и святостію. Его обожили и стали чтить, какъ цѣлителя недуговъ человѣческихъ (голодный желудокъ развѣ не болѣзнь?). Обо всемъ этомъ подробно

говорить неложный писатель *Павсаний* (Кн. VI. Гл. II.). И не страшно ли? этот самый *ἄθεός* (яко-Богъ), когда ему было еще только 9 лѣтъ, идя разъ по городскому базару изъ школы, приложился къ статуѣ Иракла, и затѣмъ, вваливъ ее себѣ на плече, унесъ домой. За такое нечестивое дѣло присудили ребенка къ смерти. Но одинъ умный старикъ не позволилъ сего, а сказалъ *Феагену*, чтобы онъ сейчасъ же отнесъ назадъ и поставилъ на свое мѣсто похищенное божество, что тотъ и не замедлилъ сдѣлать. Фактъ такимъ образомъ игнорированъ судомъ, тѣмъ не менѣе онъ огласился далеко за предѣлами острова. Мальчикъ прославился необыкновенною силою по всей Греціи. Оставилась на родинѣ его басня (повидимому ни чуть не обидная для его матери), что онъ сынъ не жреца *Тимосеена*, а самаго божества, которому тотъ служилъ. Но не смотря на это родство его съ Олимпомъ, божественный законъ строгаго воздаянія возмѣлъ и надъ нимъ всю свою силу. Статуя отместила статуѣ, божественное дало себя знать человѣческому. Позоръ за позоръ! Въ боголюбивое то время божество было такъ близко къ человѣку, что онъ могъ встрѣчаться съ нимъ чуть не на каждомъ шагу. Удивительно ли, что богочеловѣчество *Христово* такъ легко прививалось къ уму блуждавшихъ во мракѣ многобожія боголюбцевъ? Многократно приходится историку — богослову возвращаться, въ своихъ изслѣдованіяхъ древности, къ той мысли, что идолослуженіе эгипто-финикійско-эллинское было провиденціальнымъ явленіемъ въ человѣчествѣ, что оно имѣло своею задачею развивать и поддерживать въ человѣкѣ *живую* вѣру въ Бога, узнавшаю потомъ дѣйствительно съ перваго, такъ сказать, раза въ Апостольской проповѣди свой завѣтный, давно чтимый и любимый, но неуловимый идеаль. Культъ *Фаскаго Иракла* занесенъ былъ сюда изъ *Сирии*, и былъ истиннымъ предтечею *Евангелія*, имѣвшаго смѣстить собою всѣ подставныя божества Греціи. — Какъ кстати! *Фасъ* скрывается изъ глазъ, и на его мѣсто возникаетъ изъ свѣтлаго моря вели-

чественный обликъ *Аеона*, при имени котораго бѣжитъ отъ мысли далеко все смѣшное, жалкое и студное язычество Эллинское. Ласкающее душу (но конечно требующее подтвержденія изъ древнѣйшихъ временъ) преданіе святогорцевъ¹⁾, столько распространенное у насъ по Россіи, несетъ на встрѣчу намъ не Самоэракійскую „матеръ боговъ“, и не Фасскаго „царя городовъ“ (*Мелик-Картъ*, Финикійскій Геркулесъ), а присноблаженную и пренепорочную Матеръ Бога нашего, — „царя міровъ“, яко агнца непорочна и пречиста. Сей-то неворочности и недоставало блестящей и влекущей и, какъ видно изъ примѣра Беагена, блажащей вѣрѣ язычества. Но замѣчательно, что и то и другое, и всякое иное — повидимому, теченіе религіозное все шло съ юга, по слову пророческому: *отъ юга прииде Богъ*.

Случается, что отходя или отъѣзжая куда нибудь, подавляешься какимъ-то чувствомъ нерѣшимости. Обыкновенно это считается знакомъ, что что-то остается позабытымъ въ домѣ. Такъ случилось и теперь со мною. Готовъ совсѣмъ отдаться влекущему, и какъ бы дружески уже помавающему, зрѣлищу *Святой Горы*, а между тѣмъ чув-

¹⁾ Въ недавней ученой «новѣсти объ Аеонѣ» на мѣсто Божіей Матери заносится на Аеонъ Апостолъ Павелъ. Известно, что онъ на пути изъ Финіи въ Солунь посѣтилъ *Афинола* и *Аполлонію*. Мѣстность перваго города вполне известна. На мѣстѣ его въ средніе вѣка былъ городъ *Христополь* (по инымъ *Хрисополь*), о чемъ прямо говорится у «Византійцевъ». Теперь же тамъ деревушка *Мармара* съ древними и большими развалинами. Нельзя того же сказать о городѣ *Аполлоніи*. По «Дорожнику Антонинову», она находилась почти на серединѣ пути отъ Афинола къ Фессалоникѣ, отстоя отъ перваго на 32, а отъ второй на 26 миль (по «Іерусалимскому Дорожнику» 31 и 38 миль). На «Феодосіевой» (Певтингеровой) картѣ: 30 и 38, и совершенно въ сторонѣ отъ Аеонскаго перешейка. На «картѣ Евровѣйской Турціи» Австрійскаго Штаба прямо означено и мѣсто ея, гдѣ у Книерта видится слово: *Poliva*, — на столько далеко отъ Аеона, на сколько требуется, чтобы не зайти туда Апостолу. Правда, *Плиній* упоминаетъ объ Аеонской Аполлоніи, которой жители слыли за долголѣвчичихъ. Но *Мела* (кн. II. гл. 11) прямо ставитъ ее на мѣсто разореннаго *Акроея*, а Акроей, по *Плинію*, былъ *oppidum in salsitima*, а не у *Ерриссо*, гдѣ воображаетъ ее упомянутая ученая сказка.

ствую, что что-то забыть на островѣ *Фасѣ*, и нужеъ вернуться къ нему. Проходящіе мимо меня патриоты, одинъ *эракасъ*, а другой *ала-евроніа*, навели память мою на то, что она потеряла: Дѣло идетъ объ *Европѣ*. Давнымъ давно я вычиталъ гдѣ-то, что на островѣ *Фасѣ* умерла и погребена... мать Европы! Это была жена Финикійскаго царя *Амнора*, по имени *Телебасса*, имѣвшая кромѣ Европы еще трехъ сыновей *Финита*, *Клима* и *Фаса*. Съ послѣднимъ она отправилась отыскивать похищенную такъ неожиданно и таинственно дочь свою, доплыла до самаго сѣвернаго изъ острововъ архипелага, и, вѣроятно, отчаявшись найти, осталась тутъ, утѣшаясь открытыми сыномъ золотыми приисками. Тутъ она и почилла въ мирѣ. А Европа? Она, такъ сказать, безъ вѣсти пропала. По всей вѣроятности ее завезли, въ извѣжаніе преслѣдованій мореходовъ Финикійянь, на твердую землю, гдѣ и слѣдъ ея простылъ ¹⁾. Не устойчивыя понятія древнихъ историковъ объ Европѣ, какъ части свѣта, не ведутъ къ какому нибудь определенному заключенію о мѣстѣ, гдѣ жила похищенная царевна. Официальная географія Византійская указываетъ уже ясно, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, очерченный предѣлъ области Европы, а именно сѣверный берегъ Пропонтиды и Эллиспонта. Въ извѣстномъ Росписаніи Епархій Имперіи, приписываемомъ св. Елифанію Кипрскому, каедрой „Епархія Европы“ указана *Ираклія*, что на Мраморномъ морѣ, а каедрой „Епархія Асіи“ — *Ефесъ*. Въ другой Ногиціи, вѣро-

¹⁾ По наиболее ходячему мнѣнію, Тирскую (но другимъ — Сидонскую) царевну подсмотрѣлъ и похитилъ критскій царь *Астерій*, отправившійся съ нею на корабль *Таэръ* (откуда баснь о «бытѣ» уплывшемъ съ нею по морю) на свой островъ, гдѣ и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Посему-то и *Продотъ* дѣлаетъ намекъ, что Европа совсѣмъ не видела мѣсть, нареченныхъ ея именемъ, и что изъ Крита могла побывать развѣ только въ Киликіи. Съ этимъ мнѣніемъ расходится занесенное *Павсаніемъ* въ его книгу преданіе, что Зевсъ (похититель) укрывалъ плѣнницу въ *Тельмиссъ*, близъ города *Омъ*. Туда же отправился за поисками сестры и (четвертый?) Царевичъ Тирскій *Кадмъ*, передавшій финикійскій алфавитъ Грекамъ, своимъ новымъ подданнымъ.

ятно повднѣйшей, уже двѣ Епархіи читаются съ именемъ „Европы“: *Ираклійская* и *Траянопольская*. Какая нибудь была—же историческая причина, почему, обобщенный еще до Р. Х., географическій терминъ: *Европа*, съ V вѣка по Р. Х. сталъ придаваться въ частности сѣверному берегу Пропонтиды. Если въ сказкѣ о Тирской царицѣ есть хотя сколько нибудь правды, то вѣроятно горемычной плѣнницѣ суждено было влечь дни свои тамъ, куда материнское чувство влекло, но не донесло Гелефассу, т. е. во Фракію, гдѣ нибудь на соименной ей рѣкѣ *Евросъ*, по теперешнему: *Марница*.

Рисую, на сколько умѣю, видъ Св. Горы, все болѣе и болѣе надвигающейся на умяляющійся Эптанисъ. Ненаглядное зрѣлище! Особенно такимъ оно кажется тому, кто болѣе или менѣе уже знакомъ съ Св. Горой, и можетъ отыскать на ней глазомъ тотъ или другой памятный предметъ. Издалека представляется она громаднѣйшей пирамидой почти правильной геометрической формы и въ частности таковою зрится ея величавая, стройная, „славная“, какъ привыкли мы выражаться, вершина или тѣ, что собственно зовется *Аеоникъ*. Почти до половины высоты ея мы нашли ее еще испещренною снѣжными полосами. Онѣ-то собственно и помогаютъ взору сдѣлать подлежащее заключеніе о величинѣ всей массы, образующей *Аеонскій пикъ*. Торчащій изъ нихъ мохомъ или пухомъ лѣвъ даетъ возможность судить, какія страшныя громады входятъ въ составъ его, и на какой высотѣ онѣ находятся. Понятно, отчего съ вершины горы пробѣгающіе по морю пароходы кажутся малыми щелчками. Напрягаю зрѣніе и вооружаюсь трубкой, чтобы увидѣть при морѣ или на кое-горѣ какой нибудь монастырь. Напрасный трудъ! „Великія и Царскія“ обитатели слишкомъ малы, чтобы дать себя замѣтить на такомъ разстояніи. Что-то въ мгlistой дали бѣлѣющее принялъ было я за *Иверскій монастырь*, или просто „Иверъ“, какъ зовутъ его наши *Аеонцы*, но ручаться не могу, онъ ли то былъ, или *Милонотамъ*, — родъ мнѣ

зы, принадлежащей Лаврѣ св. Аѳанасіа. Самую Лавру удалось кое какъ различить на такой же какъ она, окружающей еѣ красновато-сѣраго цвѣта горной покатости. Замѣтите всего оказался Молдавскій Скитъ, ярко бѣлѣвшій новыми постройками на зеленой площадкѣ косогорья. Огибаемъ грозный для мореплавателей *Capo Santo*, т. е. мысъ Аѳонскій, который впрочемъ не выходитъ въ море одного косякомъ, а имѣетъ видъ рыбьяго хвоста, выдающагося впередъ на двухъ оконечностяхъ. *Страбонъ* пишетъ потому о двухъ мысахъ Аѳонскихъ, южномъ *Нимфен*, и сѣверномъ *Акрао*. Наиболѣе опаснымъ изъ нихъ считается конечно сѣверный, который собственно и носитъ имя *Аѳона* ("Αχρος "Αθως). У него несомнѣнно разбился Мардоніевъ флотъ изъ 300 кораблей съ 20,000 азіатскихъ воителей, въ первый Персидскій (Даріевъ) походъ на Грецію въ 492 г. до Р. Х. Имѣлъ право, потому, предпринявшій второй походъ Ксерксъ недоувѣрять „невинному“¹⁾ Аѳону въ его благосклонности къ азіатамъ, и позаботиться обойтись безъ его услугъ. Но, только совершенный недостатокъ географическихъ свѣдѣній внушилъ ему, еще у себя въ домѣ сидѣвшему, чудовищную мысль открыть безопасный путь своему флоту прорытіемъ по матеріку цѣлаго канала. Какъ будто онъ не могъ пройти въ досадную Грецію, оставивъ далеко въ сторонѣ не только Аѳонскій мысъ, но и весь сѣверный Архипелагъ. Сбумѣлъ же онъ найти прямую дорогу сухопутному войску отъ Аѳонскаго перешейка прямо къ *Термъ* (позднѣе — *Тессалоникъ*), которою и самъ прошолъ. Но что значило въ тѣ времена приказать и вынудить самыя невообразимыя вещи? Царь не прежде двинулся съ своего мѣста въ походъ, какъ получилъ депеши, что все сдѣлано и все готово! Флотъ его, потому, миновалъ благополучно

¹⁾ Невинная аллегорія нашего покойнаго «Святогорца» на слово "Αθως, какъ бы: ἀθως. *Дарій* и *Ксерксъ*, если знали немного святогорца по гречески, я думаю, скорѣе прокли бы въ "Αθως прилагательное: ἀθεος—безбожный.

грозное и печальное по воспоминаніямъ мѣсто. Мы тоже прошли его благополучно. Вотъ и южный мысъ, посвященный когда-то „нимфамъ“, а теперъ св. Георгію. Хорошо различаемъ на стремнинахъ горы иноческія поселенія то въ одиночку, то скученными хуторами. Вотъ это, вѣрно, прѣсловутая на Аѳонѣ, *Каруля*. А это несомнѣнно Окегъ св. Анны. Разсматриваемъ въ трубу подробности келлій. Ни одного движущагося существа не оказывается. Или ушли все въ *Кириаконъ* (Церковь соборную, гдѣ совершается скитѣйками общая служба по воскресеньямъ — *Κυριακὴ ἡμέρα*... А по буднямъ каждый молится въ своей домашней церкви) на вечернюю молитву, или никого изъ нихъ не занимаетъ появленіе у береговъ парохода. „Непрестанное божественное желаніе, бываетъ у пустынниковъ, міра суетнаго сущихъ кромѣ,“... Такъ отозвался о подобныхъ себѣ отшельникахъ Іоаннъ золототочный, *Дамаскинъ*. Надобно думать, что это дѣйствительно такъ бываетъ. Поднесли разъ, помню рассказывалъ кто-то, къ глазамъ умирающаго писателя только что отпечатанное, новое его сочиненіе, въ надеждѣ утѣшить его въ послѣдній разъ. Но взоръ его остановился не на книгѣ, а на рукѣ, державшей книгу, и застылъ на ней... Что, какъ не ежеминутно умирающій есть и отшельникъ Аѳонскій? Какое ему дѣло до того, кто и гдѣ идетъ или проходитъ въ то или другое время? А вопросъ: съ чѣмъ или зачѣмъ онъ проходитъ, конечно уже — *отъ напасти*. Можно не сомнѣваться, что въ видахъ строжайшаго самоисправленія онъ считаетъ искусительнымъ помысломъ взглянуть на то, что ни въ какомъ случаѣ къ нему не относится. — Блуждаю взоромъ по всему скату горы отъ моря до самого пика, увѣнчаннаго церковію. Къ удивленію, 6,000 футовая высота не поражаетъ собою глаза. Должно быть разстояніе между нею и мѣстомъ наблюденія еще очень велико, хотя и не кажется таковымъ. Гдѣ то та стремнистая высь съ малой площадкой, на которой за 6 лѣтъ передъ этимъ я былъ меньше чѣмъ на шагъ отъ смерти? Не вижу ея. Даже того лѣса гу-

стаго, который отдѣляетъ высрѣннѣйшій изъ Скитовъ Аѳонскихъ, *Керасійскій*, отъ пика, и прилежить глубоко пустынной церкви „Богородицы“, не могу отыскать. Страшная каменная громада видится въ ракурсѣ. По мѣрѣ отдаленія отъ нея парохода, стали означаться на ней и междугорныя долины и цѣлыя площади, но въ тоже время онѣ стали уменьшаться въ размѣрахъ и какъ бы застилаться мглою. Быстро пересѣкаемъ мы заливъ: *Монте-Санто*. Юго западная сторона Аѳонскаго полуострова открылась по всей своей длинѣ. Различаю хорошо монастырь *св. Павла*, ближайшій къ мысу св. Георгія, и довольно отчетливо вижу, дивный своимъ положеніемъ, монастырь *Симео-Петръ*. Затѣмъ изъ морскихъ испареній выникаетъ вдали еще одна, ярко блестящая точка. Это нашъ *Русикъ*, т. е. Русскій монастырь св. Великомученика Пантелеимона, съ недавняго времени получившій громкую, всероссійскую извѣстность — путемъ многочисленныхъ сочиненій о немъ и широкой практики его по лицу земли Русской. Не мало издано статей и отдѣльныхъ брошюръ о немъ и про и contra, и своими и чужими, и для препровожденія времени и для проведенія началъ новой аскетики „по духу плоти“. А онъ, какъ настоящій отшельникъ въ родѣ упомянутаго, и вниманія не обращаетъ на всю, вызванную имъ литературу Аѳонскую, дѣлая свое дѣло, и выполняя свою задачу. Богъ да поможетъ ему до конца довести ее, и сдѣлать Русикъ русскимъ. Только надобно, чтобы онъ хорошо помнилъ двѣ полезныя вещи: 1) что свобода не приобрѣтается рабствомъ, 2) что настоящій духъ, такъ сказать *духовный*, не есть духъ промышленный... Пожалуй пусть еще припоминаетъ иногда старое слово премудрости: *естъ время всякой вещи подъ небесемъ* и что самое дорогое и любезное слово, слишкомъ часто повторяемое въ слухъ уха, можетъ надобѣсть слушающему.

Македонія распустила по „Бѣлому морю“ три равной длины, но неровной ширины и совсѣмъ различной толщины, косы. За *Аѳонскою*

слѣдуетъ по Ксерксову и нашему маршруту, Сиѳонская, теперь зово-
мая: *Луго* или *Лонго* (отъ: Longo?) А за сею — *Палленская* или
Кассандрская, до сихъ поръ удержавшая свое послѣднее названіе. Мы
подплыли къ *Луго*. Полуостровъ этотъ ничѣмъ не похожъ на Аѳон-
скій ¹⁾. Входить онъ въ море плоскимъ берегомъ, крѣпко иззубрен-
нымъ и покрытымъ тщедушнымъ кустарникомъ. Не откуда взять-
ся тутъ стремительному вѣтру. Оттого и флотъ Ксерксовъ, про-
шедши по проволоку, (теперь: *провлаку*) его имени, смѣло уже полъ къ
Сиѳонскому мысу *Амбелу* ²⁾ (виноградному), забирая по пути въ го-
родахъ *Ассъ*, *Пилоръ*, *Ситъ* и *Сартъ* годныхъ для военнаго дѣла
людей. Такой же, нежеланной конечно, чести удостоены были и 5
городовъ юго-западнаго поморья Сиѳонскаго. За позднимъ временемъ
намъ нельзя уже было ничего разсмотрѣть на берегу этомъ. Самый
заливъ между *Лонго* и *Кассандрой* уже почти не различался. Я до-
ждался впрочемъ на палубѣ, пока мы подошли къ послѣднему, са-
мому южному, изъ полуострововъ, и обогнули мысъ *Палмори*, а по
древнему: *Канасторъ*. Въ третій разъ мнѣ доводится плыть возлѣ
Паллены, о которой не мало рѣчей у древнихъ писателей, и все —
ночью. Никакого, самаго приблизительнаго, очертанія его не уле-
глось, потому, въ сокровищницѣ памяти. А вѣдь есть поводъ думать,
что древнѣйшая сказка о сраженіи гигантовъ съ богами привязана
къ этой невзрачной мѣстности. По Иродоту полуостровъ *Паллена* на-
зывался прежде *Флеора*. А извѣстно, что на „поляхъ флегрскихъ“
(жгучихъ или воспламеняющихся) произошла борьба смертныхъ съ

¹⁾ Въ самомъ наименованіи ихъ есть уже что-то намекающее на эту разность: Ἄ —
Ἐως и Ἐί — Ἐως. Первое какъ будто отрицаетъ, а второе (вѣроятно) утверждаетъ то, что
долженъ означать собою слогъ Ἐως. А что онъ означаетъ, не знаемъ.

²⁾ Теперь: *Дрепано* (серпъ). Вмѣсто *Амбела*, Страбонъ указываетъ тутъ мысъ:
Δέρρις, и при немъ «Глухую пристань» (Κωφός λιμήν).

безсмертными за владѣніе небомъ. Страбонъ поприщемъ этой схватки (не поддающейся никакому историческому соображенію) считаетъ именно Кассандрскій полуостровъ ¹⁾. Довольно намъ сего.

Мы вышли въ широкое море *Фермійское*. Первое, что насъ тутъ встрѣтило, былъ — довольно сильный вѣтеръ. Насъ стало крѣпко покачивать. Нѣчто неловкое зашевелилось въ груди и подступало къ горлу. Мы поспѣшили сойти внизъ. За вечернимъ чаемъ бесѣда естественно вертѣлась около Аеона, и остановилась на *Кассандрѣ*. Ощущеніе морской болѣзни производитъ и безъ качки одно имя нынѣшняго митрополита этого города или полуострова. При всякомъ, мало—мало значительномъ обстоятельстве въ дѣлахъ Великой Церкви, непременно фигурируетъ личность „Святаго Кассандрія“ ²⁾, съ пѣною у рта отстаивающаго „божественные“ каноны, выгодные въ томъ или другомъ отношеніи эллиническимъ тенденціямъ, ожесточеннаго врага всего славянскаго, и за то самое чуть не боготворимаго патриотами, которые при послѣдней перемѣнѣ на патриаршемъ престолѣ выставляли его кандидатомъ на кафедру Златоуста, какъ человѣка, единственно способнаго дать отпоръ болгарскому движенію. Зато „Сирромахи“ крѣпко не жалуютъ гиганта — владыку, возстающаго, по ихъ мнѣнію, прямо на бога, и находятъ даже въ чертахъ лица его нѣкое сходство съ пѣной... Значить: „не мытьемъ, такъ катаньемъ“!

Солунь. 16 Мая 1865 г. Воскресеніе.

Привѣтствую въ третій разъ, столько памятный, историческій го-

¹⁾ Онъ считаетъ эту гигантомахію чистою выдумкою, и полагаетъ, что на полуостровѣ просто жилъ одинъ нечестивый народъ, истребленный Иракломъ (послѣвавшимъ всюду!), когда онъ, по взятіи Трои (!), возвращался во свояси... «А лгать не мѣшай».

²⁾ Ο Ἅγιος Κασσανδρίας, съ выпускомъ существительнаго: μητροπολίτης. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ *Дерскимъ* (каедромъ на Восфорѣ), съ тѣмъ, чтобы Великая Церковь имѣла возможность постоянно озаряться лучами такого свѣтила.

родъ. Неугомонный воитель древности только потому не заслужившій имя „великаго“, что предшествовалъ „величайшему“, *Филиппъ II*, наполнивъ славою своего имени современный миръ, занумѣвъ и въ Аѳинахъ и въ Византіи, отпраздновалъ разъ, гдѣ то тутъ по близости, свою побѣду надъ *Фессалами*. Во время торжества по сему случаю, ему донесли, что у него родилась дочь. Самымъ подходящимъ именемъ для новорожденной и оказалась „побѣда Фессаловъ“, т. е. *Фессалоника*. Царевна вышла потомъ замужъ за Кассандра, овладѣвшаго частію монархіи Александровой (послѣ смерти Великаго), именно въ самой Македоніи. Кассандръ, возобновляя древній городъ *Ферма*, назвалъ именемъ жены, *Фессалоникой*. Столько извѣстно о началѣ пресловутаго города, *второго* по своему значенію въ Восточной Имперіи! Древнѣйшее имя его, однакоже, было: *Ферма*, по нашему — *теплица* или еще проще — *баня*. Таковою она была извѣстна Иродоту и Фукидиду. Подъ этимъ же именемъ она принимала у себя рѣдкаго гостя, вождя трех-милліонной (!) арміи, *Ксеркса*. Оно очевидно, греческое, но занесено ли было сюда, какъ и во многія другія мѣста Востока, колонистами изъ Греціи, неизвѣстно. Счастливое мѣстоположеніе Фермы — Фессалоники сдѣлало ее отъ временъ древнѣйшихъ торговымъ городомъ, затмившимъ потомъ славу, всѣхъ городовъ Македоніи. Въ Римскій періодъ она считалась уже столицею всей области Македонской. Если бы не явился Константинополь, она несомнѣнно была бы главнымъ городомъ Европы на Востокѣ. Довольно этой чести для нея. Теперь и имя и значеніе ея поубавились. Зовется она уже *Салоникъ* или *Селаникъ* — по выговору турецкому, двумя слогами короче. А лѣнивые славяне и еще укоротили славное имя, сдѣлавъ изъ него *Солунь*, неизвѣстно чѣмъ болѣе руководясь при семъ, луною или солью... За издѣвку эту прошу прощенія у единокровныхъ. Они могутъ утѣшиться тѣмъ, что мы русскіе рѣшительно не уступимъ имъ въ искусствѣ передѣлывать чужое на свое. Наши

„Неирасовцы“ сдѣлали тутъ изъ турецкаго: *Сары-нъой* село: *Серяково*. Одна соотечественница, мечтающая устроить русскій женскій Аѳонъ въ Турціи, во близости мужскаго, увѣряла, что отыскано уже и пригодное для того мѣсто въ селеніи: *Ресни-ко* (*Равени-нъой*). Наконецъ наши поклонницы, миноѣдомъ въ Св. Землю, посѣщающія Цареградскія святыни, всё хорошо знаютъ, что „Валуклія“ находится за *Едрѣнскими воротами* (*Эдрене-капи* — Адрианопольскія ворота)... Какъ бы то нибыло, въ качествѣ славянь, мы постоянно будемъ писать ния Фессалоники по славянскому его произношенію, и притомъ уже готовому, предоставляя болѣе игривой сообразительности отыскать въ Салоникѣ, на адо грекамъ, даже русскую „Солонку“, какъ сьумѣли родолюбцы, въ отместку патриотамъ, историческому *Филиппополу* подставить до историческій (якобы) *Плодизъ!*

„Эпитанисъ“ нарочно замедлялъ свой ходъ ночью, чтобы прибыть въ Солунскую пристань какъ разъ къ восходу солнца. Ранѣе сего, все равно, ему не дали бы „практики“. Чуть онъ остановился, я вышелъ на палубу. Городъ былъ подернутъ легкимъ туманомъ, изъ котораго выникали только верхушки минаретовъ, да болѣе обращенные въ солнцу дома. За то, на западѣ вдалекѣ великолѣпное зрѣлище представлялъ изъ себя *Олимпъ*, болѣе, чѣмъ на треть высоты своей еще убѣленный сплошнымъ огнѣгомъ. — Уже ли мы не побываемъ на немъ? спросилъ я спутника. — Всенепремѣнно, отвѣчалъ онъ, если только *будемъ*. — Такой поэтическій отвѣтъ охладилъ начинавшійся въ душѣ моей историческій пылъ въ честь преименитой горы. Конечно, если *будемъ*, то *побываемъ*, повторялъ я про себя, дивясь умѣнью русскаго человѣка, тысячекратно свидѣтельствованному исторіей, утверждать нѣчто, отрицая все. „Практика“ получена. Пассажиры суетятся отправляясь на берегъ кто на побывку, а кто и безъ возврата на Эпитанисъ. Мы — первые изъ послѣднихъ. Договорена лодка. Оносятся за бортъ наши вещи. Расплачиваемся съ „камеръери“, который,

не смотря на то, что слышать насъ столько разъ разговаривающими на его родномъ языкѣ, счелъ долгомъ проститься съ нами по французски, пожелавъ намъ: „бон-вояжъ“! А когда-то было время, что считалось моднымъ, конечно, въ мѣстахъ этихъ и поздороваться и проститься языкомъ Аристотеля! Sic transit... etc. Палиеваръ лодочникъ быстро доставилъ насъ на берегъ. Чуть мы поставили ногу на твердую землю, какъ явился какой-то униформъ, увѣнчанный фесомъ, и потребовалъ наши паспорта. Мы успѣли объявить, что мы во 1-хъ старожилы турецкой земли, во 2-хъ, не какіе нибудь „такъ — себѣ“, а люди царскіе и что даже между нами есть одинъ Консулъ.. Но, ни что не помогло. Строгій чиновникъ непремѣнно добивался получить отъ насъ наши бумаги, при чемъ, обращаясь къ тому, кого мы назвали Консуломъ, употреблялъ выраженіе: „джанымъ эфенди“ (душа моя, господинъ), на каковую сердечность нельзя было отвѣчать упрямствомъ. Мы отдали свои паспорта для предьявленія куда слѣдуетъ, и довольствовались тѣмъ, что не попали еще въ другое митарство, таможенное. Подлежащихъ оплатъ вещей мы съ собою хотя и не имѣли, но все же могли быть въ опасности потерять свое терпѣніе, что дороже и денегъ и времени. При известной эластичности турецкихъ (и иныхъ разныхъ) таможенныхъ постановленій и — прибавимъ — совѣстей, человѣку не смѣлому или неумѣлому, а всего чаще — нениѣлому, можно натолкнуться на большія неприятности ¹⁾. Насъ спасло

¹⁾ Мнѣ доселѣ памятно, какъ одна компанія, отправляясь въ тотъ же сезонъ Константинополь изъ *Галатѣ* на *Сладкія воды* въ лодкѣ по Золотому Рогу, задержана была у моста таможеннымъ дозоромъ, и принуждена была заплатить пошлину за 22 чайныя тарелки, лежащія въ погребѣ. Никакіе резоны не помогли. Для объясненій нужно было ѣхать за тридевять земель и ждать тамъ можетъ быть дѣльный день, пока удосужится начальство. Въ другой разъ послана была изъ *Перы* въ *Фанаръ* для одной церкви одна, пожертвованная въ Россіи, икона. Попала и она въ таможенное митарство на томъ единственномъ основаніи, что для сбереженія вложена была въ тотъ самый ящикъ (разломанный и открытый), въ которомъ прислана была изъ Россіи. Sic volo... etc.

отъ таможенныхъ крючковъ благовременное появленіе консульскаго каваса, высланнаго мѣстнымъ консульствомъ нашимъ на встрѣчу намъ. Подъ его покровомъ и руководствомъ мы вскорѣ добрались до консульской квартиры, гдѣ и остановились на все время пребыванія нашего въ Солунѣ.

Такъ какъ день сегодня воскресный, и часъ водворенія нашего въ гостепріимномъ домѣ всего 8-й, то я, въ надеждѣ застать гдѣ нибудь еще Литургію, отправился въ сопровожденіи консульскаго каваса въ Солунскую „Митрополию“, по нашему — Каѳедральный Соборъ. Невзрачный, и почти печальный, первопрестольный храмъ Солунскій стоитъ въ захолустѣ, закрытый постройками со всѣхъ сторонъ. О церкви среди площади не надобно и мечтать на тѣсномъ, глухомъ, косомъ, кривомъ и раззоренномъ Востокѣ нынѣшнемъ. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ таковъ же былъ и въ древности. Дворцы императоровъ Византійскихъ, какъ надобно думать, были цѣлыми дачами, сплошь застроенными безъ плана, безъ симметріи, безъ единства руководящей мысли, и не выдѣлялись ничѣмъ изъ общей массы городскихъ зданій кромѣ развѣ своихъ, болѣе значительныхъ, размѣровъ. Въ большинствѣ случаевъ, кажется, тоже слѣдуетъ сказать и о церквяхъ. Сама Св. Софія Константинопольская — первѣйшій храмъ христіанства — по всей вѣроятности была загорожена со всѣхъ сторонъ постройками и даже пристройками къ ней самой. Нужда, прихоть и пресловутое *δεν' παρ' αὐτῆς* (произноси: *дембиризи*, соответствующее нашему: *ничего!*), столько извѣстное теперь въ жизни и въ мысли греческой, рѣшали должно быть и въ старину наибольшую часть дѣлъ человѣческихъ. По Константинополю можно судить и о всѣхъ другихъ мѣстахъ угасшей Имперіи. Мы застали въ соборѣ службу на самомъ концѣ ея. На вопросъ объ архіереѣ, Авено-Зографскіе Метохиты, случившіеся въ церкви, извѣстили, что онъ служить сегодня въ *Παναγίῃ Δεξτῆς*, ради поминокъ чьихъ-то. Мы отправились на поиски

его. Но, еще не доходя до указанной церкви, узнали из расписовки, что Владыка служить совсемъ въ другой церкви. По дорогѣ въ эту, мы осмотрѣли вновь строящійся храмъ *Св. Николая*. Будетъ свѣтлое и красивое зданіе, но съ деревянными сводами, что одно уже показываетъ скороспѣшность и непрочность постройки. Наконецъ мы попали на архіерейское служеніе. Возжественная Литургія и тутъ близилась къ концу. Все, что попадало подъ взоръ и слухъ, было совершенно похоже на все, встрѣчаемое вообще въ Греческихъ церквяхъ, до мелочей. По окончаніи службы, „Восвѣтъшій“ раздавалъ народу антидоръ. Убѣленный сѣдими старецъ не производитъ видошъ своимъ „благодѣнаго“ впечатлѣнію, хотя выраженію пастырской власти и достаточно выработано въ его взорѣ. Солунская кафедра одна изъ немногихъ, удержавшаяся на высотѣ древняго положенія митрополій или лучше „архіепископій“ въ первоначальномъ смыслѣ слова, какими были и именовались кафедры *Кесарійская, Евфесская, Мирская*... „воихъ“ предшественники были дѣйствительными „Начальниками Епископовъ“ известной области. Ей подвѣдомы до сихъ поръ 8 Епископій, въ числѣ коихъ двѣ — *Дойранская* и *Палайская* — исключительно славянскія, хотя и въ другихъ епархіяхъ большинство населенія, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Константинолѣ, тоже составляютъ болгары. Сколько грековъ и болгаръ въ самой Фессалоникѣ, узнать не легко въ настоящее время, и узнавать — особенно намъ русскимъ — совсѣмъ неблагоприятно. Дѣло, впрочемъ, не замедлитъ выясниться. Къ этому приводитъ со дня на день возрастающій разладъ международный, охватившій уже всю Македонію, и только въ самой столицѣ области игнорируемый мѣстной церковною властію. Въ самомъ городѣ Славянскаго богослуженія нѣтъ еще. Говорятъ, что если бы хотя въ одной церкви открыть его, произошло бы въ городѣ общее возстаніе грековъ. Вотъ и жалуйтесь послѣ сего на притѣсненіе христіанъ турками! Нѣтъ, Восточный вопросъ держится не на поверхности материи,

Послѣ обѣда мы съ спутникомъ и однимъ чиновникомъ консульства, старожиломъ Солунскимъ, отирались на археологическое обозрѣніе города. Начали оное со *Св. Софіи*, обращенной давнымъ давно въ мечеть. Прекрасный куполъ ея, украшенный мозаическими по золоту изображениями Вознесѣнія Господня, на долго привлекалъ къ себѣ вниманіе наше. Закрашенные изувѣрствомъ надоконныя фигуры Апостоловъ все болѣе и болѣе выступаютъ наружу, и терпѣливо ждутъ окончательнаго освобожденія изъ подъ варварскаго гнета. Удостоится ли тогда лучшей чести? Да не покажется кому либо страннымъ, мы сомнѣваемся въ томъ. Слишкомъ высоко стоятъ, а привагивный духъ вѣка нашего, и въ частности меркантильный духъ Солунскій, не подниметь взора своего выше настоящихъ — золотыхъ — изображеній Наполеона, Викторіи и другихъ поклоняемыхъ лицъ. Такъ думается. Я видѣлъ одну церковь — въ свободной Греціи — преукрашенную золотыми мозаиками, совершенно пренебреженную. Похвалялъ я ихъ разъ одному патриоту, и на яву и во снѣ бредящему *Св. Софіею* (Цариградскою). Что же услышалъ? — Вѣдяки! Любили потрудиться — холодно замѣтилъ онъ о своихъ боголюбивыхъ предкахъ, т. е. потрудиться даромъ, безъ выгоды, безъ процента! Вотъ вамъ и философія проживаемаго момента, отъ которой не жди себѣ ничего никакая отжившая идея, хотя бы она называлась *Св. Софіей* т. е. Премудростію. Не будемъ впрочемъ лгать на воспитавшій насъ вѣкъ. Онъ не прочь признавать, и даже при случаѣ проповѣдать, Мудрость Творческую, но воздвигать ей храмы, украшать и поддерживать ихъ не сочтетъ своимъ призваніемъ, еще менѣе — осмысленною цѣлію своихъ стремленій. Что я не притягиваю, такъ сказать, за волосы подобныхъ соображеній, за то ручается свѣжее еще впечатлѣніе, вынесенное мною сегодня изъ здѣшней Митрополіи, гдѣ нѣтъ ни мозаическихъ, ни масляныхъ, ни клеевыхъ, ни золотыхъ, ни позолоченныхъ, однимъ оловомъ, никакихъ стѣнныхъ изображеній. Ибо на что они? Развѣ безъ

нихъ не идетъ служба Божія, а съ нею и кое-какой *парасъ*¹⁾, куда слѣдуетъ?

Отъ *Св. Софій* мы перешли къ бывшей церкви *Св. Георгія*, называемой у писателей — туристовъ, *Ротондой*. Это, древнѣйшее изъ зданій Солунскихъ, одно можетъ дѣлать городъ славнымъ на весь христіанскій міръ. Несомнѣнно, оно видѣло всю исторію христіанской Фессалоники. Если вѣрно предположеніе *ітівѣгаіг'а*, что Ротонда выстроена при Императорѣ *Траянѣ* въ честь „боговъ Великихъ“, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, значить все ея — трехъ періодовъ — служеніе какъ святилища язычеству, христіанству и магометанству было чужеземнаго происхожденія, и именно занесено изъ Сиріи, этого родника — чуть ли не всеобщаго — чловѣческихъ вѣрованій. Жаль, что нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, когда это, замѣчательное по своей архитектурѣ, святилище языческое обращено въ христіанскую церковь. Рѣдчайшія, если не единственныя, по своей древности, мозаическія изображенія въ куполѣ Ротонды не проливаютъ желаннаго свѣта на предложенный нами вопросъ. Имена изображенныхъ тамъ святыхъ, исторически извѣстныхъ, принадлежатъ III вѣку христіанскому. Это суть наибольшую частію Мученики изъ воиновъ. Неизвѣстныхъ святыхъ имена суть: пресвитера *Рамана*, пресвитера *Анани* и епископа *Филитпа*. Въ христіанскихъ святцахъ, насколько намъ извѣстно, ихъ нѣтъ. Можно бы гадать, что это мѣстные святые Фессалоники или по крайнѣ мѣрѣ вообще Македоніи, если бы только другихъ святыхъ имена, вполне извѣстныхъ и не имѣющія никакого отношенія къ мѣсту, не заставляли думать, что мозаичистъ, или тотъ, для кого онъ работалъ, вовсе не имѣли при томъ подобной тенденціозной мысли, а руководствовались чѣмъ нибудь случай-

¹⁾ То, что мы, по своему, зовемъ *парой* и *паричкой* (самая маленькая Турецкая монета), грекамъ извѣстно въ муж. родѣ: *о парасъ*.

нынѣ и совершенно постороннимъ. Замѣчательно, что въ числѣ изображенныхъ мучениковъ нѣтъ св. *Димитрія*, ни св. *Георгія*, коего именемъ украшалось когда-то зданіе. Не были ли они изображены на той части купольнаго свода, которая повреждена (именно — восточной), сказать не можемъ. Воображаю, какъ хорошъ былъ этотъ чудный храмъ, когда весь внутри по стѣнамъ одѣтъ былъ золотою мозаикой или, по примѣру многихъ другихъ церквей, до известной высоты мраморными плитами! Впрочемъ, на этотъ разъ онъ не показался мнѣ такимъ громаднымъ и столько высокимъ, какъ въ 1859 г. И естественно. Тогда я для масштаба имѣлъ въ памяти малыя церкви малой Греціи. Теперь же, при подобныхъ сличеніяхъ, у меня неотразимо стоитъ въ мысли Св. Софія Константинопольская, по истинѣ — „Великая церковь“, достойная великой, если уже не державы, то хотя идеи. Позволилъ бы себѣ думать, что древнѣйшее святилище Солуны живетъ именно надеждою сего величія, но только величія дѣйствительнаго, а не того, которое составили себѣ позднѣйшіе греки по жалкимъ образцамъ своей подневольной и угнетенной фантазіи. Для примѣра, положишь, что Ротонда возвращена въ одинъ предуставленный часъ христіанскому богослуженію. Что сдѣлали бы изъ нея теперешніе великоуденсты? Прежде всего, загородили бы восточную прекрасную нишу ея тяжелымъ и безвкусно вычурнымъ съ драконами и птицами иконостасомъ изъ коричневаго дерева съ выступающими верхними частями и какъ бы падающимъ саженымъ, поверхъ всего, крестомъ, а потомъ повѣшивали бы сотни, ести не тысячи, стеклянныхъ лампадъ и цѣлыхъ люстръ, болтающихся на цѣпяхъ и цѣпочкахъ, прутикахъ и веревочкахъ, утвержденныхъ или въ самыхъ мозаикахъ купола, или въ брусьяхъ, торчащихъ изъ стѣнъ или пересѣкающихъ діаметрально и сегментально, и всячески иначе, пустое пространство храма по всемъ направленіямъ. Ибо нынѣшніе уставы церковнаго вкуса, выродившіеся изъ *малыхъ идей*, непременно тре-

будутъ подобныхъ украшеній для храма Вожія. Отгородить же алтарь отъ остальной части церкви балюстрадой съ тонкими колоннами и архитектуромъ, какъ это дѣлалось въ древнія времена, и освѣтить внутренность ея вмѣсто несчетныхъ всякихъ лампадокъ стоящими въ различныхъ мѣстахъ подовѣчниками или пристѣнными канделябрами, если бы кто возымѣлъ теперь на Востокѣ мысль, тотъ рискнулъ бы попасть въ категорию вольнодумцевъ, а пожалуй и прямо — нечестивцевъ. Вотъ сего-то развитія „великой идеи“ до истиннаго величія вѣроятно и ждутъ все Ротонды омусульманскаго Востока. До тѣхъ же поръ, пока православные храмы тутъ будутъ смахивать на торговую лавочку, вѣрю, что прежніе хозяева Ротонды, *Кабирь* (тоже: Великіе!) предпочтутъ оставаться въ союзѣ съ Магометомъ, который, не смотря на свой арабійскій вкусъ, любилъ величіе, и небесное величіе въ простотѣ. Не отрадно, а надобно говорить объ этомъ въ слухъ дорогаго всекъ намъ Востока, и доселѣ воображающаго (напр. въ Константинополѣ, а еще болѣе — въ Афинахъ), что онъ и призванъ и можетъ и долженъ вести за собою все христіанство, идя впереди всекъ съ своимъ византійскимъ знаменемъ.

Третье Святилище, обращенное въ мечеть, зовомое теперь: *Эски-Джюльа* (старая *Пятница* или *Параскева*) намъ не удалось видѣть. Оно было заперто, и некому было отворить его. Ипѣтайте увѣрить, что оно стоитъ на мѣстѣ языческаго храма *Венеры*. Ему вѣдать нрѣтъ. Отъ прежняго знакомства моего съ нимъ осталось въ памяти, что тамъ нѣтъ ни какого явнаго слѣда существовавшей въ немъ церкви. Два ряда прекрасныхъ колоннъ его изъ зеленого мрамора столько же могутъ принадлежать христіанской церкви, сколько и языческому храму. Весьма ошутительная сырость въ немъ могла бы наводить на мысль, что и тутъ, какъ въ Ротондѣ, могла быть когда-то общественная баня (серма).

Мы подошли къ великой и преславной церкви — мечети *Св. Во-*

ликомученика Дмитрія. Прекрасный и величественный алтарь ея, прежде всего открывающійся съ улицы, плѣняетъ взоръ своими высокими окнами, раздѣленными каждое по серединѣ колонною. Онъ принадлежитъ лучшей эпохѣ византійскаго искусства, и стоилъ бы того, чтобы стоять, не загораясь ничѣмъ, на открытой площади — обстоятельство, почти невѣдомое Востоку, гдѣ, какъ мы уже не разъ замѣчали, все скучено, исковеркано, и все мѣшаетъ одно другому. Внутренность бывшаго святилища христіанскаго на каждомъ шагѣ представляетъ смѣсь красоты съ безобразіемъ, красота — въ архитектурѣ и въ дорогомъ матеріалѣ, безобразіе — въ запущенности всего, что видитъ глазъ и въ неумѣннѣ поддержать его. О самой гробницѣ Великомученика уже не говоримъ. Кстати, ее можно разсматривать только при огнѣ. Да, кому же она и не составляетъ одного цѣлага съ храмомъ. Какъ уже это вышло, не знаемъ. Можетъ быть въ тѣсномъ придѣлѣ, вмѣщающемъ ее, можно еще отыскивать слѣды первобытной малой модели, воздвигнутой вскорѣ по кончинѣ Мученика потаенными читателями его, и не тронутый боголюбивымъ проконсуломъ Илирика *Леонтиемъ*. Какихъ издержекъ требовала такая громадная постройка? Древніе были, кажется, не только набожныѣ, но и богаче насъ. Такое множество колоннъ, привезенныхъ конечно издалека, должно было стоить огромныхъ суммъ, даже и предположивши, весьма возможное, участіе въ дѣлѣ принудительныхъ работъ. Жаль, что планъ зданія какъ бы необходимо требуетъ плоскаго и легкаго потолка, если архитекторъ не хочетъ совсѣмъ открыть неприглядный остовъ стропиль кровли. Ряды драгоценныхъ мраморныхъ колоннъ и поверхъ ихъ простой досчатый потолокъ, какъ хотите, ревутъ, находясь другъ возлѣ друга. А пособить дѣлу нельзя. Колонны не выдержать свода, утвержденнаго на нихъ. Римская „базилика“ Св. Петра, правда, представляетъ взору громадной широты сводъ надъ главнымъ продольникомъ (нефь), но за то вмѣсто колоннъ тамъ выведены столбы такихъ объемовъ,

что, не измеривши их своими руками, не можем вѣрить тому, что о нихъ разсказывается. Видалъ я также и своды поверхъ тонкихъ колоннъ, но по распросамъ они оказывались деревянными. Независимо отъ сего, не годился бы, думаю, грузный сводъ, висящій на тонкихъ подпоркахъ, каковыми должны представляться подъ нимъ колонны. Если колонна есть субститутъ или копія пальмы, какъ говорятъ и думаютъ изслѣдователи архитектуры, то на ней прилично возвышаться только одному своду небесному. Какъ ни мало похожъ на послѣдній, нашъ обыкновенный полуцилиндрическій, зовомый на Востокѣ *римскимъ*, все же онъ ближе къ идеѣ, чѣмъ накатной потолокъ. Одинъ Синаитъ разсказывалъ мнѣ, что въ Соборной церкви монастыря Св. Екатерины, тоже съ двумя рядами колоннъ, на потолокъ подѣланы солнце и луна со звѣздами. Не надѣюсь, чтобы выполненіе было удачное, но мысль самая на столько блестяща, что не мѣшало бы какому нибудь архитектору осунествить ее. Въ турецкихъ баняхъ не рѣдкость встрѣтить небольшихъ размѣровъ куполь, пробитый множествомъ малыхъ круглыхъ отверстій въ видѣ звѣздъ, сообщающихъ внутрь умывальни тихій полусвѣтъ, производящій необыкновенное впечатлѣніе, особенно когда умѣючи вставлены въ отверстія разноцвѣтныя стекла. Хоть бы уже въ этого рода постройкахъ сдѣлать попытку скопировать сводъ небесный.

Отъ пространственнаго перейдемъ ко временному. Не менѣе находишь чѣмъ занять мысль свою въ базиликѣ Св. Димитрія, и размышляя о томъ, что не подлежитъ наблюденію глаза, и что, однакоже стоить быть замѣченнымъ, — объ ея прошедшемъ. Во все продолженіе Византійской исторіи, Солунь не переставалъ играть роль второй столицы Имперіи, не смотря на историческую важность Антиохіи и Александріи, и цолонь событій первостепеннаго значенія. Жаль, что какой нибудь ученый и досужій солунецъ не возмется изложить исторію своего города по памятникамъ византійскимъ (и инымъ) изъ года

въ годъ, классифицируя событія, для удобства, хотя по царствованіямъ. Полагать же надобно, что первенствующій храмъ города никогда не стоялъ безучастнымъ зрителемъ совершавшагося кругомъ его въ томъ или другомъ смыслѣ народнаго движенія. Сколько императоровъ византійскихъ перебивали въ немъ отъ *Θεοδοσία* Великаго до послѣдняго изъ Константиновъ! Приводимъ первымъ имя *Θεοδοσία* потому, что ранѣе его едва ли существовалъ храмъ. Время построенія его въ точности неизвѣстно. Достоверный сказатель этого факта, патріархъ *Фотій*, говоритъ, что строивній Солунскій храмъ надъ гробомъ Великомученика, *Λεοντίη* былъ тотъ самый, который потомъ былъ правителемъ Иллирика. Правитель же Иллирика съ этимъ именемъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 412—413 годами, т. е. спустя 16 лѣтъ по смерти *Θεοδοσία*. Оттого и нельзя сказать положительно, что храмъ могъ видѣть въ себѣ сего императора, или по крайней мѣрѣ быть свидѣтелемъ достопаечнаго избиенія 7,000 Солунцевъ, произведеннаго по его приказу. Нельзя даже утверждать и того, что мы видимъ теперь тотъ самый храмъ, который выстроенъ *Λεοντίη*. Безымянный нѣкій повѣствователь чудесъ Великомученика вскользь упомянулъ о пожарѣ, истребившемъ храмъ святаго, послѣ чего жители города воздвигли новый храмъ, еще болѣе великолѣпный ¹⁾. Когда это произошло, не сказано. И не откуда узнать что нибудь подробнѣе и точнѣе о случаѣ, а можно бы усомниться въ немъ. Случиться это могло не ранѣе конца VII столѣтія или и позже, потому что вполне авторитетный и совершенно извѣстный, другой сказатель чудесъ святаго, епископъ Солунскій *Ιωάννης*, современникъ императоровъ Маврикія и Фоки, имѣлъ и какъ бы наталкивающій поводъ упомянуть объ этомъ, но не сдѣлалъ того, а ограничился сообщеніемъ извѣстія о пожарѣ, бывшемъ внутри храма повидимому надъ самымъ гробомъ Великомуче-

¹⁾ Acta Sanctorum, Mensis October, dies VIII, pag. 70 (edit. 1865).

ника, когда растопился серебряный *Киворій* (Κιβώριον), (родъ павильона или балдахина), накрывавшій собою многочтимую гробницу ¹⁾). Не переименовалъ ли въ разсказъ своемъ темный Анонимъ это самое обстоятельство, принявъ часть за цѣлое, Киворій за церковь? Орокомъ возможному обстоятельству мы назначили VII столѣтіе. Потому что, предположивши, что оно дѣйствительно было, новый храмъ, воздвигнутый на мѣсто погорѣвшаго, носилъ бы въ архитектурѣ своей печать этого, или даже позднѣйшаго времени. А между тѣмъ, архитектурный планъ его ставить его за время Юстиніана Великаго, выстроившаго храмъ Св. Софіи, и ею, такъ сказать указавшаго всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ неминувшій образецъ церковныхъ построекъ, отъ котораго дѣйствительно уже не отступали архитекторы, на сколько мы видимъ и знаемъ дѣла рукъ ихъ. По крайней мѣрѣ такъ было на Востокѣ. Планъ такъ называемой „базилики“ послѣ Св. Софіи уже вышелъ, какъ говорится, тутъ изъ моды. Между тѣмъ онъ весь видѣнъ въ храмѣ Св. Дмитрія и притомъ въ самыхъ расширенныхъ размѣрахъ. Желательно и возможно думать, что этотъ лѣсъ мраморныхъ колоннъ вырощенъ еще самимъ Леонтіемъ въ царствованіе Θεодосія В., который, можетъ быть, за этотъ самый подвигъ боголюбія, прославившій его, и поста-

¹⁾ Случай передается такъ: Былъ обычай въ праздникъ Святаго, т. е. 26 Октября (а по Латинскому мѣсяцеслову 8 Октября) освѣщать гробницу его. Праздникъ продолжался нѣсколько дней. Въ одинъ изъ нихъ, именно ночью, произошелъ пожаръ. Пламень былъ такъ силенъ, что весь Киворій растопился. Тогдашній епископъ города *Евсевій*, желая сдѣлать новый Киворій (вѣроятно во всемъ похожій на прежній), нашелъ недостаточнымъ количество собраннаго послѣ пожара серебра, и рѣшился дополнить его, употребивъ на то серебряную же каеэдру. Но одному изъ пресвитеровъ церкви три раза приснился Великомученикъ, запрещая ломать каеэдру, и завѣряя, что серебра доставать сколько нужно. Когда все это пресвитеръ разсказывалъ епископу, послѣднему доложили, что его спрашиваетъ кто г. *Мими*. Пришедшій вручилъ архіерее 75 фунтовъ серебра на новый Киворій. За нимъ другой житель мѣстный пожертвовалъ на тотъ же предметъ еще 40 фунтовъ дорогаго металла. Потомъ стали жертвовать и другіе, увлеченные слухомъ о видѣніи и вримѣрѣмъ. Киворій былъ сдѣланъ, и каеэдра осталась дѣла.

вилъ его правителемъ Иллирика. Если же и дѣйствительно, кромѣ „Киворія“, горѣлъ самый храмъ, что легко предположить, то можно думать, что горѣла только сопредѣльная тому часть всего зданія, возстановленная съ большимъ, противъ прежняго, великолѣпіемъ, которую зоркій и наблюдательный глазъ можетъ быть успѣлъ бы отличить еще и теперь. Но для этого нужно рѣшить: гдѣ стоялъ „Киворій“? Упомянутый нами писатель *Іоаннъ* рассказываетъ видѣнный имъ чудесный сонъ, относящійся къ судьбамъ роднаго города, и стоящій въ связи съ мѣстомъ покоя Мученика „Градедержца“. Ему снилось, что онъ вошелъ въ церковь и направился по обычаю ко гробу Святаго на поклоненіе, и именно *на средину храма, къ лѣвой сторонѣ*, а по другому выраженію: *по длинѣ храма, въ срединѣ*. Что гробница должна была находиться „на лѣво“ отъ входа, гдѣ и теперь показывается, это понятно. Но выраженіе: *средина храма* остается совершенно необъяснимо. Ни въ какомъ случаѣ нынѣшнее мѣсто покоя Мученика не могло быть *среди храма*. Хотя рассказчикъ имѣетъ въ виду сновидѣніе, но очевидно, что въ основѣ сновидѣнія должна лежать дѣйствительность. Съ такою подробностію переданное при этомъ описаніе Киворія не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что тутъ описывалась дѣйствительность. Изъ другаго рассказа тогоже *Іоанна* тоже о бывшемъ въ храмѣ пожарѣ (вѣроятно томъ самомъ, когда сгорѣлъ Киворій), видно, что Киворій стоялъ внутри самаго храма, отъ кровельныхъ стропиль котораго на желѣзной цѣпи прямо надъ нимъ спускалось поликандило, тоже серебряное. Отъ раскалившейся цѣпи стала заглѣваться и крыша. Нашли какъ то способъ взобраться на верхъ подъ стропила и залить водою загорѣвшееся мѣсто. Конечно, и стропила съ тѣхъ поръ многократно уже перемѣнялись, и напрасно было бы искать на нихъ какогонибудь слѣда утверждавшейся въ нихъ цѣпи поликандила. Тѣмъ не менѣе, стоя „по срединѣ храма“, я высматривалъ „къ лѣвой сторонѣ“ на полу какихънибудь слѣдовъ быв-

шаго тутъ Киворія, но, конечно, ничего не отыскалъ. Да и странно, какъ онъ могъ находиться тутъ, когда гробница Святаго стоитъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Писатель (Іоаннъ) прямо утверждаетъ, что „Киворій накрывалъ мѣсто, гдѣ, *какъ въ турки*, погребено было тѣло Мученика“, слѣдовательно его гробницу. Развѣ предположить, что теперешняя гробница его невѣрно указывается? Но, возможно ли фактически такое искаженіе преданія, столь для всѣхъ дорогаго? Со времени взятія турками ¹⁾ Солуня, надобно вѣрить, церковная жизнь христіанскаго населенія его не прекращалась никогда, и текла, какъ текла прежде того, своимъ порядкомъ до нашихъ дней. Магометане, сами почитая великаго угодника Божія, никогда не возбраняли чтить его и другимъ. Какъ же между сими послѣдними могло пройти незамѣтнымъ такое измѣненіе преданія о мѣстѣ покоя того, кого градъ (Солунь) считалъ своимъ „утвержденіемъ“, согласно пѣснѣ церковной (Кондакъ 25 Октября)? Съ другой стороны, впрочемъ, не трудно предположить, что турки, овладѣвши храмомъ, и не желая открыть въ него доступъ „гаурамъ“, отвели для нихъ мѣсто поклоненія Святому совнѣ храма, перенесши изъ него туда, для отвода глазъ, напр. могильную плиту или другое какое украшеніе, находившееся въ Киворіѣ ²⁾. За неимѣніемъ болѣе положительныхъ свѣдѣній о предметѣ, довольствуемся этими соображеніями.

¹⁾ Чтобы это могло случиться въ краткій промежутокъ Франкскаго владычества въ Солунѣ, совсѣмъ невѣроятно. Франки не имѣли никакого повода сдѣлать это.

²⁾ А что стало съ самымъ пресловутымъ *Киворіемъ*? Можно бы не сомнѣваться, что, если онъ досуществовалъ до 1430 года, то пошелъ, по практическому взгляду мусульманскому, на болѣе полезное употребленіе, на пополненіе тощей казны Амуратовой. Но былъ ли уже онъ въ это время? Послѣднія свѣдѣнія о немъ даетъ, совсѣмъ неожиданно, наша первопрестольная столица. Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится, какъ извѣстно, миниатюрная модель его, называющая сама себя «яснымъ образомъ Киворія». Что думать о ней? По описанію архіепископа Іоанна, Киворій Солунскій имѣлъ фигуру шестиугольника, а Московская модель сдѣлана восьмиугольною. Что слѣдуетъ заклю-

Не менше (скажемъ прямо: гораздо болѣе) затруднено рѣшеніе вопроса о точеніи мира въ гроба Великомученика, извѣстнаго въ православной церкви какъ бы подъ собственнымъ именемъ *мироточца* (Μυροβλύτου). Теперь, стоя передъ гробницею Святаго, не дашь себѣ отчета, какъ это могло происходить. Но очень могло быть, что за 600, и болѣе, лѣтъ передъ симъ въ томъ темномъ и крайне невзрачномъ чертогѣ, гдѣ почиваетъ теперь Св. Мученикъ, все имѣло другой видъ. Но странно, что въ повѣствованіи Іоанна, епископа Солунскаго о чудесахъ Святаго, изъ котораго заимствовано и сказаніе о пожарѣ, нѣтъ и намека на мироточеніе. Ни у двухъ анонимныхъ продолжателей Іоанна, ни у Фотія, ни у Анастасія бібліотекаря нѣтъ и помина о немъ. Повидимому, извѣстія о мирѣ появились уже въ X-мъ, много въ IX-мъ вѣкѣ. Правда, у писателя *Іоанна Статоракія* (XIII в.)

чать изъ сего? То, что и *второй* Киворій, сдѣланный при епископѣ Евсевіѣ (конечно не образцу перваго), уже не существовалъ въ то время, какъ дѣлалась модель, т. е. въ XI вѣкѣ по Р. Х. Изображенный на модели императоръ *Константинъ Дука* не избѣжно наводитъ на мысль, что при немъ (и можетъ быть, имъ самимъ) сдѣланъ былъ новый (третій?) Киворій. Иначе нельзя объяснить появленіе его изображенія на Киворіѣ. Трудно предположить, что оно имѣетъ отношеніе только къ модели, и что «ясный образъ» есть только риторическій оборотъ. Какъ бы то ни было, видно, что въ X вѣкѣ еще существовалъ въ храмѣ Великомученика Киворій. При семъ кстати замѣтить, что приданное Московскому Киворію въ статьѣ о немъ (Христіанскія Древности. Годъ 1-й. Книга 8) значеніе Дароносицы не имѣетъ твердаго основанія. Вѣроятно, это была просто модель или копія Солунскаго Киворія, сдѣланная по заказу для «тайнописца» *Іоанна Авторьяна*, жившаго или въ XII или въ XIII вѣкѣ (извѣстенъ патріархъ Вселенскій *Михаилъ Авторьянъ* — 1212 г.), завезенная въ Россію, и приложенная придѣльному при Успенскомъ соборѣ храму Св. Великомученика Дмитрія. Еще замѣтимъ, что приведенное въ надписи на Московскомъ Киворіѣ, слово: τεύχος не значить: *сѣмьль*, а — *приобрѣтъ*, или по славянски: *умучилъ, воумилъ*. Неправильно прочтено слово въ другой надписи того же Киворія: ПСВТНС. Читатъ слѣдуетъ: ΠΙΣΤΟΣ. Также и необъясненное въ статьѣ: ἄ, должно быть почитаемо сокращеніемъ слова: μεγάλη. Чтò стояло въ подлинномъ Киворіѣ на кѣсгахъ, гдѣ въ коніи видятся объяснительныя надписи? Изображеніе самого Великомученика? Взамѣнъ того, ясное дѣло, что внутренняя коробочка представляетъ собою упоминаемую писателемъ Солунскимъ *скимиду*, или гробничую доску мученика.

встрѣчается разсказъ о томъ, что еще императоръ Юстиніанъ Великій искалъ достать себѣ частицу св. мощей Великомученика, и что это оказалось невозможнымъ сдѣлать по причинѣ мира, наполнявшаго гробницу Святаго, и что, взамѣнъ того, императоръ удовольствовался принесеннымъ ему миромъ. Но переданный Ставракіемъ случай слишкомъ поздней даты. Въ виду молчанія о мирѣ *всѣхъ* древнѣйшихъ писателей, ему трудно дать полную вѣру. Достоверный сказатель чудесъ Святаго, Іоаннъ, вѣрно бы упомянулъ о немъ, рассказывая, какъ императоръ Маврикій добивался того же самаго, но безуспѣшно; потому что носившихъ на то людей грозилъ попалить огонь, вышедшій изъ гробницы. Императоръ остался доволенъ одною горстью земли, которая при обрѣтеніи мощей Великомученика была взята изъ ямы. Конечно, умолчаніе не есть еще прямо отрицаніе, но есть вся законная возможность думать, что христіанамъ, въ утѣшеніе, поднесли бы миръ вмѣсто земли, какъ и Юстиніану, если бы подобное обстоятельство имѣло мѣсто при гробѣ Святаго. Да и по всему кажется, что Ставракій имѣлъ въ виду случай съ Юстиніаномъ, когда говорилъ о Маврикіѣ. Сколько извѣстно, первый заговорилъ о мирѣ *Іоаннъ Каменитъ* (славянинъ?), въ своемъ разсказѣ о набѣгѣ на Солунь Сарацинъ въ 904 г., при чемъ называетъ св. Дмитрія „мироточцемъ“. Онъ самъ принадлежитъ X вѣку. *Іоаннъ Скилица* — писатель XI вѣка — свидѣтельствуетъ прямо, что св. миро истекаетъ изъ гробницы Великомученика ¹⁾. А *Никита Хониатъ* (+ 1205), описывая занятіе Солуни Сицилійцами, не обинуясь рассказываетъ, что „франки черпали св. миро кадями и котлами, и мазали имъ даже свою обувь“. „Даже въ XV вѣкѣ еще продолжалось это чудо. *Іоаннъ чтецъ*, Солунскій

¹⁾ На точеніе чудотворнаго мира намекають, думаютъ, и стоявшія, какъ видно изъ Московской модели Киворія, поверхъ его стѣнокъ въ полукруглыхъ окошкахъ, чашы, такъ какъ едва ли ихъ можно счесть лампадами.

житель, рассказывая как очевидец о взятіи города турками въ 1429 г., говорить, что "невѣрные въ теченіе многихъ дней черпали обѣими руками Св. миро. „Для удобства дѣла, предварительно сняты были ими при этомъ мраморныя плиты (откуда? съ пола?). Когда и какъ прекратилось чудесное явленіе, не извѣстно. Мы не нашли нигдѣ свѣдѣній объ этомъ. Положительно неизвѣстно даже и то, когда преславная церковь св. Димитрія обращена въ мусульманскую молельню. По Іоанну чтецу, турки, овладѣвши городомъ, забрали себѣ только двѣ церкви: *Богоматери* и *Предтечи*, а черезъ два три года отняли и другіе храмы, оставивши христіанамъ только четыре (какіе именно, не поименовано), въ томъ числѣ и храмъ св. Димитрія. Хотя завоеватель (Амуратъ) и былъ въ немъ, и даже принесъ жертву, т. е. самъ своими руками закололъ барана, но, по просьбѣ христіанъ, оставилъ церковь въ рукахъ ихъ. Всѣ же сокровища и все церковное украшеніе были заграблены. Тогда же, конечно, пропали и Киворій, и каеэдра, и поликандило, бывшіе, какъ извѣстно, изъ серебра.

Еще слово — и послѣднее — о великой церкви Солунской. Въ кратковременное владѣтельство „франковъ“ въ Солунѣ (1204—1222), церковь Великомученика отдана была Іерусалимскимъ каноникамъ Гроба Господня, какъ доходная статья, на содержаніе. Каноники Солунской митрополіи (св. Софіи), какъ видно, не добрымъ глазомъ смотрѣли на эту чрезполосность владѣній, и черезъ своего архіепископа (Латинскаго, конечно) просили папу Иннокентія III позволить и имъ имѣть свою долю доходовъ отъ гроба Великомученика. Архіепископъ требовалъ при этомъ, чтобы святогробцы, сохраняя свое повиновеніе (oboedientiam) Іерусалимскому патриарху (тоже Латинскому, конечно), въ то же время зависѣли и отъ него. Изъ трехъ, приведенныхъ въ Oriens Christianus Латинскихъ архіепископовъ Солуня, *Нивела*, *Петра* и *Гварина*, на время послѣдняго должно падать упомянутое обстоятельство. Онъ былъ послѣдній и въ ряду представи-

телей вторгшагося въ православный Солунъ схизматическаго папства. „Деспотъ“ (титоломъ и поведеніемъ) *Теодоръ Комнинъ*, отобравъ у Монферратскихъ князей эфемерное королевство Фессалоникское, положилъ конецъ и церковной „провинціи Солунской“, вошедшей съ тѣхъ поръ, съ столькими другими вмѣстѣ, въ списокъ „мертвыхъ душъ“ Куріи, значащійся подъ рубрикой: *in partibus*. При какихъ православныхъ митрополитахъ города процвѣтали въ Солунѣ эти *intrus*, и гдѣ въ то время жили настоящіе владыки Солунскіе, и въ какихъ отношеніяхъ были къ пришлецамъ, желалось бы, но не откуда, узнать. А что они были, это вѣрно. Солуняне не измѣняли отеческой вѣрѣ никогда, крѣпко держа въ памяти, что они — *образъ вѣствъ вѣрующимъ*¹⁾.

На прощаніе съ святилищемъ, такъ мало говорящимъ о своемъ прошедшемъ своими памятниками, мы списали уцѣлѣвшія на мраморныхъ плитахъ пола его, двѣ надписи. Одна, у самыхъ (бывшихъ) входныхъ дверей его, состоитъ изъ одного обозначенія года, по Константинопольскому счету отъ сотворенія міра, и именно 6783-го, соотвѣтствующаго 1475-му отъ Р. Х.²⁾ Къ кому или къ чему относилась она, неизвѣстно. Очевидно, что это обломокъ большой плиты, имѣвшій на себѣ какую нибудь историческую замѣтку. Другая указываетъ годъ кончины нѣкоего раба Вожія *Луки Спандони*, именно 6983-й или 1481-й отъ Р. Х.³⁾ На основаніи ихъ можно бы строить предположеніе, что 30 лѣтъ спустя по завоеваніи города турками, церковь св. Дмитрія еще продолжала быть домомъ христіанской молитвы. Проходя черезъ бывшій „придѣлъ“ во имя св. мученика *Нестора*, мы наткнулись на полу на кучи птичьяго помета... Это даетъ понятіе о томъ,

¹⁾ 1 Сол. 1, 7.

²⁾ 5 ЭПГ. (1475).

³⁾ ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Λουκᾶς ὁ Σπανδωνῆς. ἐν ἔτει 5 ЭПΘ (1481). Фамилія: *Спандони* и теперь слышится кое-гдѣ на Востокѣ.

въ какомъ порядкѣ содержится мечеть новыми „канониками“, насылаемыми сюда изъ „новаго Рима“, и собирающими, какъ слышно, весьма хорошій доходъ во имя Великомученика съ вѣрующихъ. Разница между этими и тѣми блжстителями св. Мѣста можетъ быть только въ ихъ богословскихъ мнѣніяхъ... Тѣ, какъ мы уже видѣли, находили существовавшій тогда въ мірѣ порядокъ (пользоваться церковными доходами) несогласнымъ съ божественною правдою, а эти, ежедневно встрѣчаясь съ нечистотами въ дому Божіемъ, конечно думаютъ: „ну, значить, такъ Богу угодно“! И для тѣхъ и для другихъ *Богъ* есть, если не прямо — *чрево*, по Апостолу, то — нѣчто, весьма близкое къ нему, т. е. карманъ.

Уставшіе отъ впечатлѣній, мы возвращались извилистыми улицами на свою квартиру. По дорогѣ, на одной водотечи намъ бросилась въ глаза древняя греческая надпись на мраморной плитѣ, обѣченной съ обѣихъ сторонъ, въ три строки, безъ начала и конца. Оставшееся гласить... *ундъ и Кассандра... да Левкіева, самимъ себѣ и... ду Левкіеу. какъ застыцъ...¹⁾* т. е. *Секундъ и Кассандра (дѣти) Секунда Левкіева (приготовили это) для самихъ себя и для Секунда Левкіева, какъ застыцано было имъ.* Имъ оставилъ деньги отецъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали для него и для самихъ себя гробъ, или точнѣе: костобмъ (ossuarige). Исполнивъ волю отца, они вотъ и передаютъ памяти вѣковъ грядущихъ свое дѣло. Вѣка грядущіе съ другими уже понятіями и о памяти и о вѣчности выбрасываютъ ненужныя ни той ни другой кости, и обращаютъ гробъ въ общественный водоемъ. Нѣкто *Мануилъ... дуки кур...* хлопочетъ и о своей памяти въ потомствѣ, вырѣзывая въ той же водотечи свое темное имя, вѣроятно какъ совершитель или возобновитель общепользнаго, хотя и неправеднаго, дѣла.

¹⁾ (Σεκ)οῦνδος καὶ Κασσάνδρα οἱ... (Σεχοῦν) δου τοῦ Λευκίου ἐχουτοῦ καὶ... Σεχοῦνδω τῷ Λευκίου. καθὼς διεθ... имя *Секунда* мы читаемъ гадательно.

Судя по характеру буквъ, этотъ Мануиль долженъ принадлежать XIII—XIV вѣкамъ. Увидѣвъ, что меня заинтересовали старыя *язы* (письмена, черты), сопровождавшій насъ кавась консульскій повелѣ насъ еще въ другое мѣсто къ другому подобному же „плотоядцу“ (саркофагу) языческаго времени съ надписью, уцѣлѣвшею вполнѣ, но зато и несомнѣнно позднѣйшею прежней. Угловатый характеръ буквы о (о микронъ) сначала ввелъ было меня въ хронологическое заблужденіе. Надпись выносилась имъ въ вѣка христіанскіе, да еще и не ранніе. Но оказалось, что рядомъ съ угловатою и вытянутою фигурою этой буквы стояло и обыкновенное, круглое или овальное начертаніе ея. Значить, дѣло сводится, вмѣсто критерія эпохальнаго, на простую *licentiam graphicam*. Надпись гласитъ: *Μ(αρκῆ) Αἰμῆ Παράμονος Αἰμῆ Φαύστης γυναικὶ καὶ αὐτῆ. Ἔτους 314-οῦ*¹⁾. Лѣтосчисленіе употреблено тутъ несомнѣнно Македонское (оно же: *грецеское*, оно же: эра *Селевкидовъ*), и соответствовать должно, потому, второму году по Рождествѣ Христовомъ. Если же наше общепринятое лѣтосчисленіе, какъ полагають ученые хронологи, заключаетъ въ себѣ ошибку на цѣлыя 4 года, отставши, такъ сказать, отъ истиннаго дня Рождества Христова, то выйдетъ, что въ то время, какъ высѣкалась надпись, шло уже шестой годъ отъ всемірнаго событія въ Визелеемѣ. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ запутанныя хронологическія вычисленія, но будучи въ Македоніи, откуда пролился впервые яонный свѣтъ на хронологию исторіи Востока, можно позволить себѣ пожелать, чтобы, послѣ всѣхъ извѣстныхъ лѣтосчисленій древности, сличенныхъ между собою по памятникамъ, рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о начальномъ годѣ христіанской эры. Древніе историки христіанскіе такъ мало думали о немъ, что постоянно—по крайней мѣрѣ

¹⁾ Μ(αρκῆ) Αἰμῆ Παράμονος Αἰμῆ Φαύστης-τῆ γυναικὶ καὶ αὐτῆ. Ἔτους ΔΙΤ (314).

на Востокъ—вели ечисленіе лѣтъ отъ сотворенія міра, чтѣ продолжалось педантски до самаго XV вѣка. Македонская письменность долго игнорировала и то и другое, держась своего стараго лѣтосчисленія, начинающагося годомъ смерти Александра Великаго. Тоже черезчурное „Гречество“ замѣчается въ ней и теперь. Но.: объ этомъ вѣрно еще не одинъ разъ придется говорить.

Подходимъ къ мечети съ архитектурными очертаніями византійскаго стиля. Когда-то она была церковью *св. Апостоловъ*. Пока отыскивали сторожа ея, я списалъ однострочную надпись, крупно начертанную на каменной притолокѣ западныхъ дверей ея. Она состоитъ всего изъ двухъ словъ: *патріархъ* и *ктиторъ*. Надпись, повидимому, цѣла и потому странно, какъ могла обойтись она безъ собственнаго имени. Въ церкви нѣтъ никакихъ стѣнныхъ украшеній. Все замазано известкой съ желтыми пятнами и сѣрыми потѣками. Сыро, темно, душно, безвкусно. На что потребовалась исламу и эта еще убогая святыня христіанская? Дождемся ли мы примѣрнаго наказанія этой презрительной нетерпимости голодраныхъ аравитянъ, и всякихъ иныхъ степенковъ къ цивилизаціи Европы? Или уже не ждать его совсѣмъ, а слушать напротивъ похвалы исламу за то, что онъ завоеванные храмы христіанскіе не предавалъ позору, а обращалъ въ свои молитвенные дома?.. Утѣшиться развѣ въ этомъ фатальномъ явленіи историческаго единоборства религій на Востокѣ, видимо неблагоприятнаго намъ, тѣмъ, что не въ лучшемъ видѣ сохраняются и тѣ изъ святынь, которыхъ не коснулось магометанство. Таковою показалаь намъ церковь *св. Теодоры*, Богъ вѣсть, какъ избывшая чести попасть въ триумфъ побѣдоноснаго Ислама. Когда-то при церкви былъ монастырь, въ которомъ и подвизалась святая, давшая ему свое имя. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ завѣдывающіе церковію. Извѣстны двѣ святыя сего имени, обѣ именуемыя Солунскими, и обѣ причисляемыя къ лику преподобныхъ. Первая, празднуемая 5 апрѣля, прославилась чудомъ, по-

вторгившимся потомъ въ нашихъ кievскихъ пещерахъ. Когда, вдолгѣ но ея кончинѣ, умерла игуменья монастыря, въ которомъ она жила, и когда хотѣли положить тѣло ея въ могилу Теодоры, она подвинулась и дала мѣсто игуменѣ. Когда жила она, неизвѣстно, и гдѣ именно жила, опредѣленно не указывается. Могла быть изъ Солуня (ἀπὸ Θεσσαλονίκης), а жить и скончаться совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Вторая Теодора, родомъ съ острова *Этны*, подвизалась въ X вѣкѣ, и жила вмѣстѣ съ своей дочерью *Теокистою* въ одномъ изъ Солунскихъ монастырей. При жизни извѣстна стала терпѣливымъ исполненіемъ въ теченіи 15 лѣтъ наложенной на нее игуменіею эпитиміи, не говоритъ съ дочерью, живя съ нею въ одной кельѣ, а по смерти—подобнымъ Великомученику Дмитрію, марточеніемъ. Этой самой *Теодоры* святая мощи, конечно, хранятся и показываются теперь въ церкви сего имени. Тутъ ли стоялъ монастырь, въ которомъ она подвизалась, ни утверждать ни отрицать сего нѣтъ прямого основанія. На вопросъ мой, нѣтъ ли въ городѣ церкви св. *Матроны*, или не сохраняется ли хотя память ея, привязанная къ какому нибудь мѣсту, мнѣ отвѣчали молчаніемъ. Святая тоже называется *Солунскою*. Судя по древнему разсказу о чудѣ св. Дмитрія спасающаго городъ отъ нападена (котораго изъ многихъ?) *Склавинцевъ*, церковь св. *Матроны* находилась за городомъ въ полѣ. Тамъ примѣчены были жителями на развѣтѣ дна съ городскихъ стѣнъ „варвары“. Побиты же были у церкви св. мученицъ *Хіони*, *Ирины* и *Азати*, которая находилась по близости городскихъ стѣнъ. И сіи св. мученицы принадлежать также Солуню. По Римскому мартирологу (3 апрѣля) мѣсто страданія св. сестеръ извѣстно въ *Фессалоникѣ*. Въ *Минеехъ* же нашихъ говорится только, что по смерти св. *Хрисогона*, учителя св. мученицы *Анастасіи* ядорѣшительницы, онъ явился во снѣ *Зомлу* и сказалъ, что святая пострадаетъ вмѣстѣ съ тремя сестрами, находившимися при ономъ (ἐκεῖνης) озерѣ. Св. дѣвы замучены начальникомъ *Сисиніемъ*, двѣ сожжены на кострѣ,

а третія прострѣлена. О св. *Анастасіи* повидимому тоже солунянкѣ, особо (22 дек.) говорится, что она мучима была разными преторами, брошена въ море и наконецъ тоже сожжена на кострѣ. Латинскія преданія мѣстомъ кончины ея указываютъ островъ *Палмарію* на западъ отъ Италіи, а мучителя называютъ префектомъ Иллирика, *Флорамъ*. Какъ сходятся тутъ западъ съ Иллирикомъ, объяснить трудно. Св. *Хрисогона* тѣже преданія заносятъ для мученической кончины въ городъ *Аксилею*. Изъ этой разноголосицы именъ, лицъ и обстоятельствъ можно вывести одно заключеніе, что всѣ святые пострадали хотя въ разныхъ мѣстахъ и не въ одно и тоже время, но исторію свою связаны другъ съ другомъ, а мѣстомъ привязаны къ *Тессалоникѣ*. Кромѣ упомянутой выше мученицы *Ирины*, пострадавшей вмѣстѣ съ двумя сестрами, Римскій Мартирологъ содержитъ въ себѣ (подъ 5 мая) имя еще другой мученицы Солунской, тоже *Ирины*, сожженной вмѣстѣ съ *Иринеемъ* и *Персериномъ*. Такъ какъ и въ нашихъ святцахъ подъ тѣмъ же числомъ стоитъ Святая и „славная“ мученица *Ирина*, которой страданіе тоже относится къ Иллирику, то конечно это должно быть одно и тоже лицо. Но греческія сказанія о сей святой такъ хронологически запутаны, что если повѣствуемое въ нихъ все вѣрно, то въ немъ надобно видѣть приключенія многихъ лицъ и разныхъ временъ.

Разъ вовлекшись въ „агіологическія“ изслѣдованія съ отрѣнкомъ мѣстнымъ, предложимъ, въ поученіе Солуню, списокъ *Святыхъ*, принадлежащихъ ему, и составляющихъ его христіанскую славу, на сколько можно было намъ, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ для подобнаго труда, заготовить его еще дома.

Упомянуты уже нами святые мученики: *Димитрій* и *Несторъ*, двѣ *Теодоры* и *Теописта*, *Матрона*, *Анастасія*, *Хрисоговъ*, *Хіонія*, *Ирина* и *Аванія*—сестры, славная *Ирина* (съ *Иринеемъ* и *Персериномъ*). Кромѣ нихъ принадлежатъ Солуню еще:

Св. мученики: *Агафонъ*—дьяконъ и *Феодулъ*—чтець: Утоплены въ морѣ проконсуломъ *Фаастинианъ*, при Максиміанѣ. Пострадали вѣроятно одновременно съ св. Дмитріемъ. Мартирологъ Римскій къ нимъ привязываетъ и еще 14 мучениковъ, коихъ имена суть: *Агатинъ, Валерій, Киріакъ, Юліанъ, Мастезъ* (Mastevus), *Прокулъ, Публій, Урбанъ, Зотисъ, Діонисій, Сагъ* (Sagus) и трое безыменныхъ. Память первыхъ двухъ по Мартирологу (и Греческой Миней) 4-го, а по нашимъ святцамъ 5-го апрѣля. Память 14-ти Мартирологъ указываетъ подъ 2-мъ апрѣля.

Св. мученики: *Абунданцій* (иначе Абундій), *Александръ, Антимонъ, Гиланъ* (или Каланъ), *Макарій, Северіанъ, Тиціанъ, Фортунатъ*, (или Фортуніонъ), *Януарій*. Пострадали при Діоклетіанѣ. Мѣсто подвиговъ ихъ почему-то пережмивается между Фессалоникой и Римомъ.

Св. мученики: *Александръ, Василій, Евфрасій, Фрутилъ*—14 марта.

Св. мученики *Доминиъ* (или Доминикъ), *Аланъ, Палатинъ, Филомалъ* (иначе Филофилъ), 30 марта. О Доминіѣ и у насъ говорится нѣсколько словъ подъ 1-мъ октября.

Св. мученики: *Пантеръ* (или Пантонъ), *Паремій, Сатурникъ, Діометій, Александръ* и св. мученица *Ингана* (по инымъ: Ingeniana), 1-го апрѣля.

Св. мученикъ *Серапіонъ*—27 апрѣля. Св. мученикъ *Флоренцій*—18 октября. Уроженецъ Солунскій. За проповѣдь Христову вѣшается, стружета и сожигается на кострѣ. Св. мученикъ *Александръ*—7 ноября. Опровергъ ногою требище, и обезглавленъ. Св. *Фантинъ* исповѣдникъ—30 августа; жилъ при гробѣ св. Дмитрія неотлучно 8 лѣтъ. Св. мученица *Амисія*—30 декабря, урожденная Солунская. Зарублена солдатомъ, нудившимъ ее поклониться идоламъ.

Самое большое число мучениковъ Солунскихъ приводится въ Латинскихъ святцахъ подъ 1-мъ іюня. Насчитывается ихъ болѣе 400. По именамъ въ Acta Sanctorum перечисляются 137. Почти все имена

римскія. Иноязычными намъ показались слѣдующія, — шужскія: *Іоаннъ, Тимофей, Балъ, Барикъ, Верикъ, Митунъ, Сайль, Сепакъ, Фледъ, Арабъ*. Женскія: *Марія, Нина, Карра, Урурія, Бублаза, Гозія* (или Гоговія). Когда, гдѣ и въ одно ли время, отъ кого и какъ пострадали святые мученики эти, ничего неизвѣстно. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ мученица *Люція* (иначе: *Лука, Луця, Луцела...*¹⁾ съ царемъ *Авціемъ*, (*Авцесемъ, Авцесой, Акціемъ, Акаціемъ, Евцериемъ...*) Ничего общаго не имѣетъ Солунская (?) Люція съ извѣстной Сиракузской (по нашему — *Лукіей*, 6 іюля) столько чествуемой на западѣ. О царѣ же мученикѣ съ подобнымъ именемъ никакая исторія не упоминаетъ. Зовется онъ царемъ „варваровъ“, и ничего болѣе. Болландисты дѣлаютъ догадку, что это былъ, можетъ быть, владѣтель какой нибудь сопредѣльной Римской имперіи страны, взятый въ плѣнъ побѣдоносными легіонами, и приведенный въ Солунь, а оттуда пересланный для триумфа въ Римъ, гдѣ и пострадалъ со всѣми своими вмѣстѣ. Но имена спострадавшихъ ему, какъ мы уже замѣтили, почти всѣ римскія, что не можетъ относиться къ варварскому народу. Въ имени царя съ натяжкою можно слышать *Овця* или *Овчаря*, но дѣло отъ этого не уясняется. Въ нѣкоторыхъ Мартирологахъ память этого мученика-царя встрѣчается и отдѣльно подъ 25-мъ іюня²⁾. Въ православныхъ свѣтцахъ ни о царѣ семъ, ни о Люціи³⁾, ни о всѣхъ 400 мученикахъ

¹⁾ Не осмѣливаемся въ *Луцель* или *Луцель* предполагать нашу: *Лучицу*, еще менѣе — *Лучицу*.

²⁾ Тогда же пересчитываются еще слѣдующія мученическія имена: *Вимъ* (Вагъ, Бигитъ) *Лампанъ* (Лупитанъ) и *Салонита* (Солоника). *Солоника* очевидно есть переводъ *Salon-ita*. А *Вимъ* — что, какъ не: *Богатый*?

³⁾ По другимъ сказаніямъ (см. у Болландистовъ), Люція является римлянкою, чѣмъ и объясняется ея латинское имя. Царю Авцею удалось гдѣ-то плѣнить ее. 20 лѣтъ прожила она потомъ при немъ, пользуясь великимъ уваженіемъ за свое христіанство, въ которое вѣроятно и обратила самого Царя. Потомъ ей было откровеніе, внушавшее ей отправиться въ Римъ и пострадать тамъ за Христа, что и случилось. Она была замучена въ

Римско-Солунско-варварскихъ, нѣтъ ни слова. Солунь и вообще Иллирикъ, какъ видно дѣйствительно связаны были исторически болѣе съ Старымъ, чѣмъ съ „Новымъ“ Римомъ.

Остается дополнить Солунскіе святцы именемъ преподобнаго *Давида Солунскаго*, принадлежавшаго VI вѣку по Р. Х., обитавшаго по близости Фессалоники на деревѣ, въ кущѣ. Въ нашихъ сказаніяхъ пишется: „подъ деревомъ“, а вмѣсто *Фессалоникис* читается *Фессалия*. И то и другое невѣрно.

Въ числѣ Святыхъ Солунокскихъ есть также нѣсколько именъ мѣстныхъ Святителей. Таковы: первый Епископъ Фессалоникійскій, Апостоль *Ариматаръ* — 4-го Января и 15 Апрѣля. *Урбанъ* (Зимній мѣсяцъ Македонскій) — 29 Ноября по греческой Миней. *Василій*, родомъ изъ Аѳинъ — 1 Февраля. *Иосифъ* пѣнописецъ — 4 Апрѣля. *Григорій Палама* — Нед. 2 Вел. Поста. *Симеонъ* извѣстный писатель археологъ. *Ама... Атанасій* Пателларій (что у насъ въ Лубвахъ).

Всѣхъ же архіереевъ Фессалоникскихъ отъ временъ Апостольскихъ до начала XVIII вѣка Lequien отыскалъ, вмѣстѣ съ безыменными, 74. Было же ихъ конечно вдвое и втрое больше. Въ числѣ ихъ есть и писатели. Таковъ знаменитый своею классическою ученостію *Вестасій* (XII вѣка), писавшій (вѣроятно, когда былъ еще учителемъ риторикки) объясненіе на Омира. *Нисита бумагохранитель* Великой церкви, извѣстный своими „разговорами“ съ Имп. *Мануиломъ Комнинимъ* и

Римъ префектомъ *Эміемъ*. Съ нею или вслѣдъ за нею туда же отправился и царь Авдей со свитою изъ 21 человѣка. Всѣ они были тоже замучены. Происходило же все это никакъ не въ Солунѣ, а въ Римѣ. Въ Римскомъ Мартирологѣ помѣщается (подъ 6-мъ іюля) еще третій мученикъ *Юлія*. Она схвачена была *Римсіемъ Варомъ* Викаріемъ, и мучена, а потомъ обратила его ко Христу. И онъ и она и еще 21 человѣкъ были потомъ замучены. Очевидное сходство обстоятельствъ заставляетъ предполагать въ обонхъ случаяхъ одну и ту же исторію. Изъ *Rixius* вышелъ *Reh*, а изъ *Vagus*, сперва *Vicarius*, а потомъ и *Barbarus*.

„отвѣтами“ епископамъ по канонической казуистикѣ. *Нилъ* и *Николай* дядя и племянникъ изъ фамиліи *Кавасиловъ*. Первый извѣстенъ огромнымъ и жесткимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ Латинской церкви. Второй былъ ярый обличитель мнѣній еретиковъ своего времени, Варлаама и Акиндина. *Исидоръ Глава* — изъ тойже эпохи, очевидно славянскаго происхожденія, но греческій полемистъ — писатель. Заговоривши о писателяхъ, принадлежащихъ Солуню, нельзя пропустить и упомянутыхъ уже нами двухъ историковъ *Іоанновъ*, епископа, описавшаго чудеса св. Великомученика Димитрія, и Анагноста (чтеца), передаващаго памяти потомства любопытный моментъ занятія Солуня турками. Наконецъ, ярче всѣхъ другихъ именъ, знаменанныхъ печатью учености, сияютъ славныя имена двухъ братьевъ просвѣтителей славянскаго міра, *Кирилла* и *Меодія*. Ими и закончимъ мы на нынѣшней день свое слово о христіанскомъ Солунѣ. Еще такъ недавно мы отпраздновали тысячелѣтіе ихъ великаго дѣла — изобрѣтенія славянской азбуки. Въ Солунѣ никто, конечно, и не подумалъ откликнуться на нашъ актъ такой шумной манифестаціи. Да, сколько можно судить по газетнымъ описаніямъ русскаго празднованія, и особенно по рассказамъ очевидцевъ, кажется и у насъ въ Россіи оно отозвалось нѣсколько натянутымъ, какъ бы дѣланнымъ, характеромъ. Кто знаетъ? Не было ли у славянъ и прежде Кирилицы какой нибудь другой (по имени русской напр.) азбуки? Сказаніе объ ученикѣ Кирилла *Климентѣ*, находившемъ въ Корсунѣ хазарскомъ книги, не по гречески писанныя, и не проглядный мракъ, окружающій происхожденіе глаголицы, наводятъ мысль на разныя соображенія... А вѣрно ли мы праздновали тысячелѣтній юбилей славянской грамотности? Прочитанная мною въ 1859 году¹⁾ въ одной славян-

¹⁾ См. замѣтки поклонника Св. Горы. Кіевъ. 1864. стр. 255. «Сѣмъ Кирилъ философъ учитехъ словенскы. Иже приложи рускую (sic) грамату сгреческіе ... въ лѣто 5741, въ царство Льва цара премудраго.

ской рукописной книгѣ на Ассѣ замѣтка года изобрѣтенія славянскихъ буквъ прямо называетъ 6414-мъ отъ сотворенія міра, и следовательно 906-мъ отъ Р. Х., откладывая такимъ образомъ юбилей еще на цѣлое столѣтіе. . . Къ тому времени проснулись бы можетъ быть славянскія народности южнаго отдѣла, и сочувственнѣе нашего отпраздновали бы гдѣ нибудь въ Македоніи (и, конечно всего приличнѣе — въ Солунѣ) свое за тысячу лѣтъ вступленіе въ рядъ народовъ, имѣющихъ свою письменность. Но для этого надобно, чтобы замѣтка та подтвердилась чѣмъ нибудь болѣе авторитетнымъ. Почему знать? Потѣкамъ нашимъ можетъ быть предстоить удовольствіе, ходя по улицамъ солунскимъ, любоваться вывѣсками съ славянскими надписями, которыхъ теперь нѣтъ ни слуху ни духу, какъ говорится, въ отчизнѣ Кирилла и Меодія, и можетъ быть гдѣ нибудь на центральной площади города наткнуться на памятникъ нашей 1000-лѣтней письменности, не такой приземистый, какъ нашъ. . . Гостомысловъ.

Подкрѣпивши силы овою хлѣбомъ — солью и отдыхомъ, общество наше устроило загородную прогулку въ такъ наз. *Ваштона*, — мѣсто, ничѣмъ незамѣчательное. Мнѣ эта экскурсія давала случай отнестись къ городу, какъ цѣльному, внѣ поставленному историческому образу, полному своеобразныхъ очертаній, красокъ, явленій, движеній и всякихъ перемѣнъ безъ конца и края. Тысячи лѣтъ пережившее мѣсто можетъ задать воображенію работы на десятки лѣтъ. Солунь могъ бы имѣть свою многотомную, и весьма поучительную исторію. Болѣе насъ досужее, и всѣмъ необходимымъ снабженное потомство можетъ быть и дождется ея. Я ограничусь тѣмъ, что сдѣлаю сколокъ съ той эпохи Фессалоники, когда она величалась столицей соименной себѣ державы и даже. . . *Имперіи!* Въ такомъ необычномъ положеніи городъ былъ двукратно, или лучше — за одинъ и тотъ же разъ, но въ два пріема, которые мы означимъ словами: *Латинскій* и *Греческій*. Но предпошлемъ изложенію дѣла нѣсколько поясняющихъ его замѣчаній. Цѣль-

нымъ и нераздѣльнымъ членомъ государственнаго тѣла Фессалоникъ, а съ нею и вся Македонія, была, можно сказать, только до Македонской династіи престолодержавъ Византійскихъ, т. е. до усиленія Славянскихъ и иныхъ народностей, занимающихъ сѣверную границу имперіи. Последний изъ самодержцевъ этой династіи, носившій имя перваго, т. е. *Василій* и *Болгаробойца*, при всѣхъ успѣхахъ своего оружія, столько же, можно сказать, владѣль краемъ, сколько и неутомонный соперникъ его Краль Болгарскій. Для стѣсненной со всѣхъ сторонъ и разрѣженной внутри имперіи со дня на день все труднѣе и труднѣе было удерживать за собою отдаленный край этотъ. Своихъ *греческихъ* войскъ у Императоровъ не было, и неоткуда было взять ихъ. Грековъ, какъ и всегда, не доставало, что никогда не было такъ чувствительно, какъ въ это фатальное время. Наемники конечно не сочувствовали ни въ чемъ правительству, и при первомъ случаѣ возмущались, и кромѣ того одни съ другими никогда не жили въ ладу. Правители областей волей — неволей дѣйствовали съ возможною независимостію на постахъ своихъ, и самодержцы часто рады были имѣть хотя одну, чисто номинальную, власть въ мѣстахъ этихъ. Полнѣйшій хаосъ царствовалъ въ XI и XII вѣкахъ въ отношеніяхъ Солуны къ Царюграду, и ни въ какую готовую историческую рамку, мнѣ кажется, не уложить того, что тутъ творилось въ тѣ смутныя времена. Къ довершенію неурядицъ, „освободители св. Земли“ подали всѣмъ, кому это приходилось по сердцу, примѣръ устроиться въ вассальныя, въ существѣ совершенно самостоятельныя, владѣнія, которымъ никакого дѣла не было до того, существуетъ ли на свѣтѣ ихъ сюзеренъ, кто онъ, и что онъ о нихъ думаетъ. Сюзеренная власть, съ своей стороны, „изъ нужды дѣлая любочестіе“, по любимой поговоркѣ греческой, довольствовалась остававшеюся тѣнію самодержавія, и тоже мало думала о дѣйствительномъ подчиненіи областей. Изъ этой блаженной летаргіи она выходила только тогда, когда яв-

лялся какойнибудь претендентъ на изношенный и крѣпко полинявшій пурпуръ царства, выбравъ мѣстомъ своихъ преступныхъ дѣйствій тотъ или другой уголъ имперіи...

При такомъ порядкѣ дѣлъ, не диво, потому, прочесть у Византійскихъ историковъ, что въ 1179 императоръ *Мануилъ I Комнинъ* самъ отчислилъ городъ Солунь, вмѣстѣ конечно и со всею Македоніею, имѣвшею тогда (какъ и *всегда*, я думаю) весьма эластичные предѣлы, отъ своей державы въ приданое зятю своему иноземцу, сыну Маркиза Монферратскаго, *Реньеру*, 17 лѣтнему юношѣ, первому красавцу своего времени, въ котораго влюбилась 30 лѣтняя дочь самодержца, *Марія*. Думалъ ли Мануилъ при этомъ о чемънибудь, кромѣ приличной, какъ говорится, партіи для засидѣвшейся въ дѣвицахъ царевны? Если и думалъ, то именно въ смыслѣ загребанія жара чужими руками, т. е. управленія Македоніею черезъ зятя, которому отецъ или другой кто въ Европѣ, конечно пришлетъ достаточно войска, чтобы держаться въ краѣ... Но „хитраго грека“ перехитрила „яже вещей истина“. Его патріотическая мысль о Македонскомъ престолѣ, достойномъ высокаго положенія его дочери, нашла себѣ дѣйствительное приложеніе, спустя нѣсколько времени, но въ смыслѣ, нечаяномъ дворомъ Византійскимъ. Мануилъ, вскорѣ за бракосочетаніемъ и коронованіемъ (какъ можно гадать изъ неяснаго свидѣтельства историковъ) молодыхъ, умеръ. Наслѣдовать ему остался 13 лѣтній сынъ *Алексій II Комнинъ*. Реньеръ — переименованный *Иоанномъ* — жалѣя о юношѣ, подпавшемъ чужому вліянію, составилъ заговоръ противъ правителей, вмѣстѣ съ другими членами царственнаго дома, очень уже размножившагося къ тому времени. Послѣдствіями сего заговора воспользовался впрочемъ самый худшій изъ Комниныхъ (долго жившій передъ тѣмъ у насъ въ Россіи) *Андроникъ I*, прозванный „тиранномъ“. Этотъ „новый Неронъ“ отравилъ и Марію и ея мужа (около 1183 г.), недопустивъ ихъ даже увидать Солунь, которымъ управлялъ отъ имени самого Андро-

ника нѣкто *Давидъ*, тоже изъ фамиліи Комнинныхъ. Но былъ и еще одинъ Комнинъ съ вѣщимъ именемъ *Алексія*, тоже находившійся не малое время въ Россіи и научившійся (не у насъ, конечно) умо-заключать: если Андроникъ согналъ съ престола Алексія, то, значить, Алексій долженъ согнать Андроника... Что проще этого? Но не такъ легко было привести въ исполненіе наскоро составленный силлогизмъ. Если у Андроника было мало войска, то у новаго „Олексы“ — ровно никакого. Патріотизмъ внушилъ ему мысль обратиться за помощію къ сильному тогда королю Сицилійскому, польстивъ сего надеждою взять Константинополь и овладѣть имперіей. Задная мысль при этомъ у проходимца была все таже смышленная политика Комнинныхъ — загребать жаръ чужими руками, не думая о томъ, кому и на чтѣ послужить загребанное. *Гильомъ II* не замедлилъ откликнуться на призывъ, высадилъ войска свои въ Албаніи, овладѣлъ Диррахіемъ, побѣдоносно прошелъ еще разъ съ римскими легіонами по исторической *via Egnatia*, и подступилъ къ *Фессалоникѣ*. Алексій — предатель, разумѣется, былъ при немъ и руководилъ его, чтобы какъ можно болѣе напакостить Андронику. Объ отечествѣ въ то время никто не думалъ. Городъ былъ въ осадѣ со дня Преображенія по день Успенія, въ Августѣ 1185 г. Достойный представитель Андроника, *bon-vivant* Давидъ посмѣивался надъ „Франками“, сидя за крѣпкими стѣнами городскими, пока тѣ не овладѣли мѣстомъ, какъ говорится, съ меча, и не произвели въ городѣ ужасающее истребленіе ¹⁾. Завоевать имперію, однакоже, не удалось на этотъ разъ. „Скверный“ Андроникъ былъ хорошій солдатъ. Онъ послалъ сильное войско на выручку края. 7 Ноября произошло большое сраженіе между императорскими войсками и Сицилійцами.

¹⁾ Пожаренъ былъ при этомъ домъ правителя *Давида*, который сперва заперся было въ крѣпости, а потомъ бѣжалъ, и наконецъ, кажется, поладилъ съ побѣдителями. Впрочемъ, личность эта вскорѣ затерялась у историковъ.

Побѣда осталась на сторонѣ первыхъ. Аланы, составлявшіе почти всю армию византійскую, произвели въ злополучномъ городѣ надъ франками такія неистовства, которыя заставили забыть бывшія передъ тѣмъ за три мѣсяца отъ франковъ. Весь этотъ рассказъ историка (Никиты Хоніата) предполагаетъ какъ будто, что городъ составлялъ тогда цѣлокупную часть имперіи. Въ тоже время, на основаніи западныхъ извѣстій, мы нудимся признать, что и городомъ и всей областію владѣлъ въ этотъ промежутокъ времени, по праву наслѣдства, маркизъ Монферратскій *Бонифацій*, братъ и преемникъ *Реньера*, — владѣль, конечно, номинально, и можетъ быть даже невѣдомо для Византійскаго двора ¹⁾ и для самаго владѣемаго края. Западъ, значить, не шутить титлами, достававшимися, такъ сказать, съ вѣтра его ратаямъ на Востокъ. Какъ бы то ни было, Солунь если не на самомъ дѣлѣ, то на бумагѣ, съ 1179 года былъ столицею особаго государства, и имѣлъ своихъ Государей *Реньера* и *Бонифація* изъ дома Маркизовъ de Monte Ferrato. Но это была только прелюдія.

ЦАРСТВО СОЛУНСКОЕ. Периодъ первый. Извѣстно, что четвертый крестовый походъ, бывшій съ небольшимъ черезъ 100 лѣтъ послѣ перваго, направленъ былъ уже не для освобожденія св. мѣстъ отъ невѣрныхъ, а по болѣе широкой программѣ—для освобожденія Востока отъ „Фотіевой схизмы“ т. е. для истребленія православія, и благополучно кончился взятіемъ Константинополя и возстановленіемъ „настоящей имперіи“ Константина Великаго, столько почитавшаго

¹⁾ Фамилія эта впрочемъ была какъ бы *своя* при дворѣ Константинопольскомъ. Кромѣ *Реньера*, извѣстенъ еще другой братъ Бонифація, *Конрадъ*, повѣнчавшійся въ 1186 г. въ Константинополѣ съ сестрою императора *Исаака II Ангела*, по имени *Теодорою*. Самъ Бонифацій взялъ за себя вдову того же *Исаака* Маргариту или *Марію*. Ставши во главѣ ополченій, составлявшихъ 4-й крестовый походъ, онъ вторично отправился на знакомый ему Востокъ, и своимъ личнымъ вѣсомъ и вліяніемъ довелъ дѣло до взятія Константинополя, чему рукоплескалъ весь католическій западъ.

„Намѣстника Вожія на землѣ“ и подарившаго ему самый Римъ со всею Италіею. Душою этого похода были венеціанскій дожъ и маркизь Монферратскій. Послѣдній есть тотъ самый *Бонифаций*, о которомъ мы упомянули выше. Когда водворилась въ Константинополь Латинская имперія, покончившая съ выдохшимися *Комнинами* и задохнувшимися *Ангелами*, новый преемникъ Цезарей, *Балдуинъ*, вѣрный феодальной системѣ современной ему Европы, отблагодарилъ своихъ лучшихъ помощниковъ въ захватѣ престола Константинова землями своей новой державы, которыми кстати не могъ управлять самъ. Дожу съ его республикой достались острова, а маркизь предъявилъ только свои документы на наслѣдственное право владѣнія Солунемъ и всей Македоніей. Онъ былъ первымъ кандидатомъ на императорскую корону, и для утѣшенія его требовалось потому также какое нибудь вѣнчаніе его на царство, что и было сдѣлано въ самомъ Константинополѣ. Онъ получилъ при этомъ титулъ „Короля Фессалоникскаго“¹⁾. Все это происходило въ самый годъ завоеванія франками Царя-града, — 1204-й отъ Р. Х. Новый Государь уже совсѣмъ готовъ былъ отправиться въ свои владѣнія, чтобы начать царствовать, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ вышла исторія, послужившая какъ бы программю всего дальнѣйшаго хода Латинства на Востокъ, — зданія основаннаго на песокъ, по слову Господнему. Императоръ поревновалъ королю, и прежде самъ захотѣлъ показать себя Солуню, введши торжественно во владѣніе ижъ своего товарища. Вышелъ дѣлежъ шкуры неубитаго еще медвѣдя. Не мало горькихъ словъ перепало между вѣнченосцами. Король находилъ не нужно такую честь своимъ владѣніямъ. Императоръ настаивалъ, и настоялъ. Кончилось тѣмъ, что доблестные рыцари разъѣхались въ разныя стороны. Балдуинъ съ войскомъ своимъ отпра-

¹⁾ Титулуется впрочемъ у западныхъ писателей и *Фассалійскимъ*, вмѣсто *Фессалоникскаго*.

вился действительно въ Солунь, а Бонифацій, тоже съ своимъ войскомъ, въ.. Адрианополь! Византій ждала, что завоеватели подерутся, перебьютъ другъ друга и избавятъ отъ себя Востокъ. Но до этого не дошло. Третій ли союзникъ дожъ помѣшалъ, или печальные уроки предшествовавшихъ походовъ слишкомъ живо еще были памятны, только вассалъ уступилъ сюзерену. Солуняне, пресыщенные Комниними, безъ неприязни отнеслись къ франку—монарху и встрѣтили Балдуина за городомъ съ хлѣбомъ-солью, прося его объ одномъ — не вводить солдатъ въ городъ, что конечно и было исполнено. Недавнiе Сицилійцы и Аланы не могли еще выйти у нихъ изъ памяти. Съ такимъ же радушиемъ, или по крайней мѣрѣ—равнодушиемъ, они приняли потомъ и поставленнаго имъ короля. Ибо, что другое оставалось дѣлать? Притомъ же Бонифацій, посмотрѣвшись на порядки Византійскаго двора, несомнѣнно, на сколько могъ, показывалъ себя въ своемъ государствѣ въ такой обстановкѣ, въ какой понапривыкъ и желалъ видѣть своего Государя. Притомъ же смысленный человекъ конечно не пропускалъ случая выдвигать, гдѣ нужно, жену свою бывшую императрицу и ея сына (Мануила) отъ прежняго мужа, котораго онъ, при бывшей размовкѣ съ Балдуиномъ, провозгласилъ разъ даже *законнымъ* наслѣдникомъ Императорскаго вѣнца.

Не имѣемъ мы свѣдѣнiй о томъ, какъ образовался и существовалъ тутъ королевскiй дворъ. Воображенiе описываетъ широкое поле дѣятельности. Впрочемъ, повидимому, Бонифацій считалъ себя болѣе воителемъ, нежели правителемъ. Очень скоро исторiя находитъ его далеко отъ Фессалоники завоевывающимъ Фессалию и нынѣшнюю Грецію до самаго *Пелопоннуса*, на которомъ онъ долго держалъ въ осадѣ города *Коринтъ* и *Аргосъ*. Изъ твердой Греціи онъ образовалъ особое, подчиненное себѣ княжество *Аѳинское*. За него тутъ распоряжалась если не царствомъ, то царедворцами жена его, славившаяся мужествомъ и красотою, которую хотя западные историки

и представляют возвратившуюся из схизмы (православия) в лоно церкви (папства), но вся вѣроятность заставляет предполагать вѣрною обычаямъ Восточной церкви, въ которыхъ воспиталась, пребывая въ Константинополь 10-ти лѣтъ ¹⁾. Въ это время поворожденное царство Солунское чуть не получило неожиданный конецъ себѣ. По сѣвернымъ предѣламъ имперіи скитался тогда бывший императоръ *Алексій III Ангелъ*, какимъ-то необъяснимымъ и необычнымъ въ Византійской исторіи случаемъ оставшійся въ живыхъ. Послѣ разныхъ приключеній онъ добрался до Солуна вмѣстѣ съ женою своею *Ефросиніею* ²⁾ и дочерью *Евдокіею*. Скитальцы благосклонно приняты были королевою, хотя та имѣла полное право на всякую жестокость съ Алексѣемъ, низложившимъ и ослѣпившимъ ея перваго мужа, а своего роднаго брата. Три экс-императрицы очевидно не могли ужиться вмѣстѣ. Скоро была открыта интрига гостей противъ хозяевъ. Алексѣй собиралъ себѣ въ городѣ партію для изгнанія чужеземцевъ и для... но, очевидно для чего. Великодушная невѣстка ограничилась тѣмъ, что прогнала отъ себя своихъ бывшихъ родственниковъ. Испытавъ неудачу, тѣ отправились съ большими надеждами на успѣхъ дальѣ къ югу, и попались въ руки возвращавшагося оттуда въ свои владѣнія Бонифація. Онъ вѣроятно еще долго бы оставался въ классической землѣ, закрѣпляя ее за свою бумажною короною, но ему до-

¹⁾ Одна изъ лучшихъ личностей своего времени. Она была дочь Венгерскаго короля *Белы III* († 1196) и сестра короля *Андрея II*, прозваннаго *Иерусалимскимъ*, — стоявшаго во главѣ пятаго крестоваго похода. Въ Константинополь воспитывалась при дворѣ, и приняла православіе. Была замужемъ сперва за *Исаакомъ II Ангеломъ*, убитымъ въ 1204 г., отъ котораго имѣла и сына *Мануила*, пронаваго потомъ безслѣдно въ исторіи.

²⁾ *Ефросинію* очень хвалятъ историки. *Евдокія* сперва выдана была отцомъ за Сербскаго краля (какого?), который вскорѣ возвратилъ ее къ тестю за какой-то физическій недостатокъ. Во второй разъ вышла за *Алексія Дуку Муриуфла*, умертвившаго Маргаритина мужа Исаака. Въ третій разъ вышла за *Льва Слугу*, памятнаго своими военными походами въ Греціи и своимъ какъ бы тоже царствованіемъ въ Бюргундіи.

несли, что на сѣверѣ явились охотники до его собственной коронной земли. Ему предстояла неменьше трудная и продолжительная война оборонительная, наследованная имъ вмѣстѣ съ краемъ отъ византійцевъ. Сѣверные „варвары“ сложились въ это время въ два, довольно сильныя, государства: *Болгарское* и *Сербское*, не считая другихъ меньшихъ народцевъ, то защищавшихъ, то разрушавшихъ Имперію, въ родѣ *Алановъ*, *Аваровъ*, *Комановъ*, *Печенеговъ*, *Росовъ*... Для расправы со всей этой „саранчей“ у Имперіи давно уже не было собственныхъ силъ. Королевство конечно обходилось пока своими силами. Но завоевательный походъ Бонифація на Грецію долженъ былъ уже значительно уменьшить ихъ. Вообще говоря, „франки“ въ своихъ крестовыхъ походахъ, и особенно въ четвертомъ, допустили ту же фатальную ошибку, которой слѣдовала Византія, и еще прежде нея вся колонизаціонная система старыхъ Грековъ, а именно, увлекшись духомъ предприимчивости, вторглись въ ничтожномъ сравнительно количествѣ въ сплошныя инородныя населенія. Оба монарха иноземца— *Балдуинъ* и *Бонифацій* скоро увидѣли себя въ необходимости защищаться отъ такого врага, какаго и не воображали встрѣтить, забываясь на Востокъ. Надъ Болгарами властвовалъ тогда нѣкто *Іоаннъ*, или уменьшительно *Іванница* (какъ бы: *Іванушка*, по нашему), изъ чего западные писатели сдѣлали *Ioannicius* — личность роковая для франкскаго владычества на Востокѣ, сдѣлавшая то, что первый блинъ этого печенья вышелъ комомъ, по нашей пословицѣ. Съ помощію 14,000 *Комановъ*, онъ разбилъ наголову Балдуина подъ Адрианополемъ, куда тотъ явился съ войскомъ для подавленія мятежа. Несчастный погибъ въ неслыханныхъ мукахъ ¹⁾ отъ жестокаго побѣдителя,

¹⁾ Краль держалъ сперва плѣнника въ чести. Но вышло подозрѣніе, что краевна не равнодушна къ прекрасному франку, да еще и императору. Что бы показать ей наглядно, какая разница между тѣмъ и другимъ вѣнценосцемъ, ярый человекъ приказалъ отрубить

не успѣвъ износить и одной пары красныхъ сапоговъ съ золотыми орлами, т. е. процарствовавъ всего 9 мѣсяцевъ. Эта первая схватка славянъ съ именитыми „франками“ возбудила духъ отваги въ первыхъ. Будь въ нихъ хотя малое сочувствіе съ греками, всей франкской затѣѣ тутъ же былъ бы положенъ конецъ. Между тѣмъ та и другая сторона дѣйствовали безъ малѣйшей мысли о соглашеніи, каждая на свой счетъ, на свой рискъ и на свой, такъ сказать, капризъ. Таковы именно были дѣйствія Иваницы. Этотъ *filius carissimus* Папы ¹⁾, поставилъ какъ бы задачею своей жизни истреблять легіоны папства на Востокъ. Покончивъ съ Императоромъ, онъ задумалъ добратся и до короля. Бонифацій объѣзжалъ тогда западныя области своего государства, восстанавливая города, разрушенныя въ предшествовавшіе набѣги Болгаръ на Македонію, когда ему донесли, что въ столицѣ его произошло возстаніе, что граждане положили выгнать иноземное правительство, и что королева, спасая себя, укрылась въ крѣпости. Насколько въ этомъ случаѣ можно искать интриги Болгарскаго краля, неизвѣстно. Когда Бонифацій прибылъ въ Солунь, онъ нашелъ возстаніе уже подавленнымъ. Но зато, по слѣдамъ его двигался къ Солуню съ большимъ войскамъ самъ краля. Произошла, не знаемъ которая изъ несчастныхъ, осада Солуны. Король, запершись въ городѣ, отчаянно отбивался отъ краля. Послѣдній, отъ природы крайне нетерпѣливый, не вынесъ неожиданнаго отпора, и стремительно возвратился въ свои горы, ни во что ставя позоръ отступленія. Въ Солунѣ насталъ минутный золотой вѣкъ. Убѣдившись, что спасеніе всего франкскаго дѣла на Востокъ состоитъ въ нерушимомъ союзѣ вождей его, Бони-

Балдуиу и руки и ноги, и отнести туловище на скалу, гдѣ его клевали хищныя птицы въ теченіе тронхъ сутокъ!

¹⁾ Иванъ, между прочимъ, искалъ себѣ царскаго вѣнца у Папы, соглашаясь на Унію. Ласкательныя выраженія «св. отца» относятся къ этому періоду Иваницына хамелеонства. Онъ прикидывался врагомъ грековъ и называлъ себя: *Ῥωμιολοφθόνος* — *грекобойцемъ*.

фацій задумавъ скрѣпить свои вассальныя (на бумагѣ) отношенія къ престолодержцу Византіи родственными узами. Императорствовалъ тогда на мѣсто Балдуина братъ его *Генрихъ*. Бонифацій составилъ планъ женить его на своей дочери, *Агнесъ*, которую и вызвалъ для сего изъ своего родоваго Ломбардскаго владѣнія въ Солунь въ 1206 году. Въ концѣ того же года она отправлена была въ Константинополь, гдѣ и повѣнчана 4 Февраля 1207 года въ храмѣ Св. Софіи съ Императоромъ. Праздникамъ конца не было, по сему случаю, въ обѣихъ столицахъ. Не дремалъ при этомъ и Иванъ Асеновичъ. Онъ не даромъ столько лѣтъ прожилъ заложникомъ при (бывшемъ) дворѣ Византійскомъ. Въ отвѣтъ на тѣсный союзъ заморскихъ „ригъ“, онъ заключилъ союзъ съ *Теодоромъ Ласкаремъ*, считавшимся законнымъ преемникомъ императоровъ Константинопольскихъ, условившись не давать покоя иноземному державцу Константинополя ни на одинъ день. И точно Франкскому владычеству на Востокъ опять угрожалъ конецъ, но и опять фатальный недостатокъ единомыслія въ дѣятеляхъ противной стороны оставилъ его жить и даже процвѣтать. Ласкаръ поладилъ съ Генрихомъ¹⁾. Заручившись миромъ съ этимъ ближайшимъ конкурентомъ вѣнца Императорскаго, Генрихъ устроилъ свиданіе съ тестемъ, на которомъ и рѣшено было общими силами уничтожить Ивана. Но Богъ судилъ иначе. Славный воитель двухъ крестовыхъ походовъ и владѣтель двухъ Государствъ Бонифацій погибъ безславно, и даже какъ бы безвѣстно, гоняясь на высотахъ Родопы за Болгарскими наѣздниками. Смерть его приурочивается къ тому же, радостному для него, 1207 году. Голова его, въ видѣ трофея, достав-

¹⁾ Къ удивленію, столько естественнаго ожесточенія противъ «Франковъ» мы не находимъ ни у грековъ ни у славянъ того времени. Внуку Ласкаря потомъ жевать былъ на племянницѣ Балдуина и Генриха. А дочь Иваницы была женой Генриха!

лена была Кралою, который по дикому обычаю „варваровъ“ приказалъ сдѣлать изъ черепа задравную чашу ¹⁾).

У Бонифація было два сына: отъ первой жены *Гильома*, и отъ Маргариты Маріи *Димитрій*, родившійся очевидно въ Солунѣ. Первому покойный оставилъ въ наслѣдство свое владѣніе Monte-Ferrato въ Италіи, второму — Солунское королевство. Такъ какъ послѣдній былъ еще младенецъ, то вельможа *Бландри* замыслилъ возложить корону на старшаго брата, и сдѣлать престолъ Солунскій совершенно независимымъ отъ Константинополя. Генрихъ пронюхалъ это и нарочно пріѣхалъ въ Солунь, чтобы внушить народу, что настоящій монархъ у него есть Императоръ. При этомъ, онъ своеручно короновалъ Димитрія 6 Января 1209 г., поручивъ управленіе дѣлами матери, а къ ней приставивъ своего чиновника. Но, кажется, прежде, чѣмъ все это произошло, подъ стѣнами Солуны случилось еще разъ, столько привычное городу обстоятельство, непріятельская осада. По смерти Бонифація, Иванъ незамедлилъ со всею массою войскъ своихъ двинуться къ Солуню, очевидно имѣя намѣреніе воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и положить конецъ непрошеному королевству. Дѣйствительно все шло, какъ нельзя лучше, для плановъ краля, но въ одну ночь нашли его мертвымъ въ его палаткѣ ²⁾. Лѣтописцы

¹⁾ Историкъ (Акрополитъ), умалчивая о смерти Бонифація, утверждаетъ, что «Псо-Іоанпъ» поступилъ такъ съ черепомъ Балдуина. Но очень могло статься, что ему мало было одной чаши, и что обѣ вѣнценосныя главы угодилъ въ буфетъ болгарина.

²⁾ Воспаленіемъ въ легкихъ — *плеуритиді* νόσος, по Акрополиту. «А въкоторые говорили, прибавляетъ писатель, что Божиимъ дѣйствиемъ». Внезапную смерть его приписали современники заступничеству св. Великомученика Димитрія. Краля успѣлъ вскричать, умирая: *Мамистра!* Именемъ этимъ назывался его полководецъ, котораго палатка ближе всѣхъ стояла къ государевой. Звалъ ли умиравшій на помощь къ себѣ генерала, или обвинялъ его въ убійствѣ, осталось неизвѣстнымъ. Жестокаго человека не любили, и разслѣдовать дѣла не хотѣли. Въ своемъ письмѣ къ Папѣ *Иннокентію III* онъ называлъ себя: *Ego Calojohannes imperator Bulgarorum seu Blancorum* (?).

и это обстоятельство относятъ къ тому же 1207 году. Но, кажется, слишкомъ тѣсная хронологическая рамка (1204—1207) назначается для событій, съ коими связаны имена Бонифація и Иваницы. Какъ бы то ни было, съ смертію краля и осада Солуня была снята, и на цѣлые 10 лѣтъ водворилось спокойствіе въ краѣ. *Димитрій* подросталъ. Мать правила государствомъ. Тѣмъ временемъ умеръ въ 1216 г. и второй Императоръ Латинскій Генрихъ, не оставивъ, какъ и Балдуинъ, послѣ себя прямого наслѣдника. Преемникомъ ему выбранъ зять обоихъ бывшихъ Императоровъ, *Петръ*, жившій на западѣ, которому не удалось даже увидѣть своей столицы. Для него нашелся тоже въ своемъ родѣ Иваница, только грекъ, а не славянинъ. Петръ коронованъ былъ торжественно въ Римѣ вседержавнымъ Папою ¹⁾ на Византійское царство, столь близкое сердцу Святаго Отца, съ заповѣдію покончить съ ненавистною схизмою Восточною. Свидѣтелемъ торжества былъ и старшій сынъ покойнаго Короля Фессалоникскаго, *Гильомъ*, Маркизь Монферратскій. Новый Императоръ, въ порывѣ удовольствія, не справившись ни съ исторіей ни съ географіей, произвелъ Маркиза въ Короли Солунскіе, поручивъ ему имѣть опеку надъ Димитріемъ вмѣстѣ и съ его матерью. Папа, не менѣе радостный, далъ послѣдней право „не подлежать епископскому запрещенію, безъ вѣдома Св. Престола“ ПОВОДА къ такой странной милости мы ¹⁾ угадать не можемъ. Вѣроятно подъ видомъ привилегіи скрывалась утонченная притѣснительная мѣра. Полагать бы можно, что строгому католичеству Королевы не вѣрили въ Римѣ. Вѣроятно и сынъ ея Димитрій воспитывался умною и заботливою матерію тоже въ схизмѣ. Оттого и поспѣшили въ Римѣ произвести въ Короли Солуню настоящаго вѣрнаго сына церкви, поручивъ ему опеку (очевидно, въ какомъ смыслѣ) надъ вдовою и сы-

¹⁾ Кажется все тѣмъ же знаменитымъ *Иннокентіемъ III*, умершимъ въ этомъ самомъ году.

номъ Бонифація. Но, вся эта римская затѣя сѣла на мель у одного, не означеннаго въ мореходныхъ картахъ куріи, мыса.

На семъ пунктѣ исторіи мы вынуждаемся остановиться. Настъ давно уже ждетъ одна пресловутая личность того времени, — Деспотъ.¹⁾ Эпирскій. Когда-то тоже славное имя Эпира къ XIII вѣку по Р. Х. почти уже было забыто. Даже въ школахъ того времени, даже въ самомъ Эпирѣ, едвали произносились славныя имена царей Эпирскихъ *Александра*, *Пирра* и др. И вдругъ одинъ человекъ темнаго происхожденія и не очень свѣтлыхъ качествъ заставилъ просіять Эпиръ не на одну сотню лѣтъ, и спутать собою окончательно и безъ того запутанный ходъ доживавшей свои дни Имперіи. Исторія — въ двухъ трехъ словахъ — слѣдующая. Когда новый Императоръ Константинопольскій Балдуинъ отправился въ первый разъ по своей Имперіи, и именно въ Солунь, о чемъ мы уже упоминали, ему сопутствовалъ въ числѣ переметчиковъ и нѣкто *Михаилъ Ангелъ-Комнинъ* (по мужской линіи — *Ангелъ*, по женской *Комнинъ*), не имѣвшій, строго судя, права носить ни ту ни другую фамилію, потому что былъ незаконнаго происхожденія. Оставивъ императора подъ Солунемъ, онъ пошелъ добывать себѣ счастья далѣе на западъ, и при общей ломкѣ изветшавшаго зданія имперіи, успѣлъ какъ-то сколотить изъ кусковъ

¹⁾ Δεσπότης (владыка) съ IX вѣка имѣло смыслъ латинскаго: Dominus IV—VIII вѣковъ, прилагаясь собственно къ лицу самодержца. Со времени Комнинныхъ, оно стало означать: лицо царствующаго дома. Императоръ могъ возводить въ это достоинство и отдаленныхъ родственниковъ, каковыми были и *Ангелы-Комнины*, происходившіе отъ дочери Алексія I Комнина *Теодоры* и *Константина*, за красоту прозваннаго *Ангеломъ*, служившаго во флотѣ. Отъ нихъ родились 4 сына: *Михаилъ*, *Андроникъ*, *Иоаннъ*, *Константинъ* и двѣ дочери. Отъ Андроника вышла императорская линія Ангеловъ: *Исаакъ*, *Алексій* съ ихъ потомствомъ. Отъ *Иоанна*, носившаго почетный титулъ *Севастократора*, произошли: *Михаилъ* (побочный) и *Теодоръ*, *Константинъ*, *Мануилъ* (законные). Они то и были родоначальниками Эпирскихъ «Деспотовъ» и на вѣкоторое время Императоровъ (Солунскихъ).

ея новую державу безъ рѣзко очерченныхъ границъ и даже безъ какой нибудь одной общей клички, то *Эпирскую*, то *Этоло-Акартанійскую*, то еще иначе какъ нибудь. Подобно тому, какъ Бонифацій изъ Солуня распространялъ свои владѣнія мало по малу на далекій югъ, Михаилъ, утвердившись главнымъ образомъ въ древнемъ Эпирѣ, съ тѣмъ же расширительными помыслами направлялся къ сѣверу, и, сравнительно говоря, былъ сильнѣйшимъ изъ 5 или 6 государей, порожденныхъ переворотомъ 1204 года. Не имѣя прямыхъ наследниковъ кромѣ сына (тоже Михаила и тоже — незаконнаго, какъ и онъ самъ), онъ вызвалъ къ себѣ въ „свободный“ Эпиръ одного изъ трехъ братьевъ своихъ (законныхъ), именовъ *Теодора*, который и наследовалъ ему въ его владѣнιάхъ послѣ его смерти, приключившейся въ 1216 г. Новый „Деспотъ“ затмилъ славу прежняго. Первымъ его дѣяніемъ было захватить въ свои руки новопоставленнаго императора Константинопольскаго *Петра*, которому дорога къ престолу лежала черезъ его владѣнія. На бѣдняка напали въ горахъ Эпира будтобы разбойники, которыхъ Деспотъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ ни словить ни отыскать, несмотря на просительное и отечески — увѣщательное письмо Папы. Два года просидѣлъ, размышляя о превратностяхъ міра, плѣнникъ въ какой-то крѣпости, и наконецъ исчезъ безслѣдно. Для нашей Солунской исторіи собственно дорогъ не онъ лично, а поставленный имъ король Солунскій. Участъ Петра отбила охоту у Гильома (или Вильгельма) ѣхать добывать себѣ за моремъ царства, когда свой Монферратъ былъ подъ бокомъ. Доказательствомъ того, какъ все обездушѣло въ бывшей грозной Имперіи, можетъ служить обстоятельство, что и въ Константинополѣ и въ Солунѣ занимали теперь престолъ слабыя женщины (тамъ *Иоанна*, сестра Балдуина и Генриха и вдова Петра, здѣсь *Маргарита*), окруженныя конечно густымъ населеніемъ греческимъ, и ни у кого не доставало духа выгнать иностранокъ и

возстановить природное правительство. Однакоже былъ человекъ, который не усумнился въ возможности сдѣлать это. То былъ *Деспотъ Теодоръ*. Посмѣявшись надъ „франками“ въ лицѣ Петра, отважный человекъ сообразилъ, что желѣзо надобно ковать, пока оно горячо, и не замедляя двинулъ свои дружины въ беззащитную Македонію. Грозное имя предшествовало человеку и углаждало, такъ сказать, дорогу. Города передавались ему, какъ своему природному государю съ радостію и надеждою, что онъ положитъ конецъ вѣковымъ нестроеніямъ въ краѣ, измученномъ безпрестанными завоевательными движеніями то съ юга, то съ сѣвера, съ нѣкотораго времени уже и съ запада. Теодоръ шолъ какъ триумфаторъ, и скоро былъ уже подъ Солунемъ. Не дожидаясь, пока долженъ будетъ живымъ отдаться въ руки завоевателя, Димитрій бѣжалъ изъ своего царства въ Италію къ роднымъ отца своего за помощію. Этого только и ждалъ Теодоръ. Онъ незамедлилъ овладѣть столицей своей будущей Имперіи. Къ сожалѣнію, подробности этого событія неизвѣстны. Даже года, когда это произошло, намъ не удалось отыскать у историковъ. Вѣроятно это было въ 1221 году. Въ слѣдующемъ году Солунскій владѣтель уже замыслилъ провозгласить себя Императоромъ, не Солунскимъ конечно, какъ привыкли думать, а *Римскимъ*, — на тѣхъ же положеніяхъ, на какихъ и Никейскіе владѣтели присвоили себѣ самодержавіе. Но Никейскимъ сподручно было сдѣлать это. Какіе были имперскіе чины, не хотѣвшіе оставаться въ Константинополѣ при иноземномъ *речи* (гех) въ 1004 году, всѣ ушли за Ласкаремъ въ Никею, и удержали тамъ старый государственный порядокъ. А, что всего важнѣе, послѣдовало и высшее церковное управленіе бывшей Имперіи, т. е. Патріархъ съ своимъ Синодомъ. Теодоръ не былъ въ подобномъ положеніи, и когда обратился къ мѣстному митрополиту, требуя отъ него вѣнчанія себя на царство по уставу, то архіерей Солунскій на отръзъ отказался отъ того, ссылаясь конечно на букву устава, гдѣ указывается вѣнчанію быть

руками патриарха ¹⁾. Впрочемъ, мы говоримъ это гадательно. Какъ бы то ни было, встрѣтилось маленькое препятствіе къ Θεодорову самодержавству. Но такъ какъ, говоря по гречески, „всякое препятствіе къ добру“, то и упорство одного архіерея дало другому высказать свои автокефальныя права съ тѣмъ, чтобы въ отдаленной будущности дать возможность людямъ, имѣющимъ въ томъ нужду, сослаться на нихъ, какъ на историческій прецедентъ. Этотъ *другой* архіерей былъ Охридскій Архіепископъ, на котораго были перенесены преимущества первой Юстиніаны, дававшія ему не подсудность равную съ патриархами ²⁾. Человѣкъ не затруднился возложить на голову „Деспота“ Императорскую корону, мало думая о томъ, что скажетъ о его дѣйствіи τὸ πικρὸν ἑλλημιον (все эллинство), не сходящее съ языка у нынѣшнихъ патриотовъ. Охридскій архіерей зналъ, что иное дѣло церковные каноны, и иное τὸ γένος καὶ τὸ ἔθνος (родъ и народъ), и дѣйствуя въ области первыхъ, не совѣтовался съ послѣдними. Обстоятельствъ вѣнчація на царство *Θεοδори I* мы къ сожалѣнію опять не могли узнать ни откуда.

¹⁾ Это былъ нѣкто *Константинъ*, по прозванію: *Месопотамскій*, котораго историки описываютъ царедворцемъ и даже другомъ фамиліи *Ангеловъ*, и ставятъ въ примѣръ ненасытнаго властолюбія и самонадѣянія и, неразлучнаго съ ними, быстро паденія. Писатель называетъ его «Протеемъ разнообразѣйшимъ и пестрѣйшимъ». Еще до франкократіи онъ былъ соборно низложенъ за свою, мало духовную, жизнь. Какимъ образомъ потомъ опять оказался архіереемъ, да еще и Солунскимъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, послѣдній поступокъ его показываетъ, что онъ подъ старость изъ Протея сдѣлался Прометеемъ. Юпитеръ, котораго онъ ослушался, подвергъ его также «не малымъ злостраданіямъ и заточеніямъ», по *Никифору Григоріу*.

²⁾ *Димитрій Хоматинъ* — по *Акрополиту*. Привилегію Патриаршаго Престола онъ взялъ на себя потому, что считалъ себя «самоправнымъ (αὐτόνομος) и необязаннымъ никому отчетомъ». Это былъ большой юристъ своего времени. Какъ таковой, онъ извѣстенъ своими отвѣтами Сербскому вѣводу Стефану по вопросамъ о степеняхъ родства. Тѣ же или другіе его отвѣты о томъ же предметѣ извѣстны и Константину Кавасилѣ, Диррахійскому Митрополиту. Фамилія: *Χοματῆνός* показываетъ, что этотъ «Архіепископъ всей Болгаріи», былъ родомъ грекъ.

вый самодержецъ не шутилъ своимъ званіемъ преемника ке-
 нъ завелъ въ Солунѣ настоящій Императорскій дворъ, сталъ
 б, какъ было въ Византіи, титула *Деспота, Севастократера* и
 амья высшія достоинства Имперіи, облекся въ багряницу и
 гую обувь... Только все это дѣлалъ нѣсколько „по болгарски“
 лучше „поварварски“, замѣчаетъ обиженный этою профанаціею
 жихъ придворныхъ обычаевъ писатель. Не понравился по-
 устъ ни чужимъ ни своимъ. За моремъ считали его, конечно,
 теенны. Въ Константинополѣ при одномъ имени его скре-
 зубами. Никейскій самодержецъ считалъ его бѣльмомъ на глазу.
 , не менѣе другихъ злился на него Болгарскій краль *Асемъ II*
 у, 35-й Болгарскій царь), у котораго онъ не церемонясь отби-
 рабленныя тѣмъ, укрѣпленныя мѣста и земли. Задавшись
 своимъ достоинствѣ императорскомъ, Феодоръ незамедлилъ
 ся съ своими вольными дружинами на Востокъ во Фракію
 отеческое достояніе. Несомнѣнно, что главнымъ помысломъ
 Константинополь. Побѣдоносно шолъ онъ впередъ, и безъ
 крови овладѣлъ Адрианополемъ, отнявъ его у *своего* же, да
 еще и законнаго¹⁾ государя! Оттуда онъ простиралъ набѣги
 Царя-града, но, видно, добыть столицу было не подъ силу
 всей вѣроятности надутый и вѣроломный чловѣкъ не поль-
 зочувствіемъ ни въ войскѣ (которое всетаки отдало въ его
 ианополь!), ни въ мѣстномъ населеніи, которое такъ любило
вана Милостиваго (Ваташи, Императора Никейскаго). Ко-
 дремалъ при этомъ и сей послѣдній, употребляя всѣ усилія
 выскочку. Впрочемъ, кажется, и не по зубамъ была нашему
 му завоевателю какая бы то нибыло крѣпостная стѣна, а у

дворъ жилъ при Никейскомъ дворѣ, пока братъ не позвалъ его деспотствовать

Періодъ Второй. Такъ рушилось царство Солунское — *Regnum Thessalonicense* — созданное, не скажемъ на пескѣ, а какъ бы прямо на воздухѣ! Едва ли кто пожалѣлъ о немъ, исключая можетъ быть Св. Отца въ Римѣ, котораго сердце, какъ извѣстно, болитъ обо всемъ мірѣ. Впрочемъ и о новомъ императорѣ у Папы должны были сохраниться хорошія воспоминанія изъ періода, предшествовавшаго печальному случаю съ Петромъ. И даже послѣ случая отличный человекъ умѣлъ заявить себя передъ Верховнымъ Первосвященникомъ вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ... Но если сынъ оставался „вѣрнымъ“, то отецъ не сохранилъ болѣе никакой вѣры въ него, и наконецъ проклялъ его торжественно. Поводомъ къ такому акту духовнаго наказанія послужили происки при папскомъ дворѣ экс-короля Дмитрія, или больше, отъ его имени, его брата Маркиза Монферратскаго, который, впрочемъ, какъ будто непрочъ былъ и самъ покоролествовать на заманчивомъ Востоку. Братья предприняли было нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Θεодора, стараясь поднять главнымъ образомъ мелкихъ владѣтелей Элладскихъ, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Солунской коронѣ. Папа, разумѣется, сыпалъ обѣими руками индальгенціи новымъ крестоносцамъ. Но пока тѣ собрались съ мыслями, маркизь король заболѣлъ и умеръ. Лѣтъ 5 послѣ него еще прозябалъ гдѣ-то въ Италіи братъ его Дмитрій, и тоже безвременно умеръ въ 1230 году, не оставивъ по себѣ потомства. Жаль, что исторія не занесла на свои страницы дальнѣйшей судьбы его матери, замѣчательной женщины, этой дѣйствительной королевы или государыни Солунской, наполнившей своимъ именемъ весь 18-лѣтній ¹⁾ періодъ Латинскаго владычества въ краѣ.

¹⁾ Историкъ Эпира *II. Аравандиносъ* увѣряетъ, что Солунь взялъ Θεодоромъ въ 1218 г. Это было бы еще при жизни Имп. *Θеодора Ласкаря*. Но по «Византіянамъ» имя Θεодора Деспота Эпирскаго огласилось уже при Имп. Іоаннѣ Ватаци, слѣд. послѣ 1222 г.

Новый самодержецъ не шутилъ своимъ званіемъ преемника кесарей. Онъ завелъ въ Солунѣ настоящій Императорскій дворъ, сталъ раздавать, какъ было въ Византіи, титула *Деспота*, *Севастократора* и другія самыя высшія достоинства Имперіи, облекся въ багряницу и въ красную обувь... Только все это дѣлалъ нѣсколько „по болгарски“ или же лучше „поварварски“, замѣчаетъ обиженный этою профанаціею византійскихъ придворныхъ обычаевъ писатель. Не понравился новый Августъ ни чужимъ ни своимъ. За моремъ считали его, конечно, сыномъ геенны. Въ Константинополѣ при одномъ имени его скрежетали зубами. Никейскій самодержецъ считалъ его бѣдломъ на глазу. Наконецъ, не менѣе другихъ злился на него Болгарскій король *Асенъ II* (по Рачу, 35-й Болгарскій царь), у котораго онъ на церемоніяхъ отбиралъ заграбленные тѣмъ, укрѣпленные мѣста и земли. Задавшись мыслию о своемъ достоинствѣ императорскомъ, Теодоръ незамедлилъ отправиться съ своими вольными дружинами на Востокъ во Фракію добывать отеческое достояніе. Несомнѣнно, что главнымъ помысломъ его былъ Константинополь. Побѣдоносно шолъ онъ впередъ, и безъ пролитія крови овладѣлъ Адрианополемъ, отнявъ его у *своего* же, да притомъ еще и законнаго ¹⁾ государя! Оттуда онъ простиралъ набѣги до самаго Царя-града, но, видно, добыть столицу было не подъ силу ему. По всей вѣроятности надутый и вѣроломный человѣкъ не пользовался сочувствіемъ ни въ войскѣ (которое всетаки отдало въ его руки Адрианополь!), ни въ мѣстномъ населеніи, которое такъ любило своего *Ивана Милостиваго* (*Ватаци*, Императора Никейскаго). Конечно, не дремалъ при этомъ и сей послѣдній, употребляя всѣ усилія осадить выскочку. Впрочемъ, кажется, и не по зубамъ была нашему счастливому завоевателю какая бы то нибыло крѣпостная стѣна, а у

¹⁾ Теодоръ жилъ при Никейскомъ дворѣ, пока братъ не позвалъ его деспотствовать въ Эпирѣ.

Константинополя ихъ было довольно. Но есть и другой способъ объяснить его неуспѣхи подъ столицей. Не дремалъ и другой природный соперникъ Солунскаго властителя, Краль, имѣвшій съ нимъ свои международные счеты. Надобно думать, что чуть Θεодоръ оставилъ Солунь, какъ Асеню пришла охота заглянуть въ него, и что въ слѣдствіе сего начались въ сѣверозападныхъ частяхъ Θεодоровой монархіи явленія неспокойнаго свойства, что и принудило монарха возвратиться во свояси. А можетъ быть все движеніе Краля имѣло одну простую цѣль познакомиться съ пресловутымъ сосѣдомъ. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ то, что немедленно затѣмъ послѣдовало. Въмѣсто ожидаемыхъ неприяностей, состоялась дружба между двумя государями, закрѣпленная еще и родственнымъ союзомъ. Болгаринъ выдалъ дочь свою (побочную) *Марію* за брата Θεодорова *Мануила*. Гдѣ, когда и какъ это происходило, не знаемъ. Повидимому — не въ Солунѣ, и вѣроятно не въ первые годы Θεодорова здѣсь царствованія. По поводу сего союза, мы не можемъ удержаться, чтобъ не повторить греческой поговорки: оказались „похожими, оттого и породнились“, *ἐτερίασαμεν, διὰ τοῦτο καὶ συγγενήσασαμεν*. И Асень и Θεодоръ стѣбли другъ друга, — и какъ правители и какъ люди вообще, и хорошо понимали другъ друга. Но такъ какъ это были два схожихъ самодура, то очевидно не могли жить въ мирѣ одинъ съ другимъ. Судя по историкамъ, ничто иное, какъ одинъ безпокойный духъ, заставило Θεодора въ 1230 г. нарушить добрыя отношенія къ свату. Въ Апрѣлѣ 1230 года онъ отправился съ войскомъ изъ итальянцевъ и грековъ въ Адрианополь, и оттуда вдругъ повернулъ по рѣкѣ *Маритъ* (древнему *Деру*) во владѣнія Краля... Асень наскоро вооружился, договоривъ себѣ на помощь дружину Комановъ изъ 1,000 человекъ, и двинулся на встрѣчу вѣроломному родственнику, котораго мирную грамоту пришилъ къ своему знамени, въ обличеніе его вѣроломства. Сраженіе произошло при мѣстечкѣ *Клокотиницъ*. Самонадѣянный

Эпиротъ былъ разбитъ наголову. Побѣдитель удивилъ мiръ своимъ великодушiемъ, не убивъ ни одного плѣнника, и самого Теодора принялъ ласково и съ подобающею честью, только удержалъ его при себѣ въ плѣну. Слава Асенева великодушiя быстро облетѣла предѣлы Теодоровой державы. Города, отнятые у Болгаръ Теодоромъ, стали сами отходить опять къ Асеню, а царство Солунское быстро начало распадаться. Впрочемъ, столица оставалась на прежнихъ положенiяхъ... Братъ Теодора *Мануилъ* заступилъ его мѣсто, и хотя прямо не набивался ни къ кому съ именованiемъ самодержца, но, подписываясь кинноварью, явно давалъ разумѣть, что преемствуетъ во всемъ брату. Асень, въ уваженiе родства съ нимъ, оставлялъ его въ покоѣ. И въ Константинополѣ и въ Никееѣ конечно радовались такому обороту дѣлъ на сосѣдномъ западѣ. Впрочемъ и Мануилъ, хотя и уступалъ много брату въ предпримчивомъ духѣ, не сидѣлъ даромъ и прибиралъ къ рукамъ сосѣднюю Фессалию, которая, полагать надобно, считалась тогда владѣнiемъ какого нибудь франка крестовника. Но родовое наслѣдiе Теодора, Эпиръ, отошло уже отъ его царства съ его наслѣдiемъ. По иниціативѣ ли его самаго, или вопреки его желанiю, Эпиромъ завладѣлъ племянникъ его *Мисаилъ*, сынъ (незаконный) перваго деспота Эпирскаго Михаила, основателя династiи *Комнитилъ-Англовъ*, человекъ съ предпримчивымъ и тоже безпокойнымъ духомъ, жившій виды и на Фессалию и даже на Грецію. На западѣ возникъ новый, не менѣе враждебно настроенный ко всему, что носитъ имя имперiи, властитель Трибалловъ, т. е. Сербовъ, открывшій свои поземельные счета съ обоими сосѣдями — Солунскимъ и Эпирскимъ. Такъ образомъ эфемерная „Имперiя“ Теодорова вдругъ вошла въ предѣлы до того тѣсные, что только прецедентъ Константинополя могъ представлять еще не совсемъ смѣшнымъ положенiе дѣлъ въ Солунѣ. Дворъ Солунскiй средоточился теперь около другой ¹⁾ царицы *Марii*. По странности

¹⁾ Собственно уже третьей. У Теодора тоже была жена, но имя ея не занесено на

судьбы, обѣ Солунскія государыни были иноземки. Та венгерка, а эта болгарка. Но роковая чаша уже готова была излиться на непрощенное государство безъ имени, безъ патента и даже безъ мѣста. Слепый Теодоръ не сумѣлъ сидѣть спокойно гостемъ у Асеня, затѣялъ интригу противъ хозяина, и по приказу сего былъ ослѣпленъ. Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ какъ бы упрощалось запутанное положеніе Солунскаго престолонаслѣдія. Мануиль дѣлался настоящимъ государемъ. Но тутъ вышла неожиданность, которой не повѣрилъ бы, если бы не зналъ, что имѣешь дѣло со временами темными. При слѣпомъ Теодорѣ проживало и его семейство. Дочь его *Ирина* сколько красотою, столько же и ростомъ плѣнила сердце болгарскаго монарха. Крале женился на ней къ общему удовольствію ея самой и отца ея. Новая привязанность — мужа положила конецъ старой — отца. Асень вдругъ принялъ рѣшеніе отправить слѣпаго тестя на прежнее царство, согнавъ съ престола своего зятя и собственную дочь! Сказано — сдѣлано. Слепой Императоръ возвратился въ Солунь, схватилъ Мануила, посадилъ на судно и отправилъ въ ссылку въ Аггалію ¹⁾, а жену его возвратилъ къ ея отцу Асеню. Все такимъ образомъ какъ будто возвратилось къ прежнему порядку. Недоставало только глазъ для правленія государствомъ. Обойденъ былъ и этотъ пунктъ. Теодоръ провозгласилъ Императоромъ сына своего *Іоанна*. Но уже былъ самодержецъ этого имени. Сему послѣднему не было по сердцу такое провозглашеніе.

скрижали исторіи. Известно только, что она была изъ фамиліи *Петралифовъ*, французскаго дворянскаго происхожденія, сестра Великаго Хартуларія при Никейскомъ дворѣ, *Іоанна*.

¹⁾ *Мануиль* успѣлъ впрочемъ бѣжать съ дороги къ Имп. Іоанну Ватаци, которому и пожаловался на обиду, давая ему клятву за одно ратовать противъ «Франковъ». Ватаци далъ ему средства собрать войско и овладѣть южною Фессаліей. Въ то же время братъ Мануила *Константинъ* овладѣлъ частію Эпира, надъ которымъ властвовалъ племянникъ Михаилъ. Теодоръ, узнавъ обо всемъ этомъ, заблагоразсудилъ помириться съ братьями и съ племянникомъ. Водворился такимъ образомъ полный династическій миръ. Мануиль мирно скончался въ своихъ владѣніяхъ въ 1241 г.

Θεодору онъ, такъ сказать, пропалъ его императорскій титулъ — по необходимости, и отчасти по обаянiю его имени. А кто такой былъ безвѣстный юноша Иоаннъ? Отличный во всѣхъ отношенiяхъ человекъ (Ватаци) рѣшился покончить миромъ съ самозванною Имперiею Македонскою. Онъ пригласилъ къ себѣ въ гости (по старому знакомству) Θεодора, какъ человека великой опытности, для дружескихъ совѣщанiй объ общихъ дѣлахъ Имперiи. Θεодоръ охотно отправился въ Азiю (вѣроятно въ Нимфей, гдѣ большею частiю проживали Никейскiе самодержцы). Иоаннъ, продержавъ его при себѣ довольно времени, собралъ войско, и отправился вмѣстѣ съ нимъ на непрiятеля... какого? Есть полная вѣроятность думать, что Θεодоръ всѣхъ менѣе зналъ объ этомъ. Войско прошло всю Θракию, подчиняя города скипетру Иоанна... Котораго? Объ этомъ конечно всего менѣе разсуждали. Наконецъ оно дошло и до Солуня, гдѣ и остановилось въ „саду овчара“. Городъ еще разъ попалъ въ осаду. Иоаннъ Солунскiй приготовился было отбиваться отъ нападающихъ, но тутъ явился слѣпой Императоръ отецъ и уговорилъ сына удержаться отъ безполезнаго кровопролитiя. Заключенъ былъ подъ стѣнами города миръ на условiяхъ, чтобы Солунскiй государь отложилъ титулъ Императорскiй, и звался только Деспотомъ въ вассальныхъ отношенiяхъ къ дѣйствительному Императору (Ватаци). Любопытенъ разсказъ очевидца *Г. Акрополита* объ этой осадѣ города своими противъ своихъ. „Царь (Иоаннъ Дука Ватаци), собравъ всю армию, водружаетъ палатку по близости Θεσσαλονики стадiяхъ въ 88-ми. Стѣнобитныя орудiя и машины несподручно было ему поставить противъ такого города, что бы затѣмъ и овладѣть имъ, сражаясь. И такъ, онъ дѣлалъ только набѣги своими войсками, и грабилъ всѣ окрестныя мѣста, главнымъ образомъ руками *Скивовъ*, которые все обрацали въ добычу¹⁾. При немъ были

¹⁾ *Скиом* — бродячiй въ устахъ Византийцевъ терминъ этнографическiй, столько

и суда (триеры), которыми начальствовалъ *Кондофре Мамуль*. Свиту Государя составляли отборные мужи: *Торникій Димитрій*¹⁾, завѣдывавшій общими дѣлами и хлопотавшій по разнымъ сношеніямъ, *Андроникъ Палеологъ*²⁾, который облеченъ былъ въ силу Великаго Доместика, и смотрѣлъ за всеми войсковыми дѣлами, и другіе многіе, поставленные вождами, какъ-то: протовестіарій *Рауль Алексій*³⁾, стольникъ *Никсифоръ Траханиотъ*, *Кондо-Стефанъ*⁴⁾, имѣвшій достоинство протосеваста, *Петралифъ*⁵⁾, названный Великій Хартуларій, и другихъ не мало изъ знаменитостей. И такъ, царь Іоаннъ, расположившись передъ городомъ, дѣлалъ, что могъ, противъ него. Но и бывшіе внутри города не дѣлились дѣйствовать. Выходя изъ городскихъ воротъ, и они дѣлали набѣги на царя“. — Осада протянулась

любимый эллискимъ педантствомъ. Вышеупомянутые 1,000 человекъ Комановъ тоже у одного писателя названы Скинами. Кто они были на этотъ разъ?

1) *Торникій* этотъ вѣроятно отецъ *Константина* Севастократора, тестя *Іоанна Деспота*, брата Михаила Палеолога. Фамилія эта — Иверійскаго т. е. Грузинскаго происхожденія и известна въ Византійской исторіи еще съ X вѣка. Къ какимъ высшимъ должностямъ государственнымъ примѣнить службу Димитрія?

2) *Андроникъ Палеологъ*, отецъ знаменитаго Михаила, родоначальника царственнаго дома Палеологовъ. Domesticus, по нашему какъ бы *домочадецъ*, призванное означать одну изъ самыхъ высшихъ должностей имперіи, не говоритъ ли о злой провѣ официальномъ языкѣ византійцевъ? Или это только непереверенный греческимъ смысломъ латинскій терминъ, въ родѣ Магистра, Ректора, Кандидата?

3) *Рауль Алексій*. полнымъ именемъ: *Радумфъ*, занесенный на Востокъ Крестовыми походами. Былъ женатъ (въ послѣдствіи, конечно) на *Елоитъ*, дочери сестры Михаила Палеолога — *Теодоры*.

4) *Кондостефанъ*, вѣроятно сынъ Андроника Кондостефана, за которымъ была дочь Имп. Алексія III Ангела и сестра жены Имп. Теодора I Ласкаря, слѣд. тетка царствующей императрицы. Оттого онъ и носитъ титулъ «перво-августѣйшаго». Первый изъ Кондостефановъ упоминается подъ 981 г.

5) *Петралифъ* — тоже отпрыскъ крестоносныхъ ратаевъ за св. мѣста. Фамилія эта была въ двухстороннемъ родствѣ съ Эпирскими Комниними — Ангелами. Великій Хартуларій доводился шуриномъ Теодору Солунскому.

бы Богъ вѣсть докуда, но сынъ царя (Феодоръ II Ласкаръ) прислалъ къ отцу гонца съ южной стороны Эллиспонта съ извѣстіемъ, что народъ *Тохары*¹⁾ напали на *Мусульманъ*, сразились съ ними и побѣдили ихъ. Вѣсть эта встревожила царя, но онъ скрылъ ее отъ всѣхъ, и поспѣшилъ вступить въ сношенія съ Солунскимъ державцемъ, посылать къ нему для переговоровъ слѣпаго отца. Такимъ образомъ послѣ 40 дней осады заключенъ былъ между воюющими сторонами клятвенный миръ. Иоаннъ (Солунскій) отказался отъ „красной обуви“ и отъ „пирамиды, украшенной жемчугомъ съ краснымъ камнемъ наверху“, т. е. отъ Императорской короны, а остался при одномъ достоинствѣ „Деспота“.

По окончаніи переговоровъ, счастливый своимъ успѣхомъ Ватаци спѣшно отправился во свояси, а отецъ съ сыномъ остались мирно жить въ Солунѣ, оба сложивъ съ себя императорство. И у насъ были *Иванъ* и *Феодоръ*, — грозный и тишайшій. Но тутъ именамъ выпала противоположная роль. *Феодоръ Ангелъ*, если не былъ прямо тиранъ, то былъ самодуръ. А сына его *Иоанна Ангела* историкъ представляетъ такимъ, какихъ и теплая вѣрою Византійская жизнь имѣла не много. Иоаннъ былъ „благоговѣйшій христіанинъ, кроткій и цѣломудренный человекъ. Онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не быть у обѣдни, ходилъ и на всенощныя бдѣнія, и даже вычитывалъ дома обыкновенно дневные часы, подолгу бесѣдовалъ съ назореями (монахами), и все желалъ и самъ повестъ отшельническую жизнь“... Невдолгѣ послѣ изложенныхъ событій, не пригодный для міра юноша скончался. На укороченный и приниженный престолъ его возшелъ младшій братъ

¹⁾ *Тохары* отождествляются историками съ Татарами. А *Мусульмане* конечно суть Иконійское царство, насчитывавшее ко времени имп. Ватаци уже 13 «султановъ», и бывшее весьма часто въ ссорѣ съ имперіей. Защищать или добывать ихъ пополамъ императоръ, пусть рѣшаетъ исторія.

его *Димитрій*, котораго историкъ изображаетъ во всемъ противоположнымъ брату, и чуть не прямымъ повѣсой. На вѣщени имени его суждено было окончиться и *сторому* царству Солунскому. Новый государь, веселый, живой и разгульный ¹⁾ юноша, не внушалъ никому ни довѣрія ни уваженія. Городъ искалъ только случая избавиться отъ него. Случай, конечно, не замедлилъ представиться. Императоръ Ватаци, убѣдившись въ слабости Болгарской державы, управляемой 12 лѣтнимъ отрокомъ, вознамѣрился выгнать болгаръ изъ *Фракии*, и дѣйствительно забралъ успѣшно много городовъ. Такъ какъ война занесла его въ сторону къ Солуню, то вельможи Солунскіе и вошли съ нимъ въ переговоры о передачѣ ему города и всего бывшаго царства, насколько его еще осталось отъ прежнихъ разиѣровъ. Димитрія самымъ глупымъ образомъ водили при этомъ заносъ ²⁾, пока не подошелъ къ городу со всемъ войскомъ императоръ. Ему, конечно, сейчасъ же отворили ворота. Димитрій укрылся въ крѣпости. Ходатаицей за него явилась къ Ватаци сестра его *Ирина*, бывшая кралена Болгарская. Димитрій остался цѣль и невредимъ, но отданъ подъ стражу. Императоръ съ торжествомъ вступилъ въ городъ, и провелъ тутъ нѣсколько дней въ Декабрѣ 1246 года. Возвращаясь въ Малую Азію, онъ оставилъ правителемъ Солуня и всей Македоніи Великаго Доместика *Андроника Палеолога*, подъ начальство котораго поставилъ и сына его Михаила, уже начавшаго занимать видное мѣсто въ кругу царедворцевъ. Такъ кончилось блеснувшее мыльнымъ пузыремъ царство *Фессалоникское*, начавшееся въ 1204 г. и просуществовавшее 42 года, подъ

¹⁾ Такъ напр. передають, что онъ разъ проводилъ ночь у жены одного вельможи. Замѣтивъ опасность быть открытымъ, онъ выскочилъ изъ окна, и вывихнулъ себѣ ногу.

²⁾ Заговорщики, чтобы отчасти приготовить его къ предстоящему перевороту, отчасти отвести подозрѣніе отъ себя, выдали передъ нимъ кого-то изъ своихъ за измѣнника, и когда Димитрій приказалъ пытать его, то они били палками по мѣшкамъ и заставляли кричать кого-то, какъ бы біемаго.

управленіемъ (Рейнера), *Бонифация*, *Димитрія*, *Теодора*, *Мануила*, *Юанна* и *Димитрія*. Теодеръ пережилъ его. Вѣроятно, еще въ первый прѣздъ Ватаци въ Солунь, онъ выговорилъ себѣ независимое владѣніе по близости къ сыну, въ которое входили города: *Водена*, *Старидолы*, *Островъ* и др. Такъ какъ при окончательной передачѣ Солуня Имперіи въ 1246 г. не упоминается болѣе имя Теодора, то это могло значить, что экс-императоръ жилъ тогда уже въ своихъ владѣніяхъ. О судьбѣ сына его экс-деспота, на которомъ порушилось царство Солунское, мы не могли вычитать ни откуда ничего.

Періодъ третій. Озаглавливая такъ отдѣлъ этотъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду дѣлать натяжку и считать существующимъ то, чего не было. Царство Солунское съ 1246 г. стало существовать только уже на страницахъ исторіи, но память его продолжала еще долго носиться надъ развѣчанною столицею Македоніи. Городъ продолжалъ имѣть все тоже преобладающее значеніе въ Имперіи, какое имѣлъ и прежде. Поставленный правителемъ области, Великій Доместикъ былъ человѣкъ, умѣвшій держать высоко свой умаленный постъ, и вѣроятно въ глазахъ народа значилъ больше, чѣмъ Димитрій. Долго ли онъ управлялъ страной, неизвѣстно. Онъ и скончался въ Солунѣ. Преемникомъ ему былъ назначенъ нѣкто *Филксъ* — изъ того же дома Палеологовъ, и слѣдующій за нимъ *Синодинъ* тоже называется „принадлежащимъ къ роду царя“ (тогда — Андроника Палеолога). Полный хорошихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Солуня, и конечно и историческихъ воспоминаній, сынъ Великаго Доместика, сдѣлавшись Императоромъ, чуть не сдѣлался виновникомъ возникновенія вновь Солунскаго царства. Изъ двухъ сыновей своихъ *Андроника* и *Константина* Михаилъ предпочтительно жаловалъ послѣдняго, какъ порфиророднаго. Не считая возможнымъ обойти престолонаслѣдіемъ старшаго сына, отецъ задумалъ было сдѣлать младшаго владѣтелемъ Солуня неизвѣстно съ какимъ именно титуломъ. Но къ счастью Имперіи,

не успѣлъ или не посмѣлъ сдѣлать это. Однакоже, впоследствии, сынъ любимаго Константина *Иоаннъ*, титулованный „Всепреевгустинъ“ (*πανυπερσεβαστος*), вспомнилъ про достававшійся отцу престоль, и съ помощію Краля Сербскаго (Стефана Дежанскаго) своего зятя, сталъ добиваться его — въ 1325 г. Императоръ Андроникъ II, упрямая новое раздѣленіе и безъ того слабый державы, поспѣшилъ возвестить претендента въ достоинство *Кесаря*¹⁾ и сдѣлать его правителемъ Солуня. „Кесарь“ на пути къ своему посту, изъ котораго вѣроятно не замедлилъ бы создать себѣ дворъ и престоль, заболѣлъ и умеръ. Эту неудачную попытку возвратить Солуню утраченный блескъ „державный“ можно считать финаломъ исторіи Солунскаго царства.

Не смотря на свой, уже чисто провинціальный характеръ, именитый городъ до самаго почти отчисленія его къ Венеціанамъ, а отъ нихъ къ Туркамъ, нерѣдко блестялъ обстановкою царской жизни. Императоры волей — неволей навѣщали его часто, и иногда жили въ немъ по долгу. Такъ *Андроникъ* Старшій въ 1299 г. жилъ тутъ съ Великаго Поста до самой осени. Поводомъ къ этой продолжительной гостябѣ служилъ еще новый родственный союзъ Византійскаго двора съ сѣверными варварами. Тогда усилилось и началъ славиться Сербское Кралевство²⁾, у котораго сейчасъ же появились пограничные вопросы съ имперіей. Чтобы отвѣтить на нихъ съ честію, надобно было имперіи имѣть цѣлую линію крѣпостей, большое и крѣпкое войско, и хотя небольшую, но крѣпкую привязанность къ ней населенія. Ничѣмъ подобнымъ Палеологи похвалиться не могли. Зато, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады были — по нашей пословицѣ. Богатство

¹⁾ *Кесари* носили уже привилегированную обувь и украшались вѣнцомъ, на подобіе царскаго.

²⁾ Сначала земля распадалась на жуанства. Но фамилія Неманей закрѣпила за собой титулъ *Великаго Жупана*, а потомъ и *Краля*.

же Андроника на сей разъ заключалось въ 8-лѣтней дочери *Симониды*¹⁾, пожертвованіемъ которой отецъ думалъ отстранить, или и прямо ворѣшить упомянутые вопросы. Вѣроятно заботливый царь — отецъ осведомлялся, нѣтъ ли у Трибалловъ молодаго Кралевица, который могъ бы составить приличную партію царевнѣ. Но такого не оказалось. Женихомъ могъ быть только самъ 45-лѣтній Краль²⁾ вдовецъ (Стефанъ VI Милутичъ). Нечего было дѣлать. Посланы брачныя предложенія варвару. Тотъ не отказался отъ предложенной чести. Условлено было съѣхаться въ Солунѣ. Дѣйствительно, по зимней распутицѣ нетерпѣливый императоръ явился сюда вмѣстѣ и съ невѣстой, захвативъ съ собою и брата *Константина* (о которомъ см. выше), котораго изъ страха совмѣстничества держалъ при себѣ узникомъ. Положено было взять въ Солунь, для совершенія предположеннаго вѣнчанія, и патріарха Вселенскаго. Но тотъ, узнавъ о разительномъ несходствѣ лѣтъ жениха и невѣсты, или другимъ чѣмъ водясь, хотя выѣхалъ вслѣдъ за царемъ, но, добравшись до Силиврии, остановился тамъ и не поѣхалъ далѣе. Императоръ, напрасно прождавъ его цѣлый нощъ, послалъ ему къ пасхѣ богатый подарокъ изъ 1000 золотыхъ монетъ и убѣждалъ его прибыть въ Солунь. Но тотъ царское даваніе принялъ охотно, а отъ поѣздки въ Солунь отказался, и подъ предлогомъ боли глазъ возвратился лѣчиться въ Константинополь³⁾. Этотъ, не мало о себѣ говорящій случай не остановилъ Андроника отъ

1) Въ ночь, когда мучилась родами мать Симониды, въ почивальнѣ ея передъ 12-ю иконами 12-ти Апостоловъ горѣли свѣчи. Императоръ сдѣлалъ завѣтъ: передъ которымъ изъ Апостоловъ долже всѣхъ другихъ будетъ горѣть свѣча, того именемъ и назвать имѣющее родиться чадо. Позже всѣхъ погасла лампада передъ иконою св. Симона Злата, оттого и вышло необычное имя: *Симониды* (Σιμωνίς).

2) Историкъ замѣчаетъ, что тестю было тогда только 40 лѣтъ, а зятю 45.

3) Патріархомъ былъ тогда *Іоаннъ*, изъ ягуменовъ монастыря *Паммакаристы* (Всеблаженной, т. е. Богородицы).

принятаго имъ рѣшенія. Благо, былъ уже въ этомъ же самомъ городѣ не такъ давно примѣръ, указывавшій, какъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ безъ Патріарха. „Архіепископъ Первой Юстиніанъ“ и теперь былъ подъ рукою. Чуть Императоръ, такъ сказать, заикнулся о свадьбѣ, какъ тотъ былъ уже готовъ повѣнчать юную чету, въ которой недостатокъ возраста одной стороны восполнялся избыткомъ другой¹⁾. Краль женихъ не заставилъ ждать себя, и съ возможнымъ блескомъ явился въ Солунѣ. Архіепископъ *Макарій* совершилъ бракосочетаніе. Все кончилось къ общему удовольствію. Одна Симонида могла чувствовать себя не вполне веселою на безконечныхъ празднествахъ, послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ, но она была слишкомъ молода, чтобы понимать что-нибудь, а достоинство Кралены несомнѣнно занимало ребенка. Мужъ далъ слово ждать совершеннолѣтія жены²⁾. Новобрачные отправились въ свои владѣнія, а Императорскій дворъ возвратился въ Константинополь.

Не знаемъ опредѣленно, когда вышелъ семейный разладъ между Андроникомъ и женой его *Ириной*, матерью *Симониды* и трехъ сыновей *Иоанна*, *Теодора* и *Димитрія*. Честолюбивая италіанка требовала отъ мужа невозможныхъ достоинствъ для сыновей своихъ въ ущербъ старшему его сыну (ея пасынку), носившему уже титулъ Императора. Не получивши чего хотѣла, она покинула мужа, самовольно оставила Константинополь (1307 г.), и водворилась въ Солунѣ, вѣроятно вмѣстѣ и съ дѣтьми своими. Она была родственница (внука = ἑγγονος) Вонифація, бывшаго Короля Фессалоникскаго. Оттого какъ бы и кстати ей было жить здѣсь. При царицѣ былъ и свой, пышный

¹⁾ Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что Андроникъ имѣлъ сначала въ виду выдать за Краля сестру свою *Евдокію*, вдову Транезунтскаго императора, но та предпочла вторичной коронѣ монашескій куколь.

²⁾ Не сдержалъ. Оттого у Симониды и не было дѣтей, замѣчаютъ лѣтописцы.

и многолюдный дворъ. Слабый мужъ, боясь злаго языка ея¹⁾, не отказывалъ ей ни въ чемъ. Сколько лѣтъ она провела здѣсь, въ точности неизвѣстно²⁾, но къ мужу уже не возвратилась. По заведенному обычаю, она однажды отправилась провести нѣсколько мѣсяцевъ въ со-сѣдномъ городкѣ *Драмъ*, славившемся своимъ климатомъ, но тамъ заболѣла горячкою и умерла. На похороны ея прїѣзжала и дочь Кралена. О другихъ дѣтяхъ ея извѣстно то, что старшій *Иоаннъ* тутъ же въ Солунѣ скончался, не оставивъ по себѣ потомства послѣ четырехлѣтняго супружества, второй сынъ *Теодоръ* отосланъ ею на родину въ Лангобардію владѣть оставшимся ей послѣ отца княжествомъ Монферратскимъ. Третьяго — *Димитрія* — имѣла было мысль сдѣлать наследникомъ своего бездѣтнаго зятя Сербскаго Краля, при дворѣ котораго и жилъ уже Димитрій, но не успѣла въ томъ. Историки поносятъ ея расточительность въ пользу дѣтей ея и преимущественно — дочери съ ея зятемъ, увѣряя, что переданными ею сему послѣднему сокровищами можно бы нагрузить 100 триирь. Оставшуюся послѣ нея въ наличности денежную казну рѣшено было употребить на поправку Св. Софіи Константинопольской.

Привыкшій къ дворцовому шуму и блеску городъ скоро утѣшенъ былъ присутствіемъ новаго Двора. Сынъ Императора *Михаилъ*, самъ уже носившій титулъ Самодержца, рѣдко когда находился при отцѣ, а болѣе проживалъ во Фракіи при войскѣ. Нелюбовь къ нему мачихи вѣроятно была причиной, что онъ избѣгалъ Солуня, но управленіе краемъ лежало на немъ. Кончина ли Ирины или неспокойствіе въ Фессаліи были причиной, что и онъ съ своей женой *Маріей*

¹⁾ Она не стыдилась рассказывать про мужа такіа вещи, которыя не выносятся за порогъ спальни.

²⁾ Въ 1299 г. дочери ея Симонидѣ было 8 лѣтъ. По смерти матери, сей послѣдней было 22 года. Слѣдовательно, между двумя событіями протекло 14 лѣтъ. Вѣроятно, 10 изъ нихъ Ирина провела въ Солунѣ.

(армянкой) и всѣмъ дворомъ переѣхалъ на житье въ Солунь. Находясь здѣсь, онъ получилъ горестную вѣсть, что въ Константинополѣ убитъ былъ по фатальной ошибкѣ меньшій сынъ его *Мануилъ* слугителями дѣда, изъ за исторіи весьма соблазнительнаго свойства. Извѣстіе до такой степени поразило бѣднаго отца, что онъ заболѣлъ и умеръ тутъ 12 октября 1320 г. Такъ какъ все его долгое царствованіе (1295 — 1320) было при жизни отца его Андроника (старшаго), то имя его и не вносится обыкновенно въ списокъ Византійскихъ Императоровъ. Историки не отзываются о немъ ни съ особенною похвалою, ни съ порицаніемъ. Жена его, почему-то извѣстная болѣе подъ именемъ *Ксенія*, продолжала и послѣ него жить въ Солунѣ, по примѣру Ирины, до 1321 года.

Послѣ смерти Михаила возникло долгое нестроеніе на престолѣ Византійскомъ. Кромѣ покойнаго Императора — сына, соцарствовалъ Андронику еще и Императоръ — внукъ, именемъ тоже Андроникъ. Но титулъ „Самодержца“ обращался какъ видно въ предметъ игры въ эти времена. Существеннѣе его было званіе или положеніе наследника престола. Дѣду не нравился внучекъ, и онъ задумалъ приготовить себѣ другаго преемника. Но внучекъ заставилъ его короновать себя, а, короновавшись, сталъ считать себя настоящимъ Государемъ. Явились во дворцѣ, конечно, партизаны того и другаго вѣяченосца. Междоусобіе стало расти и расходиться по государству, къ удовольствію несчетныхъ враговъ Имперіи. Въ числѣ приверженцевъ юнаго монарха первымъ лицомъ конечно была мать его *Ксенія*¹⁾, проживавшая въ Солунѣ. Дѣдъ немедленно приказалъ правителю области (не знаемъ, тогда ли только назначенному, или уже прежде занимавшему свой постъ),

¹⁾ По гречески: *Ξένη* можетъ значить и собственное имя *Ксенія*, и прилагательное: *чужая*. Марія, какъ армянкѣ, приходилось и послѣднее. Но вѣроятно, что это было монашеское имя Марія. Уваженіе къ царицѣ не позволило бы такую игру словами.

своему сыну *Константину*, отправиться съ войскомъ въ Солунь, захватить тамъ вдовствующую императрицу и отправить въ Константинополь, а затѣмъ привести въ надлежащее повиновеніе мятежнаго внука. Кому, какъ не дядѣ и умѣотѣе и успѣшнѣе было сдѣлать это? Правитель съ успѣхомъ выполнилъ первую половину порученія. Ксенію вытаскили изъ церкви, гдѣ она молилась передъ образомъ Богоматери, поклявшись не выйти оттуда живою, посадили на судно и отправили къ свекру. Но на второй половинѣ порученія правитель споткнулся. Съ набранною имъ сволочью онъ выступилъ противъ „мятежника“, но при первой встрѣчѣ съ хорошо организованной арміей молодаго императора, бѣжалъ и укрылся въ Солунѣ. Кстати наступили зимнія непогоды, а византійскій галантомъ¹⁾ любилъ комфортъ. Весною старшій императоръ прислалъ ему приказъ всѣ власти Солунскія (въ числѣ 25 человекъ) выслать къ нему моремъ въ кандалахъ, какъ партизановъ мятежника. Нелегко было выполнить Деспоту и это третіе порученіе. Про царскій указъ пронюхали Солуняне, и ударили въ набѣгъ. Городъ весь всполошился и кинулся ко дворцу правителя — Царевича. Тотъ, разумѣется.. былъ таковъ! Разграбивши дворецъ, народъ устремился въ крѣпость, куда укрылся Константинъ. Видя бѣду неминуемую, Палеологъ досталъ гдѣ-то лошадь, сѣлъ на нее, какъ и въ чемъ былъ, и помчался, куда глаза глядятъ. Борзый конь занесъ всадника въ одну придорожную обитель *Хортаита*²⁾. Онъ въ

¹⁾ Историкъ (*Н. Гуріорі*. VIII. 3) рассказываетъ двѣ исторіи о его любовныхъ похищеніяхъ въ Константинополь и въ Солунѣ. Тоже подтверждаютъ и обстоятельства его перваго брака съ дочерью *Георгія Музалона*. Хотя осталось невьясненнымъ, отъ кого она осталась беременною ко дню обрученія своего, но уже одно рѣшеніе императора выдать ее за Константина, даетъ разумѣть, что «вѣкто изъ царскаго родства» (предполагаемый виновникъ беременности) былъ именно самъ Константинъ.

²⁾ Зовется и *Хортіатой*.³⁾ Со времени завоеванія города Амуратомъ, стала известна подъ именемъ *Чауши*.

нее. Народъ за нимъ. Принявъ во вниманіе, что въ монастырѣ кому быть, какъ не монаху, солунцы, не долго думая, тутъ же и постригли своего правителя въ монахи! Бѣдный человѣкъ долго и жестоко бѣдствовалъ въ плѣну у племянника. Получилъ свободу уже при дѣйствительномъ воцареніи сего послѣдняго, по предстательству и съ прямымъ содѣйствіемъ къ бѣгству Великаго Доместика (будущаго императора) Іоанна Кантакузина. Личностію этою мы болѣе надлежащаго занимаемся потому, что надѣемся отыскать въ ней прочитанное нами въ мозаической монограммѣ на алтарной стѣнѣ Солунской Св. Софіи, имя *Константина Деспота* и *Ирины Деспинѣ*. Имена эти конечно самыя общія ¹⁾ и частыя въ Византійской исторіи, и отлично приходятся къ знаменитой *Иринѣ*, возстановительницѣ иконопочитація и ея сыну *Константину V* (780—802), но приставной титулъ: *δεσπότης* выносить какъ бы монограмму въ позднѣйшіе вѣка. Жаль, что у историковъ не встрѣчается имя первой жены солунскаго правителя, дочери Музалона. Можетъ быть она звалась Ириною. Монограммы тѣ не говорятъ, конечно, о времени постройки Софійской Церкви, но онѣ могутъ указывать на украшеніе алтарной стѣны мозаикою или на возобновленіе сей послѣдней, сдѣланныя усердіемъ *Деспота Константина*. Другое подходящее имя мы едва-ли отыщемъ, хотя и сознаемся, что кратковременное пребываніе нашего Константина въ Солунѣ и образъ жизни его вообще мало говорятъ въ пользу нашего предположенія. Развѣ остановиться на упомянутомъ выше *Константинѣ* „порфирородномъ“ и женѣ его *Иринѣ*, изъ дома *Раулей*?

¹⁾ Когда плѣннаго Деспота — дядю представили племяннику Императору, то съ нимъ оказалось еще два *Константина Палеолога*, одинъ въ званіи стратопедарха, а другой — Папіа (Παπίης). Четвертый *Константинъ Палеологъ* былъ мужъ той прекрасной неокесарьянки, за которою ухаживалъ въ Солунѣ Деспотъ, и которую взялъ наконецъ за себя, по смерти (по примѣру *Урм*, книги царствъ?) мужа.

Къ періоду послѣ Константина надобно относить тотъ случай съ *Іоанномъ* „Всепрезвгустнымъ“, о которомъ мы говорили выше. Весьма можетъ быть, что Іоаннъ былъ преемникомъ Константина въ управленіи Солунемъ¹⁾. Послѣ Іоанна встрѣчаемъ у историковъ (Григоріа 1,394) правителемъ Солуня третьяго сына Андроникова, *Димитрія*, тоже конечно партизана стараго царя. Но, чѣмъ болѣе этотъ, четвертый уже изъ царствующаго дома, правитель бывшаго царства радѣлъ о восстановленіи единства имперіи, тѣмъ болѣе солуняне расположены были къ мятежнымъ дѣйствіямъ — по первому, какой встрѣтится, поводу. Достаточно имъ было напр., чтобы противъ Императора поднялъ знамя возмущенія внукъ его, чтобы они взяли сторону послѣдняго. Впрочемъ легко предположить, что они и любили молодаго царя, въ которомъ несомнѣнно были симпатичныя черты характера, а еще болѣе — вѣроятно — внѣшняго обличія. Оттого, когда правитель *Димитрій* отправился разъ изъ города съ войскомъ по дѣламъ службы въ городъ Серры, жители Солуня (въ томъ числѣ и мѣстный архіерей) немедленно дали знать Андронику, чтобы онъ слѣшилъ къ нимъ, ибо они стоятъ за него. Тотъ, разумѣется, не заставилъ ждать себя. Прикрывшись одеждой частнаго человѣка, онъ благополучно вошелъ въ городъ не узанный, или вѣрнѣе вовсе незнаемый стражею. Чуть онъ очутился внутри города, какъ сбросилъ съ себя престопаходную одежду, и явился во всемъ блескѣ царскаго облаченія. Этого было довольно, чтобы народъ устремился къ нему со всѣхъ концовъ города и сдѣлалъ ему восторженный пріемъ. Опшломленные и расте-

¹⁾ По историкѣ *Григоріа*, онъ былъ «дважды и трижды» (δὶς καὶ τρίς) правителемъ Солуня. Упомянутый случай относится къ 1325 или 1326 году. Однакоже у историка есть мѣсто, гдѣ говорится, что въ январѣ 1327 года правитель Солуня *Димитрій* находился при арміи Андроника старшаго. А городомъ управлялъ вмѣсто него Великій Стратонадархъ *Хумна*. А въ 1330 г. правителемъ былъ нѣкто *Сиріанъ*. Значитъ, въ третій разъ рядъ властелей Солунскихъ оканчивается на фатальномъ имени *Димитрія*.

рявшіеся, не многіе легитимисты кинулись спасать себя въ крѣпости, и замерлись тамъ. Разузнѣтся, послѣдовала погоня за ними. Крѣпость попала въ осаду.. Полетѣли снизу стрѣлы, а сверху камни. Наконецъ зажгли ворота, и крѣпость сдалась. Димитрій, конечно, уже не думалъ возвращаться въ Солунь, а направилъ стопы свои въ Сербію къ Кралю, у котораго и прежде, еще при жизни матери, проживалъ часто.

Надобно думать, что около этого времени возвратилась въ Солунь на жительство императрица *Ксенія*. Она получила позволеніе отъ свекра поселиться въ какомъ хочетъ монастырѣ. Могло быть это въ 1327 г. По старой памяти она избрала Солунь. Отправляясь сюда изъ Константинополя, она по дорогѣ имѣла свиданіе съ сыномъ, открыто вступившимъ въ войну съ своимъ дѣдомъ, въ *Трацианополѣ*. Все заставляетъ предполагать, что большихъ ладовъ у нея съ сыномъ не было. Здѣсь же въ Солунѣ ей пришлось пережить и нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ. Сынъ ея Императоръ въ 1330 г. былъ застигнутъ тяжелымъ недугомъ и, лежа на смертномъ одрѣ, поручалъ и наслѣдника престола — своего сына, еще ребенка, и все царство своему другу *Іоанну Кантакузину*, и не вспомнилъ при этомъ ни однимъ словомъ о своей матери. Бѣдная женщина глубоко была обижена этимъ. Считаая же смерть сына вѣрною, и боясь за существованіе внука *Іоанна* и свое собственное, заклала солунянъ черезъ правителя *Сиріана* считать ее своею государыней, и стоять за нее до смерти¹⁾. Но сынъ ея чудеснымъ образомъ возвратился къ жизни, и царствовалъ потомъ (уже одинъ) еще 11 лѣтъ. На положеніе Ксеніи это однакоже не имѣло вліянія. Она продолжала мирно жить въ Солунѣ, и мирно скончалась въ 1333 году.

¹⁾ По всей вѣроятности ей хотѣлось быть регентшей государства отъ имени внука. Но какъ это мирится съ ея монашествомъ?

Эпилогъ. Этимъ можно бы было намъ и закончить свою, уже не въ мѣру затянувшуюся Солуніаду. На сколько продолжалась еще потомъ имперія Палеологовъ, самодержцы волей—неволей не переставали посѣщать знаменитый городъ. Чуть утвердился на престолѣ любимецъ города *Андроникъ III Младшій*, какъ онъ уже долженъ былъ ѣхать въ Солунь усмирять мятежъ. Взбунтовался самъ правитель города *Сирсіанъ*, привлекшій подъ стѣны города, въ качествѣ союзника, и Болгарскаго Крала (Михаила). Императоръ попалъ въ осаду. На этотъ разъ жители города, незнаю почему, не были за одно съ императоромъ, и готовы были отворить ворота города мятежнику и чужеземцу.

Полна печальнаго драматизма для Солуня была возникшая вслѣдъ за смертію Андроника († 1341 г.) 15 лѣтняя междоусобица между опекуномъ (и тестемъ) юноши Императора (Іоанна) *Кантскузиныкъ* и матерью его *Анною*, а потомъ и самимъ *Іоанномъ V Палеологомъ*. Городу нѣсколько разъ приходилось пострадать жестоко за свое сторонничество. Безсильные соперники ратовали одинъ противъ другаго наемными войсками, и кромѣ того вводили въ свою домашнюю распрю или славянъ съ сѣвера или турокъ съ юга или франковъ съ запада. Иноплеменники не разъ въ этотъ періодъ и показывались подъ Солунемъ, осаждая по обычаю городъ. А какая безурядица происходила въ такое время внутри города, и представить трудно.

Вотъ нѣсколько выдержекъ, въ точномъ переводѣ, изъ того, что сообщаютъ историки о происходившихъ въ этотъ, краткій сравнительно, періодъ неистовствъ въ Солунѣ, виновниками коихъ были такъ называемые *Зилоты* ¹⁾, такъ живо напоминающіе партизановъ того же имени, неистовствовавшихъ въ Іерусалимѣ въ Іудейскую войну.

¹⁾ «Фессалоника не дозволяла (?) пристать ни къ кому, ни къ Константину ни къ князю Триваллѣ (Сербовъ). Ею давно владѣлъ мятежъ. Скопище *Зилотовъ* — такъ называемыхъ, первенствовало надъ другими. Ни на какое гражданство она не походила.

1342-й годъ. „Въ Солунѣ же Протостраторъ (первопостельничій), находясь, какъ мы сказали, въ нерѣшимости и явно недоумѣвая, къ которому изъ царей пристать, слегка относился къ дѣлу, и на такъ называемъ *Зилотовъ* (ревнителей), которые готовы были воевать съ царемъ Кантакузинымъ изъ за сына царя Палеолога, мало по малу умножавшихся, смотрѣлъ сквозь пальцы, частію боясь, чтобы не показаться прямо сторонникомъ царя Кантакузина, а частію видя, что въ Солунѣ не только войско, котораго было не мало, но и сильные изъ гражданъ, державшіеся царя Кантакузина, смотрѣли на дѣло съ небреженіемъ, и надѣясь, что, когда захочетъ, можетъ одолѣть черезъ нихъ Зилотовъ. Поелику же эти, по его нерадѣнію, сдѣлались немало значительными и возмутили народъ противъ сильныхъ, навѣрно зная, что Протостраторъ держитъ сторону царя Кантакузина, то народъ, напавши на тѣхъ (сильныхъ) всѣмъ множествомъ, выгналъ ихъ изъ города, человекъ съ тысячу, причемъ произошла схватка, въ которой были ранены и нѣкоторые изъ дома Протостратора. Нѣсколько человекъ были схвачены изъ сильныхъ, тѣ, которые не успѣли бѣжать вмѣстѣ съ другими при первомъ натискѣ. Забравъ же въ свои руки городъ, Зилоты устремились въ домъ бѣжавшихъ, ломали ихъ, грабили имущество и прочее производили, что свойственно людямъ, преслѣдуемымъ нищетою и натолкнутымъ на обиды, въ чаяніи быстрого обогащенія. До такого же дошли безумія и нахальства, что похитивши

Не была она ни аристократическою ни демократическою, ни смѣсю того и другаго на подобіе Кипра или Рима, но какою то странною охлократіей, порожденной случаемъ. Ибо наиболѣ дерзкіе (люди), совокупившись въ самооставленное сборище начальниковъ, преслѣдуютъ тамъ всякій возрастъ, направляя чернь городскую туда, куда имъ нужно, и отнимая имущество богатыхъ. Сами наслаждаются, и другихъ заставляютъ не подчиняться никакому государю отвнѣ, но считать закономъ то, что они придумаютъ». *Никифоръ Григоръ*. т. II. стр. 795—96. Такъ охарактеризовалъ вѣчно мятежный Солунъ современнѣйшій историкъ, не отягчавшійся сочувствіемъ къ Кантакузину!

крестъ изъ святилища, употребляли его вмѣсто знамени и говорили, что подъ нимъ они пойдутъ воевать, тогда какъ скорѣе водились тѣмъ, что воюетъ противъ креста. Если у кого изъ нихъ была насердка на кого нибудь, по поводу своихъ же преступленій, тотъ хваталъ крестъ и шолъ съ нимъ къ дому того, такъ какъ бы самъ крестъ того требовалъ! И сейчасъ же оказывалась надобность разрушить домъ до основанія при помощи народа, слѣдовавшаго за нимъ съ безумнымъ увлеченіемъ, въ видахъ добычи. Дня два или три Фессалоника была опустошаема точно неприятелями, и не было недостатка ни въ чемъ, что обыкновенно бываетъ въ завоеванныхъ городахъ. И днемъ и ночью побѣдители расхаживали толпами, крича и вопя, уводя и унося, что понало, у побѣжденныхъ. А эти со стенами прятались въ недоступныхъ мѣстахъ, довольные уже и тѣмъ, что не сейчасъ же умрутъ"... (Кантакузинъ II стр. 233—235. Изд. Бон.).

1343 годъ. „*Амурз* отправилъ посольство къ Солунцамъ, увѣщевая ихъ по доброй волѣ покориться царю (Кантакузину) и передать ему городъ, обѣщая имъ, если послушаются, возвратить и плѣнниковъ. *Зилоты*, убоившись, какъ бы державшіе сторону царя внутри города, воспользовавшись удобнымъ случаемъ и склонивши (къ себѣ) и народъ, переполошенный варварами и рассчитывающій на возвратъ плѣнниковъ, не напали на нихъ и не переловили ихъ, предпочли пуститься на жестокость и убійства, чтобы застрашать ими другихъ. И такъ, нѣкоего *Палеолога*, одного изъ наилучшихъ гражданъ, находившагося у себя дома (такъ какъ считался уже у нихъ на подозрѣніи), и неподавшаго ни малѣйшаго повода къ тому, чтобъ быть замученнымъ до смерти, вытащили изъ дома и закололи на народной площади. Ему отрубили голову, и разсѣкли трупъ на 4 части, развѣсили по одной части на четырехъ воротахъ городскихъ. Голову же, воткнувъ на копье, носили по городу, немилосердо влача (по улицамъ) внутренности убитаго. Нѣкому же *Ливалт* изъ средняго класса отрубили сперва уши,

потомъ носъ, затѣмъ и другіе члены, послѣ чего и самого умертвили. Не мало и другихъ съ отрубленными ушами и носами приосуждали къ вѣчной ссылке и, отворивъ ворота, выгоняли за городъ“. (Тамъ же стр. 393—394).

1345/6. „Сейчасъ же (по умерщвленіи правителемъ города *Апокавома* нѣкоего *Михаила* — тоже изъ фамиліи *Палеологовъ* — коновода *Зилотовъ*), *Зилоты* разбѣжались и попрятались въ норахъ. Народъ ни мало не огорчился участію павшаго, ибо не былъ и прежде того хорошо расположенъ къ *Зилотамъ*, такъ какъ они ругались надъ предметами божескими и человѣческими, ибо не только безстрашно обижали и грабили страну, но еще на улицахъ, наполнивъ водою нѣкоторыя цистерны, съ возженными свѣчами перекрещивали въ нихъ, кого успѣвали схватить изъ народа, воображая тѣхъ приверженцами царя *Кантакузина*, и какъ бы уже однимъ общеніемъ съ нимъ утратившими крещеніе. Отъ присутствовавшихъ же требовали денегъ „на праздникъ“. Затѣмъ, напившись въ кабакахъ, пересмѣивали и другія христіанскія тайнства. Судъ же (Божій) терпѣлъ, и громы медлили. Народъ, возненавидѣвъ такія ихъ неистовства, и разъ, воспользовавшись случаемъ, въ самомъ храмѣ „*Нерукотворенной Богородицы*“ закололъ немилосердно нѣсколькихъ изъ нихъ, а одного волочилъ по площади и билъ то камнями то попадавшими полѣньями, пока тотъ и издохъ, волочимый“ (тамъ же стр. 570—571).

1346 г. „Такимъ образомъ партія царя *Кантакузина*, преданная войскомъ, окончательно побѣждалась. *Кокалі* же и *Палеологъ* (*Андрей*) выгоняли изъ *Акры* народъ, начинавшій уже грабить обитателей мѣста. Сами же, оставшись до ночи, разослали и солдатъ по домамъ, удержавъ при себѣ нѣкоторыхъ изъ друзей. *Апокавка* же (правителя города) съ гражданами числомъ не менѣе 100 человѣкъ — заключили въ тюрьму. что у крѣпости, и приставили къ нимъ стражу. На завтра же, чѣмъ свѣтъ, пришло войско изъ *Веррии*. Около полудня разнеслась молва,

что заключенные. опять забрали *Акру* и соединяются съ *Веррійскимъ* войскомъ. Говорили, что слухъ этотъ пустили *Зилоты* нарочно, чтобы убитъ узниковъ. Народъ, снова взявшись за оружіе, пополь на *Акру*. предводимый яростію и виномъ. Тѣже, которые жили въ *Акрѣ*, убоявшись народнаго натиска, заперли ворота. Взошедши же на стѣны, молили (народъ), чтобы ихъ не губили, и общались сдѣлать все, что имъ прикажутъ. Народъ приказалъ привести узниковъ, и сбросить къ нимъ со стѣны. Немедленно заключенные были приведены (всѣ) *обнаженные* ¹⁾. Первый былъ сброшенъ *Апокавъ*. Случилось же такъ, что онъ сталъ на ноги, и долго оставался такъ, ибо никто не смѣлъ коснуться къ нему. Потомъ одинъ изъ *Зилотовъ* подошелъ, и укоривъ другихъ въ *мягкосердечіи*, отрѣзалъ ему голову ножомъ, затѣмъ и другіе, стоявшіе около, начали рубить все тѣло. Потомъ сбросили и другихъ со стѣнъ по именному требованію *Зилотовъ*, и не все на одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ. Народъ же, стоявшій кругомъ, звѣрски и безчеловѣчно рубилъ ихъ, а инымъ и головы отсѣкали. Такимъ образомъ всѣхъ жестоко умертвили, исключая весьма немногихъ, укрытыхъ обывателями *Акры*. Присутствовали при рѣзнѣ этой и *Кокалі* съ *Палеологомъ*, показывая видъ, что тяготея происходящимъ, но не могутъ остановить изступленія народнаго. Затѣмъ народъ обратился оттуда къ домамъ, и еще умертвилъ нѣкоторыхъ гражданъ. Пришли и къ дому *Кокалі*, и, по наущенію *Зилотовъ*, потребовали *Фарміа*, котораго тотъ укрывалъ, и который былъ ему шуриномъ, много значилъ у *Апокава*, и озлоблялъ крѣпко *Зилотовъ*. Убоявшись того, какъ бы народъ не покончилъ и съ нимъ, выдалъ родственика, который тутъ же и былъ убитъ народомъ. Говорили, что нѣкоторые изъ народа отвѣдали тогда и жира человѣческаго. Ибо, когда разру-

¹⁾ γυμνοί. Вѣроятно, однозначительно съ «обезоруженными». Ибо странно представить, затѣмъ бы ихъ вводили голыми.

бали убитыхъ, внутренности ихъ вытекали, тогда одинъ кто-то въ крайней безчувственности набравши жира, отнесъ его домой. Жена же, не зная, откуда онъ взялъ, и полагая, что изъ какого нибудь животнаго, вложила его въ горшокъ приправы ради. Узнала же обо всемъ, когда уже наѣлась“... (Тамъ же стр. 579—581).

Не довольно ли? Что тревожить кости покойниковъ? Видно, чѣмъ былъ когда-то Солунь. Дѣло не шло ни изъ за народности, ни изъ за вѣры, ни изъ за началъ политическихъ, а поражающія своею изступленною жестокостію дѣйствія совершались чуть не ежегодно въ несчастной странѣ, потерявшей голову! Все это передано намъ современникомъ и первымъ дѣйствующимъ въ тогдашней исторіи лицомъ, самимъ императоромъ *Іоанномъ VI Кантакузинимъ*. Конечно, объ всемъ, совершавшемся изъ за него въ Солунѣ (и во всей странѣ) онъ узнавалъ уже впоследствии времени. Иначе, представить нельзя, какъ его несомнѣнно добрая и мягкая душа могла переносить рассказанные нами ужасы, и не отречься не только отъ своихъ притязаній на престолъ, но и отъ намѣренія поддержать распадающееся государство силою своего политическаго ума, въ которомъ оно дѣйствительно имѣло нужду.

Но былъ и миръ между вѣнценоснымъ тестемъ и зятемъ на короткое время. Іоанны V и VI-й сошлись между собою на условіяхъ, опредѣлявшихъ кругъ дѣятельности того и другаго, а вѣрнѣе сказать — подчинявшихъ одного другому. Въ предотвращеніе возможныхъ въ будущемъ столкновений рѣшено было, чтобы старшій (Кантакузинъ) жилъ въ Константинополѣ, а младшій (Палеологъ) — въ Солунѣ, куда сей послѣдній и переселился въ 1350 г. вмѣстѣ съ женою, матерью (*Іоанною* или *Анною* Савойскою)¹⁾ и дѣтьми *Андроникомъ*, *Мануиломъ*

¹⁾ *Анна* кажется и прежде жила въ Солунѣ при свекрови, во время походовъ ея мужа противъ дѣда. Итакъ съ 1204 г. по 1355, въ теченіе полутора вѣка жила въ Солунѣ

и *Ириной*. Солуню еще выпала доля утѣшаться зрѣлищемъ Императорскаго двора на цѣлые пять лѣтъ.

Въ концѣ исторіи Византійской Имперіи мы и еще разъ встречаемся съ царскимъ сыномъ правителемъ, и даже какъ бы государемъ Солуня. Это былъ печальной памяти *Андроникъ*, братъ двухъ послѣднихъ самодержцевъ Византійскихъ *Іоанна* и *Константина*. Въ удѣлъ отъ отца (Мануила) онъ получилъ себѣ Македонію, и долженъ былъ имѣть своей резиденціей Θεσσαλονικη (Θὲς ἄλλω νίκην!). Но, не надѣясь удержать въ своихъ слабыхъ рукахъ такой бойкій и такой политически испорченный, но стратегически важный пунктъ, этотъ послѣдній Палеологъ продалъ въ 1429 г. и городъ и все свое владѣніе Венеціанамъ за 50,000 золотыхъ монетъ (конечно, дукатовъ ¹). Черезъ годъ у новыхъ владѣтелей даромъ взяли все турки. Вышло странное совпаденіе при этомъ именъ. Первый Палеологъ — правитель возвращеннаго Имперіи Солунскаго царства, былъ *Андроникъ*. И послѣднимъ оказался тоже *Андроникъ*, прямой потомокъ перваго въ сед-

жилъ преемственно слѣдующія разноплеменные царицы: Венгерка *Маргарита* (въ православіи *Марія*), жена Бонифація, безымянная *Францужанка*, жена Θεодора Ангела — Комнина, Болгарка *Марія*, жена Мануила, брата Θεодорова, Испанка *Ирина*, жена Андроника старшаго, Армянка *Марія* (въ мон. *Ксенія*), жена со-императора Михаила, Итальянка *Іоанна* (въ православіи *Анна*), жена Андроника Младшаго, и наконецъ гречанка *Елена*, жена Іоанна V, Палеолога.

¹) Судя по стихотворному разсказу *Іерака*, Императоръ Константинопольскій *Іоаннъ* ничего не зналъ о совершившейся продажѣ. У него былъ заключенъ мирный договоръ съ султаномъ (Амуратомъ), по которому этотъ не долженъ былъ трогать греческихъ (τὸν Ῥωμαίων) владѣній. Между тѣмъ онъ узналъ, что Азіатъ двинулся съ войсками забирать Македонію. Онъ пишетъ послѣднему укорительное письмо, обличая его въ нарушеніи договора. Султанъ отвѣчаетъ, что онъ челобитіямъ мирнымъ остался вѣренъ, греческой земли не трогаетъ, но хочетъ отнять Солунь у Венеціанъ, противъ чего императоръ не имѣетъ сказать ничего. Такъ ли было, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, афера Андроникова можетъ быть названа, съ извѣстной точки зрѣнія, блестящею. «Тонкій» грекъ провель «ступаго» франка. По *Гаммеру*, однакоже выходитъ, что Солунцы сами продали себя Венеціанамъ, а Андроника, какъ неспособнаго, отправили въ братьямъ въ Πελοποννησος.

момъ ¹⁾ колѣнѣ. Городъ взятъ *Амуратомъ II* въ ночь подъ 1-е Марта 1430 г.

Фессалоника. 17 Мая 1865. Понедѣльникъ.

Заснуть удалось уже на свѣту. Голова трещала отъ напора столькихъ образовъ изъ давноминувшей жизни горда, преимущественно же изъ эпохи пресловутыхъ „Ветхословцевъ“, какъ наши мудрующие праотцы переводили „Палеологовъ“. Наше ветхое или ветошное (т. е. съ столькими историческими дирами и нашивками) слово о нихъ стѣло ихъ. Седьмъ поколѣнѣй ихъ аллюзировались въ воображеніи моемъ „седьмью тощими кравами“ египетскими, пожравшими отолько тучныхъ династій Византійскихъ вѣнценосцевъ! И точно, это не были хищные звѣри въ родѣ римскихъ Кесарей и разныхъ Хановъ, Кагановъ, Султановъ.. для которыхъ жить значило не давать жить другому, а именно травоядныхъ кравы, истреблявшія передъ собою весь подножный кормъ до того, что не осталось чѣмъ жить самимъ.. Миръ ихъ незавидной памяти! Отъ нихъ, главнымъ образомъ, и мы переняли свою вѣковую *жвачку*, которою пробавлялись, лежа на своихъ безграничныхъ лугахъ привольныхъ, столько времени, въ укоръ славному и грозному когда-то имени: *Русь* (Рѡс).

Рѣшившись завтра отправиться въ дальнѣйшій путь, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще цѣлый день досуга. Пойти бы повѣрить хотя сколько нибудь мѣстность столькихъ археологическихъ извѣстій Солуня, обойти его стѣны, сосчитать ворота, высмотрѣть съ подходящаго пункта всю его упитанную кровью окрестность, отыскать его „Акру“, опредѣлить мѣстность цѣлаго десятка историческихъ пунктовъ, и пр. Но, не замѣтивъ ни въ комъ изъ компаніи особеннаго сочувствія къ надоб-

¹⁾ *Андроникъ. Михаилъ. Андроникъ. Михаилъ. Андроникъ. Иоаннъ. Мануилъ. Андроникъ.* Средіе шесть были императорами. Періодъ ихъ тянулся 183 года.

ной утешительной и бесплодной экскурсіи, я отослалъ ее ad Calendas Otacas, какъ говорили средневѣковые ученые, но „тупыя“ франки, надѣясь на возвратномъ пути остаться нарочно здѣсь дня на три для подобной работы. Однакоже, освѣжившись чаемъ и подкрѣпившись завтракомъ, мы нашли не только возможнымъ, но и необходимымъ (якобы для здоровья) пройти куда нибудь. Чтобы проходка не была совсѣмъ бесполезною, я направилъ компанію за городъ на гору къ монастырю *Чаушскому*, гдѣ есть цѣлый (памятный мнѣ по 1859 году) шкафъ древникъ греческихъ рукописей. По дорогѣ заходили въ церковь Св. *Николая* начальническаго или княжескаго (Ἀρχοντικόν). Отчего она такъ зовется? Не стояли ли встарину гдѣ нибудь по близости ея княжескія палаты? Гдѣ нибудь жили же столько Царицъ и Деспинъ со всѣмъ ихъ, конечно не малочисленнымъ дворомъ. Топографія многострадальнаго Солуна при всей своей отчаявающей путаницѣ указаній легче, чѣмъ во многихъ другихъ историческихъ мѣстахъ Востока, разъясняется существующими до сихъ поръ недвижимыми памятниками, въ родѣ бывшихъ церквей Св. Димитрія, Св. Софїи и пр. Если бы не существовало даже стѣнъ городскихъ, такъ ясно обозначающихъ древнее протяженіе города, уже самое море съ одной и гора съ другой стороны города служить ему неизмѣнной рамой и упрощаютъ задачу изслѣдованія. Вотъ мы и за городомъ. Поднимаемся на гору *Хортиата*, прибрѣтшую не добрую славу предательства. Дѣло въ томъ, что когда Амуратъ держалъ въ осадѣ городъ, проживавшіе въ немъ монахи обители *Влатейской* послали письмо Султану, въ которомъ указали ему способъ овладѣть городомъ, давъ знать, что если онъ пересѣчетъ водопроводъ, снабжающій городъ водою изъ источниковъ Хортиатскихъ, то жители сдадутся, чтобы не умереть отъ жажды. Султанъ поступилъ, какъ ему было указано, и взялъ городъ. Въ благодарность за оказанную услугу, онъ взялъ подъ свою защиту и предателей и ихъ обитель, къ которой приставилъ и

своего чиновника (чауши), освободивъ ее отъ всякой подати въ назву. Съ тѣхъ поръ монастырь *Влатейскій* сталъ называться *Чаушскимъ*. Несомнѣнно онъ же назывался прежде и *Хортантскимъ* отъ горы, на которой былъ выстроенъ, по близости источниковъ, доставляющихъ воду въ городъ. Мѣсто до сихъ поръ зовется „Монастыремъ“, но монастырскаго въ немъ одинъ только Игуменъ, котораго не грѣшно назвать и арендаторомъ. Братства при немъ никакого нѣтъ. Да и слѣдовъ того, что оно когда нибудь было и процвѣтало, тоже не видно. Монастырь безъ стѣнъ не мыслимъ, а никакихъ признаковъ, что онъ когда-то тутъ стояли и возвышались, не замѣтно. Всѣ теперешнія постройки совершенно новыя. Церковь, правда, имѣетъ древній византійскій обликъ, но она очень мала для хорошаго монастыря, какимъ только и могъ быть пригородный Солунскій. Осмотрѣвъ церковь, мнѣ уже и безъ того хорошо известную, мы отправились къ Игумену „взять кофе“, при чемъ естественно заговорили и о старыхъ книгахъ, прося почтеннаго отца дать намъ позволеніе взглянуть на нихъ. Въ видѣ аргументаціи *ad hominem*, я прибавилъ къ этому что, два русскіхъ духовныхъ путешественника въ такихъ-то недавнихъ годахъ, пользуясь благосклонностію монастырскаго начальства, видѣли мембраны обители, и путемъ печати сдѣлали ихъ потомъ известными всему свѣту, отчего и намъ теперь желается взглянуть на то, чѣмъ любовались другіе. Старцу понравилось то, что о ихъ мѣстѣ знаетъ весь свѣтъ, но онъ съ достоинствомъ присовокупилъ, что мѣсто ихъ и безъ того славно своею единственною святынею, — *святою Купою* ¹⁾. Я, конечно,

¹⁾ Съ какого времени стали показывать въ Чауши *Св. Купу*? По видимому очень недавно. По крайней мѣрѣ нашъ любознательный, и именно *ad hoc* настроенный паломникъ — изслѣдователь Барскій не упоминаетъ о ней ни однимъ словомъ. Предполагается, что при Тайной Вечери Господь употребилъ для чаши отръзокъ восточной тыквы, имѣющей видъ купина. Монастырь владѣетъ только малѣйшею частію ея. Вложенная въ серебряный ковчегъ, наполняемый для каждаго посѣтителя мѣста вновь водою, часть эта можетъ сего

обогласился съ этимъ, только замѣтилъ, что святыня-то скрыта отъ пытливыхъ глазъ, а книги, благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло досточтимой обители, открыты для всякаго. . . Мы нашли старыя рукописи уложенными въ томъ же самомъ шкафу, но съ бѣльшимъ порядкомъ. О. Игуменъ похвалился намъ и каталогомъ ихъ. Пересматривая книги и сличая съ каталогомъ, мы имѣли случай поправить и значительно пополнить сей послѣдній. Особенно замѣчательнаго чего нибудь неказалось для меня и на сей разъ въ довольно извѣстной на Востоку чаушской рукописницѣ. Тутъ же среди занятій мы устроили себѣ и незатѣливый полдникъ (точнѣе бы: паужинъ) изъ яурти (нѣчто переходное между сметаной и кислымъ молокомъ) и плодовъ. Кромѣ мѣстныхъ иноковъ, раздѣлялъ съ нами трапезу и отдыхъ еще бывший святогорецъ (съ Аэона изъ монастыря Кутлумуша), теперь же эфимерій (приходской священникъ) Солунской церкви „Св. Николая Сироты“. По случаю этого сиротства святителява выслушанъ былъ нами рассказъ, имѣющій къ нему отношеніе (сомнительное) изъ временъ Императора Θεодосія Великаго (истребившаго 7,000 Солунцевъ, и пр.). Естественно рѣчь перешла на бывалые мятежи Солунскіе. Я, насколько могъ припомнить, передалъ рассказы историковъ о многихъ битвахъ, бояхъ и побоищахъ Солунскихъ, и хотати спросилъ, не тутъ ли была, занесенная въ исторію, мѣстность: *Акра?* отвѣтомъ служили выразительно поднятыя брови, и ничего болѣе. Финаломъ нашей ученой экспедиціи было сидѣніе на балконѣ съ трубою въ лице городу и далекому Олимпу бѣлоснѣжному. Несравненно величественнѣе Македонскій Олимпъ соплеменника своего Мисійскаго, моего какъ бы сосѣда по Царю-

нетлѣть отъ сирости. Не знаю, какимъ образомъ обстоятельство это укрывается отъ вниманія завѣдывающихъ дѣломъ. Легко предположить, что люди водятся при этомъ вѣрою въ неумолимость сватыни. Но скептицизмъ не затруднится найти и *другой способъ* объяснить беззаботность или непредусмотрительность распорядителей такой драгоценной вещи.

граду и, какъ по всему слѣдуетъ заключить, узурпатора славнаго имени. Кстати объ именахъ. Малоазійскій теперь называется „горою Монаха“ (*Ксимиш-дагъ*), вѣроятно Преп. *Иоаннискія*, спасавшагося тамъ. Македono-Фессалійскій, судя по имѣющейся у меня картѣ, зовется: *Элимбо*. Вершина же его у турокъ носить имя *Челъ*, въ чемъ очевидно слышится славянское *челъ*. Какъ не припомнить при этомъ этимологированія одного завзятаго славяномана, читавшаго въ имени *Парнасса* перефразъ „парня нашего“, т. е. Аполлона. Съ меньшимъ огъхуподобствомъ можно бы отыскивать что нибудь славянское въ имени *Олимпа* (*Όλυμπος*). Во первыхъ, звукъ: *μπ* совсѣмъ не эллинскій. Онъ предуманъ грамматистами для выраженія Латинскаго и варварскаго: *b* (*б*). Во вторыхъ, эллинское: *υ* встарину произносилось какъ наше: *ю*, или французское: *и*. Затѣмъ въ *Олимпѣ* мы открываемъ самымъ простымъ образомъ *Олюба*. Не находка ли это, достойная и мѣста, гдѣ мы сидимъ, и предмета, на который смотримъ.

Возвращаемся подъ гостепріимный кровъ нашего консульства. Стараемся идти мѣстами, гдѣ еще не были. Вечерній часъ прохлады вызываетъ жителей и тѣхъ, у кого нѣтъ дѣла, на улицу. Естественное многолюдство отъ того по пути нашему. Вдали видимъ весь тѣсный переулокъ загроможденнымъ людьми, движущимися и шумящими. Что это? Уже не повтореніе ли одного изъ стародавнихъ несоотомыхъ мятежей? Кажется вонъ я различаю въ толпѣ народной перехваченнаго сторонниками Палеолога, посла императора Кантакузина ко двору Сербскому, доставленнаго въ Солунь и переданнаго *Великимъ Дюкою* (Адмираломъ) *Аносавкомъ* ¹⁾ Солунской черни на посмѣяніе. То былъ нѣкто *Цамблаконъ*, очевидно чужеземнаго происхожденія, носившій, вѣроятно по тайному обѣту, монашеское одѣяніе. Матросы напалили

¹⁾ Отецъ упоминаемаго выше Солунскаго Правителя, — заклятый врагъ императора Кантакузина.

ему на голову персидскій тарбуть, дали въ руки зажженныя свѣчи, и толкая его свади въ... забѣгали впередъ, кланялись и кричали: „на! Кантакузинскій Патріархъ“! Историкъ замѣчаетъ, что на позоръ этотъ собрался почти весь Солунскій народъ. Это одна изъ самыхъ невинныхъ продѣлокъ неугомоннаго города. Теперь онъ очевидно кого-то хоронитъ, и конечно далекъ отъ всякаго неистовства и даже простаго скоморошества. Пожелесивши болѣе, чѣмъ я ожидалъ, мы вышли къ дому своему ранѣе, чѣмъ я думалъ. Хозяевъ мы не застали дома. Дѣлали прощальныя визиты „коллегамъ“. Ибо рѣшено было, что насъ провожаетъ до Битоля самъ консулъ здѣшній. Отличное время вышло для отдыха. За позднимъ обѣдомъ шли рассказы о Персіи, извѣстной по личнымъ наблюденіямъ одному изъ сотрапезниковъ. Я выспалъ въ нихъ и свой рассказъ о персидскомъ патріархѣ, когда-то съ торжествомъ ходившемъ по улицамъ Солуни и благословлявшемъ народъ зажженными свѣчами. Читатель легко догадается, что именно всего болѣе заняло слушателей въ „непотребной“ исторіи. Вечеръ проведенъ былъ въ одномъ „русскомъ“ домѣ, по усиленной просьбѣ хозяевъ. Въмѣсто удовольствія, грусть навѣяло на сердце мое это посѣщеніе. Возможны разныя случайныя неудачи въ жизни. Утѣшеніемъ въ нихъ служатъ обыкновенно столько извѣстныя: „пройдетъ“? „До женидбы заживетъ“! „Авось“ да „не-бось“! Въ крайнемъ случаѣ повторись стоически: „Что же дѣлать? Самъ виновать!“ Но гдѣ найти утѣшеніе въ неудачѣ рожденія, — невольной, непоправимой, достойной жалости, но все таки, на судъ неумолимаго вкуса, неизвинимой.

Ночь глубокая. Въ домѣ тишина ненарушимая. Сна по вчерашнему нѣтъ. Послѣ напрасной борьбы съ безвременною бодростію, я не безъ досаднаго чувства всталъ и искалъ, чѣмъ бы скоротать оставшіеся до разсвѣта часы. Память, чуть не въ укоръ кому-то, пронически напѣвала выраженіе св. писанія: *спящій въ ночи спятъ*. Было время, когда я по указанію нужды профессорной, долженъ былъ про-

ходить вниманіемъ это выраженіе Апостола, казавшееся мнѣ лишнимъ особеннаго значенія. Съ тѣхъ перъ я зналъ, что слова эти находятся въ Апостольскомъ посланіи къ *Солунянамъ*. Благая мысль пришла теперь прочесть въ самой Фессалоникѣ съ лучшимъ вниманіемъ все, что писалъ Апостолъ языковъ въ Фессалоникскій домъ. Нашедши въ домѣ Новый Заветъ на Греческомъ языкѣ, я присѣлъ къ дѣлу. И самъ бы не повѣрилъ, сколько въ посланіи томъ оказалось для меня какъ бы совершенно новаго или по крайней мѣрѣ забытаго. Оставляю всеизвѣстныя капитальныя въ догматикѣ христіанской мѣста о *всеобщемъ воскресеніи*, о *второмъ пришествіи Христовомъ*, объ *Антихристѣ*, о *храненіи „преданія“*, объ *отлученіи безчинно ходящихъ* и пр., которыя все сколько отъ самой мѣстности, гдѣ я, отъ времени, въ которое занятъ былъ чтеніемъ, столько же и отъ прочитыванія ихъ въ подлинникѣ, получали особую какую-то ясность или скорѣе близость къ понятію. Много вписалось отселѣ въ память мою мелкихъ изреченій духоноснаго учителя, которыя у питомца богословской науки должны имѣть значеніе азбуки. Таковы: *не встанъ есть врагъ. Не стужайте, добро творяще* ¹⁾. *Мирствуйте въ себѣ. Да ходите благообразно къ отъишимъ*, и цѣлый рядъ другихъ краткихъ и глубокомысленныхъ внушеній, въ родѣ: *Всегда радуйтесь. О всемъ благодарите. Пророчества не уничтожайте. Духа не угашайте*. Особенно по сердцу мнѣ послѣднее. Слышалъ я его разъ, обращенное ко мнѣ лично отъ чело-вѣка „съ большимъ духомъ“. А не такъ давно услышалъ и обратное признаніе изъ признательныхъ устъ: „а помните, какъ вы мнѣ сказали: духа не угашайте!“ Гдѣ все помнить? Особенно помнить то,

¹⁾ Въ подлинникѣ острога: *μη ἐκχλήσητε καλοποιοῦντες*, дающія не простой смыслъ: не утомляйтесь, дѣлая добро, а другой: не злитесь, когда взялись быть добрыми. Такая же острога чувствуется и въ выраженіи: *ἢο βλασφημία ἐν ἀδικίᾳ*. По гречески: *εὐδοκίᾳ αὐτῶν ἐν τῇ ἀδικίᾳ*.

что говорится не отъ своего измышленія? За то, къ социализму, иногда ни какъ не можешь забыть, когда назовутъ тебя „человѣкомъ съ душкомъ“ люди, у которыхъ не отыщешь ни духа ни душка, а одинъ запахъ...

Берна. 18 Мая 1865. Вторникъ.

На прощанье назовемъ городъ его древнѣйшимъ именемъ, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ *Иродоту* и *Фукидиду*. А чтобы приманчивыя имена этихъ писателей не повлекли насъ за собою въ неисходимую глушь историческую, возвратимся къ тому, на чемъ остановились вчера. Последнія слова вчерашнихъ замѣтокъ нашихъ написаны очевидно подъ впечатлѣніями не Апостольскаго урока *не стужить*, а озлобленнаго тѣлеснаго сознанія, что не удалось, не смотря ни на что, подкрѣпить себя сномъ, что такъ нужно въ предстоящемъ путешествіи. „Тѣлеснымъ“ я назвалъ сознаніе только временно, въ ожиданіи, что подберется лучше опредѣляющее выраженіе. Къ счастью всемірный учитель человѣчества и тутъ готовъ помочь дѣлу. Онъ преподавалъ Солунянамъ урокъ не одной догматики и христіанской нравственности, а и психологіи. Первые они узнали отъ новаго учителя, что человѣкъ состоитъ не просто изъ „души и тѣла“, а изъ *тѣла, души и духа*. Такимъ образомъ, если не прямо тѣло могло имѣть упомянутое выше непріятное сознаніе, то и не духъ же, которому, какъ-видно, свойственно *непрестанно молиться, всегда радоваться* и т. под., т. е. быть далѣе или, какъ привыкли говорить, выше всего житейскаго и обыденнаго. Остается душѣ или, по выраженію нѣмецкой философіи, *Психѣ* ¹⁾ приписать неумѣстную озлоблен-

¹⁾ Этою *Психой* надѣляютъ «мудре земли» все животное царство отъ слова до инфузорій, дада старыя понятія о *души* человѣческой. Идутъ ли они вмѣстѣ съ Апостоломъ въ этотъ случай? Дѣло не казалось такимъ одному моему давнему знакомому и наставнику

ность ночную на то, что вышла неудача. Впрочемъ, *есть время ослякой вощи подъ небесамъ*. Пришло оно наконецъ и для сна. Солнце застало насъ всѣхъ спавшими, и долго дождалось, пока мы, подобно ему, вышли на дѣло свое и на дѣланіе свое. Въ половинѣ 9-го часа, однакоже, всѣ уже были на ногахъ. Начались сборы и приготовления. Привели для показа лошадей, которыя понесутъ насъ дальше предѣловъ Македоніи, до славнаго града *Монастыря*. Предложено для покупки „мягкое“ сѣдло туземное, оцѣненное въ полторы турецкія лиры. Не безъ смущенія отнесся я къ нему. Можетъ быть на цѣлый мѣсяцъ оно должно будетъ замѣнить мнѣ мое спокойное и безопасное кабинетное кресло. Всегда мнѣ казалось, что тотъ, кто первый ввѣрилъ свою жизнь коню, былъ истинный герой. При такомъ взглядѣ на верховую ѣзду, понятно мое смущеніе. Находить же удовольствіе въ ней и еще болѣе — пристраститься къ ней по-киргизски или по-бедуински, ни какъ не укладывается въ мою мыслительную рамку. Судя же по всему, компанія, къ которой я долженъ примкнуть сегодня, состоитъ почти вся изъ лихихъ наѣздниковъ. Мнѣ просто страшно ѣхать съ вами, сказалъ я спутнику, полный заботы о томъ, какъ и что будетъ. — А безъ насъ еще страшнѣе, — спокойно отвѣтилъ онъ... Утѣшилъ!

На общество наше напала патріотическая охота учинить Консульскій съѣздъ въ *Витолъ*, чтобы „задать страху“, кому слѣдуетъ. Задумали, потому, пригласить по телеграфу тудаже и нашего консула въ *Янитъ*. Отправились въ телеграфню. Грозно-тайнственная сила природы была немедленно къ услугамъ нашимъ. Опережая мысль, она понеслась съ нашимъ запросомъ за горы и доли, поля и лѣса въ необъятность пространства къ славной *Додоми* въ ея новое прорица-

(уже покойному) Воголову—философу. Припоминаю, съ какою тончайшею провією произнеслъ онъ это, ваятое на прозвѣтъ наукою, слово. На губахъ его фальшиво недомысливали оба слога: *мси* и *zei*

лице. Какъ не подумаешь въ самомъ дѣлѣ, что стоустый боръ Додонскій, весь звучащій и звенѣвшій когда-то по мацію невидимаго дѣятеля, былъ въ свое время тоже электризуемъ какимъ нибудь Промиеемъ, укравшимъ у будущаго божества его запятанный и еще не выявленный огонекъ.. Прежде чѣмъ я могъ бы написать это, изъ прорицалища пришелъ отвѣтъ: „г. Консула нѣтъ. Онъ отправился въ Охридъ“. Нѣчто въ родѣ дрожи пробѣжало по членамъ моимъ отъ этого, не подходящаго ни подъ какое соображеніе, переговора. *Кто-то* успѣлъ въ три-четыре минуты побывать существенно, дѣйствительно, какъ бы-лично въ далекомъ Эпирѣ и прибѣжать оттуда обратно съ донесеніемъ, даже не запыхавшись. Да покажись же, кто ты такой, ужъ если не глазамъ, то разуму! Напрасное усиліе заглядывать въ непостижимое! Я присѣлъ на скамейку, и какъ бы потерялъ способность слова. Да! Иное дѣло знать что нибудь, и даже разсуждать и писать о немъ, и иное — видѣть его. Понятно, отчего наука перестала заниматься и духомъ и душею и самымъ тѣломъ — слишкомъ старыми и какъ бы уже выдохшимися предметами, и стоитъ восторженная съ разинутымъ ртомъ, подобно Пиеіи, передъ безыменною новинкою, окрещенною ею старою кличкою *силы*! Не духъ она, это доказывается вещественнымъ снарядомъ. Не тѣло; это ясно изъ ея бѣготни сумасводной. И не души конечно; ибо вотъ теперь она мертва. Древніе не усумнились бы отыскать въ ней прямо божество, и были бы въ большемъ правѣ, чѣмъ нынѣшніе, изгоняющіе ея Бога. Къ чести послѣднихъ развѣ сказать, что они послѣдовательны. Ибо — *духъ есть Богъ*, по писанію. А если нѣтъ духа, то нѣтъ и Бога. Но пусть бы и они, вмѣстѣ съ Солунянами, вняли слову Апостола: *духа не угашайте*.

Пелла. 18 Мая.

За множеством хлопотъ, предположенный рано утромъ завтракъ едва состоялся въ полдень. Въ 2 часа съ небольшимъ мы простились съ гостепреимнымъ домою. Черезъ два-три переулка мы очутились передъ городскими воротами, именуемыми *Вардарскими* отъ сосѣдства рѣки этого имени. Еще мало, и мы за городомъ. Солунь не надоѣлъ, но и не привязалъ къ себѣ. Оттого прощаніе съ нимъ было „безъ многихъ слезъ“, говоря языкомъ панегириковъ. Впрочемъ, не всѣ мы вдругъ покинули городъ. Двое изъ компаніи остались доканчивать визиты ¹⁾. Намъ осталось собственно трое, но къ намъ присталъ одинъ Болгаринъ, житель лежащаго на пути нашемъ города, русскій подданный. Пятый былъ почтарь Консульства, старый *Турко*, тоже болгаринъ, взявшійся быть проводникомъ нашимъ, на попеченіи и отвѣтственности котораго были наши подводы со всѣмъ багажомъ. Оба эти спутника были христіане, и притомъ православные. Шестой всадникъ былъ кавасъ Консульскій, магометанинъ. Почти за самыми стѣнами городскими открылось впереди къ западу и сѣверу ровное поле съ мягкою землею, на ту пору года сплошь покрытою зеленью. Первые впечатлѣнія дорожныя были оттого весьма пріятныя ²⁾. Склонявшееся къ западу солнце не палило насъ, хотя ослѣпительными лучами и мѣшало намъ любоваться панорамою моря и стоявшей за нимъ громады свѣтлосіяннаго Олимпа, принимавшей естественно съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ новыя и новыя очертанія. Черезъ часъ съ

¹⁾ Одинъ Александръ, другой Александровичъ — они шутя говорили намъ, что не только догонятъ насъ, пустившись въ путь часа два послѣ насъ, но и перескочатъ черезъ насъ, съ тѣмъ, чтобы въ Пеллѣ вмѣстѣ съ Александромъ В. поздравить насъ съ пріездомъ.

²⁾ Приморская эта область у древнихъ географовъ зовется *Амф-акситада*, что въ переводѣ будетъ значить: по обѣ стороны *Аксія* (рѣки), или короче: *Приаксе*. Въ ней они ставятъ и самую *Верму* или *Вессалонику*.

небольшимъ пути, мы достигли первого „хана“, т. е. по нашему корчмы. Такъ какъ ѣхали мы вообще быстро, то и оказалась надобность сдѣлать минутный отдыхъ у хана. Крѣпость Солунская еще была видна вдаль, но море уже — прощай! Привыкнувъ смотрѣть на него ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ-то страннымъ находишь не видѣть его, и испытываешь чувство лишения, даже какъ будто стѣсненія или и прямо неволи. — Вы не скучаете за моремъ, спросилъ я спутника, ходившаго около лошади и расточавшаго ей незаслуженныя похвалы. Я-то? Да я только теперь выплываю въ море, отвѣчалъ онъ, — въ море... славянства, добавилъ завзятый славянофилъ. — Ну, смотрите, какъ бы не случилась съ вами морская болѣзнь, замѣтилъ на это другой спутникъ. — Мнѣ въ первый еще разъ доводилось увидѣть за предѣлами отечества осѣдлое славянство, и я совсѣмъ не зналъ, какъ отнесусь къ этому невиданному явленію. А оно было уже, такъ сказать, подъ носомъ у насъ. Въ ханѣ хозяйствовалъ Болгаринъ. Садимся на лошадей, и опять съ тою же быстротой, по мнѣнію моему совсѣмъ напрасной, несемъ впередъ. Я все поджидалъ впереди какой нибудь рощи, если уже не дремучаго дѣса, которому такъ уместно бы вырости на такой обширной и тучной равнинѣ, орошаемой, судя по картѣ, тремя или четырьмя рѣками. Но дорога все шла пустынею, по крайней мѣрѣ по близости ея не видѣлось мнѣ ни гдѣ селитвы человѣческой. Еще ханъ, похожій на прежній. Тамъ мы нашли упредившаго насъ г. *Сидо*, о которомъ говорено выше. Человѣкъ хотя не старій, но „обстоятельный“, какъ его назвали бы у насъ, предпочелъ ѣхать тихонько, щадя свои трудныя кости, и зная, что чѣмъ тише ѣдешь, тѣмъ дальше будешь. Оттого онъ выѣхалъ съ мѣста за часъ до насъ и пріѣдетъ черезъ часъ послѣ насъ, куда слѣдуетъ, но будетъ тамъ спокойно расхаживать, когда мы будемъ лежать, какъ убитые. Онъ не замѣдилъ вознестъ намъ хвалу за нашу быструю ѣзду. Но спросилъ бы чего стоила намъ похвала его. Я, по крайней

мѣрѣ, чувствовалъ себя крайне истомленнымъ. Македонецъ остался на мѣстѣ дожидаться консуловъ, а мы понеслись далѣе. Вскорѣ дорога наша уперлась въ рѣку съ быстрымъ теченіемъ и мутною водою. — Это и есть Вардаръ? — спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, это притокъ или рукавъ его. Дѣйствительно, онъ не на столько широкъ, чтобъ быть ему *великою рѣкою*, которую въ Солунѣ мнѣ отрекомендовали, какъ достойную соперничать съ нашимъ Днѣпромъ. Притокъ этотъ не широкъ и не глубокъ, и къ концу лѣта бываетъ, какъ говорятъ, до того маловоденъ, что переѣзжается въ бродъ. Теперь же воды въ немъ было столько, что для переправы на тотъ берегъ служить паромъ. И насъ и лошадей нашихъ устави на него безъ малѣйшаго промедленія и благополучно перевезли на онъ молъ. Карта однакоже не указываетъ на мѣстахъ этихъ ни какого притока ни рукава Вардара, а вмѣстѣ того ставитъ тутъ совсѣмъ отдѣльную рѣку Gallisó. Названіе до того ясно ¹⁾ выдаетъ свое происхожденіе, что остается, кажется, только подыскать подходящій историческій фактъ пребыванія когда-то тутъ *Галловъ*, которые и дали рѣкѣ свое имя. Но подыскать-то такой фактъ и не представляется дѣломъ легкимъ. Что онъ не можетъ относиться къ эпохѣ нашествія Галловъ на Востокъ во время крестовыхъ походовъ, это ясно уже изъ того, что въ тѣ поры Галлы уже назывались франками или французами. Можетъ ли быть отнесенъ къ эпохѣ Римской, не знаемъ. Думаемъ, что въ такомъ случаѣ географы I—II столѣтій по Р. Х. упомянули бы о немъ. Въ глубокой древности рѣка называлась *Эхидора* (по Иродоту: *Ἐχιδόρα*), что значитъ: „ниѣй (или ниѣеть) даръ“. Имя на столько греческое, что мы не смѣемъ даже приблизить къ нему что нибудь варваро язычное. Не смотря, однакоже, на приписываемый

¹⁾ Еще яснѣе оно становится по греческому произношенію: Γαλλικό (ποτάμι), съ удареніемъ на концѣ.

Галикѣ¹⁾ *даръ*, онъ въ то самое время, какъ въ первый разъ попалъ въ исторію, ославилъ себя именно бездарностію. Это было въ *Ксерксово* знаменитое нашествіе на Грецію. Несчетная армія азиатская имѣла днюжку въ мѣстѣхъ этихъ, подвигаясь отъ Фракіи къ Фессаліи. Истощенная долгимъ переходомъ по Фермейской равнинѣ подъ палящими лучами солнца, она съ жаждою Израильтягъ въ пустынѣ *Сима*, стрѣлилась къ обѣщанной вожаками рѣкѣ, но Эхидоръ показалъ ей свое сухое дно... Гдѣ Персы достали себѣ воды, историкъ (Иродотъ VII, 127) не говоритъ. На память случая, мы зачерпнули съ парона рукою воды и умыли припеченныя солнцемъ лица. Пить ея не хотѣлось ради отталкивающаго ея цвѣта. За рѣчкою продолжалась все таже необозримая равнина то глинистая, то песчаная, но дорога чуть замѣтно стала подниматься „по вершку на версту“, какъ острять у насъ на счетъ крутыхъ подъемовъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Еще ханъ, и еще минутъ на 10—15 отдыхъ. Утомленіе переходитъ въ изнеможеніе. Усердный и сердобольный ханъджи нашель, что единственное средство намъ возстановить свои силы (и его торговый балансъ) есть — выпить. Намъ поднесли по стакану крѣпкаго краснаго вина. Напѣтокъ оказалъ двойную услугу, и ободрилъ насъ и утолилъ жажду, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ покоя для желудка, но меньшей мѣрѣ — тикой ѣзды. Не смотря на то, кто-то другой незримый, скрывавшійся въ немъ, погналъ насъ, на переکورъ благоразумію, еще шибче прежняго во широкой степи. На всякое возраженіе одинъ былъ отвѣтъ, казавшійся на тотъ разъ

¹⁾ У *Иоанна Кантакулина* (XIV в.) имя рѣки читается: Γαλιχός — Галикъ (т. I, стр. 456. Бон.), необъяснимое изъ греческаго языка, и слѣдовательно инородное. Какъ не придти на мысль, при этомъ, нашему русскому *юмкѣ*? Только не знаемъ, извѣстенъ ли онъ подъ этимъ же именемъ южнѣ славянамъ. Въ подспорье ему годилась бы еще наша *ямька*, услаждающая собою несомненно такіа рѣка, отъ которыхъ Ксерксы уходять съ удвоенной жаждою.

весьма убѣдительно и основательно: скоро начнутся горы, и тамъ уже по неволѣ поѣдешь тихо. Такъ мы неслись, защищаясь зонтикомъ отъ вливавшагося въ глаза солнца, болѣе часа. Къ утѣшенію моему, встрѣтилась давно ожидаемая задержка. Дорога уперлась въ великую рѣку *Вардара*, дѣйствительно стоящую своей славы. Черезъ нее построенъ деревянный мостъ въ недавнее время, длиною въ 600, шириною въ 6 метровъ, весьма жиденькій и конечно недолговѣчный ¹⁾. Одинъ острякъ — туристъ находить въ немъ сходство съ тѣмъ мостомъ изъ натянутого волоска, по которому души мусульманъ будутъ переходить, по смерти ихъ, въ рай. Такое сближеніе предметовъ, относящихся къ мірамъ, ни въ чемъ другъ съ другомъ несходнымъ, отразилось какъ будто на нашемъ обществѣ. Одному оно внушило мысль идти пѣшкомъ по мосту, другаго подбило прѣстѣсь по нему рысью, на память какого-то, рыскавшаго тутъ, доблестнаго царя Болгарскаго. Было довольно времени, чтобы разсмотрѣть рѣку и сравнить ее съ „пѣшкетымъ Дѣвиромъ — рѣкой“. Далекъ имъ — южнымъ, хотя бы и длиннымъ и широкимъ, потокамъ до нашихъ тихихъ, чистыхъ и величественныхъ рѣкъ! До Вардара отъ Солуны считается 4 часа пути, т. е. верстъ 20. Съ разными остановками и у насъ ихъ вышло равно столько же. По обѣ стороны моста есть демики для отдохновенія. Одного котораго нибудь изъ нихъ мы никакъ не могли миновать. Въ нашемъ „сакъ-виважѣ“ отъ стакана вина и быстрой ѣзды дотого все переболталось, что малѣйшее сотрясеніе на лошади упиралось коломъ въ грудь. Разумѣю собственно себя. И такъ пришлось посидѣть на золотыхъ берегахъ *Аксія* въ ожиданіи, пока „животъ заживѣтъ“. Именемъ „Аксія“ рѣка называлась еще въ то время, когда

¹⁾ Книга: *Les Turques etc.* сообщаетъ, что мостъ выстроенъ христіанами, во принудительной работѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, и что строившей его Паша Солунскій заплатилъ при этомъ миллионъ (чего, неизвѣстно).

ее стократно переѣзжалъ, безъ сомнѣнiя, Александръ Македонскiй. Можетъ быть она имѣла и другое туземное названiе, но эллиноманiя царствующей династiи выгнала варварское слово и почтила главную рѣку Македонiи именемъ *Достойной* (ἄξιος¹), конечно — ποταμός). Когда это имя исчезло изъ исторiи, не можемъ сказать. Вѣроятно позже владычества Римскаго. Римляне во 1-хъ не насиловали вообще туземныхъ именъ, а передъ греческими даже благоговѣли, а во 2-хъ, если бы захотѣли отнять у „Достойной“ не соответствующее можетъ быть по ихъ понятiямъ имя, то уже конечно нашли бы въ своемъ языкѣ имя не хуже, чѣмъ: *Вардаръ*. Что теперешнее имя звучитъ по турецки, объ этомъ, кажется, и говорить излишне. А между тѣмъ оно встрѣчается уже, безъ всякаго измѣненiя, у *Анны Комниной* (XII в.), и съ измѣненнымъ окончанiемъ (*Вардάριος* — Вардарiй) у *Кодина*, когда никакихъ турецковъ еще не было въ мѣстахъ этихъ. Кому же, потому, быть творцомъ его, какъ не Болгарамъ, заселившимъ край въ Византiйскую его эпоху? Если же *Вардаръ* мало звучитъ по славянски, то вѣдь и *Болгаръ* или *Бугаръ* (какъ самъ себя зоветъ сельскiй болгаринъ) тоже смахиваетъ, пожалуй, на турецкину или татарщину. Да и цѣлая половина слова развѣ не есть славянское: *даръ*²? Но, довольно филологiи.

¹) Правда, что ударенiе въ названiи рѣки стоитъ на послѣднемъ, а не на первомъ слогѣ, но это мало измѣняетъ сущность дѣла. У насъ есть фамилiи *Мертваго*, *Хитрово*, очевидно вышедшiя изъ: Мѣртваго, Хiтраго (род. падежа).

²) Зато другая половина могла бѣ быть чисто турецкою. *Варъ* значитъ: есть, шибется по гречески ее перевести нельзя, какъ только словомъ: ἔχει. Припомнимъ же, при этомъ сосѣднiй Эхи-доръ. Конечно, это игра случая. Не прямѣ ли искать корня Вардаръ въ Армянскомъ языкѣ, подарившемъ Византiйской исторiи имена Варды, Вардана, Вардабурiа, и пр.? Армяне не малое время занимали престолъ Константина. Самъй Василiй (Македонянинъ) происходилъ, по изслѣдованiямъ современныхъ ему историковъ, отъ царскаго (еще бы!) рода Арсакидовъ. А *Левъ V* Армянинъ, послѣ войны съ болгарами, занимался восстановленiемъ городовъ Македонiи. Что мудренаго, если при этомъ *обновили* (въ Церковномъ смислѣ, т. е. освятили, окрестили) и самую рѣку какимъ нибудь, роднымъ ему именемъ?

Громче ея раздается на берегахъ Вардара исторія. Можно бы утвердительно говорить, что ничьей столько крови не унесла въ великое море широкая рѣка, какъ славянской. Довольно сказать, что истоки сего славено—греческаго Рубикона находятся на *Коссовомъ патъ*. На Вардарѣ, грозный для Византіи Болгарскій властель *Самуилъ* покрылъ себя безсмертнымъ позоромъ бѣгства отъ лица императора Василія II (въ 1002 г.), оставивъ ему въ добычу весь свой станъ. Черезъ 840 лѣтъ послѣ того, другой славянскій царь изъ самыхъ видныхъ въ своей исторіи — *Стефанъ Душанъ* также неудачно столкнулся на Вардарѣ съ силами угасавшей имперіи, если не на этомъ самомъ мѣстѣ, то по близости его. Позавидовавъ императору (Кантакузину, съ коимъ былъ въ полномъ мирѣ), забиравшему у соперника своего Палеолога Македоно—Фессалійскіе города, надъ которыми уже неоднократно властвовали Сербскіе крало, самозванный „самодержецъ“ славянскій подкараулил грека на Вардарѣ, и, снесшись съ врагами его въ Солунѣ, положилъ истребить его со всѣмъ его войскомъ. Палеолога не боялся Душанъ, а другъ — Кантакузинъ сидѣлъ у него бѣльмомъ на глазу. Планъ засады былъ такой: Императоръ шель отъ Солуня (остававшагося на сторонѣ Палеолога) въ городъ Македоніи, объявивше себя на сторонѣ его, и долженъ былъ, потому, переправляться черезъ Вардаръ. Такъ какъ для сего требовались лодки, а ихъ не могло быть много, то императорское войско по необходимости должно было учинить переправу въ нѣсколько пріемовъ. Сербская дружина укрывалась на противоположномъ берегу. Первую партію солдатъ, въ которой по расчету долженъ былъ находиться и самъ императоръ, она такимъ образомъ безъ шума истребляла всю, задержавъ и доставившія ей лодки. Въ то же время Солунцы нападали въ тылъ оставшемуся за рѣкой войску, и дѣло все порѣшалось разомъ — Душанъ овладѣвалъ завардарьемъ, а союзники избавлялись отъ императора — *intrus*. А о томъ, что въ случаѣ торжества Кантакузина, занятія чужеземцами

части имперіи возвращались къ нему, а съ пораженіемъ его терялись совѣсть для имперіи, ни отличные „зилоты“, намъ уже столько извѣстные, ни самъ хитрый вождь ихъ, и на тотъ разъ администраторъ всей державы Палеолога, не подумали! Лишь бы малые подручные интересы близорукости были удовлетворены, а затѣмъ — „хоть трава не расти“, по славянской пословицѣ! И теперь не рѣдкость услышать отъ эллинскихъ патриотовъ внушительно повторяемое выраженіе пѣсни церковной: „зависть не вѣсть предпочитати полезное“, а при первомъ же случаѣ, у нихъ же самихъ, пресловутая „идіотелія“ (своецѣліе) и предпочтетъ полезное Богъ знаетъ какому! Расчетъ союзниковъ Вардарскихъ не оправдался. Какой-то габровецъ (очевидно славянинъ) изъ за рѣки сообщилъ о засадѣ Кантакузину и указалъ мѣсто, гдѣ можно перейти рѣку въ бродъ. Все войско устремилось вдругъ за рѣку. Освѣдомившись объ этомъ, Трибаллы (Сербы) побѣжали къ мѣсту переправы и пустили тучи стрѣлъ въ густую массу, но уже было поздно. Войско дружно выходило на берегъ. Оставалось засадникамъ послѣдовать другой славянской поговоркѣ: „подай Богъ ноги“! Душанъ, конечно, не замедлялъ извиниться передъ „другомъ“ въ случившемся недоразумѣніи, и даже выслалъ къ нему на расправу виновныхъ яко бы полководцевъ... Довольно для „Достойной“ рѣки этихъ двухъ недостойныхъ случаевъ со знаменитѣйшими именами старо-славянской исторіи. Несмотря ни на силу, ни на хитрость, ни на что, не удалось Душанамъ овладѣть настоящимъ образомъ ни Фракіей ни Македоніей. Что бы это могло значить? Полагаемъ, что и младенецъ угадаетъ, что именно. Съ незапамятныхъ временъ мы (по крайней мѣрѣ, мы — русскіе) приказываемъ „всякому сверчку знать свой шестокъ“. А историческій *fatum*, кажется, не менѣе ясно и гласно и всякому славянину указываетъ знать свой уголокъ. Урокъ ему въ этомъ часто упоминаемые нами „патріоты“, которые съ доисторическихъ временъ вездѣ суются по чужимъ угламъ, и которыхъ отсюду по-

томъ, рано или поздно, выталкиваютъ обратно въ ихъ классическій шестокъ.

Никакихъ знаковъ оставленной рѣки уже нѣтъ. Продолжается все таже равнина, все еще подзадоривающая спутниковъ „прибавить шагъ“, вопреки заключенному на Вардарѣ условію жертвовать прихотью нехотѣнію, несмотря на то, гдѣ какое окажется большинство голосовъ. Кромѣ общей всегѣлесной усталости, я чувствовалъ еще жгучую мѣстную боль въ лѣвой ногѣ, объясненіемъ которой некогда было заниматься. Всѣ мысли сосредоточивались на одномъ — добраться какъ нибудь заживо до хана, гдѣ условлено было остановиться. Солнце уже давно зашло. Къ сѣверу не подалеку обозначились темныя массы горъ или холмовъ. Мелькнулъ тамъ же и огонекъ. Кто нибудь развелъ его и сидитъ около него, подумалъ я и позавидовалъ воображаемому счастливцу. А нашей дорогѣ конца нѣтъ! Но чуть я произнесъ мысленно эту жалобу, впереди насъ забѣгала какая-то скромная постройка, похожая не то на мельницу, не то на разоренную часовню. А все же не онъ, не ханъ столько желанный! Однако, подъѣхавъ ближе, мы увидѣли въ сторонѣ отъ постройки за холмомъ нѣсколько къ югу и жилой домъ съ огороженнымъ дворомъ при немъ. То былъ дѣйствительно ханъ. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что мы доѣхали до именитой *Целы*. Нехотя отдалъ я поклонъ славному мѣсту, потому что, сползши съ коня, не могъ держаться на ногахъ и упалъ на землю.

Съ полчаса мы лежали, какъ убитые, безъ движенія на какомъ-то высокоомъ крыльцѣ, въ родѣ нашихъ сѣнныхъ повѣтей, на которое взобрались по лѣстницѣ, достойной упомянутого выше магометанскаго волоска. Блаженства отдыха передать нельзя словами. Недоставало только какого нибудь плѣнительнаго вида для глазъ. Впрочемъ, зрѣніе съ удовольствіемъ впивалось въ купу сосѣднихъ деревьевъ огромной высоты къ югу отъ хана, далѣе коихъ разстидалось широкое поле,

съ котораго уже расходилась вечерняя сырость. Пахло даже просто болотомъ, близость котораго знаменовали и распѣвавшіе въ воздухѣ свою вечернюю зорю мириады комаровъ. Мѣсто пригодное для любой русской деревни по своей плоскости и невзрачности. А между тѣмъ когда-то тутъ была столица большаго царства, препрославленная на весь свѣтъ и на всѣ времена рожденіемъ великаго человѣка. Въ день рожденія славнаго царевича на кровлѣ царскихъ палатъ сидѣли съ утра до вечера два орла. Теперь же, на диво и на утѣшеніе намъ, изъ густыхъ вѣтвей древесныхъ вылетали и носились надъ нами вереницы галокъ, давно уже невиданныхъ мною. Орламъ тутъ нечего больше дѣлать. Самое имя *Пеллы* давнымъ давно исчезло. Ханъ носитъ имя: *Ваня* (Ванія), заимствованное вѣроятно отъ упомянутой развалины. Впрочемъ, резиденція царя Филиппа была въ верстѣ, или около того, сѣвернѣе мѣста, гдѣ мы остановились, въ теперешней деревушкѣ: *Аллах-кися* (Божія церковь), а по болгарски: *Палатница*, на высшемъ сравнительно мѣстоположеніи ¹⁾. Еслибъ не было такъ

¹⁾ По крайней мѣрѣ, другихъ значительныхъ развалинъ въ этой части Македоніи не находятъ. Но судя потому, что древніе писатели — Греческіе и Латинскіе — сообщаютъ о *Пеллѣ*, и это мѣстоуказаніе ея можно бы считать сомнительнымъ. По Страбону (*Ἰ*) «отъ (устья) рѣки *Лудія* до Пеллы надобно плыть вверхъ 120 стадій». Изъ этого видно, что Пелла стояла при рѣкѣ или точнѣе при озерѣ *Лудія*, изъ котораго вытекала рѣка тогоже имени. Озеро же наполнялось водою изъ какого-то притока Аксіа (Вардара). Еще обстоятельнѣе говорить о мѣстоположеніи Пеллы *Титъ Ливій* (кн. 44. гл. 46). По нему, Пелла «лежитъ на холмѣ, по скату его къ зимнему западу. Окружаютъ ее болота съ водою, стоящею и зимой и лѣтомъ на одной высотѣ. При разливѣ, изъ нихъ образуется озеро. На ближайшемъ къ городу болотѣ возникаетъ, на подобіе острова, замокъ, встроенный на отличной работѣ плотинѣ, которая держитъ на себѣ стѣны и нисколько не терпитъ отъ окружающей влаги. Издали кажется, что городъ соединенъ съ стѣнами (замка). А (между тѣмъ) онъ отдѣленъ отъ нихъ рѣкою и соединяется только мостомъ, такъ что если бы кто началъ (на замокъ) совнѣ, не имѣетъ доступа ни съ какой стороны, ни тотъ, кого бы царь заключилъ въ него, не можетъ убѣжать иначе, какъ по мосту, который легко усторожить». Все это, столь подробное описаніе Филипповой и Александровой резиденціи, какою она была

поздно, и еслибъ не полное обезсиленіе тѣлесное, рѣшился бы взглянуть на знаменитое мѣсто. Теперь же остается, по обычаю, отложить это удовольствіе до „возвратнаго пути“, и ограничиться посѣщеніемъ сосѣдней развалины. Почти совсѣмъ уже стамнѣло, когда я дошелъ до нея, и потому разсматривалъ ее сколько глазами, столько же и руками. Это есть квадратный, шаговъ въ 8, довольно высокій водоемъ со сводомъ, весьма обыкновенной каменной кладки. Съ сѣвера къ нему (предположительно отъ бывшаго города) направляется низкій водопроводъ. Вольше ничего нельзя было выслѣдить. Сомнительно, что бы это когда-то былъ храмъ, какъ полагаетъ г. *Буд*. Шумъ листьевъ сосѣднихъ платановъ и крикъ далекой совы съ глухою кругомъ пустынею и вечернимъ сумракомъ навѣвали тоску на сердце. Возвращаясь къ мирному пріюту своему, я утѣшенъ былъ зрѣлищемъ шумящаго и выбрасывающаго искры самовара, что вѣрно не видалъ въ свое время исходившій землю *Александръ*. Если бы и онъ, подобно намъ, пилъ въ перемежку то прохлаждающее вино, то согрѣвающій чай, вѣрно не умеръ бы такъ неожиданно рано.

Чуть мы принялись за чай, послышался къ востоку за холмомъ конскій топотъ. То были оставшіеся въ Солунѣ два спутника. Съ прибытіемъ ихъ все приняло у насъ оживленный видъ. Рѣчь, вмѣстѣ съ кипящей водой самовара, полилась черезъ край. „Однако вы скоро должно быть ѣхали“, замѣчено было намъ отсталюю компаніей. — За то не скоро опять поѣдемъ — осмѣлился замѣтить я, или точнѣе — неспросившійся хозяина языкъ мой. — Ну, объ этомъ „будемъ подумать“, отвѣчали мнѣ вновь прибывшіе, повидимому не разумѣющіе ни

во время завоеванія Македоніи Римлянами, повидимому совсѣмъ не соответствуетъ мѣстоположенію, приурочиваемому теперь для Пеллы. Главное возраженіе — то, что ни у *Алаксисъ*, ни у нашей *Бани* нѣтъ теперь никакой рѣки. Возможно, что она измѣнила свое теченіе, что совсѣмъ высохла наконецъ, но мало вѣроятно.

что такое усталось, ни въ чемъ состоятъ скорость. . Невдолгѣ однакоже выяснилось, что по „маршруту“ ночлегъ положенъ не въ гостиницѣ: zu Alexander der Grösse, а въ городѣ: *Эниджэ*. Въ ободреніе намъ тутъ-же прибавлено было, что до города всего полтора часа пути, что дорога хорошая, и что если мы не замедляя отправимся въ путь, то мѣсяца хватить на столько, чтобы при свѣтѣ его добраться до ночлега. Доводы были сильныя и заглушили собою слабый протестъ натужнаго тѣла. Часовъ около 9-ти у насъ все было готово. Мы простились съ воображаемой Пеллой и, по заранѣе выговоренному условію, потащились шагомъ прямо въ лицо „жиденъкому“ мѣсяцу. Было время подумать о томъ о семъ. Исходя изъ круга понятій Пеллійцевъ Александрова времени, мы можемъ похвалиться, что успѣли уже завечеръ изъ *Амфакситиды* переѣхать въ *Воттію*, или короче *Воттію*. По Иродоту ¹⁾, въ этой области Македоніи процвѣтали два города: *Ихны* (*Ἰχθυαί*) и *Пелла*. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться. Отецъ исторіи не зналъ *Амфакситиды*, и увѣряетъ, что рѣка *Аксиосъ* дѣлитъ собою области *Мидонію* и *Воттію*. . Во всякомъ случаѣ мы теперь въ *Воттію*. Городъ „Ихны“ ни какихъ слѣдовъ (*ἰχθυή*) по себѣ не оставилъ. О „Пеллѣ“ послѣднія свидѣтельства имѣемъ изъ 2-го вѣка по Р. Х. На именитомъ мѣстѣ жило тогда еще „нѣсколько бѣдняковъ“ ²⁾. Теперь въ *Амалг-Кисья* есть около 60 мазанокъ. Христіане зовутъ мѣсто: „Св. Апостолы“, вѣроятно по церкви этого имени. Въ глубокой же древности тамъ (если тамъ была Пелла) существовало общее судилище (*χρηματιστήριον*) Македоніи или точнѣе мѣсто, гдѣ обдѣлывались всякія дѣла — судебныя, торговныя, гражданскія. . Это обстоятельство вѣроятно и было причиной особеннаго благоволенія къ мѣсту царя *Филиппа*, о которомъ извѣстно, что онъ даже воспи-

¹⁾ Ирод. VII. 123.

²⁾ Лукіанъ: *ψευδομάτις*.

тался въ Пеллѣ. Можетъ быть тамъ же было и эллинское училище, устроенное греческими торговцами, въ которомъ царевичъ получалъ свое образованіе... Не хочется мнѣ разстаться съ Пеллой. Благо-склонный читатель простить, если я — случаемо — и еще возвращусь къ ней. Дорога наша въ самомъ дѣлѣ не худа. По сѣверную сторону ея тянутся не вдалекѣ возвышенности, вызывавшія кое-кого изъ компании на разные рассказы миеологическаго свойства и достоинства, въ родѣ того напр. что то тамъ, то сямъ видятся на нихъ по ночамъ таинственные огоньки, и что въ залѣ (!) одного изъ кургановъ разъ слышалась въ какой-то праздникъ музыка и преледидла пляска... А по другую сторону дороги напротивъ разстилается, сколько можно видѣть глазомъ при лунномъ мерцаніи, однообразная равнина, замѣщаемая на картѣ Ениджесскимъ болотомъ, весьма обширнымъ, и едвали не составлявшимъ когда-то западный рогъ Солунскаго залива, пересохшій быть можетъ еще въ до историческія времена. Можетъ быть оно есть остатокъ тѣхъ болотъ, подходившихъ къ самой Пеллѣ, о которыхъ говоритъ *Титъ Ливій*. Изъ нихъ тоже при случаѣ дѣлалось одно озеро. Сѣверныя, болѣе возвышенныя части его могли высохнуть, и пр. Многое *можно* быть, но было ли? Чтобы отыскать дѣйствительное мѣсто Пеллы, надобно сперва найти рѣку *Лудій*. За тѣмъ уже остается проплыть по ней 120 стадій. Задача для ученаго и досужаго человѣка вовсе не трудная. Въ лицѣ Александра Пелла хотѣла владѣть цѣлымъ міромъ. Стоило бы за то міру наконецъ овладѣть ею. *Vnus Pellaeo iuveni non sufficit orbis* ¹⁾... Стишокъ этотъ, выученный мною еще въ юношествѣ, когда двадцатилѣтній царь-герой, по наивности фантазіи, съ учебника прямо переходилъ въ сердце и становился дружкой любимымъ, теперь естественно припоминался мнѣ во всей свѣжести цвѣтушаго возраста и разблужалъ

¹⁾ Ювеналъ. Сат. X.

душу. Можно ли сомнѣваться, что множество разъ по этой самой дорогѣ въ подобную же тихую ночь онъ самый, „юный Пеллеецъ“ или песся съ шумной ватагой веселыхъ сверстниковъ куда нибудь туда, гдѣ небо сходится съ землей, или тихо ѣхалъ съ своимъ молчаливымъ, не менѣе его знаменитымъ учителемъ, огреченнымъ, какъ и онъ, Македонцемъ. Послушалъ бы ихъ бесѣды и эллинской и варварской. Нѣтъ сомнѣнія, что и первая звучала значительно не такъ, какъ слышится въ устахъ теперешняго грека, и ужъ конечно далеко не такъ, какъ возсоздаетъ ее нѣмецкая упрямая идеологія. А вторая (предполагаемъ, что могла быть)¹⁾, совсѣмъ неизвѣстная намъ, раскрыла бы передъ нами такія этнографическія тайны древности, какихъ не зналъ, или не счелъ нужнымъ сообщить намъ и самъ Иродотъ. Изъ сороковыхъ годовъ мнѣ памятны усилія славянофиловъ нашихъ все Македонское воображать и объявлять славянскимъ, не исключая и самаго Александра. Предметъ на столько занимателенъ, что всякій разъ потомъ, какъ я наталкивался исторіею на какое нибудь Македонское имя, я допрашивалъ его съ помощію всѣхъ, доступныхъ мнѣ, пріемовъ филологіи, не окажется ли въ немъ что нибудь родное моему слуху. Такъ и въ сегодняшней *Пеллѣ* покушеніе было отыскать славянскую *Вѣлу*, но я стыдился остановиться долго на томъ, чутьемъ разумѣя тутъ натяжку. Ближе подходила бы къ ней латинская *Bella*, но... и сіе суета! Собственныя имена лицъ и мѣстъ въ Македоніи и во всей Румелии суть теперь единственные памятники тамошнихъ варваровъ самоземцевъ (автохтоновъ). Конечно, они могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на глубокій этнографическій мракъ Балканскаго полуострова, но къ сожалѣнію мы ихъ получили изъ вторыхъ

¹⁾ Что у Македонянъ былъ свой языкъ, этого, надѣмся, никто (кромѣ Аенянскихъ и Константинопольскихъ патриотовъ) не будетъ отрицать. Имена первыхъ царей Македонскихъ подтверждаютъ то неоспоримо.

рукъ, и притомъ такихъ, которыя отличались во все время страстію власть на все свою эллинскую печать.

Отдавшись на волю древлесовныхъ размышленій, я забылъ, что древнее есть вмѣстѣ и заднее, и практически убѣдился въ томъ, увидавъ себя далеко отставшимъ отъ своего общества. Нашъ Александръ Македонскій (Консулъ) съ своею свитою едва различался вдали подъ скуднымъ сіяніемъ западавшей луны. Въ нѣсколько, не легко обощенныхъ рысцовыхъ приѣмовъ я кое-какъ соединился съ своими ¹⁾). Компания коротала время бесѣдою о дѣлахъ служебныхъ, и между прочимъ о томъ, какъ одинъ автохтонъ Балканскій успѣлъ у насъ въ Россіи войти въ фаворъ къ нѣкому сильному міра сего, и перебилъ „хорошее“ мѣсто у многихъ соотечественниковъ нашихъ, и что, по всему видно, „пойдетъ далеко“. Разговоръ — въ македонскомъ духѣ. Припомнимъ, что „юный Пеллеецъ“ завидовалъ не какому нибудь брату по чернильному ремеслу, а кровному отцу. Полагая, что и другихъ, какъ меня, всего занимаетъ физическая усталость, я обратился къ ближайшему сосѣду по коню съ вопросомъ, какъ онъ себя чувствуетъ? — Что тутъ: какъ? Вотъ завтра намъ придется перенести настоящія страданія въ Енидже, отвѣчалъ онъ сурово. Священникъ тамошній одинъ изъ первыхъ въ Болгаріи принялъ *унію* въ отместку своему архіерею, и увлекъ за собою приходъ. Очень можетъ быть, что завтра уніаты захотятъ сдѣлать намъ визитъ; и, какъ здѣсь водится, цѣлою толпою. Вотъ и отдувайся тутъ! — Но зачѣмъ же преждевременно

¹⁾ Да вы не отставайте, припоривайте немножко вашего буцефала! — слышалось мнѣ, при этомъ, спереди. Вообразивъ себя отъ такой почести моему коню и въ самомъ дѣлѣ Александромъ, я хотѣлъ, но посоветился отвѣтить на это словами знаменитаго наѣздника — царя, которому льстецы, зная его легкость и быстроту въ ходьбѣ, предложили разъ отправиться на Олимпійскія игры, чтобы одержать тамъ верхъ надъ бѣгунами всей Греціи. Извѣстенъ отвѣтъ его: «Да! если тамъ бѣгъ держать будутъ царя». Пошелъ бы и я за вами, думалъ я, если бы вы были мои одновѣтени:

надуваться? Подумалъ я. Ну, придетъ злой моментъ, тогда и можно будетъ или надуть или отдуть когонибудь, по усмотрѣнію. — Такъ что жъ? И отлично! Отвѣтилъ я. Мы ихъ возвратимъ своимъ убѣжденіемъ въ лоно церкви. — Въ лоно? — Протащилъ спутникъ сквозъ зубы. А гдѣ оно? И есть еще тутъ какаянибудь церковь? Развѣ *ты* не говоришь *имъ*, что у нихъ, и нигдѣ больше, — церковь? Церковь!.. Церковь — это, когда священникъ считаетъ архіерея своимъ неумолимымъ врагомъ, а архіерей увѣренъ, что онъ живетъ *in partibus infidelium*?.. — Зная всю озлобленность товарища на пресловутую „сердобольную мать“, преслѣдуемую въ ея собственномъ доиѣ „неблагодарною дочерью“, я повернулъ разговоръ на тѣхъ, которые тоже отъ сердобольства проповѣдуютъ, что церковь — это они и никто болѣе... Предметъ стоилъ того, чтобы распѣвать его на разные лады не менѣе, чѣмъ стихъ Ювенала. И тамъ на первомъ планѣ *orbis*, и здѣсь изъ за смиреннаго: *urbis*, выступаетъ на ходуляхъ: *orbis*! Тамъ была прихоть или похоть одного человѣка, и здѣсь традиціонная претензія одного города! Чего хотѣлъ „Пелльскій юноша“? Вѣроятно, по его мнѣнію, хорошихъ вещей. А между тѣмъ только ломалъ существовавшій до него порядокъ, и разрушалъ одно за другимъ человѣческія общества и цѣлыя царства! Чего домогается пережившій самаго себя, „Римскій старецъ“? Тоже, по его мнѣнію, прекрасныхъ вещей — подчиненія всего христіанскаго міра единому пастырю. Что же дѣлаетъ для сего? Разрушаетъ все, что встрѣчаетъ на пути семъ христіанскаго, и подрываетъ самыя основы вѣры! Что приобрѣлъ Македонскій монархъ, раззоривъ тотъ или другой Малоазійскій, Сирійскій и всякій иной городъ? Ничего! Что выиграетъ и папство, совративъ въ латинство убогаго священника Ениджейскаго съ десяткомъ разсерженныхъ на свое начальство невѣгласей? Едва ли чтонибудь, кромя неизбежнаго въ будущемъ собственнаго позора! А христіанство несомнѣнно потеряетъ отъ сего. Ибо всѣ безмысленныя продѣлки слѣпаго фана-

тизма, совершаемая во имя Христова, творятся предъ лицомъ всего невѣрія... Тема для мысли представлялась нескончаемая, но ее заслонила собою внезапно показавшаяся селитва человѣческая. Темнота, смѣнившая мерцаніе луны, помѣшала разглядѣть городъ издали. Вблизи же онъ, конечно, не поразилъ насъ своимъ величіемъ. Мы остановились на одной площадкѣ. Начались стучанье въ дверь, выкликаніе какого-то знакомаго, кончившееся перебранкой, нетерпѣніе сѣдоковъ, ржаніе лошадей, лай собакъ, бѣганье отъ дома къ дому... Все это было слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія, или не выполненнаго во время приказанія, или — нарушеннаго условія, незнаю — чегò именно. Поиски знакомаго ночлега кончились рѣшеніемъ отправиться въ ханъ, что всѣмъ, не исключая перваго меня, было по сердцу. Ханъ наименовали „Пашинымъ“, какъ и почему — я не допрашивался, довольный тѣмъ, что могу принять другое положеніе и дать покой ногамъ, занятымъ во время дороги почти непрерывно хлопаньемъ по бокамъ своего лѣниваго „вологлава“ (*Βουξέφαλος*). Весь верхній этажъ хана отданъ былъ въ наше распоряженіе. Но европейское слово: этажъ также шло къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Довольно сказать, что никто изъ нашего общества не помѣстился въ жилыхъ комнатахъ. Выпросивъ у хозяина рогожь, мы розостлали ихъ въ сѣняхъ, имѣвшихъ скорѣе видъ сѣнника съ выхваченнымъ бокомъ на городскую улицу, и расположились на нихъ повалкой, уложивъ себѣ въ головы, вмѣсто подушки, сѣдла, сакъ-воязи, и что у кого было кромѣ того. Весна, деревня, луга, земля, кипящая млекою и медомъ... подумали мы съ сосѣдомъ, и спросили себѣ у соннаго ханъджи молока. Пришлось пожалѣть, что обратились съ такимъ наивнымъ вопросомъ къ чловѣку. — Да у насъ и дѣти не видятъ молока, отвѣчалъ онъ, ставя кальянъ передъ высокими Кунсуль-эфенди, плющими намъ ироническую улыбку... Такъ, конечно! Дѣтямъ нужнѣе молоко, чѣмъ намъ, перерослымъ. Но, у дѣтей нѣтъ, во 1-хъ, ни среды ни пятницы. А

во 2-хъ, они и не ѣдятъ цѣлый день по такимъ мѣстамъ, гдѣ единственный способъ утолить голодъ — не имѣть желудка. Время, правда, было уже позднее, и на какое нибудь подкрѣпленіе въ ханѣ рассчитывать было нельзя. Пришлось повторить пельскую исторію съ самоваромъ, да тѣмъ и удовлетвориться на сей день, утѣшаясь припоминаніемъ того, при какомъ обиліи даровъ природы, прошедшихъ черезъ горнило повареннаго искусства, онъ начался.

Яница. 19 Мая 1865 г. Среда.

Имя мѣста показываетъ, что мы уже въ Славянской землѣ. Официальное названіе городка однакоже звучитъ по турецки. Оно есть — *Енидже*. Такъ какъ имена оба очень сходны, то надобно заключить, что одно изъ нихъ выродилось изъ другаго. Къ сожалѣнію, негдѣ и не отъ кого узнать, когда появились и то и другое. По видимому, скорѣе изъ Яницы могло выйти Енидже, чѣмъ наоборотъ. *Ени* значитъ: новый. *Дже* не имѣетъ значенія, и очевидно есть туркизмъ, замѣняющій ¹⁾ *ца*. Городокъ, въ соотвѣтствіе имени, представляется дѣйствительно новымъ, не заключающа въ себѣ ни какой дряхлости. Книга *Les Turques...* полагаетъ, что на мѣстѣ его былъ когда-то городъ *Таверіани*²⁾, но основанія къ такому мнѣнію не приводитъ. По ней, въ 1859 г. въ Енидже было 750 домовъ, въ коихъ жило 150 семействъ *греческихъ*, а остальные всѣ были магометане. Подъ греческими надобно разумѣть православныхъ, т. е. Болгаръ. Грековъ въ Яницѣ совсѣмъ нѣтъ. Авторъ грекъ умѣетъ, гдѣ

¹⁾ Извѣстны немалочисленные Ени-шееръ (новый городъ), Ени-квой (новая деревня), Ени-Базаръ, и пр. Въ настоящемъ случаѣ за *ени* не слѣдуетъ никакого существительнаго, чѣмъ и выдается его неоригинальность. Съ другой стороны, странно, что тутъ вышла Яница, а не *Иованица* или въ родѣ того. Яни есть греческая, а не славянская уменьшительная форма имени Іоанна.

²⁾ Въ «Певтингеровой Табулѣ» между *Пеллой* и *Эдессой* нѣтъ никакого промежуточнаго города. А *Таверіани* поставленъ сѣвернѣе отъ *via Egnatia*, за городомъ (а не за рѣкой?) *Palliscum*, и очевидно есть вышшій *Дойранъ*.

нужно, говорить языкомъ турковъ. Простить ему эту маленькую уловку или нѣтъ, не знаю. Ениджане не простили подобнаго игнорированія своей народности единоплеменнику его своему владыкѣ, и въ отвѣтъ на его эллиническія тенденціи, какъ мы уже видѣли, перешли въ унію. Средство крайнее, конечно, но иногда человѣку не остается ничего дѣлать, какъ отвѣчать безумному по безумію его. Впрочемъ, было намъ надъ чѣмъ извести сердце свое въ „доброе утро“ Яницкое и поближе, чѣмъ церковныя дѣла мѣстныя. Упомянутый туристъ — авторъ вынесъ изъ Енидже воспоминанія *peu agréables*, по причинѣ нападенія на него ночью въ ханѣ (вѣроятно, томъ же самомъ) *des insectes de toute nature*. Мнѣ, въ свою очередь, достаточно сказать, что я ни на одну минуту не могъ забыть во всю ночь отъ мириадъ, въ переводѣ же на мѣстный языкъ, отъ *темъ* тмущихъ, блохъ. Къ обстоятельству этому присовокупилось еще, на бѣду нашу, гдѣ-то по близости свадебное торжество съ музыкой, барабаномъ, шумомъ и гамомъ, какихъ только можно ожидать отъ магометанскаго празднества. А лай собакъ? А ревъ ословъ? Пѣтухи, комары — наконецъ, неумолимо напѣвающіе подъ самымъ ухомъ!.. Вся компанія наша встала, потому, весьма рано, и вся въ одинаковомъ озлобленіи. Пусть бы застала насъ въ такомъ „не духѣ“ ожидаемая депутація болгаро-католическая! Досталось бы ей отъ нашего умиротворительнаго настроенія. Къ счастью, ей не было времени сдѣлать это. Напившись на скорую руку чаю, мы поспѣшили оставить Яницу, унося съ собою впечатлѣнія, мало сказать: *peu agréables*. На выѣздѣ намъ указали мѣсто, гдѣ бываетъ известная въ краѣ ярмарка въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Запахло дѣйствительно славянствомъ. Греческій міръ, весь помѣшанный на наживѣ, не знаетъ, или едва знаетъ, что такое ярмарка. О кочевникахъ туркахъ и говорить нечего. Сколько у первыхъ въ виду расчетъ, столько у вторыхъ — захватъ, а добросовѣстный обмѣнъ излишняго на недостающее остался на долю славянъ.

Гроино. 19 Мая. 1865.

Намъ предстоялъ седмичасовый путь, т. е. около 30—35 верстъ, — не много для человѣка, ѣдущаго въ коляскѣ, даже въ простой телѣгѣ, но за-глаза довольно для всадника, цѣлый десятокъ лѣтъ сидѣннаго на стулѣ, и вдругъ попавшаго на спину животнаго. Подъ воздѣйствіемъ трехъ могущественныхъ реактивовъ жизни, утра, лѣта и хорошей погоды, компанія наша скоро забыла ночное злостраданіе. Ровная и веселая мѣстность помогала одушевленію. Отличныя вѣдоки наши, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ угоду четвертому реактиву — молодости, пускались въ махъ по историческимъ полямъ, гдѣ множество несчетное разъ носились вѣдь и впередъ Македонскія фаланги, Римскіе легіоны, Скиѣскія орды, Готскія труппы, Варяжскія дружины, Славянскія полчища, Турецкіе низамы, Татары, Янычары и всякой профессіи Палликары, въ числѣ ихъ и тѣ, которые облегчаютъ мирныхъ путешажихъ отъ разныхъ тяжестей, начиная съ кошелька и оканчивая головой. О сихъ послѣднихъ невольно думалось мнѣ во вчерашнюю ночную поѣздку. Хотя я и не забываю, вѣроятно упомянутую мною выше гдѣ нибудь, похвальбу, что всякій консуль (а тѣмъ паче — „Московъ — Кунсуль — Эфенди“) можетъ безопасно искрестить всю Турцію, но иное дѣло — не забывать, и иное — постоянно держать въ умѣ... Когда въ цѣлый долгій переѣздъ не увидишь ни города ни села, ни кола ни двора, никакого признака укоренившейся осѣдой жизни, то поневолѣ станешь думать: значить тутъ несподручно жить добрымъ людямъ. Высоко поднявшееся солнце разлило въ воздухѣ такой жаръ, что мы чувствовали себя изможденными, прежде чѣмъ устали. По усиленной просьбѣ самыхъ слабыхъ изъ насъ, рѣшено было сдѣлать привалъ въ какомъ-то извѣстномъ ханѣ. Лыстала надежда подкрѣпить себя хотя мало сномъ, который вступалъ наконецъ неотвязно въ свои права. Впрочемъ, мѣстность начинала быть оживленнѣе, чѣмъ прослѣдованная вчера. По сторонамъ дороги, особенно къ сѣверу, ви-

дѣлись тамъ и сямъ вдали селенія. Не у кого было ѡсвѣдомиться, какъ они зовутся и кѣмъ обитаются... Я почти постоянно былъ отставши отъ каравана, догоняя его черезъ каждыя 10 минутъ, а когда равнялся съ другими, те не имѣль уже охоты пускаться въ разговоръ. Малый осадокъ досады не оставляль меня во всю дорогу. Пусть вѣсто меня авторъ „Турковъ“ увѣдомить, кого слѣдуетъ, что онъ съ дороги упримѣтилъ 4 деревни: Lozani, Ispirilik, Kestillan и Sutlu. Последнія двѣ очевидно турецкія, первая конечно болгарская, а вторая... остается сказать: смѣшаннаго характера. Наконецъ показался и желанный ханъ, именуемый по указанію тойже книги: Pripino. Когда я дотащился до него, спутники уже предавались блаженному покою, и я думалъ, что чуть сойду съ лошади, тутъ же и засну. Вышло именно то, чего не думалъ. У тѣла, видно, не меньше капризовъ, чѣмъ у души. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ перемѣнить положеніе и мѣсто, на которыя слагалась вина неудачи, я вышелъ въ чистое поле и направился къ ручью, чтобъ умыть лицо. Славная, хотя и грустная, вещь — одиночество! Гдѣ оно, тамъ цѣлый міръ незримыхъ образовъ, манящихъ душу въ свой чарующій кругъ. А этотъ кругъ есть — прошедшее. Достаточно журчащей воды и хоть клочка зелени, съ котораго можно устремить взоръ въ далекое и глубокое небо съ бѣгучимъ облачкомъ, чтобы возсоздать на мѣстѣ ихъ живую панораму другаго Майскаго дня — и свѣтлаго и чистаго и благоуханнаго, — подъ другою географическою широтою, изъ другаго періода жизни. Найдеть оно бывало, легкое, плавающее по лазури небесной, надъ самую голову, и начнетъ утончаться, мѣняться, умаляться пока и совсѣмъ исчезнетъ. Теперь сказалъ бы ему только: прощай! До свиданія въ области общаго „послѣ — бытія“¹⁾. А тогда недоставало духа раз-

¹⁾ Составлено по примѣру и подъ вліяніемъ Аристотелева: *μετά φυσικά* = Метафизика.

статься съ нимъ. За тѣмъ оно исчезло, и что съ нимъ случилось? И отчего поглотившее его небо осталось голубымъ, какъ было, а оно сіяло такою бѣлизною? Сердцу до всего была нужда. Не уму ли? Нѣтъ, слава Богу, не ему. У ума была тогда другая, такъ сказать официальная, забота, настолько механическая и настолько отвлеченная, что и занимая его, ни чуть, кажется, не тревожила. Оттого онъ и остался въ сторонѣ отъ приманокъ и увлеченій, и, по милости Божіей, до сихъ поръ не разубѣдился ни въ чемъ. Сердце же пусть пристаётъ и отстаетъ, пока совсѣмъ не устанетъ. Бѣды тутъ нѣтъ никакой... Все это мнѣ нашептывалъ мой невидимый собесѣдникъ Аристотель, съ которымъ я не расстаюсь съ минувшей ночи. Конечно, пріятно было бы, среди привходящаго, такъ сказать, занятія „облаками въ небѣ“, если бы еще разъ изъ густаго ельника, конимъ поросъ высокий берегъ громадной рѣки, куда съ такою тоскою и надеждою смотрѣло сердце иными глазами, отдѣлилась, выступила и заботливо посмотрѣла туда-сюда, кого-то ища, дорогая тѣнь милаго друга, съ которымъ условлена была загородная прогулка. Но... вѣдь есть уже два года, какъ эта самая тѣнь разбила въ прахъ все минувшее очарованіе, явившись мнѣ въ образѣ огромной тучной массы чиновника съ казенными манерами и помыслами, заваленнаго служебными дѣлами, обзаведшагося „ребятишками“, вѣрующаго въ „адмиральскій часъ“, и пр. и пр!.. Sic transit!.. Адмиральскій часъ не даромъ тутъ подвернулся. Меня выкликали изъ хана закусить или „подкрѣпиться“ на предстоящій, трех-часовой — по меньшей мѣрѣ, трудъ. — Заснули? — Спрашивали меня съ участіемъ. — Да, вздремнулъ лѣтъ на 30. — Какъ? Что? На 30!.. Но некогда было объяснять. И самъ Аристотель зналъ въ свое время хорошо, что первая задача языка ѣсть и развѣ уже десятая — говорить.

Садимся на лошадей, и ѣдемъ впередъ. Чуть замѣтно поднимаемся. Волнистость почвы продолжается. Рѣчка *Кумудѣ* съ селеніемъ

того же имени. Впереди выступает синяя громада горъ, составляющая хребтовину Балканскаго полуострова. Прятающіяся другъ за друга, вершунки ея различными цвѣтовыми отгѣнками даютъ знать, что тамъ, на общемъ возвышенномъ уровнѣ, поднятомъ тысячи на двѣ футовъ надъ поверхностію морскою, громоздятся цѣлые ряды хребтовъ и отдѣльныхъ кучевидныхъ массъ, которымъ „числа и мѣры нѣтъ“, и по которымъ намъ предстоитъ нагуляться вдоволь. Черезъ часть пути, съ одной возвышенности намъ открылась вся передняя цѣпь горъ ¹⁾, раздѣляемая отъ насъ широкою, верстъ на 10, долиною, пріятно зеленѣвшею подъ густымъ рѣющимъ слоемъ воздуха. Сквозь него ясно обрисовывалась на фіолетовомъ фонѣ уходящихъ вдаль горъ прямо къ западу какая то какъ бы выемка, напоминающая выпавшій зубъ. — Тамъ въ полугорѣ на уступѣ и выстроена *Водена*, древняя *Едесса Македонская!* — сказали намъ. Пока видѣлась одна только темная горизонтальная полоска, не предвѣщавшая ничего особеннаго, кромѣ труда подъема къ ней. Около двухъ часовъ пришлось, отъ нечего дѣлать, любоваться ею. Мало помалу все, что казалось темнымъ, стало окрашиваться въ зеленый цвѣтъ, вершунки горъ начали понижаться и скрываться, а полоска обращалась сама въ отвѣсную гору съ горизонтально обѣщаннымъ верхомъ и странными блѣсоватыми вертикальными полосами. Ихъ намъ назвали водопадами; цѣлая рѣка течетъ тамъ наверху, и, разбившись на спускѣ въ нѣсколько потоковъ, внизу опять собирается въ рѣчку, несущую свою избитую и истертую воду въ

¹⁾ Первая отъ Солуны высота зовется, судя по картамъ, *Карадагъ*, *Кариташъ*, и *Караджова*, однимъ словомъ: *Карá*, что значитъ: черный. Непріятное предисловіе къ дальнѣйшему пути. Авторъ «Турковъ» и пр., интенціозно населяя Македонскія села греками, дѣлаетъ исключеніе для этой горы, заселенной по его увѣренію ренегатами изъ Болгаръ и Влаховъ, принявшими исламъ гдѣтъ за 200 передъ этимъ. Оттого, видно, она и почернѣла! Болгары—да еще ренегаты! Черное къ черному. Смыслъ басни тотъ, что греки бы этого не сдѣлали. Но греки могли сдѣлать другое: натолкнуть тѣхъ на исламъ.

большую рѣку *Быстрицу*, называемую въ низовьяхъ *Карасмакс* и приурочиваемую къ древнему *Лудию*. Мѣстные имена: *Водена* и *Быстрица* говорятъ уже велегласно, что мы достигли настоящей земли Славянской. Вся область Воденская у мѣстныхъ жителей носить имя *Моглена*¹⁾, отъ слова *Могла* или мгла, обозначающаго физическій характеръ мѣстности, переполненной водяными испареніями. Этому обстоятельству обязана и вся пересѣкаемая нами долина своимъ зеленымъ цвѣтущимъ видомъ. Она была бы раемъ Божіимъ, если бы отъ избытка воды, не успѣвающей стекать въ далекій заливъ Солунскій, не представляла въ низовьяхъ своихъ, сплошнаго, какъ говорятъ, болота, близость котораго и составляетъ главную причину „маглы“. Мы значительно уже поднялись на подгорье Кара-дага. Въ зрительную трубу различаютъ хорошо 4 полосы водопада, движущіяся и сверкающія подъ лучами солнца. Бурливая рѣчка, подхватившая ихъ, не разъ подбѣгаетъ къ самой дорогѣ нашей. Наконецъ различаемъ ухомъ и шумъ падающей воды. Длиннымъ зигзагомъ взбираемся на послѣднюю высоту, образующую неоглядную площадь, и въѣзжаемъ почти сейчасъ же въ городъ, привѣтствуя его отъ всего сердца и какъ своего временнаго хозяина и какъ знаменосца южнаго славянства и какъ привратника, въ нѣкоторомъ родѣ, и сторожа исторической горной дороги — *Viae Egnatiae*. Минувши нѣсколько тѣсныхъ улицъ, изрытыхъ потоками обильной, какъ видно, воды, мы выѣхали на главную улицу, во всю ширину которой стремилась какъ бы цѣлая рѣка, напомнившая мнѣ въ миниатюрѣ и — скажемъ — каррикатурѣ, славную

¹⁾ Удивительная путаница на картахъ Румелии! Большею частію сѣвернѣе *Водены* печатается *Моглена* городъ. На картѣ Австрійскихъ инженеровъ *Moglena* стоитъ при рѣкѣ *Караджовѣ*. По *Киперту* *Караджова* есть гора, а *Моглена* — мѣстность къ сѣверу отъ *Водены*. На Болгарской картѣ (составленной по *Киперту*) нѣтъ ни города ни мѣстности *Моглены*.

своимъ земноводнымъ характеромъ Венецію. И тамъ, я помню, съ умилениемъ слушалъ я живую Славянскую рѣчь, бродя (въ 1852 г.) на площади Св. Марка въ густой толпѣ итальянцевъ и нѣмцевъ, и совсѣмъ не чая услышать родное слово. И здѣсь вотъ въ какія нибудь 5 минутъ проѣзда городомъ успѣлъ уже уловить слухомъ не одно слово изъ живой разговорной рѣчи, взятое какъ бы прямо изъ Евангелія. Мы остановились у высокаго и красиваго дома. Хозяиномъ его оказался нашъ спутникъ болгаринъ, провожавшій насъ отъ самаго Солуня, и упредившій насъ тутъ нѣсколькими часами. Насъ ожидали уже, такимъ образомъ. Семейство почтеннаго негоціанта встрѣтило насъ со всѣми знаками преданности, радушно и даже радостно, засыпавъ насъ привѣтствіями въ родѣ: Добре дошли! Како сте? и пр., на которыя намъ, по крайней мѣрѣ — мнѣ, неумѣющему говорить по болгарски, приходилось отвѣчать только киваніемъ головы и движеніями рукъ, замѣнявшими языкъ.

Первымъ дѣломъ нашимъ, по водвореніи въ домѣ, было заснуть, а со стороны хозяевъ угостить насъ богатымъ столомъ. Обѣдали мы одни. Мѣстный обычай требовалъ, чтобы домашніе не мѣшали гостямъ. Кушанья пригождались, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ. Нечего говорить, что недостатка не было ни въ чемъ, всего менѣе въ аппетитѣ и въ веселомъ расположеніи духа. Не смотря ни на какія выходы надъ воденскимъ виномъ, водянистость его съ каждымъ новымъ приемомъ подвергалась все большому сомнѣнію, и наконецъ признано было, что оно уступаетъ развѣ только сосѣднему Пиндскому „вяленому“ вину. Трапеза завершилась по обычаю чашкою кофе. Взглянувъ на небо, мы нашли, что еще осталось настолько вечера, чтобы успѣть сходить къ большому каскаду. Группа изъ пяти чиновныхъ лицъ русскихъ, въ Турціи, среди славянскаго населенія... можно представить, какую пищу давала глазамъ и языку горожанъ. Къ счастью, уличные потоки направили путь нашъ почти сейчасъ же за городъ.

Зрѣлище огромной массы воды, стремглавъ летящей сперва отвѣсно по скалѣ саженой на 12, а потомъ по волнистой покатности съ уступа на уступъ, конхъ насчитываютъ до 75, и величественно, и страшно, и въ высшей степени занимательно. Слабонервные изъ насъ боялись подойти къ краю пропасти. Охватывалъ вертижъ, не разъ уже и бывшій тутъ причиной гибели не осторожныхъ пытливецъ. Мы стояли на мысу, выдающемся съ боку отъ каскада, къ югу. Я держался за дерево, и при всемъ томъ часто смыкалъ вѣжды, чтобы парализовать впечатлѣніе несущейся громады водной, разсыпающейся внизу неопи- саннымъ хаосомъ пѣны, брызгъ и пѣккой непроглядной тонкой пыли или мглы. За то, съ несказаннымъ наслажденіемъ останавливался взоръ на игривыхъ кувыркахъ воды внизу по бугорчатой подошвѣ горы, то бѣлосверкающей, какъ серебро, то пестряющей густою зеленью всѣхъ оттѣнковъ отъ желтаго до багроваго цвѣта. Всѣхъ каскадовъ считается 7. Ихъ образуетъ неровная поверхность стремнины. 4 изъ нихъ большихъ, и 3 — малыхъ. Мы любовались невиданнымъ зрѣлищемъ у самаго большаго изъ нихъ. Для меня, собственно говоря, оно — не первина. Я видѣлъ нашъ миниатюрный каскадъ Уманскій и, кромѣ того, пресловутые Cascatelli—Тивольскіе, по близости Рима. Но даже послѣдніе должны уступить Воденскимъ въ величіи и, такъ сказать, въ грозѣ впечатлѣнія. Соединенія всѣхъ каскадовъ въ одну рѣку нельзя было сверху замѣтить за дальностію мѣста и неровностію почвы. Наглядѣвшись до сыта на поразительную картину безъ труда устроеннаго природою, этого *perpetuum mobile*, мы повернули назадъ, обошли полями городъ, и посидѣли при тихомъ сіяніи луны надъ естественнымъ бассейномъ тихой воды, тойже самой, которую только что видѣли ревущою и клокочущею такъ недалеко отсюда! Тутъ подъ высокими платанами устроена бесѣдка. Мѣсто вышло какъ бы луговое, со всею радующею обстановкой сельской природы, ды- шущее смысломъ и вызывающее на помысль. Смотрю въ темное зер-

кало неколышущейся воды, и думаю: на что она похожа? Отвѣтъ какъ тутъ и былъ: На славянскую исторію! Не такъ ли, въ самомъ дѣлѣ? Никто и не знаетъ, что дремлетъ напр. гдѣ-то на свѣтѣ, какъ стоячая вода, приземное племя *Антовъ, Вендовъ, Ретовъ, Гетовъ, Вандамовъ*¹⁾, *Тривалловъ* и tutti quanti... И вдругъ каскадомъ пронесется передъ глазами исторіи и исчезнетъ Богъ знаетъ гдѣ какойнибудь *Одоакръ* или *Крумъ, Самуилъ, Душанъ*... А за тѣмъ сказочная Яга-баба возьметъ да и замететъ помеломъ самомагійшій слѣдъ ихъ! Но — довольно! Нѣтъ ничего бесплоднѣе, какъ врываться набѣгомъ фантазіи въ неисходимую область исторіи, гдѣ всего много и всего не достаетъ. Уже ночью возвратились мы въ Македонскую Венецію. Изъ воображаемыхъ зеркальныхъ оконъ того или другаго „палаццо“ улицы нашей чуть доносился красноватый свѣтъ ночника. По „каналу“ кое гдѣ чернѣли, вмѣсто гондолъ, перебродившія улицу коровы... Но преимущество Водены передъ „Царицею морей“ въ томъ, что тамъ вода соленая и стоячая, а здѣсь сладкая и текучая, уносящая съ собою все, что попадетъ въ нее изъ сосѣднихъ дверей и оконъ. А что попадаетъ много, въ томъ нельзя сомнѣваться. Другое преимущество — большой русскій самоваръ, такъ привѣтливо нагѣвавшій намъ, при входѣ, свою монотонную знакомую пѣсенку.

Ночь. Еще на вопросъ: чего прикажете подать къ чаю? я отвѣчалъ (конечно, мысленно): всего лучше, книги. Теперь, когда всему другому данъ покой, естественно имъ придти въ движеніе. Прежде всего, разумѣется — Isambert. Но этотъ *Vade-mecum* всякаго, путешествующаго по Востоку, далѣе Θεσσαλονικи не простерся въ глубь Македоніи. Уже вчера онъ отказался сообщить мнѣ хоть чтонибудь

¹⁾ Европа отчуралась отъ славныхъ *Вандаловъ*, и навязала ихъ Славянской крови, Чтожъ! Спасибо и зато. Чѣмъ болѣе исторической извѣстности въ минувшемъ, тѣмъ славнѣе. Ихъ выводить de Vistula. Оно и кстати.

объ именованной Пеллѣ. На столько же нѣмъ онъ и сегодня, когда мы лицомъ къ лицу стоимъ съ другой столицей Македонской, процвѣтавшей до возвеличенія Пеллы около 500 лѣтъ. Старѣйшій послѣ Изаббера, Амѣ Водѣ Водену называетъ усыпальницей древнихъ царей Македоніи, но прибавляетъ, что онъ не могъ узнать, есть ли еще теперь слѣды гробницъ царскихъ. Nicolaidy идетъ далѣе, и ведетъ дѣло ученѣе. По нему, Водена (онъ пишетъ Vodina) занимаетъ мѣсто древней *Едессы*¹⁾ Македонской, столько извѣстной римлянамъ. А Едесса одно и тоже, по свидѣтельству историковъ, съ еще древнѣйшимъ городомъ: *Этн*, *Αἴγαι*, мн. число²⁾. Относительно же гробницъ царскихъ „хитрый грекъ“ осторожно замѣчаетъ, что между развалинами (древняго города) открываютъ слѣды погребалищъ царскихъ. Кто открываетъ, и что именно открылъ, объ этомъ конечно не спрашивать. За то книжка не скупится сообщить читателю, что одинъ древній оракулъ предсказывалъ конецъ Македонскому царству, чуть только какой нибудь изъ царей страны будетъ похороненъ внѣ Едессы. Что и случилось будто бы по смерти Александра Великаго, погребеннаго въ Египтѣ. Но правдѣ же сказать, сего вовсе не случилось. Послѣ Александра, царство его только вошло опять въ свои тѣсныя предѣлы, и существовало еще 175 лѣтъ. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ дѣло съ Едессой, она же — Эги. Которое имя котораго древнѣе и такъ сказать природнѣе, а слѣдовательно и народнѣе? Дѣло идетъ объ одной изъ древнѣйшихъ столицъ нашей Европы, и потому не надобно удивляться, что мы обращаемъ его въ вопросъ для себя. По справкѣ, оказывается слѣдующее: первый царь Македонскій *Каранъ*³⁾

¹⁾ *Εδεσσα*. Пишется и *Αἴδεσσα* — конечно съ тѣмъ, чтобы слово вышло еще болѣе по гречески, отъ *Αἶδος* — стыдъ.

²⁾ *Αἴξ*, *αἴγος* = коза. Множественное число выйдетъ впрочемъ: *αἴγες*, а не *αἴγαι*.

³⁾ Имя не греческое, а слѣд. варварское. Не отъ *каратъ* ли, равнозначительно *ка-*

(за 800 л. до Р. Х.), околавшая свое царство изъ всего, что попадалось подъ руку, намѣтилъ при этомъ и Едессу. Но, или не зная къ ней дороги, или сбившись съ пути за непогодьемъ, не могъ отыскать ея, хотя ходилъ около нея. Вышло такъ, что когда онъ стоялъ въ недоумѣннн, и не зная, на что рѣшиться, увидѣлъ не подалеку стадо козъ, бѣжавшихъ по извѣстному направленію. Царь сообразилъ, что куда имъ бѣжать (безъ пастуха!), какъ не въ загонъ, и гдѣ быть загону, какъ не въ селитвѣ людской? Затѣмъ ему оставалось уже идти слѣдомъ за козами, придти прямо къ городу. и взять его если не „съ меча“, то хотя „съ плеча“, т. е. по капризу перваго, сообщившаго о случаѣ, историка ¹⁾). Въ благодарность неожиданнымъ гидамъ, Каранъ назвалъ ихъ именемъ городъ, и увлекшись великолѣпною мѣстностію, сдѣлалъ его своею резиденціей. Обо всемъ этомъ повѣствуетъ достовѣрный, хотя и не очень древній (П вѣка по Р. Х.) историкъ. Значить, имя: *Эги* не первоначальное, а навязанное городу, уже именовавшемуся Эдессой. Чтобы выйти изъ этой магли или могины извѣстій, остается развѣ предположить, что царская кличка мѣста была такъ сказать ученая, извѣстная только педантамъ

рателю, каковымъ и слѣдовало быть царю такого отдаленнаго времени? къ сожалѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, Каранъ считается грекомъ.

¹⁾ Justinus, lib. VII. c. 1. Точно ли она называлась тогда этимъ именемъ, или только рассказчикъ, зная уже ее подъ такимъ именемъ, выразился такъ, вмѣсто того, чтобы просто звать ее «городомъ»? *Urbem Edessam — Aegaeas, populum — Aegaeas vocavit*. Больше похоже на то, что городъ уже до случая былъ извѣстенъ подъ именемъ Эдессы. По *Юстину*, не выходитъ страннымъ, что тутъ играютъ роль греческія имена и козъ и города и горожанъ. *Каранъ*, по нему, былъ грекъ (по *Плутарху* — даже изъ рода *Иракла*), пришелъ сюда съ греками, и основалъ греческое царство. Прежде его страна звалась *Эмаоіей*, а эта часть ея называлась *Боттійей*. Природные же жители были *Пеласги*, — имя, не поддающееся доселѣ никакому серьезному изслѣдованію. Въ другой области Эмаоіейской *Пзоніи* царствовалъ (современный *Троянской войнѣ*) *Пелегонъ*, по тому же автору. А съ другаго боку, прибавляетъ онъ, въ Европѣ держалъ царство нѣкто *Европъ* по имени. Нѣ любо, не слѣшай.

риторическаго и пѣтическаго закала. Народъ же зналъ его подъ другимъ именемъ. Вліяніе практическаго Рима, по паденіи монархіи Карловой, возвратило вѣроятно мѣсту его старое имя, получившее съ тѣхъ поръ оффиціальность. Но и еще разъ, ему не посчастливилось. На закатѣ Византійскаго періода, городъ вдругъ огласилъ себя подъ именемъ *Водены*, или *Воденъ* (мн. число) ¹⁾. Съ какого времени стало извѣстно это новое имя, можетъ сказать намъ, еще ненаписанная исторія Македоніи. Какое-то преданіе гласитъ, что при славянскомъ императорѣ Юстиніанѣ, обитатели Едессы, тоже славяне, жаловались царю, что городъ ихъ, лежавшій внизу на полянѣ за каскадами, терпѣлъ отъ сырости и отъ зловредныхъ испареній заточной воды, и просили позволенія переселиться на верхъ по сю сторону водопада. Императоръ будто бы имѣлъ какія-то причины несоглащаться на это. Наконецъ, сдавшись на ихъ неотступныя просьбы, издалъ вождѣльное: быть по сему. Получивъ такое позволеніе, всѣ будто бы въ восторгѣ устремились на верхъ, на теперешнее мѣсто города, крича: *на воде! на воде!*. Если прокричать безостановочно слова эти разъ пять-шесть, то сама собою выйдетъ: *Водена*. Если это не могло случиться при самодержцѣ Византійскомъ *Управдѣ* (Юстиніанѣ), не запечатлѣвшемъ своего 38 лѣтняго царствованія ни единымъ славянскимъ словомъ, пусть отведется для него позднѣйшее время какогонибудь Василя Македонянина или Константина Багрянороднаго, разумѣвшаго, какъ видно изъ сочиненій его, не мало словъ варварскихъ и неоскорблявшагося ими. Для насъ это все равно: и Юстиніанъ и Константинъ слишкомъ глубоко ушли въ историческую даль, чтобы дѣлать между ними выборъ. Патриотамъ конечно пріятнѣе, чтобы это случилось еще ниже-при Комниныхъ или Палеологахъ, а и

¹⁾ Тѣ *Воденъ* — по гречески, какъ бы: водныя или водяныя мѣста. Мѣстныя Волгаре знаютъ имя своего города въ единственномъ числѣ, женскаго рода.

того лучше, чтобы вовсе не случилось, а просто новое имя города произошло от новогреческаго слова: βῶδι, βοῦδιον (по древнему βοῦς) = быкъ. Къ какой метаморфозѣ подавало бы поводъ и прежнее его переименованіе въ *Эги*. Если Едессѣ не стыдно (αἰδώς) было носить имя „козы“, то и прямо честно было украситься именемъ „быка“. При такомъ толкованіи слова, эллинокое преданіе благополучно остается нерушимымъ, и теперешніе жители города и всей *Мелиты* представляются естественно обугарившимися греками. О „водѣ“ нѣтъ больше помину. Все становится на свое мѣсто.. Склоняясь, по принципу, на сторону одной исторіи, не зависимо отъ эллиинства и славянства, мы нудимся замѣтить, что къ сожалѣнію фактъ переселенія Едессянъ съ водъ *наводы* имѣетъ не болѣе основаній, чѣмъ и покореніе Едессы козами при царѣ Каранѣ. Какъ тотъ могъ назвать городъ по имени козъ греческимъ словомъ Эги только въ головѣ грека-патріота-педанта, такъ императоръ Юстиніанъ могъ дать позволеніе селиться Едесситамъ *на водѣ*, только въ пламенномъ воображеніи болгарина-родолюбца-поэта.

Чѣмъ же сдѣлала себя извѣстною въ исторіи *Эга-Едесса-Водена*? Древнѣйшіе историки *Иродотъ* и *Фукидидъ* или не знали ея вовсе, или не имѣли случая заговорить о ней. Всесвѣтный Иракль не добрался до нея. Аргонавты еще менѣе могли доплыть до нея. Троянскую войну она уже не застала въ живыхъ, ни самаго воспѣвателя ея. Не было такимъ образомъ ей случая прославиться въ древнѣйшій періодъ Греческой исторіи. Остается голословно утверждать, что, какъ столица довольно обширнаго, по тогдашнимъ понятіямъ, царства, она конечно сіяла своими дѣлами изъ окружавшаго ее мрака на столько, что какой-то оракуль счелъ умѣстнымъ пророчествовать о ней. Печальный для нея фактъ — развѣнчанія изъ столицы въ простой городъ — мы можемъ объяснить только начавшимся (въ періодъ греческихъ междоусобныхъ войнъ, въ которыя выѣшались и Македон-

скіе монархі) усиленіємъ Эллинизма, которому она, надобно думать, не сочувствовала. Съ окончательнымъ паденіемъ Македонскаго царства (за 140 лѣтъ до Р. Х.), обратившагося въ Римскую провинцію, и она и Пелла уступили свое мѣсто Фессалоникѣ и погрузились въ неизвѣстность. Переходъ ея изъ язычества въ христіанство остался такимъ образомъ незамѣченнымъ. Находясь, впрочемъ, на большой дорогѣ римлянъ¹⁾, отъ Адриатики къ Эгейскому морю и далѣе на Востокъ, она не могла быть въ сторонѣ отъ общаго движенія политической жизни великой республики и величайшей имперіи, и видѣла не мало, конечно, иноземныхъ воителей, двигавшихся съ запада на востокъ, и обратно, по пробитой стѣжкѣ. Но некому было разсказать о томъ. Только въ періодъ Готскихъ набѣговъ на край, всплыло, какъ бы мимоходомъ, изъ глубинъ мрака на свѣтъ божій имя Эдессы Македонской. Это было въ концѣ V столѣтія по Р. Х. Имперія отбивалась тогда отъ двухъ разовъ *Теодориковъ*, одного *Валамирова*, а другаго *Триаріова* сына, — обоихъ, состоявшихъ на службѣ у нея, и разорявшихъ ее со всею жестокостію пришедшей отихи, которой нечего жалѣть, ибо нечего терять. Едесса была тогда, какъ надобно думать, нѣчто въ родѣ нынѣшней корпусной квартиры императорской арміи. Упоминаются у историковъ притомъ имена генераловъ *Сабиніана*, *Филоксена* и *Отулуба* (очевидно готца) и еще одного высшего сановника *Адаманція*, какъ бы императорскаго намѣстника, заведывавшаго всѣмъ Иллирикомъ и временно тутъ жившаго. Видно такимъ образомъ, что Едесса была тогда значительнымъ, и вѣроятно укрѣпленнымъ мѣстомъ. Такою мы дѣйствительно и находимъ ее въ позднѣйшій сравнительно періодъ времени Болгарскихъ и Сербскихъ набѣговъ на край съ X по XV вѣкъ. Городъ былъ обнесень стѣнами и

¹⁾ Столько извѣстная *Via Egnatia*, еще Страбону извѣстная подъ этимъ именемъ: *Εγνατία οδός*.

особенно сильно укрѣпленъ ими *Василемъ II Болгаробойцемъ*, во время войны его съ *Самуиломъ*. Имѣя въ Солунѣ точку опоры своихъ военныхъ дѣйствій, императоръ то и дѣло выгонялъ изъ ближайшихъ предѣловъ своего царства вторгавшихся въ него славянь, пользовавшихся конечно тѣмъ обстоятельствомъ, что почти подъ самимъ уже Солуномъ были славянскія поселенія. Гдѣ именно и какія они были, конечно нѣтъ никакой возможности опредѣлить теперь ¹⁾. Представлять совершенно славянскою тогдашнюю *Водену* нѣтъ достаточнаго основанія; греческимъ еще не вѣе могъ быть городъ уже по одному недостатку этой отикин для внутреннихъ мѣстъ *Македоніи*. Какъ бы то ни было, въ началѣ текущаго тысячелѣтія *Вденса* — *Водена* принадлежала державѣ *Самуила*, простиравшейся отъ *Валканъ* до самаго (по мѣстамъ конечно) „*Вѣлаго моря*“, или *Архипелага*, разъ была отнята у него, и снова перешла къ нему. По смерти грознаго „бича имперіи“ (въ 1014 г.), императоръ поспѣшилъ завладѣть ею; вмѣстѣ съ другими городами, въ 1015 г. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцовъ, какъ городъ побунтовался. Императоръ (все еще *Василій II*) снова явился подъ стѣнами его; и вторично взявъ его, выселивъ бунтовщиковъ (вѣроятно, въ своемъ родѣ „*злотовъ*“) въ тотъ же округъ *Волеръ*, куда и въ 1001 г. сбѣжалъ *Воденцевъ*. Конецъ 1017 года неутѣшимый царь — воитель провелъ адѣсь, отдыхая отъ многолѣтнихъ непрерывныхъ войнъ. *Иде* мы встрѣтимся съ нимъ на пути своемъ вѣроятно не одинъ разъ.

¹⁾ Пройдетъ, вѣроятно, еще не одинъ десятокъ лѣтъ, пока счастливые потомки наши будутъ ясно представлять себѣ исторію и географію *Иллирика* среднихъ вѣковъ за каждое наприѣръ столѣтіе или хотя по известнымъ періодамъ. Теперь куда ни посмотришь, всюду не проглядный мракъ или дикая до невозможности историческая перспектива. Хорошо бы представлять, что разные края освобождали только отъ грековъ свои древне-славянскія земли, восстанавливая свои нарушаемыя границы, проходившія тамъ-то и тамъ-то. Но — такъ ли было?

Лѣтъ на 200 затѣмъ исторія теряетъ изъ вида древнюю столицу царей Македонскихъ. По разрушеніи эфемерной имперіи Солунской, яко-императоръ *Теодоръ* (Комнинъ-Ангель), получилъ какъ мы уже упомянули, отъ императора *Іоанна II Ватаца* въ удѣлъ себѣ на прокормленіе городъ Водену съ ближайшими окрестностями. Чего бы лучше слѣдному старику доживать свой вѣкъ тутъ на положеніи, все еще какъ бы независимаго, государя. Но безпощадный духъ человѣка не далъ ему сидѣть спокойно и другихъ оставить въ покоѣ. Онъ поднялъ племянника своего, Деспота Эпирскаго *Михаила* противъ великодушнаго императора. Іоаннъ не замедлилъ прибыть съ войскомъ въ Солунь, и оттуда двинулся сперва на дяду, чтобы добраться потомъ и до племянника. Теодоръ, чуть почувалъ невзгоду, бѣжалъ въ Эпиръ. Императоръ осадилъ Водену, и принудилъ сдаться. Намъ кажется страннымъ, зачѣмъ тутъ было произойти осадѣ. Ужели городъ могъ быть приверженъ къ своему слѣдному, старому, и силою навязанному, властителю? Не знаемъ, не было ли это дѣломъ какой нибудь факціи „родолюбцевъ“ въ городѣ, для которой и самая тѣнь самостоятельности политической была дорога, въ виду всепоглощающаго византизма, котораго естественнымъ представителемъ былъ императоръ. Іоаннъ Милостивый конечно не сдѣлалъ ничего худаго городу, и, полюбовавшись на его рѣдкую красоту природную, отправился далѣе въ путь свой, куда и ми, Богъ дастъ, поѣдемъ завтра, — возвративъ Едесеу вновь сколачиваемой его крѣпкою рукою имперіи Комнинскихъ. Палеологи застали положеніе дѣлъ въ мѣстахъ этихъ лучшимъ, чѣмъ можно было ожидать. Ни Болгарь ни франковъ ни разныхъ собственныхъ мятежниковъ имъ не нужно было, такъ сказать ежедневно, выгонять изъ имперіи. Если не самымъ дѣломъ, то именемъ они владѣли сплошь Иллирикомъ, или, говоря по теперешнему, Балканскимъ полуостровомъ, отъ моря до моря. Но за то имъ

предстояла борьба отвнѣ съ сербами и турками, а извнутри съ наемными войсками. На бѣду еще приключилось совсѣмъ неожиданное междоусобіе между императорами дѣдомъ и внукомъ, а потомъ-тестемъ и зятемъ. Затинивъ Водена билась также судорожно въ это предсмертное время, какъ и вся издыхавшая держава. Константиновъ и Августовъ, не зная, гдѣ ея друзья, и гдѣ враги, — что ей должно, и чего не слѣдуетъ, дѣлать, — въ чемъ ея польза и въ чемъ погибель, и т. д. Въ 1328 году напр. она знала и признавала, что законный государь у нея есть *Андроникъ*, сынъ Михаила, Палеологъ, лѣтъ 50 уже носящій императорскій вѣнецъ. А между тѣмъ подъ стѣнами ея является съ войскомъ императоръ совсѣмъ юный, хотя тоже Палеологъ и тоже Андроникъ Михайловичъ, но горожанамъ говорить, что это мятежникъ. Что было дѣлать? Городъ не замедлил сдаться тому, кто стоялъ у дверей. Примѣръ этотъ соблазнилъ другаго юнаго вѣнценосца. Съ тѣми же завоевательными мыслями, невдолгъ послѣ того, подступилъ къ городу король Трибалловъ. Но онъ не былъ изъ рода Ираклидовъ, и никакая Пивія не сказала ему, что „козы доставятъ ему царство“. Оттого ему пришлось осаждать древнія *Зем* 16 лѣтъ ¹⁾! За мѣсто козъ ввели его наконецъ въ городъ деньги. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ современный историкъ-императоръ Іоаннъ Кантакузинъ. Этотъ самый историкъ, чуть забралъ въ руки свои бразды правленія, поспѣшилъ на выручку осажденнаго города. Но, прибывъ сюда въ 1342 г., нашелъ, что городъ уже сдался королю (Душану). Прошло 8 лѣтъ сербскаго владычества въ краѣ, тотъ же императоръ снова явился у Водены съ цѣлю отнять ее у короля. Жи-

¹⁾ Такъ хвалялись потомъ сами Воденцы. Но дѣло представляется сомнительнымъ, — тѣмъ болѣе, что и времени не хватаетъ для сего. Взятіе города королемъ могло послѣдовать только ранѣе 1342 года. А отъ 1328 г. — времени Андрониковой осады до 1342 года не прошло 16 лѣтъ.

тели замерлись въ своихъ крѣпкихъ стѣнахъ. Началась еще разъ осада. Эвзене со стѣнъ городскихъ смѣялись въ глаза выскочкѣ, котораго въ 1328 г. знали простымъ придворнымъ чиновникомъ и считали вовсе неспособнымъ къ военному дѣлу. Однакоже ошиблись жестоко. Кантакузинъ ваялъ городъ приступомъ, прибѣгнувъ къ очень простой стратагемѣ, а именно одѣлавъ фальшивую атаку на городъ со стороны озера (?), куда естественно устремились защитники города, и въ тоже время наперши на него всѣми остальными силами съ другой стороны ¹⁾. Успѣхъ былъ полный. Оставивъ 200 человекъ гарнизона въ Воденской крѣпости, бывший Великій Доместикъ проставилъ жителямъ ихъ насмѣшки надъ нимъ, и пошелъ отвоевывать у Трибалловъ другіе греческіе города. Но чуть онъ кончилъ походъ и возвратился въ Константинополь триумфаторомъ, краль какъ тутъ и былъ, — опять явился подъ стѣнами Водены. Городъ взять былъ предательствомъ. Жители дали знать „варварамъ“, что есть мѣсто, откуда они могутъ лѣзть прямо на стѣны, не встрѣтивши сопротивленія. Осаждающіе приставили лѣстницы, взобрались на верхъ, и сейчасъ же стали сбрасывать камни, дѣлая такимъ образомъ мостъ для всего войска и даже для конницы. Душѣ — человекъ, въ упреки дешевой шобѣдою, отдалъ городъ на разграбленіе солдатамъ, которые ломали и жгли дома, забирая и унося съ собою все, что можно, жителей же пустили голыхъ ²⁾ искать спасенія въ сосѣднихъ городкахъ, какъ-то

¹⁾ Изъ описанія дѣла (Кавт. III. 129) оговаривается, что городъ на цѣловину окруженъ былъ оверомъ, и на половину обнесенъ крѣпчайшими стѣнами, на которыя осаждавшіе набирались по лѣстницамъ. Императоръ обѣщалъ первому, кто взойдетъ на стѣну, дать въ награду 4 мины (фунта?) золота, второму — 3, третьему — 2. Повать нельзя, разве в гдѣ тутъ можетъ быть озеро. Развѣ предположить, что воевода былъ когда нибудь запруживаемъ.

²⁾ γυμνοὺς.. невѣроятно, чтобы употреблено было въ смыслѣ: обнаженныхъ. Вѣроятнѣе подъ этими разумѣлись только: лишеныя имущества, ограбленные.

Verrius и др. А дѣло было въ началѣ января, и стояла жесткая зима. Крале удалился въ свою резиденцію *Сконию* или *Сконю*, оставивъ здѣсь въ крѣпости свой гарнизонъ. Но это былъ уже послѣдній самодуръ — завоеватель славянскій. Вскорѣ и крали пали и императоры исчезли. Обоихъ соперниковъ — единовѣрцевъ стерь съ лица земли невѣрный далекий пришлецъ, не малое время игравшій роль союзника то той то другой притѣвленной стороны. Прямыхъ извѣстій о покореніи города турками мы не имѣемъ. Но несомнѣнно это послѣдовало при *Амурате II*, въ горестномъ 1430 году. Кто были его предпоследними владѣтелями, тоже не можемъ сказать по недостатку подъ рукою необходимыхъ свѣдѣній. Вѣрно, что не славяне, а или греки или Венеціане, которымъ онъ вроданъ былъ вмѣстѣ со всею Македоніею... О, Александръ! Гдѣ ты, чтобъ видѣть такой позоръ, нанесенный рукою грека мѣсту южнѣе сколькихъ твоихъ предковъ!

Новые завоеватели конечно постарались прежде всего лишить городъ значенія крѣпости, и срыли его стѣны. Теперь большою частію надобно искать ихъ, роаясь въ землѣ. Въ теченіе 400 лѣтняго забытаго существованія его подъ игомъ турецкимъ успѣло истребиться и тоже забыться все, что могло напоминать и царей и кралей. Какъ просуществовали во все это время 20—25 поколѣній *Едеситовъ* или *Воденитовъ*? Много ли было и осталось древнихъ родовъ? Какая кровь текла въ нихъ? Сколько огречилось славянскихъ и ославянилось греческихъ, потурчилось тѣхъ и другихъ? Все это — въ полномъ смыслѣ истертой фразы — покрыто мракомъ неизвѣстности. За обѣдомъ мы было отнеслись съ какимъ-то въ подобномъ родѣ вопросомъ къ своему Науму Евангелиновичу. Въ отвѣтъ, онъ только рукой махнулъ, что значило: ищи вѣтра въ полѣ! Теперь въ городѣ, по Булье — 12.000 жителей, по Николаиди — 10.000, изъ коихъ половина — греки, по Буе —

7—8000 жителей, наибольшую частью — Болгаре, Греки и Цинцары (а турки?), по сегодняшнему сказанію одного „родолюбца“ — ни одного *настоящаго* грека, одни Българе да турци. А владыка? Спросили мы у послѣдняго сего источника статистики. — Кой-то владыка? Отвѣчалъ онъ. То есть турокъ, а не грекъ.

Эдесса Македонская. 20 Мая 1865.

Если къ 1865 присовокупить 796 лѣтъ отъ начала Греческой династіи царей Македонскихъ, и нѣсколькими годами менѣе — отъ исторіи съ козами, то Водена можетъ насчитывать около 2650 лѣтъ своего непрерывнаго существованія. Чего нужно еще, чтобы мѣсту считать себя именитымъ? А такъ какъ годомъ появленія въ исторіи царства Македонскаго вообще признають 1392-й до Р. Х., и такъ какъ по смыслу словъ Пифии, козы имѣли доставить *царство* Карану, а тѣ ничего другаго не сдѣлали, какъ довели Ираклида до Едессы, то и слѣдуетъ заключить, что городъ и до нашествія греческаго былъ уже царственнымъ. Такимъ образомъ мы, безъ большаго историческаго грѣха, можемъ насчитать *три тысячи* лѣтъ бытія его. Гдѣ еще найти въ предѣлахъ Европы такую древность? Съ нетерпѣніемъ, потому, ожидалъ я часа назначеннаго еще вчера вечеромъ, для обзорѣнія достопримѣчательностей города. Положено было встать пораньше, чтобы еще холодкомъ обойти двѣ-три церкви, двѣ-три школы, и — ничего больше! Въ переводѣ на практическій языкъ наше: „пораньше“ означало 9 часовъ. Прежде всего мы направились въ Митрополию, по нашему: Каедральный Соборъ. Нашли ее и недавнюю и некрасивую и неубранною. Все въ ней такъ сказать въ казенномъ стилѣ, да еще и въ практическомъ греческомъ смыслѣ, т. е. удовлетворяетъ нуждѣ... что же еще болѣе? За недостаткомъ другаго чего, мы обратили вниманіе на школы, имѣвшія довольно старинный видъ. Подъ иконою

всѣхъ Святыхъ я прочелъ слѣдующую замѣтку по гречески: *посты- шествомъ Блаженнѣйшаго Архієпископа Ахридскаго, прежде бывшаго господина председателя Воденъ, господина Германа и издержками бого- любивѣйшаго...*¹⁾ и пр. Я поздравилъ себя, встрѣтившись такъ скоро съ увѣковѣченнымъ надписью славянскимъ „Блаженствомъ“, о кото- ромъ уже давно помышляютъ и вздыхаютъ „родолюбцы“, какъ на- сильно отнятомъ у нихъ. Слова: великій, высокій, свѣтлый, ясный, сіяющій и пр. сами бросаются въ глаза и такъ сказать напраши- ваются на то, чтобы войти въ титулъ выдающагося изъ ряда чело- вѣка. Но греческое *блаженство* и турецкое *благодарение* какимъ гла- зомъ усмотрѣть и какимъ мѣриломъ измѣрить? Апостоль назвалъ *бла- женнымъ* Бога, и — справедливо. Господь Иисусъ Христосъ ублажилъ Петра, а потомъ всѣхъ, видѣвшихъ Его на землѣ, а потомъ и всѣхъ, не видѣвшихъ, и вѣровавшихъ въ него, но очевидно не въ смыслѣ отличительной чести или славы. Какъ вышли въ церкви нашей „бла- женнѣйшіе“ патриархи, доискаться трудно, но несомнѣнно, что ихъ блаженство — не отъ міра сего, выражаетъ собою не мірское счастье какое бы то нибыло, а скорѣе ту степень богоугожденія, которая до- ставитъ челоуѣку вѣчное блаженство. Въ этомъ смыслѣ титульное „блаженство“ равнозначительно „святости“, которая по духу церкви можетъ и даже непременно должна быть отличіемъ духовнаго лица, а тѣмъ паче — сановника. Въ соответствіе этимъ понятіямъ о свято- сти всего, посвятившаго себя Богу, искони вошло въ обычай досто- чимой древности оставлять за іереями Бога Вышняго титуло *святыхъ*, и поелику архіереевъ приходилось уже тогда чтить именемъ *Святѣй- шихъ*, то что оставалось придать владыкѣ владыкъ, т. е. патриарху

¹⁾ Διά συνδρομῆς τοῦ Μαχαριστάτου Ἀρχιεπισκόπου Ἀχριδῶν, πρώην κ προέδρου Βοδενῶν Κυρ. Γερμανοῦ. и пр. «Предсѣдатель» равносильно Архіерееу. Митрополитъ острова *Картаво* и теперь официально зовется предсѣдателемъ.

или какъ бы архіерарху? Придумали титулъ *Вссвятѣйшаго!* Не много ли? Но по крайней мѣрѣ тутъ дѣло идетъ послѣдовательно. А какъ вышли „блаженнѣйшіе“, когда нѣтъ просто „блаженныхъ“?.. При всемъ томъ, неосмысленное слово стало знаменіемъ идеи, да еще какой! Готовой возмутить покой всей церкви. Но... довольно о немъ. Итакъ Его Ахридское (отчего не Болгарское?) Блаженство поусердствовалъ въ свой прежній епархіальный городъ пожертвовать св. икону, и закрѣпилъ свой даръ подписью. Хорошее дѣло. Но, отчего бы замѣтѣ не выйти по славянски? Съ вопросомъ этимъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, обращаются въ настоящее время къ Константинополю милліоны Славянъ, въ числѣ ихъ конечно и Воденская епархія. Отвѣтъ ищется то въ соборныхъ правилахъ, то въ Императорскихъ декретахъ, и тѣхъ и другихъ — не имѣвшихъ въ виду настоящаго положенія вещей, въ исторіи, въ археологіи, даже въ этимологіи, во всемъ, кромѣ логики и статистики, наконецъ, за неимѣніемъ другаго чего, въ папскомъ: *pop romainum*. Другая подобная замѣтка, описанная мною въ Соборѣ, тоже греческая, гласитъ: *Μολение раба Βασιλια Ангелы, господина Велеположника 1-й Юстиніана и всей Булгаріи. Года 7127 (1619), Индиктіона 2-го.*¹⁾ Это значить, что *Ан-*

¹⁾ Δέσις τοῦ δούλου τοῦ Θυ Ἀγγελά κήρ. μεγαλοδέτα τῆς ἀγ. Ἰουστινιανῆς Κ-πάσης Βουλγαρίας. ἔτους ζρϛζ. ἰνδ. Β. — διμος. Малограмотность надписи обличаетъ, по нашему мнѣнію, въ писецъ славянина. Слово: Μεγαλοδέτης намъ не встрѣчалось прежде этого нигдѣ. Вмѣсто ἀγ. Ἰουστινιανῆς очевидно должно стоять: ἀ—ς Ἰουστινιανῆς. ибо: ἀγ. могло быть только сокращеніемъ слова: ἀγίας, т. е. *св. святой*, что къ собственному имени города Юстиніана нейдетъ никоимъ образомъ. Значокъ же ἀ—ς замѣняетъ слово: πρώτης—*первой*, каковою и слыла Илирійская Юстиніана въ отличіе отъ Кипрской, называвшейся второю. — Слово κήρ., очевидно усѣченное, если считать искаженіемъ весьма употребительнаго: κύρ. (вмѣсто: κύριος), и переводить словомъ: *господинъ*, то ему не мѣсто стоять послѣ собственнаго имени Ангелы! Совсѣмъ не слыханное имя: Ἀγγελάς наводитъ насъ на мысль, не нужно ли читать вмѣсто: κήρ, κης, что, въ соединеніи съ предыдущимъ словомъ. составить имя: Ἀγγελάκης, уменьшительно отъ: Ἀγγελος. Последнее слово надписи,

мега пожертвовалъ въ церковь, или точнѣе — самъ заказалъ сдѣлать для церкви вещь, посвящую на себѣ заштѣку. Что за чинъ или должность: *Мегаловеть*, объ этомъ можно догадываться, сравнивши его съ званіемъ *Великаго Логовета*, существующимъ до нашего времени при Вселенскомъ Патріархѣ. Вѣроятно автокефальная церковь Болгарская старалась копировать, насколько могла, Великую церковь, и завела у себя тоже Великаго Логовета, но или не смѣла или не смужѣла назвать его этимъ самымъ именемъ. Оттого и вышелъ тутъ Мегаловеть, если только это не есть описка дѣлавшаго заштѣку. Есть еще большая икона Богоматери зовомая: „Милующая“ (*ἠλεούσα*), принявшая, какъ утверждаетъ мѣстное преданіе, изъ монастыря Панагін. Есть и совсѣмъ новая икона Св. Георгія Янинскаго, замученнаго уже въ наши времена. Наконецъ Архимедово: „Эврика“ повторилось и у насъ. Спутникъ мой откопалъ гдѣ то славянское письмо въ стѣнной иконописи. Въ алтарѣ надъ жертвенникомъ есть фресковыя изображенія Святыхъ первомученика Стефана и Романа Оладкопѣвца. Оба изображены діаконами. На орарѣ перваго написано отвѣсно нѣсколько разъ: *сѣа*. За то на Романовомъ орарѣ читается тоже слово, но по гречески: *ΑΓΙΟΣ*. Къ сожалѣнію, изображенія эти не представляются достаточно древними, чтобы бѣжать съ ними и кричать о славянствѣ древней Едессы. Вышедъ изъ храма, мы еще полюбовались въ притворѣ стѣннымъ изображеніемъ „лѣствицы, ведущей на небо“ и „Лица Святыхъ“. По сосѣдству мы посѣтили палаты Владычни. Впрочемъ, такъ какъ самъ хозяинъ былъ въ отлучкѣ по епархіи, то компанія наша ограничила визитъ своей побывкою въ саду его на мѣстѣ, откуда видится во всемъ величїи сосѣдній водопадъ. Я же предпочелъ этому прїятному зрѣлищу копированіе одной древней греческой надписи или

если не есть искаженное: *δῆμος* (которому впрочемъ нѣтъ никакой стати быть тутъ), то мы не знаемъ, что такое.

точнѣе записи на мраморной плитѣ (90 + 70 фр. метра), вставленной въ стѣну надъ самымъ входомъ въ архіерейскій домъ. Она содержала слѣдующее: *Благополучіе! Года 328. Списокъ эфивовъ, эфивствовавшихъ при Лисимахѣ Савдиановѣ (сынѣ), эфивархѣ. По опредѣленію Совѣта. Клавдій Сергій До... ковъ. Комитъ Александръ и Юлій Маркѣйны. Улпій, Домицій, Эмидиѳоръ, Эстикіонъ Македониковъ. Амнитъ, Александръ Пана... дровцевъ. Зониръ Валеріевъ. Эсперъ Семелинъ. Судисъ (?) Каллисиппъ и Филоменъ. Саторнилъ Идеинъ. Филитъ Фаріоновъ. Феликсъ Никомидовъ. Парамонъ и Юлій и Акѣла Юліевы. Гайъ и Парамонъ Гайевы. Юліанъ Асклиппъ¹⁾. Дѣло идетъ о кон-*

¹⁾ Надпись состоитъ изъ 17 строкъ хорошаго древняго письма. Первые 5 строкъ начертаны болѣе крупными и рѣже разставленными буквами. Въ нихъ сѣмѣтъ начертаніе **С** и разъ даже **Σ**, тогда какъ въ остальномъ мелкомъ письмѣ, вездѣ пишется позднѣйшимъ **С**. Вся надпись читается такъ: Ἀγαθὴ τύχη. Ἐτους ΗΚΤ. Ἀπογραφὴ Ἐφηβῶν, τῶν ἐφηβεύσαντων ὑπὸ Λυσίμαχον Ἐφηβαρχον. κατὰ τὸ δόγμα τῆς Βουλῆς. Κλαύδιος Σεργῆνος. Δο. κου Κοῖντος Ἀλέξανδρος καὶ (?) Μαρκίας Οὐλπίος Δομίτιος Ἐλπιδηφόρος Εὐτυχίων Μακεδονίχου. Ἀνίχιτος Ἀλέξανδρος Παπα... δρωβουὸς Ζώπυρος Οὐαλερίου Ἐσπερος Σοῦδης Καλλίσιππης καὶ(1) Φιλόμενος Σατορνίλος Ἠδέας Φίλητος Φαρίωνος Φήλιξ Νικομηίδου Παραμόνος καὶ Ἰούλιο (ς) καὶ Ἀχῦλας οἱ Ἰουλίου Γάϊος καὶ Παραμόνος οἱ Γαῖου Ἰουλιανὸς Ἀσκληπῆ. Привѣтствіе, если и ближе перевести къ подлиннику дательнымъ или творительнымъ падежемъ, все не передаетъ вполне заключающейся въ немъ мысли. Это похоже на наше: «добро пожаловать». Нескладно и невыразительно, а понимается хорошо. Ἐφηβοςъ придаетъ возрасту, когда у человѣка начинаетъ пробиваться усъ. Вѣроятно, періодъ этотъ полагался предѣломъ школьнаго обученія, и οἱ Ἐφηβεύσαντεςъ были по нашему: «кончившіе курсъ». Перечень ихъ какому порядку слѣдуетъ, угадать трудно. Видно впрочемъ, что неразрядному, т. е. не по степени успѣховъ. Ибо дѣти одного отца ставятся всѣ вмѣстѣ, какъ будто бы они оказали всѣ одинаковыя успѣхи. При собственныхъ именахъ эфивовъ стоятъ къ переписи и имена отца (или матери) каждаго изъ нихъ. Такихъ пояснительныхъ именъ мужскихъ 9 и женскихъ 4. Имя отца первыхъ двухъ *Клавдія* и *Сергія* не читается ясно. Слово: до. κου. не представляется испорченнымъ, а между тѣмъ не даетъ угадать, какое бы это было имя. Особенность, что слово это пунктировано по слогамъ, какъ бы наводитъ на мысль, не надобно ли тутъ видѣть столько обычной въ римскихъ надписяхъ аббревіаціи собственныхъ именъ, и не есть ли слогаъ κου начало имени ΚΟΥΡΤΙΟΣ — Curtius? Историческая наука знаетъ имя одного историка *Комита Курція*, писавшаго жизнь Алек-

чившихъ гимназическій курсъ. Столько ли ихъ было, и такъ ли нами прочитаны и разставлены имена ихъ—судить не беремся. Это одинъ изъ несчетныхъ примѣровъ, засвидѣтельствованныхъ дошедшими до насъ памятниками, что выпускъ эфивовъ считался на столько важнымъ обстоятельствомъ, что по опредѣленію совѣта (парламента?) заносился на мраморъ для памяти потомства. Годъ 328-й конечно долженъ быть считаемъ по эрѣ Александровой, называемой еще иначе — Селевкидовой, Македонскою и — просто Греческою. Онъ будетъ соответствовать 16-му году по Р. X.

Отъ митрополіи мы направились къ другой церкви *Св. Іоанна Богослова*, влекомые туда слухомъ о находящейся въ ней надписи времени тоже языческихъ. Церковь очень небольшая и совсѣмъ невзрачная, построена въ 7147 (1639) году, а возобновлена въ 1863-мъ. Надъ входными дверями ея вставлена со внѣ древняя мраморная плита съ рельефнымъ изображеніемъ креста и по сторонамъ его буквъ: α и ω, которую можно относить къ V—X вѣкамъ. Въ самой церкви въ стѣнѣ на лѣво есть маленькая ниша съ мраморною плитою въ глубинѣ

саидра Великаго, но кромѣ имени ничего болѣе не извѣстно о немъ. Полагаютъ знатоки дѣла, что онъ жилъ въ 1-мъ христіанскомъ столѣтіи. Вотъ и все, чѣмъ ограничивается кругъ свѣдѣній о немъ. Не онъ ли самый эфивствовалъ въ Македоніи въ началѣ 1-го столѣтія, и внесенъ въ нашу надпись третьимъ, съ собственнымъ именемъ *Κυ(ρι)α Κοιμητα*. Другое темное, и явно попорченное мѣсто въ надписи при словахъ: *παπα... δρωβουο*. Въ промежуткѣ между α и δ могутъ помѣститься три буквы и никакъ не менѣе двухъ. Какія онѣ имѣнно, рѣшить не легко. Похоже какъ бы на то, что *παπα* есть родительный падежъ извѣстнаго и изъ нашихъ Святцевъ (16 Марта), подобнаго имени, а слѣдующее за нимъ имя начиналось или съ αν или съ φα: или еще иначе какъ. Въмѣсто винительнаго падежа "Естеровъ, конечно слѣдовало стоять именительному: "Εστερος. Σουδις—ни греческое ни латинское имя. Другаго чтенія нѣтъ основанія допустить, потому что и предыдущее *Σεμιλης* и слѣдующее *Καλλιςτης* отлично стоятъ каждое на своемъ мѣстѣ. Дважды употребленный (во мн. числѣ) опредѣлительный членъ οί заставляетъ и въ ι (передъ *Μαρχίας*) предполагать его же. А это будетъ вести къ заключенію, что уже въ I вѣкѣ по Р. X. οі произносилось за ι, а равно и ε (Εἰνύλιος), тоже за ι.

ея и надписью въ четыре строки, гласящею: *Менандръ Парменионовъ. Аннива... Мевонадовъ. Мевонадъ Менандровъ. Ирояжъ* ¹⁾, т. е. „возложили“ или по нашему посвятили. Года нѣтъ, но характеръ буквъ заставляеть считать надпись древнѣйшею предыдущей, укороченная форма буквы π (Π) отдвигаетъ ее въ 3-й а даже 4-й вѣкъ до Р. Х., если не послужить возраженіемъ противъ сего собственное имя *Аннивы*, т. е. Аннибала, знаменитое имя котораго вошло въ извѣстность на Востокъ только въ началѣ 2-го столѣтія до Р. Х. Больше нечего было видѣть въ церкви *Богослова*. Какъ бы въ соотвѣтствіе этимъ, единственнымъ въ Воденскихъ храмахъ, письменнымъ памятникамъ древности, говорящимъ о греческомъ прошедшемъ города, другой языкъ и не слышится въ нихъ до настоящаго времени кромѣ греческаго, не смотря на то, что почти всѣ, собирающіеся на молитву, суть болгаре, въ большинствѣ не понимающіе по гречески. Спрашивать: зачѣмъ и отчего. это такъ дѣлается, значить — толочь воду. Отъ церкви мы перешли въ школу, тутъ же не подалеку находящуюся. Ради незнаю какого случая ученія не было. Тотъ же духъ исключительности вѣетъ и въ школахъ Водены, какой господствуетъ въ церквахъ Едессы. Все преподаваніе въ нихъ идетъ по гречески. Алфавитарій у всѣхъ на языкѣ, объ азбукѣ помину нѣтъ. Кто бы осмѣлился подумать, а особенно заговорить о ней, тотъ рискнулъ бы попасть на замѣчаніе сперва у владыки, а потомъ и у мудира, а затѣмъ и у паши областного и далѣе, гдѣ слѣдуетъ... Извѣстный Болгарскій патриотъ и школьный учитель *Горданъ* за подобные незаконные и

¹⁾ Μένανδρος Παρμενίωνος. Ἀννίβα(ς) Μειωνάδου. Μειωνάδης Μενάνδρου. "Ирояжъ. Посвятители повидимому были родственники. Всѣмъ ли героямъ древности посвящался камень или только мѣстнымъ какимъ нибудь, неизвѣстно. Обѣ надписи могли быть доставлены въ Водену и извнѣ, но вѣроятно, что суть памятники древней жизни самой Едессы.

мятежническіе помыслы не такъ давно попалъ въ тюрьму, и хорошо, что отдѣлался одною ссылкой въ Діарбекиръ, гдѣ и до сихъ поръ бѣдственно проводить дни свои, тужа, какъ слышно, всего болѣе о томъ, что сидитъ праздно безъ дѣла, тогда какъ могъ бы десятки и сотни своихъ единокровцевъ научить читать и писать. И это дѣлаютъ люди, которые осмѣливаются весьма нерѣдко называть русскихъ свѣтогасителями!

По скалѣ между Митрополіей и училищемъ мы спустились не безъ труда и страха въ такъ называемые „сады“, гдѣ предположительно былъ старый городъ Эдесса. Сколько на верху все говорить о высотѣ, величіи и силѣ, столько здѣсь все дышетъ тишиной, лаской и красотой. Такъ какъ я уже зарекомендовалъ себя на дворѣ Владычнемъ любителемъ древностей, то меня сейчасъ же повели къ одной развалинѣ, т. е. кучѣ мусора, заросшей лѣсомъ, съ остаткомъ стоящей небольшой колонны темносиневатаго цвѣта, упавшею капителью и другими нѣсколькими обломками выдѣланнаго мрамора, которую назвали намъ бывшею церковію Св. Мученика *Фалалея* — „его же и память совершаемъ“, прибавилъ при этомъ рассказчикъ, улыбаясь. Въ самомъ дѣлѣ оказалось, что сегодня 20-го мая — въ Святцахъ стоитъ: Св. Муч. Фалалея. Приятное совпаденіе. Но какой же поводъ былъ древнимъ Эдесситамъ — христіанамъ строить храмъ во имя Святаго такой малой извѣстности въ христіанскомъ мірѣ? спросилъ я. На это мнѣ отвѣчали, что Св. Муч. Фалалей былъ уроженецъ здѣшній и здѣсь пострадалъ. Новая приятная неожиданность! Я могъ ожидать еще и четвертаго сюрприза, какъ бы финала къ тремъ первымъ, — столь естественной въ подобныхъ обстоятельствахъ просьбы подвигнуть русское боголюбіе къ возстановленію древняго святилища въ честь Мученика, егоже память совершаетъ, наравнѣ съ другими, и вся Россія. Но такой просьбы не было, потому ли, что мой путеводи-

тѣмъ былъ славянинъ, а не грекъ, и скорѣе посочувствовали бы какому-нибудь своему *Стояну* или *Вуку* (волку), чѣмъ *Θαλαλῆю*, хотя бы и святому, или — потому, что просто не находилъ нужнымъ оживлять отжившее.

Нежданная задача для меня. Приготовляясь къ поѣздкѣ по Европейской Турціи, я запасался свѣдѣніями изъ разныхъ святцевъ и житейниковъ о святыхъ, которыхъ въ какомъ-нибудь отношеніи можно считать принадлежащими мѣстамъ, находящимся на пути нашемъ. Ни одного имени, коими обставлена *Via Egnatia*, избранная нами за направительную линію дороги нашей, нѣтъ въ святцахъ нашихъ, кромѣ *Θεσσαλονικι*, агіологіей которой мы уже занимались выше. Эдесса попадалась намъ на глаза, при перенесеніи Убруса съ нерукотвореннымъ Образомъ изъ Едессы въ Царь-градъ, но очевидно совсѣмъ другая. Что же касается Св. Муч. *Θαλαλῆа*, то мы его знали всегда за мученика Киликійскаго изъ подъ города Тарса. Тамъ онъ жилъ, тамъ и пострадалъ. Припоминается, что онъ брошенъ былъ, ктому же, въ море, что вовсе не приложимо къ мѣстамъ этимъ¹⁾. Но чичероне мой увѣрялъ меня, что въ житіи Свята-

¹⁾ Что говорить о Св. *Θαλαλῆ* церковное преданіе? То, что онъ родомъ былъ отъ *Διωана*, сынъ воеводи *Βερυκία* и *Ρομίαν*, что за христіанство свое былъ схваченъ и судимъ Едесскимъ Игемономъ *Τιβεριῆμ*, бѣжалъ изъ Едессы, и снова былъ схваченъ по близости города *Αναζαρα* (читай: Аназарва) и представленъ игемону Θεодору въ *Επισημίμ* (читай: Егейстѣмъ) градѣ, разнообразно мученъ и посѣченъ мечемъ на мѣстѣ нѣкоемъ нарочитомъ, именуемомъ *Εδεσσα*. Все это произошло при царѣ Нумеріанѣ, и именно въ 285 году. Вотъ что въ сущности передаютъ церковные памятники о Св. *Θαλαλῆ*. Въ извѣстіяхъ этихъ встрѣчаются дѣйствительно имена городовъ *Εδεσσα* и *Εγεи*, уже намъ извѣстныя. Выходитъ такимъ образомъ какъ будто, что Св. *Θαλαλῆ* (по гречески: *Θαλαλαῆς* — зелемѣющій, цвѣтушій) и же съ нимъ, если не были родомъ изъ Македоніи, то пострадали здѣсь, и именно въ Едессѣ, такъ какъ въ житіи прямо утверждается, что Св. *Θαλαλῆ* задержанъ былъ у города *Αναζαρα*, который принадлежалъ въ области Киликіи, и не имѣлъ нигдѣ на свѣтѣ ни какого сомненнаго себѣ мѣста, чтобы могъ ввести въ заблужденіе исследователя — историка. Нѣтъ ничего невозможнаго, что за весь періодъ мученичества свя-

го прямо приводится Едесса, какъ мѣсто страданія, — упоминается даже притомъ древнѣйшее названіе ея: *Эгея*. Мало того. Для бывшей столицы Македонской недостаточно одного *своего* святаго. Провожатый нашъ, замѣтивъ мое недоувѣріе къ его утвержденію о Св. Фала-

тне побывали въ разныхъ мѣстахъ земли римской. Есть много примѣровъ (Св. Каллистръ и Агавангелъ, Св. Анастасій и пр.) такого странствованія мучениковъ слѣдомъ за своими мучителями. Но есть ли необходимость или крайность предполагать это. Кромѣ города Аназарва помѣжю къ такому заключенію служить еще и море, въ которое былъ брошенъ мученикъ, съ намѣреніемъ утопить его, находившееся, судя по тому, при самомъ городѣ Эгеѣ. Не предполагать же, что для этого нарочно водили или возили его на морской берегъ, напр. къ Солуню. Но, если совсѣмъ перенести мѣсто страданій Св. Фалагея въ Киликію, найдемъ ли мы тамъ что нибудь похожее на Эдессу и Эгею? Начнемъ съ послѣдней. Древніе географы знали нѣсколько городовъ этого имени. Знатнѣйшій изъ нихъ находился на Коринтскомъ заливѣ. Второй по немъ-именно въ Киликіи. О немъ упоминаютъ Птоломей, Плиній, Стефанъ и Константинъ Багрянородный. Онъ стоялъ, вѣроятно, при самомъ морѣ и былъ въ недалекомъ разстояніи отъ Аназарва. На «табулѣ (Певтингеровой)» онъ наименованъ: Агергеа (въроудно, читать надобно: Агх Егеа). Разстояніе между нимъ и Аназарбомъ (Anazarbus) указано въ 24 миліа. А въ «Синекдими Герокловомъ», въ области 2-й Киликіи указывается главный городъ (μητρόπολις) Аназарвъ. Въ числѣ же 8-ми подчиненныхъ городовъ, вторымъ читается: Αἴγαι. Такимъ образомъ не остается сомнѣнія, что все дѣло могло свершиться не выходя изъ предѣловъ (Второй) Киликіи. Теперь перейдемъ къ Эдессѣ. Правда, что мѣста съ такимъ именемъ по близости Эгеи или Аназарва географы не знаютъ. Но, мало ли о чемъ не говорятъ они? Дѣло идетъ не объ отдѣльномъ городѣ, а о мѣстѣ нарочитомъ въ самой Эгеѣ. Можно бы думать даже, что тутъ вышла ошибка. Поблизости Эгейской пристани былъ островъ: *Элеуса* (Ελεούσα — милующая). Можетъ быть Элеусцы имѣли на твердой землѣ свой поселокъ, который также называли: Элеуса. А прочесть въ Элеусѣ Эдессу весьма легко. Впрочемъ, выдавать предположеніе за положеніе мы вовсе не хотимъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ въ томъ никакой крайности. Волянджеты сумѣли объяснить дѣло другимъ образомъ. По ихъ мнѣнію слово: αἴγες (козы), несомнѣнно родоначальное имени города: *Эгея* или собственно: *Эгеи* (мн. ч.), могло произноситься и αἴδες. Отчего важнѣйшее («нарочитое») мѣсто города, напр. вѣрность или акрополь, могло удерживать за собою тоже имя, но по другому (напр. древнѣйшему) произношенію. И выйдетъ такимъ образомъ въ городѣ *Эгея* внѣгородъ *Эдесса*. Предоставляемъ читателю судить, чье предположеніе правдоподобнѣе. Не скроемъ, что въ просторѣчій языкъ грековъ не рѣдкость услышать γὰρ вмѣсто предлога διὰ. А изъ старыхъ временъ сохлелся на примѣръ *Димитри* (Цереры), слова составленнаго изъ γῆ—μητήρ—мать земля. При такомъ

леѣ, позвѣстивъ сообщити мнѣ, что къ Македонской, а не Асійской Едессѣ относится и преславное чудо, совершенное святыми мучениками *Гуріемъ, Самона и Ависомъ* ¹⁾. Оба эти мѣстные утверждения — что-

предположеніи вышло бы, что и Царь Каранъ, переименовывавъ Македонскую Эдессу въ Эггъ, острѣль въ свое время. Можно, не доискиваясь причинъ: какъ и почему? вѣрить, что въ Киликійской Эггѣ извѣстное мѣсто называлось Эдесса. Но дѣлу суждено затемниться еще отъ третьей Эдессы. Въ житіи св. Фалалея первымъ мучителемъ его указывается вѣкто Тиверій, Игемонъ *Эдесскій*. Не могъ же онъ называться такъ по имени одного изъ кварталовъ Эггъ. Игемону могъ быть только областный начальникъ. Надобно петому думать, что здѣсь дѣло идетъ о настоящей, и такъ сказать первоименной, Едессѣ Месопотамской. Мы видели, что Св. Фалалей былъ «родомъ отъ Ливана» (по Никодимову Синаисаристу: изъ мѣста въ Финикии, зовомаго *Ливанъ*), извѣстной горы Сиро-Палестинской. Вѣроятно родное мѣсто его административно зависѣло отъ Едесскаго правителя, или онъ по какому нибудь дѣланъ своимъ былъ въ сосѣдней Осроенѣ, гдѣ и былъ выданъ Игемону Тиверію въ качествѣ христіанина. Дѣло такимъ образомъ улаживается. Мученикъ бѣжалъ отъ Игемона (гдѣ этотъ находился въ то время, неизвѣстно. Нѣтъ нужды представлять, что случай произошелъ въ самой столицѣ областной Эдессы, въ Киликии), и въ другой разъ поймавъ былъ у Аназарва. А такъ какъ игемонъ этой области въ то время находился въ Эггяхъ, то и мученикъ доставленъ былъ туда же. Тамъ онъ и страдалъ и былъ замученъ. Мѣсто же кончины его, если дѣйствительно звалось Едессой, то тутъ одно случайное тожество именъ городской мѣстности и славной столицы славнаго Асгара. Остается еще рѣшить: откуда же ваялась церковь Св. Мученика Фалалея въ Эдессѣ Македонской. 1) Отъ какого нибудь строителя ея, звавшася Фалалеемъ. 2) Отъ такого-же строителя, или родившагося 20 Мая, или почему нибудь считавшаго для себя это число важнымъ. 3) Отъ строителя, имѣвшаго особенное благоговѣніе къ Св. Фалалею. 4) Отъ историческаго подаятельства какого нибудь ученаго, вычитавшаго въ Синаисарихъ своего времени, что Св. Мученикъ Фалалей мученъ былъ «Едесскимъ Игемономъ» и посѣченъ во главу на мѣстѣ, зовомаго: «Едесса», и воспѣившаго заключеніемъ, что, значить, мѣстомъ подаягоу Страстотерца былъ его родной городъ, называвшійся этимъ именемъ еще до нашествія на Македонію Ираклидовъ, и пр. Отъ подобнаго заключенія до переименованія какой нибудь языческой развалины въ церковь Св. мученика Фалалея одинъ шагъ! Особенно же, если это случилось во время борьбы за существованіе Едессы и Водены.

¹⁾ Не менѣе бездоказательнымъ представляется и мнѣніе, что святые мученики *Гурій, Самона и Ависъ* принадлежатъ Македонской, а не Месопотамской Едессѣ. Географическій скачокъ тутъ еще менѣе простителенъ, чѣмъ въ попыткѣ приурочить Св. Мученика Фалалея къ Македоніи. Тамъ близила судительную мысль промѣ Едессы еще Эггъ. А здѣсь просто одно имя Едессы, да и то завѣдомо, какъ говорится, передернутое. Все жи-

бы не сказать преданія — напали на мою критическую способность такъ сказать врасплохъ, напали меня безоружнымъ въ виду такихъ положительныхъ, неотразимыхъ завѣреній. Надобно было согласиться съ тѣмъ, что выдавалось за историческій фактъ, подтверждаемый къ тому же памятникомъ.

Направляясь все далѣе къ востоку по садовой равнинѣ, мы вышли на площадь, занятую только что отстроенной церковію Св. Троицы, довольно красивой архитектуры съ тремя верхами, возведенной на древнихъ основаніяхъ. Еще въ Воденѣ мнѣ сказали, что при расчисткѣ мѣста кругомъ развалинъ древняго храма открыто много древнихъ могилъ христіанскаго времени, и въ нихъ найдено не мало древнихъ вещей. Оттого я съ понятнымъ нетерпѣніемъ стремился къ завѣтному мѣсту. Но то, что я нашелъ тамъ, далеко превзошло мои ожиданія. 28 большихъ и малыхъ, цѣлыхъ и въ осколкахъ, мраморныхъ плитъ съ древними, большею частью христіанскими, надписями встрѣ-

тіе Святыхъ, такъ сказать, дышетъ Азіей. Самыя имена ихъ не греческія и не латинскія, а видимо Сарскія или Арабскія. Не отрицаемъ того, что въ извѣстномъ житіи ихъ ни однимъ словомъ не заявлено, въ какой именно Едессѣ происходило дѣло, но близость мѣста подвиговъ ихъ къ Персамъ не оставляетъ сомнѣнія, что разумѣть нужно Едессу Месопотамскую. Тоже подтверждаетъ, по нашему мнѣнію неоспоримо, и имя горы, на которой они были умирщвлены. Она читается: *Веомазикая*. Какъ ни читать его, *Веомазикая* или *бет-иль-авихле*, или еще иначе какъ, все оно несомнѣнно взято изъ Еврейскаго или Арабскаго языка, и никонимъ образомъ не приходится ни къ огреченной ни къ латинствующей Македоніи. Поразительный случай съ клятвеннымъ солдатомъ-готеомъ, хотя и ставитъ Едессу Мучениковъ въ сосѣдство какъ бы съ страной готеовъ, и тѣмъ, новидному, помогаетъ разсудку при сужденіи о чудѣ мгновеннаго перенесенія Эдессянина Евфиміи изъ Готеи къ гробамъ Мучениковъ, но также не въ состояніи объяснить его, какъ еслибы послѣдніе находились въ 10 разъ или далѣе или ближе и той и другой Едессы отъ родины вѣроломнаго Готеа. Вообще, мы возвращаемся къ своему убѣжденію, что въ святцахъ нашихъ не извѣстенъ ни одинъ святой, котораго какъ нибудь можно было бы считать своимъ Едессѣ-Воденѣ, хотя близость ея къ Солуню, славному столбикомъ мучениками, могла бы дать ей неоднократно поводъ раздѣлить эту печальную почесть съ апостольскимъ городомъ.

тели меня при входѣ въ открытый притворъ храма; нѣкоторые изъ нихъ вдѣланы въ стѣны здания, другія же стоятъ прислоненныя къ стѣнамъ со внѣ его. Почти всѣ надписи надгробнаго значенія и довольно отдаленной христіанской эпохи, что въ глазахъ моихъ имѣло двойную цѣну. Я просилъ позволенія у компаніи остаться на мѣстѣ и заняться списываніемъ неожиданно объявившагося археологическаго сокровища. Для компаніи кстати нуженъ былъ отдыхъ гдѣ нибудь въ затишии и прохладѣ, такъ какъ полдневное солнышко дѣлало невозможнымъ немедленное возвращеніе въ городъ съ подъемомъ на значительную высоту. Вотъ что мною было списано съ скрижалей небогатой содержаніемъ мѣстной исторіи, укрывавшихся въ землѣ несомнѣнно болѣе тысячи лѣтъ.

1. *Памятникъ Мартирія Пресвитера и Димитрія чтеца.*¹⁾ Начертано на мраморной плитѣ сѣвратаго цвѣта, каковы почти всѣ прочія плиты. Оба опредѣлительныя имени надписи представляются въ усѣченномъ видѣ. „Памятникомъ“ мы переводимъ греческое слово: Μνημόριον, принадлежащее испорченной эпохѣ языка начала такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Оно есть передѣлка латинскаго слова: Memoria — память, и переносно памятная замѣтка, записъ. Въ этомъ видно вліяніе официальнаго языка эпохи, какимъ былъ, со времени обращенія Македоніи въ Римскую провинцію, въ мѣстахъ этихъ латинскій, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Востокѣ, проникавшій тутъ въ частную жизнь населенія, по особеннымъ географическимъ условіямъ края, прорѣзаннаго главною военною дорогою имперіи.

2.... на ... *Иконома Пресвитера*²⁾. Конечно, тоже въ началѣ над-

¹⁾ Μνημόριον Μαρτυρίου πρεσβ(υτέρου) καὶ Διμητρίῳ Ἀναγνώ(στον). Надпись въ 6 строкъ. Верхняя строка отбита почти вся вмѣстѣ съ мраморомъ, но слѣды буквъ явственны. Въ словѣ Διμητρίῳ описка. Слѣдовало быть: Διμητρίου.

²⁾ ... του οἰκονόμου)... πρεσβ(υτέρου). Плита отличнаго бѣлаго мрамора, представляется теперь обломкомъ.

цией стояло: памятникъ. Собственное имя можетъ быть: *Іоанна, Гермона* и др., или любимое Македонское: *Парамона*.

3. *Памятникъ Александра, Дросерія, Зосиміана (?), Анастасія (†)*¹⁾. Поверхъ надписи находится, вглубь вырѣзанное, изображеніе креста и двухъ по сторонамъ его птичекъ, обращенныхъ головами другъ къ другу и къ раздѣляющему ихъ кресту. Очевидно, памятная плита лежала на входѣ въ семейный склепъ. Ибо не всѣ же вмѣстѣ за одинъ разъ умерли и погребены 4 человека.

4. *Памятникъ Диогена и сестры его Проконіи*²⁾. Поверхъ надписи тоже изображеніе креста и птичекъ. Кромѣ того, внизу подъ надписью повторительно стоитъ крестное знаменіе подъ искривленною линіею, оканчивающеюся двумя листочками плюща, столь общимъ и любимымъ древностию символомъ новаго вѣчнаго, перешедшимъ изъ понятій и обычаевъ язычества и въ христіанскій міръ.

5. *Памятникъ Дросерія и Евдокии и Аннемія врача и сожителямицы его Софіи*³⁾. Поверхъ надписи изображеніе креста, утверждающагося на волнистой линіи, оканчивающеюся листочками плюща. Въ концѣ надписи тоже одинокій удлиненный крестъ.

6. *Іисусъ Христосъ, Божій Сынъ, Спаситель. 643. Памятника два. Одинъ Дулкиція тѣца, и одинъ Маюра строителя и сожителямицы его Доминія. Эммануилъ помилуй насъ.*⁴⁾. Надпись

¹⁾ Μηρίον Ἀλεξάνδρου, Δροσερίας, Ζωσιμῆανου(ῶ), Ἀναστασίας). Последнее имя можно подвергать сомнѣнію.

²⁾ Μηρίον Διογέου και τῆς τοῦτου ἀδελφῆς Προκονίας.

³⁾ Μηρίον Δροσερίας και Εὐδοξίας και Ἀνθεμίου εἰς(sic)ατροῦ και τῆς συμβίας αὐτοῦ Σοφίας.

⁴⁾ IX. ΘΥΣ. ΧΜΓ. Α. Ω. Μηρία δύο ἕνα Δουλικτίου ψάλτου, και τὸ ἕνα Μαύρου σιμοδόμου και τῆς συμβίου αὐτοῦ Δομνίας. Ἐμμανουήλ ἐλέησον ἡμᾶς. Званіе ψάλτης, конечно, одно и тоже съ нынѣшнимъ (исалтомъ) греческимъ церковн., зашѣвившимъ теперь въ драгимъ назніи церковнии степенн. О званіи Инодома (домостроителя) надобно выправиться въ церковной Археологіи. Несовсѣмъ грамотное выраженіе: ἕνα. και τὸ ἕνα

въ высшей степени замѣчательная, хорошо, и такъ оказать — наглядно характеризующая свою эпоху. Поверхъ ея изображены три креста удлиненной формы съ расширенными концами. Средній изъ нихъ, кромѣ того, имѣетъ съ правой стороны приставку въ видѣ кружка, съ которымъ онъ образуетъ такъ называемый у археологовъ *Лабаронъ* (Labarum) Константиновъ, въ которомъ можно усматривать и крестъ и монограмму имени Христова, — по греческому, впрочемъ, а не по латинскому нисъму. По сторонамъ сего креста начертаны апокалипсическія буквы А и Ω. Выше этой, какъ бы вводной, строки, начертанной буквами большого разбѣра, видится еще рядъ буквъ криптографическаго значенія, составляющій самую важную для насъ часть надписи. Всѣхъ буквъ число 8. Разставлены онѣ въ 4 отдѣла ΙΧΘΥΣΧΜΓ. Изъ первыхъ двухъ составляется слово *ιχθῦς*, что значитъ *рыба*. Это есть та самая, столько известная въ первыхъ вѣкахъ христіанства, криптограмма имени Христова, о которой упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ Климентъ Александрійскій. Въ Римскихъ катакомбахъ нередкость увидѣть и самое изображеніе рыбки, несомнѣнно повидимому ничѣмъ. Для язычниковъ того времени, склонныхъ къ обоготворенію всего на свѣтѣ, почтеніе, воздаваемое христіанами рыбѣ, могло показаться страннымъ, а для вѣрующихъ оно служило символомъ всей ихъ вѣры и какъ бы девизомъ ихъ потаеннаго общества, ихъ знаменемъ въ войнѣ съ невѣріемъ. Слово *ιχθῦς* составлялось изъ начальныхъ буквъ имени *Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ*, и содержало въ себѣ такимъ образомъ, какъ бы въ зародышѣ, все христіанское богословіе, закрывая его отъ непосвященныхъ въ тоже время самымъ простымъ представленіемъ изъ круга обихъ вещей. Появленіе

выдаетъ вполне безграмотную руку писца, незнавшаго, что слово: *μυμρίον* среднего рода, и что слѣдовало ему писать, вмѣсто *ιμα*, *ιγ*.

этого мистическаго слова на могильной надписи нашей уме одно, само по себѣ, говорить о ея глубокой древности. Но, къ довершенію удовольствія нашего, рядомъ съ нимъ стоитъ и лѣтосчислительная помѣтка надписи. Считать слѣдующія за словомъ $\iota\chi\theta\upsilon\varsigma$ три буквы $\chi\mu\gamma$ продолженіемъ заключающагося въ немъ тайнаго смысла, мы не находимъ возможнымъ, потому что, если еще съ натяжкой можно въ $\mu\gamma$ предполагать сокращенное: $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$, то въ χ положительно нельзя угадать никакого таящагося подходящаго смысла, а главное — потому, что самымъ естественнымъ образомъ усматривается въ нихъ хронологическая цифра, дающая 648-й годъ Александровой или Македонской эры, соответствующій 331-му христіанскаго лѣтосчисленія.. Надпись ставитъ такимъ образомъ насъ лицомъ къ лицу со временемъ Константина Великаго, и сама составляетъ не малую рѣдкость въ памятникахъ христіанства. Собственно она заканчивается словомъ: *Домини*, состоя изъ 10 строкъ, въ срединѣ которыхъ трижды встрѣчается и изображеніе листка плющеваго, — явный признакъ близости эпохи языческой. Въ концѣ надписи стоитъ опять крестное знаменіе, и съ нимъ листокъ плюща и птичка, обращенная головой къ тому и другому. Прибавленіе къ надписи, состоящее изъ трехъ строкъ, отдѣлено отъ нея нѣкоторымъ промежуткомъ, по которому случайно произошелъ и разломъ плиты, состоящей теперь изъ двухъ кусковъ и какъ бы изъ двухъ номеровъ. Требуется нѣкое вниманіе, чтобы досмотрѣться ихъ однородства или бывшей цѣлокупности. Подъ припискою также сдѣлано игривою рукою рѣзчика изображеніе какого-то животнаго (вѣроятно, собаки), устремившагося съ открытымъ ртомъ къ стоящему впереди его сосуду, — изображеніе, по нашему мнѣнію мало согласное съ содержаніемъ надписи и съ духомъ приписки, хотя съ натяжкой и въ немъ можно найти глубокое значеніе.

7. *Памятникъ Θεοδοσίῳ δίακονισσῆς καὶ Ἀστὴν καὶ Ἀγαθοκλίῳ ἀπο-*

стелетичес ¹⁾). Надпись состоитъ изъ 5 строкъ. Высшую, шестую строчку занимаютъ изображенія двухъ крестовъ. Третій крестъ - меньшаго размѣра - стоитъ въ началѣ надписи, передъ словомъ: *μημόριον*.

8. *Памятникъ Агадоклии дѣственницы и диакониссы* ²⁾). 5 строкъ. Выше ихъ, въ кругу - большое изображеніе креста и по сторонамъ его двухъ птичекъ, обращенныхъ къ нему головами.

9. *Памятникъ Святыхъ Петра и Павла* ³⁾). Узкая и невзрачная плитка. На 6 строчекъ растянута, краткая записъ эта, сравнительно съ другими весьма неважная и какъ бы даже небрежная, удивляетъ своимъ содержаніемъ. Имена *Петра* и *Павла*, вмѣстѣ встрѣченныя и относящіяся къ двумъ, вмѣстѣ погребеннымъ, лицамъ, уже одни останавливаютъ на себѣ вниманіе, а съ приставкою слова: *святыхъ* могутъ казаться прямо загадкою. Конечно, это не святые Апостолы Петръ и Павелъ, а какіе нибудь братья или друзья, по крещеніи нарекшіе себѣ Апостольскія имена. Но, въ какомъ смыслѣ они названы „Святыми“? Въ общеупотребительномъ церковномъ смыслѣ прославленія и вѣчнаго блаженства въ небесахъ? Но въ такомъ случаѣ ужели бы никто не поусердствовалъ положить на гробъ угольниковъ Божіихъ, если нелучшую, то ужъ никакъ не худшую другихъ, плитку съ преуменьшенною, или хоть чѣмъ нибудь отмѣченною над-

¹⁾ Μημόριον Θεοδοσίας διακόνου και Ἀσπ(η)λί(α)ς, και Ἀγαδοκλή (ς)ας παρθένο(ς)ιν, — вмѣсто: παρθένων.

²⁾ Μημόριον Ἀγαδοκλίας παρθένου και διακόνου. Въ обѣихъ надписяхъ слово: διάκονος мы переводимъ Діаконисса, потому что именно это оно означаетъ. Равно и παρθένος не есть просто дѣва, но дѣственница, — слово и понятіе, предваряшія собою позднѣйшее: μονάχη и совсѣмъ позднее; καλογραία.

³⁾ Μημόριον τῶν ἁγίων Πέτρου και Παύλου. Нависано безъ ошибокъ. Никакого украшенія, ни даже общаго креста, нѣтъ ни въ началѣ ни въ концѣ ея. Плита имѣетъ видъ узенькой дощечки изъ сѣрватаго мрамора и сохранилась вполне.

письма? Допустить же, что „святые“ значить просто: „освященные“, каковы напр. священники, диаконы и т. п. опять нѣтъ основанія. Мы видѣли уже, что пресвитеръ Мартирій (№ 1) не названъ святымъ. Остается предположить, что чертившій надгробную надпись волеялся личнымъ чувствомъ благоговѣнія къ усопшимъ, и, величая ихъ святыми, имѣлъ въ виду неболѣе сказать того, что мы соединяемъ съ выраженіемъ: рабъ Христовъ, праведная душа, святая душа.

10. *Памятникъ св. Евдокія пресвитера и грѣшного Іоанна діакона*¹⁾. Высказанное нами выше предположеніе о значеніи слова: *святій* подтверждается, какъ нельзя болѣе, этою надписью. Писалъ ее очевидно *Іоаннъ Діаконъ*, преисполненный уваженія къ почившему своему сослужителю, приготовляя въ одной могилѣ съ нимъ и себѣ мѣсто покоя вѣчнаго. Такъ какъ слово: *грѣшнѣйшій* тутъ нельзя принимать въ смыслѣ грѣшника, осужденнаго на вѣчное мученіе или погибшаго, а только какъ выраженіе самоукоренія въ духѣ Евангелія, то и противопоставленное ему включеніе со святыми въ Бозѣ почившаго должно имѣть смыслъ простаго ублаженія или похваленія, согласно заповѣди премудраго: память праведнаго съ похвалами.

11. *Памятникъ Софїи и Калликрата воина*²⁾. Трехстрочная надпись, поверхъ которой въ видѣ особой строки видится обычное изображеніе креста съ обращенными къ нему по обѣимъ сторонамъ двумя птичками.

¹⁾ Μνημόριον τοῦ ἁγίου Εὐδοξίου πρεσβυτέρου καὶ τοῦ ἁμαρτοῦλο (I)ῶάννου διακόνο(υ). Плита обята со всѣхъ сторонъ. Слово: ἁγίου не читается вполнѣ, но иное толкованіе его невозможно. Въ словѣ: ἁμαρτοῦλο очевидная описка. Надобно читать: ἁμαρτωλοῦ.

²⁾ Μνημόριον Σωφίας καὶ Καλλικράτου στρατιώτου. Въ послѣднемъ словѣ несомнѣнно описка. Надобно было написать στρατιώτου. Замѣчательно впрочемъ, что и въ этой и въ предыдущей надписи представляется писцу возможность ошибиться въ произношеніи ου вмѣсто ω.

12. *Памятник*)... и... *анат*...¹⁾. Небольшой обломок плиты съ лѣвою, начальною половиною надписи, въ теперешнемъ видѣ совершенно не вразумительной. Видно, что могила скрывала въ себѣ, какъ и другія, нѣсколькихъ усопшихъ.

13. (*Памятникъ* *Георгея Гу...* и *сожительницы* его *К...*)²⁾. Уцѣлѣла правая половина надписи, и то не вся. Похоронены были, видимо, мужъ и жена.

14. *Памятникъ* *Гордана, коноврача и сожительницы* его *Димитрии*³⁾. Четырехстрочная, совершенно цѣлая, надпись.

15. *Памятникъ Глава Парамониуса (и сожителя)*⁴⁾. Нижняя часть плиты отбита, и отъ надписи осталось три неполныхъ строки. *Парамониусъ* неслыханное и трудно вѣримое имя. Но никакому другому чтенію, повидимому, нѣтъ мѣста.

16. *Памятникъ содержащій (остатки) Иоанна Овоиака и сожителя*⁵⁾. Изъ 6 строкъ надписи послѣдняя почти вся отбита. Верхъ плиты закругленъ, предисловіемъ къ надписи слу-

¹⁾ Μημόριον... καὶ τῆς... ἀνατ... τὴν του... σιν... Нельзя додуматься ни до чего.

²⁾ (Μημόριον... γίου γ (или π)ου... καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ κ...ης.

³⁾ Μημόριον Ἰορδάνου ἰπποκράτου καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δημητρίας. Имя Гордана, встрѣчающееся въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Македоніи, замѣчательно.

⁴⁾ Μημόριον Γλαύκου Παρχμονίου (καὶ τῆς συμβίου). Слѣдовало написать: Παρχμονίου.

⁵⁾ Μημόριον, διαφέρων τὰ Ἰωάννου Ὀβωνιακοῦ καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δημ... Выраженіе: «διαφέρων» въ смыслѣ содержанія или заключенія (именно костей въ гробницѣ) извѣстно въ христіанской древности самаго отдаленнаго періода. Вошло оно въ употребленіе вѣроятно подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій о безсмертіи. Коренное значеніе глагола: διαφέρω — разношу, различаю, и тому подобное уступило здѣсь мѣсто другому: переношу, уношу, переселяю. Ὀβωνιακός — есть ли имя фамиліи, мѣста рожденія или проживанія, занятія... неизвѣстно. Имя сожителяницы не угадывается. Вмѣсто Δ можно читать и Λ. Чтеніе: τὰ ὀστέα, λείψανα (Ἰωάννου), хотя необычно, но несомнѣнно.

жить изображеніе креста, утверждающагося на изогнутой линіи, кончающейся съ обѣихъ сторонъ листочками плюща.

17. *Памятникъ Θεοδοσίου и Ασπιλίου двѣстосетницъ*¹⁾. Красная четырехстрочная надпись съ изображеніями вверху и внизу. Верхнее представляетъ крестъ, утвержденный на подножкѣ, къ которой наклонились головками стоящія по сторонамъ птички. Нижнее состоитъ изъ креста въ кружкѣ, къ которому также устремляются двѣ птички, но такъ, что одна изъ нихъ (что на лѣво) смотритъ на крестъ обернувшись.

18. а) *Раба Прокоті(я)*. б) *Господи помоги рабу твоему Георгію. Аминь.* в) *Господи помоги рабу твоему поту Іоанну. Аминь.* г) *Подобно и... Θεοδору.* д) *Помоги рабу твоему поту Антони(ю) и...*²⁾ Всѣ эти скорописныя замѣтки начертаны на небольшой мраморной плиткѣ. Двѣ изъ нихъ (б и в) обведены кругомъ чертою въ видѣ рамки. Ни по содержанію ни по внѣшнему виду никакого отношенія онѣ не имѣютъ къ предыдущимъ, и говорятъ о полномъ упадкѣ ученаго образованія въ писавшихъ.

19. *Память Марцилла Не...*³⁾. Латинская надпись трехстрочная. Сверху ея изображенъ крестъ и по сторонамъ его по плющевому листку. Видимо и она принадлежитъ тому же времени, какому греческія 17. Начертаніе ея разнится отъ греческихъ тѣмъ, что между строками проведены горизонтальныя линіи, да еще двойныя, подобно тому, какъ

¹⁾ Μνημόριον Θεοδοσίας καὶ Ἀσπιλίας παρθένων. Конечно, это не тѣ же лица, что упоминаются въ надписи № 7. Любимыя, какъ видно, христіанскою древностію имена *Аспилии* и *Дросерии* (не запятанной и прохладительной) не вошли въ наши Святцы. *Прокотія* и *Димитрія* могутъ быть рекомендованы нашимъ женскимъ монастырямъ.

²⁾ а. Δουλο(υ) Προκοπῆ(ου). б. Κυ(ριε) βοηθι του δουλου σου Γεοργγη(ο)υ αμην. в. κε βοηθι του δουλου σου παπα Ιωαννου αμην г. Ομοιος(ως) του κουναου βερναρου αστου Θεοδору. д. Βοηθη του δουλου σου λαυγονηκτε.

³⁾ Memoria Marcilli ne... Можно читать вмѣстѣ: Marcilline (см: ae).

это дѣлается въ прописяхъ. Появленіе латинской надгробной записи между столькими греческими, свидѣтельствующее о присутствіи ино-родной стихіи въ древней Едесской церкви, не представляя въ себѣ чего нибудь особенно рѣзкаго, веселитъ однакоже историческую мысль. Занесенный вдаль на Востокъ, римлянинъ не охватывается духомъ чужбины, помнитъ свою племенную особность, съ достоинствомъ отстаиваетъ ее, и даже по смерти хочетъ оставаться римляниномъ. Отчего же наши славяне, прозябая столько столѣтій въ мѣстахъ этихъ, не оставили послѣ себя никакого слѣда своей племенной розни, и даже теперь не смѣютъ сказать ни греку ни турку, что у нихъ есть свой родной языкъ, въ которомъ не будетъ недостатка въ словахъ для болѣе удачнаго напр. перевода латинскаго: *metoŕia*, чѣмъ греческое: *μῆτοριον*?.. Впрочемъ, подождемъ бранить давно отжившихъ родичей Македонскихъ. Можетъ быть далѣе, по дорогѣ въ старую Болгарію, мы и наткнемся на цѣлый рядъ, подобныхъ Едесскимъ, надгробныхъ *памятокъ* какой нибудь забытой древне-славянской мѣстности.

Насытившись отъ крупицъ этой неожиданной археологической трапезы духовной, предложенной намъ стародавнею столицею Македоніи, какую не доставили намъ въ свое время даже преславныя Аѳины, богатѣя на все, чего только пожелаетъ человѣкъ, любящій *помыслить дни перыи* и *помянуть мѣта отчюня*, мы, безъ малаго уже часа два трудившіеся и физически и умственно, дали себѣ отдохнѣть, и вспомнили о крупицахъ другой, менѣе „изысканной“ по выраженію одного не — археолога, трапезы, сказать проще: закусили, усѣвшись въ притворѣ церкви, заваленномъ всякаго рода и вида матеріаломъ. Вѣдѣя плиты съ тремя десятками освѣщенныхъ ими, и такъ сказать вызванныхъ изъ глубокой древности, христіанъ и христіанокъ, тутъ жившихъ, ходившихъ, сидѣвшихъ.., мирно омотрѣли на насъ и какъ бы жаловались намъ на то, что ихъ потревожили съ мѣста, и вмѣсто про-

хлады въ нѣдрахъ земли, выставили подъ жгучій лучъ солнца. Хорошо, но на то вы и вѣщія, чтобы вѣщать о себѣ отдаленному потомству. Если бы чертившій васъ не имѣлъ сего въ виду, онъ обошелся бы безъ васъ. Коротко и ясно! Въ самомъ дѣлѣ, не странная ли это аномалія: прятать усопшаго на вѣки въ землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ власть туда же памятную о немъ замѣтку? Для кого?.. Инстинктъ безсмертія выдаетъ себя въ насъ на каждомъ шагѣ. Онъ же конечно подшепнулъ на ухо и „грубному“ діакону Іоанну игривую мысль засвидѣтельствовать передъ кѣмъ-то (вѣдь не передъ мракомъ же могилы!) о лежащемъ съ нимъ рядомъ „святѣмъ“ священникѣ Евдокіѣ. Какая-то надежда оставалась у человѣка, что онъ еще разъ предстанетъ передъ взоры людей, для которыхъ такимъ образомъ онъ и счелъ нужнымъ сдѣлать извѣстнымъ, кто онъ такой. Предчувствіе не обмануло его. Черезъ полторы тысячи лѣтъ заступъ работника открылъ вотъ цѣлый мертвый городъ съ именами, возстановляющими древне христіанскую жизнь. Встрѣчаемся мы тутъ съ пресвитерами, діакониссами, дѣвственницами, пѣвцами, чтецами, икономомъ, икономомъ (строителемъ), воиномъ, ветеринарнымъ врачомъ... Воскресаетъ если не то или другое лицо, то цѣлое общество — въ утѣшеніе и поученіе родамъ грядущимъ и въ молитвенную память родовъ отшедшихъ. Конечно, *и сіе суета!* Но ужъ если есть что нибудь въ суетномъ мірѣ, достойное нашего сочувствія, то это заявленія духа, отрицающія суету. Эти листочки, зеленѣвшіе подъ сѣнію креста, эти птички, желательна и уповательно смотрящія на него, чѣмъ какъ не глубочайшее признаніе души, что не все кончается съ кончиною человѣка? Вѣдь и на крестѣ умеръ тоже земнородный, доказавшій всему человѣчеству, что смерть есть переходъ къ жизни. Какъ же удержаться послѣ сего, чтобы не заговорить о себѣ и изъ могилы? Все равно, есть кому слушать меня, или совершенно не кому. *Впродолженіи, тѣмъ же воззваламъ.*

Кромѣ пересмотрѣнныхъ нами христіанскихъ надписей, тутъ же (или по близости гдѣ) собрано и частію употреблено въ дѣло при возведеніи храма, какъ строительный матеріалъ, нѣсколько древнихъ камней съ надписями языческой эпохи. Оставалось пересмотрѣть и списать и ихъ, чтобы не унести на совѣсти археологическаго грѣха противъ именитой мѣстности. Вотъ онѣ:

20. *Эпиктету Нутрицію. Мульвія Елеава) дочь) Пласида, Патрона Тада (?), внука Льва, протратора провинціи Македоніи* ¹⁾. Латинская семистрочная надпись, вполне сохранившаяся. Поверхъ ея особо стоятъ двѣ буквы D и M, означающія безъ сомнѣнія: Diis Manibus — Богамъ подземнымъ, обычное посвященіе подобнаго рода записей у римлянъ. Nutricius есть ли собственное имя, или значить: *воспитатель*, рѣшить не можемъ. *Пласида* — наиболѣе вѣроятное чтеніе, хотя на камнѣ совершенно ясно видится I, а не L, и есть возможность раздѣлять имя на два отдѣльныхъ слова: pia и cida. О словѣ: Tadi ничего даже гадательно сказать не можемъ. Nepotis есть ли родительной падежъ слова nepos, и относится ли къ *Тадѣ*, внуку (Львову?), или употреблено вмѣсто nepis, и относится къ самой *Мульвіи*, тоже для насъ представляется неяснымъ. Наконецъ и въ собственномъ имени: *Левъ* (Leo) можно еще предпологать слово Legio = Легионъ, а въ pro. pr. угадывать: prorgiae т. е. Macedoniae. Вообще, по малому знакомству моему съ Латинскими древними надписями, я затрудняюсь представить точный переводъ этого памятника Римской Македоніи, утѣшая себя тѣмъ, что, повидимому, онъ не имѣетъ большой исторической важности.

¹⁾ D. M. Epicteto Nutricio Mulvia. C. F. Piasida. patrona Tadi. nepotis. Leo(g) pro. pr. pro. vinc. Macedoniae. Надъ конечною буквою слова: Leo, прижавшею на самый край (съ правой руки) строки, видится, менѣе отчетливо начертанная буква G или C. Камень вдѣланъ въ стѣну церковнаго притвора съ лѣвой руки.

21. Еще менѣе въ состояніи я прибрать какой нибудь смыслъ къ Латинскимъ буквамъ I D L L (N) I (E), читаемымъ на обломкѣ колонны изъ темноцвѣтнаго камня, разбитой турками, по достойному времени до — карановыхъ предположенію, что не даромъ же кто-то высѣкалъ тутъ „язы“, и что, значитъ, внутри камня спрятаны добрыя денежки... Ставъ на точку зрѣнія этихъ новыхъ археологовъ, мы со спутникомъ безъ труда прочли въ таинственной надписи начальныя буквы словъ: Лиры (турецкія), Дукаты, Лиры (Атл.), Лиры (французскія)... въ честь и просимъ прощенія у людей серьезныхъ.

22. *Л. Юлій Этафродитъ Юлію Нисибору и Юлію Ромъ отлученникамъ. На память. Года 316* ¹⁾. Отлично начертанная и отлично сохранившаяся шестистрочная греческая надпись. Не угадаешь причины такого рѣдкаго вниманія бывшаго господина къ бывшимъ рабамъ. Не кроется ли причина его въ какихъ нибудь неявныхъ родственныхъ отношеніяхъ перваго къ послѣднимъ? И онъ Юлій, и тѣ зовутся Юліемъ и Юлей. Какъ будто не даромъ такая щедрость на знаменитое имя. Притомъ же Юлій *jupior* прозванъ еще *побѣдоносцемъ*, а Юлія (сестра его?) и прямо возвеличена прозваніемъ *Рима*... Что-то довольно замысловато. Приведено въ исполненіе это желаніе предать памяти потомства великодушный поступокъ барина, въ 4-й годъ христіанской эры.

23. *Клавдіанъ Парамонъ Куріатию Трофиму другу* ²⁾. Пятистроч-

¹⁾ Λ. 'Ιούλιος 'Εταφρόδειτος 'Ιουλίῳ Νε(sic)κίφῳρῳ καὶ 'Ιουλίᾳ 'Ρώμῃ τοῖς ἀπελευθέροις. Μνήμης χάριν. Ἔτους ζιτ. Съ обѣихъ сторонъ лѣтосчислительной помѣтки изображено по плющевому листку. Такой же листокъ видится и послѣ слова *χάριν*. Видно изъ сего, что символическаго значенія — такого или иного — онъ прямо не имѣетъ, а служить просто или грамматическою точкой или даже однимъ украшеніемъ.

²⁾ Κλαυδιανὸς Παράμονος Κουριατίῳ Τροφίμῳ ἰῶ φίλῳ. Латинскія имена выносятся надписъ въ римскій періодъ Македоніи. Видно, что друзья были огречившіеся римляне. Трѣжды поставленное Ω не то мѣшало рѣзчику тамъ, гдѣ недоставало мѣста для Ω, на-

ная надпись широкаго аккуратнаго письма, безъ всякихъ прибавленій и украшеній. Просто и кратко и по своей сердечности умиительно. Вмѣсто собственнаго имени: *Трофимъ* можно предполагать и нарицательное: питомецъ.

24. *Года 276-го. 22-хъ лѣтъ. С. Педисъ Лика братанича... какъ сына. На память* ¹⁾). Большаго размѣра семистрочная надпись съ страннымъ начертаніемъ нѣкоторыхъ буквъ, затрудняющимъ чтеніе. Не менѣе трудна и разстановка словъ, писанныхъ слитно. *Педисъ* — совсѣмъ незнакомое имя, скорѣе бы латинское, чѣмъ греческое, а можетъ быть и прямо старо-македонское. Имя *Ликъ* (Λύκος) мы оставляемъ безъ перевода, хотя имѣли бы право вмѣсто него поставить соотвѣтствующее слово: *Волкъ*, столько любимое, какъ имя, и теперь мѣстнымъ населеніемъ (припомнимъ имена: Вукъ, Вукашинъ, Вукаловичъ..). Отчего, противъ обычая, имя Лика стоитъ въ винительномъ, а не въ дательномъ падежѣ, и какой надобно подразумѣвать при томъ глаголь (безъ котораго, не затемняя смысла, обходятся подобныя надписи при дательной формѣ сказуемаго), это рѣшило бы стоящее за словомъ: ἀδελφίδι-братанича, реченіе, но прочесть для меня не представляется возможности. Можно возражать и противъ слѣдующаго за

чертать малое ω. Урокъ изслѣдователямъ древней графики греческой не спѣшить хронологическими заключеніями, на основаніи преобладающаго въ надписи характера тѣхъ или другихъ буквъ. Любовь къ старинѣ, подражательность и педанство надѣлали много неузнаваемыхъ вещей, и не мало затруднили историческую науку.

¹⁾ Ἐτους ζςς. Ἐτῶν κβ. Σ. Πέδις Λύκον τὸν ἀδελφίδι. ζεν ὡς τὸν υἱόν. Μνήμης χάριν. Вмѣсто Λύκον, можно читать, какъ одно имя, Λυκόντων. Стоящій въ надписи за этимъ словомъ листокъ плуца кажется не могъ бы имѣть мѣста между членомъ и именемъ, если тутъ допустить чтеніе: τὸν ἀδελφίδ(οῦν). Такъ какъ чтеніе: ζενως не даетъ тутъ никакого смысла, то мы и отдѣлили отъ него осмысленное ὡς. Затѣмъ остается подыскать глаголь, который имѣлъ бы окончаніе ζεν (аористное). Кстати, какойнибудь глаголь непременно тутъ нуженъ. Но найти подходящій весьма не легко. Впередѣ слога ζεν, онъ можетъ имѣть только одну и много — двѣ буквы. Вмѣсто υἱόν, читай: υἱόν.

тѣмъ чтенія: *какъ сына*. Между строками 4 раза встрѣчается и плющевый листокъ. Годъ надписи выходитъ 37-й до Р. X.

25. *Г. Педу и Острія, Кадіонъ и Атія, Парамона и Сабима чаду при жизни самимъ себѣ сдѣлали* ¹⁾). Четырехстрочная надпись эта сдѣлана на лицевой сторонѣ саркофага, вдѣланнаго теперь въ сѣверо-западный уголъ церкви. Подобнаго значенія и содержанія надписей есть множество на Востокѣ. Люди заживо приготовляли себѣ „плотоядницы“, и означая письмомъ на нихъ принадлежность ихъ себѣ, крѣпко заботились о томъ, что бы никто, кромѣ ихъ самихъ, не былъ положенъ въ нихъ, и заклинали начальства мѣстныя и всѣхъ гражданъ исполнить свято волю ихъ. Выраженіе: Ζῶντες ἑαυτοῖς ἐποίησαν было типическимъ въ подобныхъ надписяхъ. Если имѣли въ виду и еще кому нибудь дать мѣсто въ своей гробницѣ, то вписывали и его имя. Такъ и въ настоящемъ случаѣ родители, лишившись безвременно своего чада, устроили *для него* саркофагъ, предназначая его въ то же время и *для самихъ себя*, только не сумѣли складно заявить о томъ. Но это — наименьшая изъ несообразностей разсматриваемой надписи. Если слѣдовать предложенному нами чтенію, то выйдетъ, что у шести родителей было одно чадо, и то осталось не поименованнымъ! Другаго же чтенія мы пока не придумаемъ. А допускать не полноту или поврежденіе текста нѣтъ никакого основанія. Есть при надписи и изображеніе молодаго человѣка, несущагося на лошади, подъ которою видится собака, устремившаяся за кабаномъ. А сзади всадника извивается змѣя. Смыслъ изображенія понятенъ. Последняя

¹⁾ Γ. Πέδου καὶ Ὀστρίᾳ Καδίῳν καὶ Ἀτίᾳ Παράμονα καὶ Σαβεῖνα τῷ τέχνῳ ζῶντες ἑαυτοῖς ἐποίησαν. Повторяется имя *Педа* или *Спеда* но еще въ болѣе странной формѣ, съ окончаніемъ на *ου*. Другія, слѣдующія за нимъ, три имени, по своей необычности напечатываются на иное чтеніе текста. Но какъ ни разбивать его, все окажется больше лицъ, чѣмъ сколько нужно для одного τέχνῳ. Съ именемъ *Педа* упоминается впрочемъ одинъ преторъ у Тацита, а *Атіей* (Ἀτία) называлась мать Августа.

укороченная строчка украшена въ началѣ и въ концѣ изображеніемъ плочеваго листка. Года при себѣ надписи не имѣеть, но отсутствіе Ω, Ε и Σ, замѣненныхъ вездѣ ω, ε и σ, выносить ее уже какъ бы въ христіанскія времена.

26. *Советъ и дѣла... если же гражданамъ... ибо таковыя... 1)*. Обломокъ, какъ видно, большой плиты бѣлаго мрамора, содержащей народное опредѣленіе. Сохранились остатки трехъ строчекъ, вырванные изъ середины.

27... *богатыхъ.. 2)*. Еще меньшій обломокъ повидимому той же самой плиты.

28... *приверженныхъ Секундановъ.. 1)*. Не сумѣемъ ничего прибавить въ объясненіе. Надписи сохранилось только весьма малая часть, а именно — 2 строки полныя и третьей строки 5 буквъ.

Работа наша была кончена. Съ удовольствіемъ, какого давно уже не приходилось испытывать, пересматривать и повѣрять я свои сокровища археологическія. Всѣ надписи христіанскія (исключая № 18) по характеру письма представляются принадлежащими одной и той же эпохѣ, и такъ какъ по счастію на одной изъ нихъ оказалась хронологическая дата, слѣдующая общепринятой въ Македоніи эрѣ, не оставляющая сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ IV вѣкомъ христіанскимъ, то сегодняшнюю находку нашу не обинуясь можно

1) Βουλή καὶ δῆμος... νε η δὲ πολιταισμό... ἐπὶν γὰρ τοιαῦτα... Видно изъ надписи одно, что въ Едессѣ, какъ и въ другихъ большихъ «самозаконныхъ» городахъ эллинистическихъ, были въ древности и Дума и Палата народныхъ представителей или Советъ (βουλή). Мы уже выше, въ спискѣ кончившихъ курсъ Эфивовъ, встрѣтились съ этимъ учрежденіемъ, но тогда умолчали о немъ изъ опасенія, какъ бы не сказалъ кто, что камень съ надписью могъ быть доставленъ совнѣ въ Водену. Тенереншій, вторично заявляющій о мѣстномъ «парламентѣ» камень, найденъ тутъ въ окрестности.

2) ... πλουσίους τοὺς δὲ...

3) ... ροτὶν... μαρὸν τῶν καθορισμένων τεκνονδάνων... Тщательно двойными чертами высѣченная надпись.

назвать „сокровищем“. Сличая христіанскія надписи съ языческими, действительно убѣждаешься, что ихъ раздѣляетъ не большой (сравнительно) промежутокъ времени. Начертаніе буквъ въ первыхъ почти не разнится отъ послѣднихъ. Не достаетъ въ нихъ только Ω, Σ и Ε, замѣняемыхъ ω, σ и ε, ¹⁾ которыхъ употребленіе встрѣчается впрочемъ и въ языческихъ, особенно же въ № 25. Исключительная особенность христіанскихъ есть слитное начертаніе дwoегласнаго ou въ видѣ u, хотя наравнѣ съ нимъ (и даже въ одномъ и томъ же словѣ, напр. ΔΟΥΛΙΚΤΙΘ) встрѣчается и раздѣльная форма письма ²⁾. Матеріаль, употребленный для тѣхъ и другихъ памятныхъ записей древними Эдесситами, хотя тотъ же самый, т. е. мраморъ, но видно, что язычники болѣе радѣли о внѣшней показности своихъ памятниковъ, чѣмъ христіане, что и естественно. Ихъ заботы о томъ не охлаждало и не останавливало припоминаніе „гробовъ поващенныхъ“, и „красить гробы пророческіе“, а за неимѣніемъ пророковъ и всяческіе, для нихъ, какъ и для Іудеевъ, было дѣломъ похвальнымъ.

Естественно мы пожелали собрать свѣдѣнія, гдѣ какая надпись отыскана. Оказалось, что языческія найдены въ разныхъ мѣстахъ по окрестности, а христіанскія всѣ возлѣ самой церкви, при которой въ стародавнее время было и кладбище, по тогдашнему обычаю. Вся теперешняя площадь при церкви вскопана. На глубинѣ одного метра, или около того, оказалась она вся усѣяна склепами одиночными, кладенными изъ тесанаго песчаника съ полуцилиндрическимъ сводомъ, имѣвшимъ къ одному краю четырехугольное отверстіе, за-

¹⁾ Также и Α языческихъ надписей замѣняется въ христіанскихъ постоянно Λ, хотя это послѣднее начертаніе встрѣчается наравнѣ съ Α во множествѣ надписей языческой эпохи. Тоже надобно сказать и о начертаніи σ въ видѣ Ϟ или ϙ, весьма рѣдко, впрочемъ, встрѣчающагося въ письмѣ христіанскаго времени.

²⁾ Всѣ 28 надписей мы представляемъ для любознательности читателей въ довольно точныхъ отнюдобеніяхъ. См. таблицы.

ставляемое камнемъ или плитою. Стѣнки и сводъ этихъ склеповъ доставляли собою отличный матеріалъ строителямъ церкви. Оттого, вынудивши остатки ископившихся костей усопшихъ, они обыкновенно разбирали камни и затѣмъ засыпали яму. И теперь можно различать мѣста бывшихъ склеповъ. До сихъ поръ открыто и уничтожено уже 50 древнихъ могилъ. Я пожалѣлъ, что никто не подумалъ оставить на показъ хотя одинъ склепъ неприкосновеннымъ. Мнѣ сказали на это, что всѣ склепы совершенно похожи были одинъ на другой, и что образчикъ ихъ я могу видѣть сейчасъ. Сказано — сдѣлано. Тутъ же не подалеку зяло небольшое отверстіе въ землю, которымъ я и спустился по древнимъ каменнымъ ступенькамъ внутрь склепа. Размѣры его оказались слѣдующіе: длина — 2,12 фр. метра, ширина — 1,40, вышина до ключа свода — 1,63. Около 40 сантиметровъ занимаетъ система узенькихъ ступенекъ. Противоположная входной стѣнка покрыта штукатуркой, по которой сдѣланъ рисунокъ фресковый, представляющій три горизонтальныя полосы, красную, бѣлую и красную. Поверхъ послѣдней нарисованъ черный, удлиненной формы, крестъ¹⁾, а по сторонамъ его — выникающая изъ земли высокая трава. Краски еще довольно сохранились. Полъ склепа былъ когда-то цементованъ. Внутри такихъ склеповъ находимы были, въ разныхъ положеніяхъ, и плиты съ надгробными надписями. Большая часть склеповъ, однакоже, не имѣли подобныхъ записей; кромѣ ихъ и ископившихся костей найдено и нѣсколько мелкихъ металлическихъ вещей (не объяснено — какихъ), хранящихся въ домѣ митрополита. Прощаясь со склепомъ, я спросилъ завѣдывающаго работами въ церкви,

¹⁾ Разъ и на всегда мы оговоримся, что, когда упоминаемъ «крестъ», то надобно разумѣть крестъ *четыреконечный*. Ни шестиконечнаго выходнаго креста восточныхъ императоровъ византійскихъ, ни осмиконечнаго *нашего* глубокая древность христіанская не знала. Для ознакомленія, болѣе нагляднаго, съ Эдесскими могилами см. рисунокъ сего склепа на таблицѣ.

какая участь ожидаетъ этотъ послѣдній, сохранившійся въ цѣлости, памятникъ достоитимой древности. Тоже разломаютъ и его? — Теперь пока нѣтъ нужды въ камняхъ, отвѣчали мнѣ. Работы камнезательныя въ церкви покончены, а современемъ... Ясно, что должно послѣдовать „современемъ“. — Вѣдь тутъ когда-то былъ монастырь св. Николая, добавилъ рассказчикъ, — можетъ быть, и опять будетъ. Тогда понадобится камень... Я указалъ, конечно, на окрестныя каменные горы, но не все можно достать, на что можно указать. Этотъ неговоримый отвѣтъ я какъ бы читалъ въ отведенныхъ въ сторону глазахъ собесѣдника. Между тѣмъ, замѣчаніе о бывшемъ тутъ монастырѣ св. Николая хотѣлось бы мнѣ чѣмъ нибудь провѣрить. Проще думать, что тутъ находился въ старобытныя времена самъ городъ Эдесса. Если же и существовалъ (не даромъ же вышло преданіе) монастырь, то развѣ позднѣйшаго времени, когда жили *Патѣ* Іоаннъ и *Патѣ* Антоній съ рабами Божіими Прокопіемъ, Георгіемъ и др. *Пресвитеры* Мартирій и Евдокій съ причтомъ жили ранѣе, чѣмъ могъ быть выстроенъ монастырь во имя св. Николая. Впрочемъ, пусть будетъ такъ, какъ было!

Часы напомнили намъ, что пора идти домой, гдѣ несомнѣнно насъ уже давно поджидаютъ. Ибо условлено было утромъ, сегодня же засвѣтло отправиться въ дальнѣйшій путь. Свѣтская компанія давнымъ давно оставила насъ и возвратилась въ городъ. Узнавъ, что такіе *дорогіе* гости, какъ мы, вчера пріѣхали, а сегодня и увѣжаемъ, намъ нѣкоторымъ образомъ поставили на видъ, что такъ нельзя дѣлать, что слѣдуетъ остаться до воскресенья, — храмоваго праздника церкви, когда — къ тому же — предположено и освященіе ея. Доводы конечно сильныя, но провести три лишнихъ дня на одномъ мѣстѣ, это было черезъ чуръ для всѣхъ насъ. Возвращаясь во свояси тѣми же садами, я всматривалъ еще гдѣ нибудь развалины и спрашивалъ, не слыхатъ ли чего о гробницахъ древнихъ царей, упоминаемыхъ вотъ въ этой книгѣ, указалъ я. Мнѣ сказали, что книга-то вѣроятно слышала

о тѣхъ самыхъ могилахъ, которыя мы видѣли у церкви, и по послѣ-
вицѣ „возная, гдѣ звонять“, окрестила ихъ именемъ „царскихъ“. Могло
быть и такъ. А все же разбирала смертная охота порыться (конечно
не своими пустыми и неумѣльными руками) въ районѣ двухъ-трехъ верстъ
отъ „Св. Троицы“, и напасть на цѣлый рядъ какихъ нибудь новыхъ
Фивскихъ ипогеевъ, хранящихъ въ себѣ останки предковъ Александра
Великаго. Не нашлось ли бы въ нихъ какого нибудь вѣщаго памят-
ника, изъ котораго можно бы было вывести подходящее заключеніе
о томъ, кто такіе были первоначальные Македонцы, и какимъ языкомъ
они говорили. Вербовать ихъ въ *Славянъ* нѣтъ прямаго основанія, —
особенно послѣ того, какъ они столько разъ нападали на своихъ
мирныхъ сосѣдей Трибалловъ, оказавшихся впоследствии Славянами,
и частіе — Сербами. *Нѣмцами* они тоже врядъ ли могли быть, ибо
на какихъ-то *Гетовъ* придунайскихъ тоже ходилъ воевать Александръ,
а такъ какъ есть вѣроятность, что Геты суть позднѣйшіе *Готы* или
Готы, то и вышло бы, что нѣмцы ходили на нѣмцевъ! Изъ самаго
же пресловутаго имени *Македо*, или, по вѣроятнѣйшему выговору древ-
нихъ, *Македо* ничего не извлечешь въ пользу какого бы то нибыло
предположенія. Себялюбивые составители древней исторіи и геогра-
фіи Элліны не пропустили случая записать, что родоначальникомъ
Македонцевъ былъ внучекъ древняго Девкаліона, по имени *Македонъ*
(*Μακεδών*), и слѣд. Грекъ, если только самъ Девкаліонъ, этотъ
Ной греческихъ преданій (и въ тоже время — сынъ Яфета или
Іафета Библии!) почему нибудь можетъ быть причисленъ къ грекамъ.

Опять мы идемъ мимо „Эллинскаго училища“ Водены. Мнѣ пред-
лагаютъ посмотреть школу взаимнаго обученія, или на официалномъ
языкѣ *Ἀλληλοδιδασκτικόν* (подразумѣвается: *Σχολεῖον*) и *Παρθεναγωγεῖον*,
т. е. дѣвичье училище, въ которомъ обучаются 200 (!) дѣвочекъ. А
сколько же учениковъ въ Аллилодидактиконѣ? Подлюбопытствовалъ
я узнать. Мнѣ не запинаясь отвѣтили: *естъ!* Понимай, какъ хочешь!

Въ обѣихъ этихъ школахъ (не говоря уже объ *Эллинской* ¹⁾), преподаваніе идетъ на греческомъ языкѣ. Ни о Болгарскомъ ни о Славянскомъ и помину нѣтъ. Если прибавить къ этому, что и во всѣхъ вообще училищахъ Воденскаго округа (если таковыя есть) ученіе тоже идетъ по гречески, да и богослуженіе въ 100 приходскихъ церквахъ Воденской епархіи совершается греческое, то нечего дивиться тенденціямъ девкаліоновцевъ видѣть и выдавать Македонію греческою. Достаточно какому нибудь автору: Les Turques напечатать, да еще по французски, что всѣ христіане Водены суть греки, а мнѣ засвидѣтельствовать передъ исторію, что въ Воденской епархіи вездѣ и богослуженіе и обученіе идетъ греческое, чтобы потомки наши и въ теперешней Едессѣ Македонской видѣли однихъ грековъ. Вѣдь для нихъ черезъ полторы или двѣ тысячи лѣтъ мы тоже будемъ имѣть значеніе Фукидидовъ и Птолемеевъ. Патриотъ тогдашняго времени, очевидно, не задумается назвать Болгарскую Водену, по любимому выраженію Фукидида, Ἑλληνικὴ πόλις, какъ бы: *грекъ-городъ* ²⁾. И будетъ считаться догматомъ въ исторической наукѣ временъ тѣхъ и преподаваться съ кафедры Едесскаго Университета, при рукоплесканіяхъ всей столицы возстановленнаго царства Александрова, что въ XIX столѣтіи по Р. Х. эллинизмъ процвѣталъ въ варвароименной области Воденской. А между тѣмъ, когда мы подошли къ своей квартирѣ, то стоявшая въ дверяхъ *дивойка*, привѣтствуя насъ, сказала совершенно не понятнымъ для эллина, языкомъ: „добаръ вечеръ“! И прибавила, что насъ давно уже чакаютъ

¹⁾ Ἑλληνικὸν Σχολεῖον не значить только Греческая школа. Это есть высшая инстанція элементарнаго образованія у грековъ, гдѣ дѣти учатся древнему *эллинскому* языку, которымъ, не смотря на все ученіе Аѳинскихъ и Константинопольскихъ ученыхъ, народъ еще не говоритъ. Въ Воденскомъ «Эллинскомъ» училищѣ преподается и французскій языкъ; съ не малымъ удивленіемъ узнали мы, что учить ему одна турокъ. Вотъ и составляете вѣрныя заключенія о томъ, что такое Македонія.

²⁾ До слова: *грекъ-городъ*, такъ какъ слово: πόλις—городъ есть женскаго рода.

„да ядемы“. Въ самомъ дѣлѣ, было уже къ вечеру и приклонившись былъ день. За авраамовской трапезой мы похвалились передъ компаніей плодами трудовъ своихъ археологическихъ, но большаго впечатлѣнія на „людей дѣла“ тѣмъ не произвели. Даже и манеръ мой завлечь ихъ вниманіе къ записной книжкѣ моей сообщеніемъ хозяину извѣстія, что я прочелъ его фамильное имя въ одной (№ 20)¹⁾ изъ древнихъ надписей, остался безъ послѣдствій. Всѣгда вертѣлась все на какомъ-то процессѣ, крѣпко занимавшемъ хозяина, изрѣдка принимаемая характеръ индустриальный по поводу занятія его же шелководствомъ. Тутъ же передъ глазами нашими на широкихъ полкахъ копошились въ листьяхъ тутовника шелковичные черви, кому придававшие, а у кого совсѣмъ отбивавшіе своимъ занятіемъ аппетитъ.

Въ 5 часовъ мы простились съ гостепріимнымъ кровомъ. Долго провожавшая насъ глазами и поклонами у дверей дома, славянская селѣя возбуждала во мнѣ глубокое участіе. Припоминались мнѣ давнія и далекія сцены изъ другаго славянства, подобныя этой. „Ребятки, выходите провожать гостей“ раздавался бывало приснопамятный голосъ, и мы выходили къ воротамъ, стояли и кланялись отъѣзжавшей кибиткѣ. Какъ все это и сердечно и просто и вмѣстѣ торжественно — важно! Въ глазахъ туманилось. Вмѣсто Водены выдвигалось воображеніемъ на первый планъ, со всею своею дѣтскою обстановкою, родное село, и заслоняло собою дѣйствительность. Такъ часто доводилось мнѣ вѣрить и другихъ завѣрять, что свойство крови есть нѣчто напускное, искусственное. Ужели отказаться отъ сего подъ наитіемъ охватившей душу грусти? Не столько крови, сколько родной рѣчи воздѣйствіемъ, можетъ быть, должно считать не подлежащій сомнѣнію фактъ племеннаго сочувствія, предназначеннаго играть такую важную рѣшающую роль въ жизни человѣчества. Думать и радумывалъ я объ

¹⁾ ... *Pia Cida*... Фамилія хозяина: *Cido*.

этомъ, когда уже ничто передъ глазами не напоминало ни племенства ни самаго человѣчества. Сейчасъ же за городомъ потянулась безлюдная пустыня. „Раздумывать“ приходилось отъ того, что подиѣченные богомудрымъ Апостоломъ въ душѣ нашей судительные помыслы: *осуждающій* и *отпущающій*, только не знаю который именно изъ нихъ, а можетъ быть и совершенно отдѣльный отъ нихъ, третій — отъ не пріяни — помысль, уже начали во мнѣ свою привычную ироническую логомахию. Чуть я умиллся сердцемъ при мысли о „родной рѣчи“, какъ воображенію моему предсталъ одинъ, знакомый мнѣ въ Константинополѣ еврей, въ совершенствѣ говорящій роднымъ словомъ нашимъ, но не возбудившій во мнѣ ни разу племеннаго сочувствія... Такъ, такъ! Но и то, сплошь пьяное село Покровское, которое я не такъ давно видѣлъ въ день храмоваго праздника, затопившее слухъ мой родною рѣчью, неизвѣстною ни одному лексикону, стѣбитъ цѣлага кагала жидовъ, фальшивыхъ, паршивыхъ, но — трезвыхъ! Этимъ недавнимъ подогрѣтымъ знакомствомъ моимъ съ единокровнымъ и единоязычнымъ мнѣ племенемъ я, можно сказать, окончательно разуверился въ какомъ бы то ни было *ex principio* сочувствіи къ кому бы то ни было на свѣтѣ, безъ вѣдома ума или хотя одного зрѣнія. До космополитства, конечно, еще далеко отсюда, но — смѣю думать — близко до Евангелія.

Послѣ цѣлосуточного отдыха ѣдемъ бодро и весело. По „Табулѣ“ впереди ожидаетъ насъ станція *Целлис* (Cellis), отстоящая отъ *Едессы* на 45 миль. Она же указывается и въ „Дорожникѣ Антониновомъ“, только здѣсь въ одномъ мѣстѣ взаимное разстояніе ихъ опредѣляется въ 33, а въ другомъ — въ 34 мили. Теперь не отыскивается, да, думаемъ, никѣмъ и не разыскивается мѣстность эта. Чего нибудь подобнаго этому имени не слышится между названіями промежуточныхъ селеній. Досужій антикварій могъ бы дослѣдиться ея, держась остатковъ древней дороги Римской, по всей вѣроятности еще немалочис-

ленныхъ. Очень можетъ быть, что эти *целлы* или *келлы* стояли тамъ, гдѣ теперь городокъ *Флорина* или *Филорина*, очевидно римскаго происхожденія, на который и теперь направляется естественный, условливаемый топографическими особенностями, путь во внутренность горъ *Старой Болгаріи*, а по древнѣйшей кличкѣ *Иллириды* ¹⁾). Мы, впрочемъ, избираемъ другой, прямѣйшій путь, оставляя влѣвѣ *viam Egnatiam* вѣстѣ и съ *Флориною*, но сдѣлаемъ это уже за озеро, не тѣмъ, которое начинаетъ открываться намъ вправо отъ дороги, и зовется: *Техово* ²⁾, изъ котораго многими, разбитыми на ручьи путями вытекаетъ и *Воденская рѣчка*, образующая водопадъ, а другимъ, въ 10 разъ большимъ его, и уступающимъ по обширности только *Охридскому „морию“*. *Воденскій анфитріонъ* нашъ, указывая въ сторону озера, рассказываетъ что-то остановившейся компаніи, я могу только видѣть, а не слышать рассказчика, потому что уже успѣлъ отстать отъ общества. *Господинъ Наумъ* тутъ распростился съ нами. Сколько я могъ понять, онъ имѣетъ права собственности на озеро, кѣмъ-то оспариваемыя. Впереди насъ высятся гора, еще разъ зовомая именовъ, начинающимся съ любезнаго мѣстамъ этимъ: *кара* (черный). Виды открываются дикіе, но прекрасные. Къ сожалѣнію я мало становлюсь способнымъ цѣнить, да даже просто — замѣчать ихъ. *Забота* моя сосредоточивается на томъ, чтобы не отстать отъ другихъ и сохранить животъ свой. Деревня *Владова* — потому видно, что владѣетъ „ключемъ позиціи“, какъ выражаются странники, на часъ пути отъ *Водены*. Солнце уже крѣпко склоняется къ горизонту и мѣшаетъ видѣть предметы впереди. Выпадаетъ значительный участокъ ровной и мягкой дороги. Общество пользуется случаемъ и галопируетъ, нако-

¹⁾ Шугів. Иное дѣло: *Иллирисъ* — область, и иное: *Иллирикъ* — страна. Первая, въ отличіе, зовется еще *Греческой*.

²⁾ На картахъ пишется *Телево*. Скорѣе — благо, чѣмъ озеро, хотя величается послѣднимъ именовъ. Пуквиль окрестилъ его именовъ *Лодово*. Буе, вопреки *Киппертовой* картѣ, находитъ его круглымъ и кратеровиднымъ.

нець совсѣмъ окрывается изъ глазъ. Опять я напѣваю мысленно нареченіе премудраго: кое общеніе котлу съ горнцемъ... и пр., но волей — не волей, вопреки не только мудрости, но и простому толку, несусь туда же во весь махъ, ухватившись руками и за сѣдло и за гриву животнаго, чуть не за шею, и рискуя разбить голову о первое вездорожное дерево, такъ какъ впивавшійся въ глаза почти уже горизонтальный лучъ солнца не позволялъ различать впереди ничего. Когда я догналъ компанію, то мнѣ сказали, что я опоздалъ и прозѣвалъ „торжественный моментъ“. Происходила передача консульскаго вѣдомства старою властію (?) новой. Мы были на рубежѣ Пашалыковъ Солунскаго и Битольскаго, и вѣзжали въ послѣдній, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и въ районъ нашего Битольскаго консульства. Церемонія состояла въ томъ, что старый консулъ, умчавшись впередъ, сталъ съ боку дороги, и когда поравнялся съ нимъ новый, сдѣлалъ ему на караулъ саблей. Я засталъ только уже остатокъ того впечатлѣнія, которое произвела „штука“ на публику. Всѣ находились подъ вліяніемъ гомерической веселости. Опять поднимаемся на высоту, прощаемся съ солнышкомъ, и минуемъ не одно не веселое мѣсто. Деревня *Кускова*. А эта отчего такъ названа? Спрашиваю я. Отвѣчаютъ, не задумавшись: оттого, что какіе нибудь „черные“ тутъ изрубили на куски какіхъ нибудь бѣлыхъ. Зигзаги безконечны. Ѣдемъ уже два часа. Обѣщается сей часъ спускъ съ угрюмой высоты и великолѣпный видъ, котораго впрочемъ не придется увидѣть по причинѣ наступающей ночи. И дѣйствительно, когда открылась передъ нами глубокая котловина, полная воды, мы болѣе мыслию, чѣмъ глазомъ признали въ ней давно ожидаемое озеро. Долго и опасно спускались мы къ нему, и уже въ полныхъ потемкахъ достигли расположенной на берегу его деревни, именуемой *Острово*¹⁾. Это же имя придается и

¹⁾ Такое имя, конечно, напрасно было бы искать на «Табугъ» (Певтингеровой). Не

озеру, и выходитъ такимъ образомъ странное противорѣчiе имени съ именуемымъ, — озеро стало островомъ! По барометрическимъ измѣренiямъ поверхность его находится на уровнѣ 1245 футовъ надъ поверхностью моря, — выше, значить, не малаго числа извѣстныхъ мнѣ горъ. На столько мы поднялись въ теченiе минувшихъ дней, не принимая въ расчетъ притомъ не однократно уже пересѣченныхъ нами настоящихъ горныхъ высотъ! Въ честь мѣста мы сдѣлали кратчайшiй привалъ у Островскаго хана. Ханджи поднесъ компанiи по „мастихѣ“ въ подкрѣпленiе физическихъ и моральныхъ силъ, столько нужныхъ въ виду ночной сырости, темноты и нѣкоторой тѣсноты духа. Прямо въ глаза намъ смотрѣлась черная громада горъ, которую, видимо, предстояло преодолѣть. Разстоянiе, которое мы проѣхали, оказалось только игрушкой въ сравненiи съ тѣмъ, какое оставалось проѣхать до ночлега, напередъ, конечно, намѣченнаго, т. е. намъ сулили еще часовъ 5 безотдышной ѣзды. Половинный мѣсяцъ стоялъ надъ головой и обѣщалъ именно настолько времени посвѣтить намъ. И такъ снова садимся на конь и ѣдемъ вдоль сѣвернаго берега „озера“. Мѣстность болотистая. Воздухъ сырой и тяжѣлый. Тишина и думы. Я радъ, что ночь мѣшаетъ наѣздникамъ нашимъ показывать свою удалъ, и позволяетъ мнѣ припомнить, что когда-то у озера этого зинковалъ съ своей армiей царь Греко-Никейской имперiи *Иоаннъ Ватацъ*. Пользуясь временнымъ затишьемъ дѣлъ съ Латинами Константиполя и Болгарами, онъ вознамѣрился покрѣпче взяться за восстановленiе изветшавшей державы Константина. Добившись конца Солунскаго царства, онъ задался мыслию покончить и съ Деспотомъ Эпирскимъ. Выгнавъ дядю его изъ Водены, какъ мы уже замѣтили вчера, или точнѣе давъ ему случай бѣжать и избѣгнуть заслуженной кары, онъ

изображено тамъ и самое озеро. Пуквиль полагаетъ, что оно самое извѣстно было въ древности подъ именемъ *lacus Begoritis*.

двинулся нашею конечно дорогою впередъ и дошедши до озера, расположился на широкой долинѣ его лагеремъ. Отсюда онъ командировалъ донимать беспокойнаго *Комнина - Ангела*¹⁾, владѣвшаго тогда кромѣ своего Эмира кажется и всей Фессаліей, своихъ полководцевъ *Алексія Стратимонула*, славнаго потомъ отнятіемъ у франковъ Константинополя, и еще болѣе славнаго *Михаила Палеолога*, будущаго Императора, самъ же занялся присоединеніемъ подъ свой скипетръ путемъ засылокъ и переговоровъ прилежащихъ мѣсту областей, въ чемъ и успѣлъ. Одинъ за другимъ явились къ сильному и доброму монарху правители важнѣйшихъ сосѣднихъ городовъ и били челомъ, по выраженію нашихъ лѣтописей. Въ числѣ ихъ были и Касторійскій *Глава* (очевидно болгаринъ) и Албанскій *Гуламъ* (вѣроятно скипетаръ или по теперешнему — арванитъ). Въ этихъ дѣлахъ прошла зима. Къ веснѣ Императоръ возвратился въ Водену и тамъ праздновалъ пасху. Тогда же привели къ нему связаннаго и пойманнаго бѣглеца Теодора... Можно забыться, читая все это у самовидца писателя *Георгія Акрополита*, состоявшаго при Ватаци въ званіи главнаго дѣлопроизводителя, какъ бы нынѣшняго канцлера. Такъ живо и наглядно умѣлъ излагать замѣчательный государственный мужъ — историкъ! Между тѣмъ все это происходило слишкомъ за 600 до насъ лѣтъ. Безспорно, мѣста подобныя Воденѣ, Острову и другимъ тойже центральной полосы нынѣшней Румелии были свидѣтелями множества важныхъ для своего времени событій изъ греко-македонской, греко-римской, греко-славянской, греко-латинской и греко-турецкой исторіи. Но молчать о нихъ гречанка *Клио* — молчимъ и мы. Да всего и

¹⁾ *Михаила II*, сына *Михаила I*, основателя Эмирскаго владѣнія. И сынъ и отецъ были не законно пришитые дѣтя, и потому не имѣли права считать себя ни *Комнинами* ни *Ангелами*, но на зло Никейскимъ рагверис уорно называли себя такъ.

не пересказанъ. Если мы не разъ уже вызываемъ изъ историческаго мрака свѣтлое лицо царя Ивана Милостиваго, то только по особенному сочувствію къ нему. Не былъ онъ, видите, ни Комнинъ ни Ангелъ, ни даже Ласкаръ, перенявшій имя той и другой владѣтельной фамиліи, и на престолъ Константиновъ попалъ какъ бы случайно, а между тѣмъ нашелся поддержать его съ рѣдкимъ достоинствомъ, въ виду четырехъ совѣтниковъ, не считая Иконійскаго Султана и Болгарскаго Краля, и подъ гнетомъ всевозможныхъ затрудненій. Не онъ одинъ конечно разъѣзжалъ дорогою нашею, а съ десятокъ и другихъ самодержцевъ Византіи носились взадъ и впередъ, съ войсками и безъ оныхъ, побѣдителями и побѣжденными; больше же всѣхъ конечно воинственный шурина нашего краснаго солнышка *Владимира*, именитый *Васильй Болгаробоецъ*, не помышлявшій, какъ видно, о томъ, какое горькое чувство должны были возбуждать его трофеи въ сердцѣ его дальняго родственника. Впрочемъ и то возможно, что наше „солнышко“ можетъ быть даже радовалось истребленію тамъ далеко гдѣ-то появившагося нѣкоего какъ бы тоже *Владимира* (трехъименнаго по византіяцамъ). Вѣдь отецъ его ходилъ за моря раззорять и разрушать ни за что ни про что единоплеменное царство! Я даже не сомнѣваюсь, что въ войскахъ греческихъ были и дружины русскія. Пусть, въ угоду воображенію, одни воители стоятъ по одну сторону, а другіе по другую *Островскаго озера*, перекликаются трубными звуками въ тишинѣ подобной же ночи, и ждутъ съ нетерпѣніемъ минуты истребить другъ друга. Идти ли мыслию дальше? Миръ имъ и вѣчный покой во мракѣ минувшаго безвѣстнаго!

Давно уже поднимаемся по стропотной стезѣ на подступы громадной горы *Нидже*, вершина которой, скрывавшаяся вчера въ облакахъ, достигаетъ по всей вѣроятности 6000 фуговъ. Мы пересѣкаемъ ее на незначительной сравнительно высотѣ. За ней должна открыться великая равнина древней *Пелагоніи*, зовомаъ теперь Битольской, —

ближайшая пока цѣль нашего путешествія. Дорога извивается горизонтально и вертикально, слѣдуя волнообразнымъ скатамъ горы. Разговоръ не слышно. Старый Търко покашливаетъ подъ влияніемъ ночной прохлады или пожалуй проморози. Встрѣтившійся человекъ съ ружьемъ принимается за пастуха на томъ основаніи, что онъ одинъ. Но онъ могъ быть соглядатаемъ цѣлой шайки пастуховъ, стерегущихъ и стригущихъ проѣзжаго, у которыхъ франкскій костюмъ нашъ и довольно грозный видъ, а главное численность наша, могли выбить изъ головы мысль о беззащитномъ стадѣ. Образовавшаяся отъ быстрой ѣзды и болтавшейся въ карманѣ зрительной трубки на ногѣ моей рана не давала мнѣ покоя. Я вынужденъ былъ остановиться и туго перевязать больное мѣсто платкомъ, зная напередъ, что завтра не будетъ возможности отодрать его отъ тѣла. Но, что дѣлать? Завтрашнее будетъ еще завтра, а нужно было немедленно изыскать какойнибудь *modus vivendi* на цѣлую ночь. Съ физическою соединялась для меня и „моральная“ невзгода. Неоднократныя замѣчанія спутниковъ, что я все позади да позади, тоже вызывали нѣкоторую боль въ другомъ органѣ, котораго нельзя, и нечемъ было перевязать. Слагая, по пословицѣ, вину съ больной головы на здоровую, я предложилъ помѣняться комунибудь со мною конемъ. За охотникомъ дѣло не стало. Мой лѣнивый *доринцо* (карько) пошелъ подъ другимъ сѣдокомъ буцефаловымъ шагомъ. Но и я не остался въ накладѣ, по крайней мѣрѣ—на первый разъ. Муштровка прежняго сѣдока была еще въ памяти у доставшагося мнѣ животнаго, и оно прибавляло ходу при всякомъ моемъ, самомъ случайномъ, движеніи на сѣдлѣ, понимая его въ своемъ извѣстномъ смыслѣ. Бравый (и очень не симпатичный) кавасъ консульскій *Хассанъ*, чистокровный албанецъ, то пѣлъ, то громко зѣвалъ, а наконецъ началъ что-то рассказывать впереди про „довгихъ челоувѣковъ“, коихъ могилы онъ видѣлъ на вершинѣ горы, а тонкій Търко, тоже когда-то бывшій бравымъ, да чуть ли еще не клефтомъ, сом-

мнительно покрывает при наиболее выдающихся эффектных выходах рассказчика. Большаго доверія, какъ видно, нѣтъ между людьми, служащими одной и тойже идеѣ, которую было бы обидно для нихъ называть идеѣй жалованья. Думаю, справедливѣе руководящее начало ихъ дѣятельности искать на сторонѣ „славнаго“, чѣмъ „полезнаго“. Христианинъ (Търяко) считаетъ имя русское лозунгомъ спасенія для себя и для своей страны. Магометанинъ (Хассанъ) въ Москвѣ видитъ дорогой ему идеаль великаго, широкаго, многочисленнаго, страшнаго и въ концѣ концовъ... богатаго, конечно. Изучая же приемы рукъ и челюстей его, я готовъ даже подумать, что дикаго метода всего болѣе плѣняетъ воплощаемая имъ въ насъ русскихъ идея захвата, какъ высшаго свидѣтельства преобладающей силы ума или мышцъ... Если ошибаюсь, то вѣрю, что онъ не обидится на меня за это.

Уже 10 часовъ. Чувствуется большее утомленіе. Обѣщаетел въ скорости нѣкій *Дервенъ-ханъ*, т. е. „корчма на перевалѣ“. Жду его, имѣя въ виду не одно только отдохновеніе, а и нѣкое утѣшеніе, выражаясь монастырскимъ языкомъ. Потомившись еще съ четверть часа, показался и ханъ. Предводители каравана, вижу, спѣшались у него. По простотѣ готовъ былъ уже послать имъ радостное: съ прїѣздомъ! Но не твердая позитурѣ ихъ на землѣ показала мнѣ что-то подозрительною. Вскорѣ стало извѣстно, что идутъ совѣщанія о томъ, тутъ ли остановиться ночлегомъ, или ужъ кстѣти доѣхать до *Тюльбюли*. Если „кстѣти“ ѣхать, то очевидно некстѣти оставаться, подумалъ я, и ничего тутъ не подѣлаешь, ибо все, вопреки сему придуманное, выйдетъ не къ стати т. е. къ неустояти. Съ другой стороны, благозвучное и благознаменательное *Тюль-бюль-и*... само собою брало верхъ надъ дерущимъ уши *Дервенъ-ханомъ*. Въ пользу *Влюхера* (генераль *Vorwärts*) приводился и тотъ аргументъ, что мы ѣхали сегодня всего 5 часовъ, слѣдовательно не достигли еще законной полдюжины. — Ну, а если въ *Тюльбюли* мы его перестигнемъ? — спросилъ я. — Такъ намъ

же лучше, отвѣчали ииѣ, — останется меньше до Витоля. — Что сказать было противъ такого оригинальнаго довода? Вѣдь возможно, что мы сегодня пройдемъ столько, что до Витоля и ничего не останется для завтра, но какъ дождемъ?.. Слова словами, а дѣло дѣломъ. Поговорили, и потянулись впередъ къ прекрасному и многонадежному *Тальберю*, котораго имя къ завтрашнему дню вѣроятно еще какъ нибудь видоизмѣнится. Тѣже малые спуски и длинные подъѣмы, туднородныя влянья, камни и каменья, свѣтлыя полосы лучшаго сянья и темныя пятна тѣней, отбрасываемыхъ кустами и расчепами скалы, рисующія нашь фигуры прилегшихъ къ землѣ овецъ, а еще чаще злобщія очертанія прищѣливающихся овчарей, о которыхъ говорено выше... Послышится гдѣ нибудь глухой и жалобный крикъ горной совы, и еще какой-то не то голосъ не то бормотъ, можетъ быть по-смертний разговоръ довгихъ челоуѣковъ, и все опять кругомъ безжолвно, какъ въ могилѣ! У кого-то на часахъ оказалась полночь. Открытiе сообщается къ общему свѣдѣнiю. — Смотрите, не хватить ииѣща до *Тютю-бери*, слышится въ аррьергардѣ, съ надавленныиъ ударенiемъ на тютю. — Какъ не хватить? Пересѣкаетъ остроту чей-то сонный голосъ, сегодня только еще 20-е число. — Да, ну васъ! Заключаетъ властно хозяинъ „района“. Такъ и видно, что ѣдете изъ Остраго! — Раздаются рукоплесканiя, проходитъ дремота, начинаются понукиванья, переходящiя неожиданно въ: *Messieurs! Sauve qui peut!* И слѣдъ простылъ моей компанiи! Тянемся мы одни съ сивымъ Търпкомъ на сивой лошади. Прошло съ добрую четверть часа, пока мы опять обмѣнялись съ товарищами привѣтомъ: „какъ поживаете“? Оказалось, что поживаютъ какъ нельзя лучше, ибо стоятъ на спускѣ съ горы, и уже можно различить именитый ханъ... Все, что происходило по водворенiи въ *Тунг-были*, не подлежитъ описанiю. Охарактеризовать его можно двумя словами: смертная истома.

Турабала. 21 Мая 1865. Пятокъ.

Хотѣлось бы почтить мѣсто почлега нашего, какимъ нибудь классическимъ именемъ, но гдѣ его взять? Классическій міръ свысока относился ко всему захолустному, и многого изъ того, что составляетъ теперь славу и похвальбу земли, совсѣмъ не зналъ. Ни одною проселочною дорогою онъ не ходилъ и не ѣздилъ, ни въ одинъ ханъ придорожный не заглядывалъ. У него ли спрашивать, что тутъ было въ его время? Только вѣрно, что не было: *тюль-бюли*, потому что еще вчера вечеромъ ошибочное чтеніе было исправлено и восстановлено истинное: *тура-балы*¹⁾. Мало того, сегодня — не свѣтъ, не заря — славянофилѣйшій изъ общества нашего освѣдомился, что славянское имя мѣста есть: *Воспораны*. Шипящій звукъ въ имени не могъ понравиться, и чтобы не дать мѣста напрашивающемуся на языкъ каламбуру, мы условились, пока не выѣдемъ съ мѣста, произносить: *Воспораны*, при чемъ долженъ рисоваться въ воображеніи нашемъ кстати и нашъ дорогой Воспоръ цареградскій. Ночь провели всѣ мы гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Перваго, кто заговорилъ на тему: вставать, заставили еще спать, прибавивши, что торопиться некуда. Перваго добраго утра въ „своемъ“ районѣ мы такимъ образомъ и не видали. Когда компанія проснулась, уже во всемъ блескѣ сіяли за окномъ солнце, а на столѣ самоваръ, оба жгучіе и распространяющіе кругомъ себя паръ, тоже каждый дѣятель въ своемъ „районѣ“. Поздравили другъ друга съ славянскимъ (!) праздникомъ Святыхъ Константина и Елены... Намъ ли, заѣхавшимъ въ такую славянщину забыть, что великій Императоръ родился въ *Наиссъ*, теперешнемъ *Нишѣ*, до котораго отсюда, какъ говорится, рукой подать, и жители котораго съ незапамятныхъ временъ — славяне? Жаль, конечно, что

¹⁾ На Австрійской — Генеральнаго Штаба — картѣ оно перенячено въ Turboli.

не чѣмъ больше доказать единоплеменства его съ нами. Не прибѣгнуть ли къ новому историческому приему? Діоклетіанъ былъ далматинецъ. Вытащенный имъ за собою на престолъ Максиміанъ — землякъ его. Усыновленный первымъ Галерій былъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Усыновленный вторымъ Констанцій рождаеть сына все тамъ же по близости... Видно, что все это были *свои* люди, единоплеменники, новые въ исторіи, одѣвшіеся въ римскія имена какъ въ павлиньи перья, на землѣ же отцовъ своихъ — простые пастухи и огородники... Кѣмъ имъ быть, какъ не *славянами*?.. Конкурировать съ послѣдними въ этомъ отношеніи могутъ только *Влахи*, т. е. *Даки* стараго времени. Но кто собственно были сами эти конкурренты, еще остается вопросомъ въ исторіи. Пусть будетъ, какъ было! Повторимъ мы свое прежнее заключеніе, и перейдемъ изъ района самовара въ районъ солнца. Всѣмъ намъ понравилось уединенное положеніе хана. На задахъ его протекаетъ рѣчка. Есть и деревья тутъ же по близости съ густою тѣнью. Не мыслимо было не воспользоваться такою благодатью. Явился на утѣшеніе намъ и гость, игумень сосѣдняго *Крушеватскаго* монастыря, Богъ вѣсть какъ провѣдавшій о пріѣздѣ такихъ именитыхъ путешественниковъ. Онъ взялъ на себя заботу угостить насъ обѣдомъ. Въ ожиданіи сего, мы разостлали коврикъ въ наиболѣе привольномъ мѣстѣ, и предались пресловутому *dolce far niente*. Занимаемая нами мѣстность находилась на склонѣ горы, которой верха нельзя было видѣть и которая, судя по картѣ Кинерта, должна быть все таже *Нидже*. Выдающіеся справа и слѣва скаты ея заслоняли отъ насъ двѣ трети горизонта. Открытый видъ мы имѣли только къ юго западу, куда спускалась, тоже скрывающаяся для глазъ, долина, замыкаемая высокимъ и длиннымъ горнымъ хребтомъ, унизаннымъ почти на всеиъ протяженіи своемъ съ юга на сѣверъ массаами снѣга, еще неуспѣвшаго стаять, и поднимающимся въ небо шестью пирамидальными пиками. Третій изъ нихъ — отъ юга къ сѣверу — представляется самымъ вы-

совишь и вѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе отдаленнымъ отъ глаза. Весь этотъ хребетъ Вуѣ зоветъ, со словъ мѣстныхъ жителей, *Соагора* (Soagora), каковое чтеніе у Киперта исправнѣе переходитъ въ *Suha gora*, т. е. *Суха гора*, какъ намъ дѣйствительно и назвала панораму горную Игу-метъ ¹⁾. Но очень можетъ быть, что кромѣ собственно „Сухой“ горы мы видѣли еще нѣсколько другихъ вѣстѣ, сливающихся оптически. На картѣ такихъ поименовано три: *Амѣргити* (Безребренники), *Чечево* и *Отрама*. А Австрійская карта прибавляетъ еще четвертую: *Sarkina*. Гдѣ же надобно искать Витоля? Спросилъ я. — Бывалецъ мнѣ указалъ на самый край хребта къ сѣверу, гдѣ тоже выглядывала надъ поверхностію земли плоская сѣдловидная верхушка горы. — Гора та зовется: *Перестери* (голубь), и есть самая высокая изъ окрестныхъ горъ. Кажется она пониженною оттого, что стоитъ дальше всѣхъ этихъ. При подошвѣ ея и лежитъ столица этого края *Витомля*, или, если вамъ угодно, *Витоль*, а если еще иначе угодно, то и *Монастырь*. — Поблагодаривъ отличнаго географа за такія обстоятельныя свидѣнія, я, коротая время, занялся рисованіемъ представлявшагося глазамъ вида, который весьма справедливо можно было назвать тоже „сухимъ“ съ прибавкою еще „мерзлаго“.

¹⁾ Еще называется (у Киперта) весь хребетъ: *Неречка Платина*, да тутъ же въ скобкахъ приводится и древнее имя: *Вога*, т. е. *бора*. И Вуѣ указали тамъ же гору: *Вими*, а по албански *Боргъ*, что значить: снѣгъ. Это названіе горнаго хребта *Бора* даетъ поводъ ученому Пуквилю сюда приурочивать пресловутыхъ *Гипербореевъ*, т. е. за — *борьянъ*, переводя слово по русски. Не малую неожиданностію было бы встрѣтиться такъ недалеко отъ Греціи съ обитателями, заносимыми не ученымъ воображеніемъ на глубокій сѣверъ. Вѣстшое вліяніе на образованіе географическихъ (и всякихъ иныхъ) понятій древнихъ грековъ имѣлъ *Этиръ*, для котораго хребетъ *Сухой Горы* точно могъ имѣть значеніе предѣла, за конемъ или *terra incognita*, и обитали люди, для коихъ самое выразительное имя было *Ѡтер-борецъ* безъ всякой дальнѣйшей характеристики, каковыи когда-то были для нашихъ предковъ нѣмцы, чудь, жмудь, воть, весь, . . . Впрочемъ словопроизводство Ипербореевъ можетъ обойтись и безъ всякой горы съ именемъ Бора. Достаточно для этого *Борель* или *Борра*, т. е. сѣверозападнаго вѣтра.

Въ самый полдень предложена была пустынная трапеза съ виномъ и едемъ по заповѣди о праздникѣ и со многими другими „утѣшеніями“ по заповѣди конечно о дорожномъ положеніи наконецъ, пользующемся, какъ извѣстно изъ соборныхъ правилъ, значительными льготами. Подкрѣпившись, мы немедленно собрались въ дальнѣйшій путь. По Итинереру горный переѣздъ отъ Водены до Витоля требуетъ 15-ти часовъ времени. Мы ѣхали вчера въ теченіе 7-ми часовъ. Слѣдовательно, оставалось намъ сдѣлать еще 8 часовъ. Но по увѣренію компаніи достаточно было для переѣзда туда 5-ти часовъ. Я, очень хорошо понималъ, въ чемъ заключается секретъ этой разницы, и мало склоненъ былъ радоваться такому нежданному сокращенію пути. Но ему и безъ меня суждено было растянуться чуть не на полчаса лишніе. Случай, для читателя нисколько не интересный, но для меня не безъ поучительнаго смысла, нѣсколько отуманилъ ясный фонъ нашего пребыванія въ Вошпоранахъ. Это былъ уже третій въ дорогѣ пріемъ извѣстной на Святой Руси и превоспѣтой *блажи*. Во времена Гостомысловъ, и притомъ въ какой нибудь сѣродеревянной деревушкѣ, откуда не увидишь никакихъ ни горъ ни городовъ съ классическими и единизирующими именами, не услышишь ни консульскихъ *районовъ* ни дипломатическихъ оборотовъ ни округленныхъ французскихъ фразъ, могло бы еще быть мѣсто проявленію русскаго „ураса“, какъ называютъ въ Сибири дѣтскій капризъ. Но здѣсь, въ исторической землѣ Филиппа и Александра, по которой столько ходило и ѣздило настоящихъ консуловъ Римскихъ міродержавныхъ, и столько потомъ императоровъ, кралея, герцоговъ, маркизовъ... людей все положительныхъ, сдержанныхъ, позволить себѣ раскапризиться и заставлять другихъ ухаживать за собою, какъ за младенцемъ, по поводу ничтожнѣйшаго: „не такъ“, — это въ пору хоть бы и Иродоту занести на страницы своихъ музъ, какъ рѣдкостный курьезъ. Но, кое какъ дѣло уладилось. Садимся на своихъ „червеныхъ“ лошадей и ѣдемъ. Кавалькада имѣеть

хотя и бодрый, но нѣсколько сконфуженный видъ. Это впрочемъ не жѣпаетъ ни послужившему камнемъ соблазна иноходцу выступать настоящимъ буцефаломъ, ни вѣтрамъ нестись по прежнему, наравнѣ съ преслѣдующими насъ мухами, неугомоннымъ роемъ. И тѣ и другія отстали отъ насъ, когда началось по прежнему галопированіе компаньоновъ по развертывавшейся передъ нами все болѣе и болѣе необглядной равнинѣ древней Пелагоніи, образующей центральную котловину или нагорную площадь всей европейской Турціи. Солнце печетъ и выдавливаетъ изъ тѣла всю, внесенную въ него реагентами утра, влагу. Отвернулась жажда, передъ которой все другое отступило на задній планъ. Показавшееся вдали селеніе привѣтствовано было оттого, какъ набившій литературную оскому „оазисъ въ пустынѣ“. Но добрые полчаса прошли, пока мы добрались до зеленѣющей площадки и спѣшились, по осторожь отъ деревни, у одного колодца, надъ которымъ возвышался искривленный столбъ съ типическимъ журавлемъ. Первобытный этотъ способъ пользоваться существеннѣйшимъ даромъ натуры — земли, памятный мнѣ чуть не со дня рожденія, я вынужденъ окончательно признать произведеніемъ не славянской мысли. Образчики его встрѣчаются и въ Египтѣ и въ Китаѣ и въ западной Европѣ, слѣдовательно на пространствѣ всего стараго свѣта. Не смотря на то, я встрѣтилъ его, какъ стараго товарища своего, чуть не говорившаго мнѣ: завтра пойдемъ по ягоды! Не много со страхомъ, немного по секрету произносится восторгающее приглашеніе... Иду, иду, готовъ былъ я отвѣчать на искусительный призывъ, но ужъ не то впереди меня лежитъ родное поле, да и пріятель, какъ видно, пошутить, сказалъ да и исчезъ! Журавль уже другимъ жаждущимъ киваетъ своею послушною головою, а мы дѣйствительно выѣзжаемъ въ широкое поле, на которомъ придется, вѣроятно, не мало пособирать ягодокъ... археологическихъ. Великолѣпно встала на западномъ горизонтѣ темная масса горы „Голубки“. Можно засмотрѣться, глядя на

нее, действительно напоминающую свою вершиною птицу съ спущенными внизъ крыльями. Дымная полосочка у подножія ея указываетъ мѣсто города, къ которому мы направляемся. Повѣяло чѣмъ-то роднымъ и какъ бы нѣсколько жалостнымъ. Это уже вполнѣ *славянская* земля. Тутъ я увижу нашихъ прапра... дѣдовъ со всѣми ихъ племенными особенностями, не стѣсняемыми ни греческою цивилизаціею ни турецкою цивилизаціею, ни европеизмомъ, ни руссизмомъ, — чистыхъ славянъ славянской Грамматики и Св. Писанія, доселѣ болѣе или менѣе казавшихся мнѣ чѣмъ-то книжнымъ и искусственнымъ, чуть не отвлеченіемъ. Такія скупенныя славянскія селитвы, какъ *Витулъ, Прилтъ, Штинъ, Скопъ* и пр. могутъ представить наблюдателю самыя чистыя образчики Балканскаго славянства, и дать вѣрное понятіе о томъ, что у насъ — русскихъ — есть общеславянскаго, что своего мѣстнаго, что финно-татарскаго, польско-нѣмецкаго и т. д. *Жатва многа*, но не та, которая характеризуется у насъ именемъ *страды*. Отъ нея вѣтъ не страданіемъ, а удовольствіемъ. Если, увидавъ послѣ 20 лѣтней примѣрно разлуки родныя мѣста, не знаешь предѣла расточаемымъ каждому знакомому предмету ласкамъ, не насмотришься и не нарадуешься на нихъ, то что сказать о впечатлѣніяхъ, которыя должны вызывать въ душѣ эти, тоже какъ бы родныя намъ, мѣста, оставленныя исторіею нашею за 500 и 1000 лѣтъ? Впрочемъ, и для страданія вѣроятно останется мѣсто при томъ.

Спустились мы совсѣмъ съ горы, и простились на время съ наскучившимъ камнемъ. Отселѣ впереди насъ до самыхъ противостоящихъ горъ лежалъ одинъ непрерывный зеленый лугъ. Если до сихъ мѣстъ еще что нибудь сдерживало наѣздническій пылъ монахъ спутниковъ, то теперь, когда они увидѣли себя на полной ширинѣ и гладѣ, уже ничто не могло остановить ихъ стремленія. Замѣтивъ, что все было готово en avant, я заявилъ протестъ во имя своей раны противъ такого „весьма не нужнаго“ удалства почтенной компаніи. Но ока-

задось, что не простительно трусить по такой отличной дорогѣ, — тѣмъ болѣе, что это былъ уже послѣдній переѣздъ нашъ... По краткомъ совѣщаніи, рѣшено было предоставить мнѣ съ Суруджи и Търпкомъ ѣхать, какъ намъ заблагоразсудится, и дать свободу остальнымъ распорядиться своею особою по усмотрѣнію cadaго. Сказано — сдѣлано. Прощаемся. — Доброй ночи! Слышится издали доносящійся, иронирующій голосъ. — Ладно! За то бока будутъ цѣлы, говорилъ я себѣ въ утѣшеніи. И надобно признаться, я былъ весьма радъ, что остался одинъ — самъ себѣ хозяинъ. Конь мой, можно было ожидать, модъ стать сѣдоку, со всѣмъ отдастся покою. Между тѣмъ вышло напротивъ. Оставшись одинъ безъ привычныхъ товарищей, онъ сталъ неспокоенъ и прибавилъ шагу самъ отъ себя, какъ бы догоняя другихъ. Черная земля и зеленѣвшіе по обѣимъ сторонамъ дороги посквы привлекали и ласкали взоръ, не говоря уже о множествѣ цвѣтовъ, составлявшихъ какъ бы разукрашенную рамку дороги. Не вдалекѣ видится деревня. — Търпче! Какъ се мове тое-то село-то? Спрашиваю я стараго гонца, стараюсь говорить сколько можно не по русски, и думая, что тѣмъ самымъ ближе подхожу къ Болгарскому нарѣчію. Почтарь, весь занятый береженіемъ наложенныхъ подъ него въ видѣ копы нашихъ сакъ-вождей и другихъ путевыхъ принадлежностей, или не слышитъ меня или непонимаетъ, только не удостоиваетъ отвѣтомъ. Черезъ минуту я обращаюсь къ нему съ тѣмъ же вопросомъ по гречески. Сѣдая голова повернула ко мнѣ свое ухо, обмотанное длинною прядью волосъ, и что-то булькнула про себя, похожее на: *христианъ*, т. е. (гадательно) хотѣла сказать, что село то христіанское, а не магометанское. А можетъ быть то было и собственное имя въ родѣ: *Климентина*, поставленное у Киперта на срединѣ между Филуриной и Битолемъ. Отпала охота у меня спрашивать. Да и что толку въ именахъ и прозваніяхъ, произносимыхъ на 5 на 6 ладовъ? Это не то, что наши: Иваново, Иванково, Ивановское., которыя сразу поймешь и

схотѣешь записать вѣрно. А то, не могло ли быть, что вмѣсто Клеп-тина сказано было придорожнымъ чабаномъ записывавшему туристу: Крепцена, Лещина, Трещина и т. д.? Еще поселокъ при самой дорогѣ съ очепнымъ колодезѣмъ, изъ котораго мы напились воды, не слѣзая съ коня, прямо изъ бадьи. Было уже 4 часа. Передъ глазами безомѣнно торчала гора Перистери, по мѣрѣ приближенія нашего къ ней все возрастающая въ своихъ громадныхъ размѣрахъ. Въ дымной лентѣ у подошвы ея различались уже зелень деревьевъ и бѣлизна домовъ. Еще одинъ придорожный ханъ или конакъ (по нашему: *теремъ*, что-ли). Чуть мы съ Търпкомъ поровнялись съ нимъ, раздалось: „стой! Кошелекъ или жизнь“!.. Дорогу загородила воинственная фигура съ стаканомъ добраго вина въ рукѣ, а изъ за хана раздавались веселыя рукоплесканія. — Однако, вы ползете, нечего сказать! Мы уже цѣлый часъ (!) ждемъ тутъ васъ! Послышалось оттудаже. — Да вѣдь сказано, что торопиться некуда, замѣтилъ я. — Вотъ нашли! Тѣ сказано для утра, а теперь вечеръ?.. — Резонно. Однако же компанія не празднo провела время, дожидаясь меня. По возможности она принарядилась и почистилась, чтобы съ надлежащимъ „шикомъ“ явиться передъ взоры провинціаловъ. Примѣру другихъ послѣдовалъ и я, хотя и не представлялось въ томъ никакой надобности. Освѣдомившись на часахъ, что моментъ для торжественнаго въѣзда въ Витоль былъ какъ разъ подходящій, кавалькада наша двинулась впередъ, занявши всю ширину дороги. Отдохнувшіе кони выступали бодро и крѣпко. Бѣлые и зеленые вуали на шляпахъ граціозно играли съ вѣтромъ, и курбаши похлопывали чуть не гармонически. Не прошло и четверти часа, какъ на встрѣчу намъ со стороны примчался на лихомъ конѣ, какъ роза свѣжій и цвѣтущій, юноша съ двумя ассистентами. Это былъ секретарь нашего консульства въ Витоль. Ассистенты — консульскіе кавасы. Послѣдовали привѣтствія и ознакомленія. Затѣмъ и еще нѣсколько всадниковъ подлетѣло

изъ города и пристало къ нашему кортежу. Еще далѣе, у малой и невзрачной церкви (Св. Христофора) поджидала насъ уже цѣлая масса народа. Это были русскіе подданные, русскіе protégés, приверженцы, торговцы и простые зѣваки. Привѣтствовалъ всѣхъ ихъ, компанія наша еще разъ вспомнила, что благо ноги у нея не свои, и пустилась по ровной и укатанной дорогѣ такою рысью, отъ которой зарябѣло въ глазахъ, и безъ того ослѣпляемыхъ низкими и прямыми лучами солнца. Не умѣрили мы своего пыла и въѣхавши въ городъ. Стукъ и гулъ отъ конейъ 25—30 лошадей, несшихся по мостовой, бѣготня кидавшихся туда — сюда въ виду опасности пѣшеходовъ, и крикъ ребятишекъ, бѣжавшихъ по сторонамъ въ перегонку, придали столько эффекта нашему въѣзду въ городъ, что, я думаю, рассказъ о немъ станетъ добрымъ провинціаламъ на цѣлую недѣлю. Послѣ десятка поворотовъ направо и налево, мы уперлись въ ворота довольно большаго двухъ-этажнаго дома съ длиннымъ рядомъ оконъ, балконами, трубами и высокою мачтою, поставленною на самомъ видномъ мѣстѣ, на коей развѣвался русскій трехполосный флагъ съ Андреевскимъ крестомъ въ углу. Оставалось перекреститься, глядя на счастительное знаменіе и благодаря Бога за то, что всѣ кости дошли до предѣльнаго пункта поѣздки нашей цѣлы. Чего жъ еще? И слава Богу! Было около 6 часовъ вечера, когда мы водворились подъ русскимъ кровомъ двухъ хозяевъ, бывшаго и будущаго.

Битоль. 22 Мая. Суббота.

Въ странѣ, гдѣ все было множество разъ наслоено, вскрыто и перерыто, и все перековеркано справа налево, спереду на задъ, и сверху внизъ, не диво, если встрѣтишь городъ съ именемъ, котораго не съумѣешь передать письмомъ. Но, и передавши, назавши его напр. *Битолн*, не знаешь, въ какомъ родѣ и числѣ употреблять это

слово и какъ склонять его. Есть основаніе писать и Витоль и Витоли и Витоля (Bitolia, Bitoglia, Betolia...), послѣднее съ женскимъ повидимому окончаніемъ, но по исправленному греческому чтенію дающее видѣть въ себѣ средній родъ множ. числа: τὰ Μπιτωλία. Не смотря однакоже на такую опредѣленность рода и числа, слово это, очевидно, не греческаго происхожденія и случайно приняло грамматическія формы греческаго языка. Нынѣшніе хозяева мѣстности съ успѣхомъ объясняютъ названіе своей столицы изъ собственнаго языка. Въ старину незапамятную было тутъ, говорятъ, до 70 обитателей. И такъ множ. число: *обители* и есть собственное имя Витоля. Потеря начальной гласной *o* не должна служить возраженіемъ. Что дѣло тутъ идетъ объ обители, свидѣтельствомъ сему служить теперешнее турецкое имя города: *Толм-Манастиръ*, или просто: *Манастиръ*, т. е. монастырь, говоря по нашему. Но есть и еще предположеніе, устраняющее филологію „обители“. Витольская гора, какъ мы уже упоминали, зовется *Перистери*, т. е. голубь. А голубь по албански: *битойя*. слово до того созвучное имени города, что невольно наводитъ на мысль о филологическомъ родствѣ съ нимъ. Славяне наши, перенявши имя отъ албанцевъ, сдѣлали изъ него по своему Витолю. Но, на сколько славяне сами высказались въ этомъ дѣлѣ, видно, что они и не слышали объ албанскомъ голубѣ. По Гильфердингу, Болгарское имя города: *Бутель* ¹⁾, подтверждаемое древнимъ актомъ, упоминающимъ о *Бу* (ж?) *тельскомъ пути*... Какъ бы недостаточно всей этой разноголосицы, на Болгарской картѣ Балканскаго полуострова городъ названъ еще: *Бытула*... 70 обитателей — конечно, сказка. Но если ихъ

¹⁾ При этомъ славянствъ нашъ ссылается на греческое имя (у Византийцевъ) Βυτέλιον. Правда, что греческая гласная *υ* въ древнемъ языкѣ, смотря по діалектамъ, произносилась не одинаково, и могла точно имѣть звукъ нашего *у* (μύς — мис — мышъ *ύς* — висъ, λύχος — лурпъ и пр.). Но желательнo бы узнать, у какаго именно писателя отыскалось имя: Βυτέλιον.

было и 7 только поблизости одна къ другой, то все же это обетование могло имѣть значеніе при нареченіи имени города, по всему видно — не очень древняго. Во всякомъ случаѣ, мы возвращаемся къ официальному теперь имени мѣста (Монастирь), какъ рѣшительному свидѣтельству въ пользу славянскаго, а не албанскаго толкованія слова: *Бытоль*. Что же касается самихъ славянскихъ варіацій *бу* и *бы*, *ту* и *те*, то нечего смущаться этимъ, имѣя въ виду, что даже такія имена, всему свѣту извѣстныя, какъ напр. *Болгаре* произносятся самими болгарами то такъ, то иначе — слышится и *Бѣлгаре* и *Бугари*. (Только ужъ не *Болгары*, — равносильное по неправильности такому же: цыганы, татары и проч.). Признавъ такимъ образомъ за городомъ славянское происхожденіе, мы уже знали, куда намъ ориентироваться при нашихъ — тѣхъ или другихъ — изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ окружающаго насъ міра. При нашемъ пробужденіи насъ привѣтствовало прекрасное майское утро, майское — по календарю, а іюльское по зною. Нельзя передать словами того чувства довольства, которое переполняло душу. Уже одна мысль, что сегодня не нужно ѣхать и можно цѣлый день сидѣть на одномъ мѣстѣ, не заботясь ни о чемъ и занимаясь чѣмъ угодно, заставляла восторгаться, а тутъ еще новостъ предметовъ, разнѣживающій комфортъ, дружеское веселое общество, главнѣе же всего — „причина всѣхъ причинъ“ — хорошее здорье, сказывали себя, всё вмѣстѣ именно тѣмъ, что признано выражать собою слово: благодать. Одинъ изъ балконовъ большой и свѣтлой залы дома выходитъ въ садикъ на югъ лицомъ. Давно уже я сижу на немъ, впившись взоромъ въ далекіе верхи заоблачной Перистерии, весь охваченный наплывомъ думъ. Опять и весело и грустно, — чего то все какъ будто жаль. Не дашь себѣ отчета, *чего* именно, жаль прошедшаго, конечно. За извѣстнымъ рубежемъ лѣтъ, мнѣ кажется, ко всему у человѣка начинается примѣшиваться тайная скорбь о томъ, чего ужъ нѣтъ, и что было и радовало, если не насъ, то

другихъ, когда-то. Но тутъ малая, такъ сказать — личная, туга души разводится уже въ большой исторической жалобѣ, какъ капля уксуса въ чашѣ воды. Тужишь не о томъ или другомъ, а вообще о прошедшемъ. Сидѣлъ же тутъ гдѣ нибудь, подобно мнѣ, за 800 лѣтъ передъ этимъ, неутомонный воитель Краль Самуилъ въ своемъ дворцѣ, и такъ же смотрѣлъ на выпрению голубицу, закрывавшую отъ него широкій горизонтъ. „Моя она, говоритъ онъ себѣ, и что за нею, тоже мое. И отсюда и отсюда — все мое!“ Да! Только войтъ то, что *засюда* и *затуда*, не твоѣ, удалый (но не добрый) молодецъ! Ты убилъ отца, убилъ братьевъ, чтобы владѣть горами и долами, но не подумалъ, что самъ ты чужъ держишься на чемъ-то призрачномъ, и что достаточно слабого дуновения *оттуда*, что бы ты полетѣлъ со всѣмъ твоимъ царствомъ *отсюда*! А за 800 лѣтъ до Самуила, также можетъ быть проѣздомъ въ Дакию, сидѣлъ тутъ на своемъ походномъ креслѣ и рассуждалъ такимъ же образомъ, міродержавный *Траянъ* императоръ. А до него за 800 лѣтъ напѣвалъ себѣ ту же пѣсню какой нибудь *Аминта* царь... и т. д. Вотъ этого-то фатальнаго чередованія великихъ замысловъ малыхъ мыслителей и жаль! Битоль хотя не изъ бойкихъ историческихъ мѣстъ, но это естественнѣйшій перекрестокъ всѣхъ завоевательныхъ движеній во всѣхъ направленіяхъ изъ греко-римской эпохи. И тому, кто ищетъ въ живомъ отжившаго, прежде всего, конечно, приходятъ на мысль шумѣвшіе когда-то своими именами и дѣлами, *кράλη*, *imperatores* и *βασιλεῖς*.

Когда я спросилъ перваго проснувагося (часовъ около 9-ти) изъ нашихъ, съ чего мнѣ начать свое обозрѣніе города, мнѣ внушительно отвѣчали: съ отдыха. Хорошій совѣтъ. Кстати сегодня суббота. А завтра — праздниковъ прадникъ, Троица, послѣ завтра же Духовъ день — земля имянинница, по святцамъ народной фантазіи! Перспектива лѣни блестящая. Придется за дни эти не только перечитать отъ доски до доски, но и выучить наизусть все, что хранится въ чемо-

дѣлахъ нашихъ написаннаго о Витолѣ. Написано же тамъ, что это городъ большой, новый, хорошо выстроенный, торговый, разноплеменный, разновѣрный... Сравнительно и относительно говоря, все это — правда. Во многомъ можно убѣдиться, просто сидя подь окномъ и выглядывая на улицу. Остальному можно повѣрить на слово, напр. — тому, что лѣтъ за 30 передь симъ на мѣстѣ города было только селю (bourgade). Но, если такъ, то значить нечего надѣяться тутъ на какую нибудь археологическую поживу. Статистика мало занимаетъ меня и если бы „La Turquie contemporaine“ не завралась по обычаю самымъ грубымъ патриотскимъ (не: патриотическимъ) образомъ, я бы и совѣмъ не коснулся ея. Но когда бравая книжка вдумала увѣрять, что въ Витолѣ 45,000 жителей, изъ коихъ 25,000 магометанъ, 17,000 грековъ, 2½ тысячи жидовъ и пр., то и мнѣ какъ будто кетати, для провѣрки этихъ круглыхъ чиселъ, сопоставить съ ними болѣе подробныя данныя, добытыя (правда, давно уже) докторомъ Миллеромъ. По нему, въ городѣ было тогда (лѣтъ за 25 передь нами) 17,000 магометанъ (изъ нихъ 8,000 албанцевъ, около 6,000 славянъ и 2,400 турковъ — въ большинствѣ солдатъ) и 12,500 христіанъ православныхъ, въ числѣ ихъ 9,000 болгаръ и 3,500 грековъ. А когда я сегодня же порадовался — на греческомъ языкѣ — передь однимъ посѣтителемъ, считая его за грека, что въ такой албанщинѣ (манѣврѣ...), все же, по свидѣтельству вотъ этой книги, насчитывается 3,500 православныхъ грековъ, то онъ сказалъ, къ немалому омущенію моему, что и та сотня ихъ. т. е. настоящихъ райя, а не подданныхъ греческаго королевства, суть огреченные болгары!... Sic transit gloria mundi, подумалъ я, и пожалѣлъ отъ сердца безъ вѣсти пропавшихъ 16,900, насчитанныхъ патриотомъ, „грековъ“. Думаю, что племенная вражда подсказываетъ и тѣ и другія крайнія цифры. Когда нибудь настанетъ же время, что темное дѣло будетъ приведено въ ясность. Въ видѣ предисловія къ

этому дѣлу замѣтимъ, что между греками и болгарами тутъ существуетъ еще промежуточное звено — Валахи или опредѣленнѣе — *Буцо-влахи*, не принадлежащія ни той ни другой сторонѣ, но пристающія (можетъ быть временно) къ той, гдѣ больше интеллигенція и силы, т. е. греческой. Съ ними-то вѣроятно наберется не одна тысяча грековъ въ Битолю. Съ паденіемъ жара дневнаго, мы съ сонумерантомъ прошли по западной части города, по *Драгорскому* „проспекту“, какъ выразился мой спутникъ, знакомый съ проспектами гораздо большей славы и извѣстности... *Драгоръ* — Битольская рѣчка, тутъ же по близости въ горахъ имѣющая свои истоки, и еще ближе, по другую сторону города, впадающая въ другую, болѣе значительную, рѣчку *Кара-су*, иначе *Церна-рѣка*, которую мы уже переѣзжали вчера, не найдши въ ней ничего, похожего на излюбленную мѣстнымъ населеніемъ краску. Полагаютъ, что въ древности она именовалась *Эризонъ*. Впечатлѣніе, вынесенное изъ прогулки, было довольно дюжинное. Имѣли въ виду зайти въ церковь на вечерню, но не отыскали ея.

Βυτέλιον. 23 Μαΐ. Воскресеніе.

Назовемъ мѣсто пребыванія нашего иноязычнымъ именемъ въ память преславнаго, неимовѣрнаго и навѣки необъяснимаго событія — глаголанія *ими́ми языки* людей, никуда не выѣзжавшихъ изъ своего роднаго мѣста и не учившихся ничему чужому. Первенествовалъ, конечно, между столькими языками Востока, въ пречудный моментъ духовъщанія, наиболѣе пригодный для Евангельскаго дѣла, языкъ греческій. Отдадимъ и мы ему первое мѣсто. Затѣмъ, въ заголовкѣ слѣдуетъ число: *23-е Мая*, горестно-памятное мнѣ по тяжкому и жестокому лишенію. Такое же было и тогда, какъ сегодня, радостное утро, а между тѣмъ истинная-то радость роковымъ шагомъ шла на встрѣчу ангелу смерти! И ушла, не успѣвъ даже сказать дружеское: прости!

Недугующему сердцу казалось тогда, что уже всему конецъ. А между тѣмъ, вотъ уже 20 и болѣе разъ возвращается горестный день, все менѣе и менѣе тревожа духъ. Годъ отъ года сглаживается съ него, какъ съ фотографии, и яркость краски и отчетливость изображенія. Отчего это? Оттого, что химическій составъ, отпечатлѣвшій ихъ на себѣ, цѣлодневно стоитъ на солнцѣ... Хоть бы такой напр. яркій лучъ, какъ встрѣча памятнаго дня въ глубинѣ Македоніи, о которой и помыслить не являлось случая въ то давнее время, развѣ не въ состояніи сгладить какую бы то ни было борозду на нивѣ жизни? И благо, что есть еще реактивы такіе, разъѣдающіе тугу сердечную! По мысли св. церкви, праздникъ Пятидесятницы есть не только день радости о Дусѣ Святѣ, но и день вселенской молитвы о усопшихъ. Кстати, значить, совпаденіе памяти единичнаго упокоенія съ мольбою о всеобщемъ покоѣ. Въ 6 часовъ мы отправились, въ сопровожденіи консульскаго каваса, въ соборную церковь на Божественную службу. Еще застали большую часть утрени. Служеніе шло хорошо знакомымъ мнѣ порядкомъ. Священнодѣйствовалъ одинъ изъ чередныхъ священниковъ. Архіерея нѣтъ въ городѣ. Онъ засѣдаетъ на этотъ годъ въ Константинопольскомъ Синодѣ. Вся обстановка службы почему-то казалась мнѣ совсѣмъ не праздничною. Слишкомъ все просто, не прикрашено, не прилажено, не приглажено... Нѣчто странное и какъ бы нескладное видѣлось мнѣ кромѣ того во всѣхъ почти дѣйствіяхъ и даже въ головѣ служащаго. За утренней непосредственно слѣдовала литургія, а за литургіей вечерня, на которую облачились всѣ мѣстные священники, числомъ 10. И при такомъ количествѣ іереевъ не было ни одного діакона. Діаконъ вообще рѣдкость на Востокѣ. Большею частію, этихъ низшихъ сановниковъ церковныхъ можно видѣть только при архіерейскихъ кафедрахъ, обыкновенно весьма молодыхъ, безбрачныхъ, съ ббольшимъ противъ другихъ образованіемъ, кандидатовъ не на священство, а на архіерейство. Они составляютъ неотлучную свиту вла-

днѣ восточныхъ; и здѣшніе естественно потому находятся теперь при своемъ митрополитѣ въ столицѣ. Предводительствовалъ на вечерни соборѣ священниковъ Протосинкеллъ Владычній, котораго намъ назвали славянскимъ именемъ: о. *Стойчо*. Разумѣется, все богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ. Огромная пятипрестольная церковь была переполнена народомъ. По окончаніи службы, мы всю ее обошли. Несмотря на свою обширность, она темна, низка и очень не възрачна. Построена въ недавнее время бывшимъ митрополитомъ Пелагонійскимъ Григоріемъ, а потомъ патриархомъ Вселенскимъ (преживающимъ теперь въ Константинополь на покоѣ), и посвящена имени Св. Великомученика Дмитрія. Рѣдкость, не встрѣчаемая на Востокѣ, въ ней есть два престола (Преображенія и Св. Григорія Богослова), устроенные на хорахъ, въ отдѣленіи, исключительно предоставленномъ женщинамъ, по обычаю Востока. Съ обязательнымъ вниманіемъ показывалъ намъ все самъ о. Протосинкеллъ, т. е. тотъ же „папа Стойчо“ — по народной мовѣ, а на дѣловомъ языкѣ — архимандритъ *Синесій*. „Славное лицо у него“ — замѣтилъ мой компаньонъ. А я еще за обѣдней любовался имъ, особенно когда приходилось видѣть его въ профиль. Что-то томящее чувствовалось при этомъ въ груди моей. Припоминалось не ясно что-то очень далекое и очень близкое душѣ... Да, это *его* обликъ, сказалъ наконецъ я самъ себѣ, — его, кого неznать какія сокровища отдалъ бы, чтобы еще разъ увидѣть... Только выраженіе глазъ портило чарующее впечатлѣніе. Нѣчто не прямое и бѣгучее замѣчалось въ глубинѣ ихъ. Я пояснялъ его себѣ тѣмъ, что почтенный человекъ, какъ видно чистый славянинъ, по служебному положенію своему поставленъ въ необходимость дѣйствовать между своими въ пользу чужихъ, и долговременною угодливостію предержавшей власти искажилъ прирожденную прямоту и тезоименную ему стойкость души. Изъ его же рассказовъ мы узнали, что хотя въ городѣ 11 приходѣвъ, но церковь *одна* — эта самая. На наше дивленіе подоб-

пому обстоятельству и желаніе узнать причину его, разсказчикъ только, то же какъ бы вопроительно, посмотрѣлъ на насъ и пожалъ плечами, что не посвященный въ тайны мѣстной администраціи могъ переводить очень просто: что тутъ спрашивать? Развѣ вы не знаете, что надъ нами турокъ? Между тѣмъ смыслъ умолчаннаго отвѣта былъ другой. Намъ объяснили его уже дома. Митрополитъ противится всякой мысли о постройкѣ новой церкви, боясь, чтобы строители не подняли при этомъ вопроса о славянскомъ богослуженіи въ новой церкви, по примѣру Филиппополя, Адрианополя и др. мѣстъ. Да вѣдь мы слышали, что преосвященный-то здѣшній изъ Болгаръ, замѣтили мы комментатору. Какъ-же — *Потомъ* — по фамиліи, чего вамъ еще больше сего? И не только такъ зовется, а еще при всякомъ удобномъ случаѣ старается напоминать всемі о томъ. А все таки — грекоманъ отъ подошвы до кончика волосъ! — Такъ намъ описали преосвященнѣйшаго *Венедикта* Пелагонійскаго. И такъ 9 тысячъ, пусть — половина этого, вѣрующихъ и правдующихъ слушали сегодня божественную службу на невѣдомомъ имъ языкѣ! Не посмѣяніе ли это воспоминаемому сегодня церковію, духодвижимому вѣщанію Апостоловъ на разныхъ языкахъ? *Добро вамъ, сказалъ Господь, еще же соль обуютъ, чимъ осолитъ?* Гдѣ же, не скажу — совѣсть, гдѣ умъ у людей заправляющихъ дѣломъ вѣры на Востокѣ? Ужели въ самомъ дѣлѣ надобно согласиться съ отзывомъ намятнаго илѣ, весьма почтеннаго, Восточнаго архимандрита (изъ славянъ): не ищите въ нихъ (грекахъ) ума. Они хитры, но не умны!.. Печальное положеніе филеллина, поставленнаго въ необходимость осуждать то, что уважаешь! А тутъ имѣешь дѣло еще не съ однимъ эллинизмомъ. Тутъ орудуешь съ эллинской мономаніей нѣкто — Пѣновичъ! Праздничное настроеніе духа нѣмного испортилось отъ этикъ соображеній, отъ этого невольнаго зазора чужихъ дѣлъ. Ради разсѣянія, двукратно въ теченіе дня дѣлали прогулку по городу. Праздникъ мало замѣтенъ, ибо преобладающее населеніе всетаки магометанское. Выше-

трѣли восточную часть города и южную окраину, причѣмъ побывали и подѣ дождемъ. Набѣжавшую тучу разорвала и разсѣяла масса горы Перистеры. Въ знакъ признательности я срисовалъ ее съ садоваго балкона. Снѣга на ней, говорятъ, еще очень много, хотя снизу почти совсѣмъ не видно. Чуть ли доселѣ еще не покрыто льдомъ цѣлое озеро (правдоподобнѣе — лужа), лежащее тамъ на самой вершинѣ въ междураміяхъ нашей голубицы.

Βιτωλία. 24 Мая. Понедѣльникъ.

Спѣшу оговориться. Ревностный владыка Витолійскій (ἁ. Βιτωλίων) не совсѣмъ неправъ въ своихъ ультрамонтанскихъ стремленіяхъ. Сейчасъ мы возвратились изъ церкви *Св. Недѣли*... Довольно усмыслить подобное названіе храма Вожія въ Витолѣ, чтобы оправдать опасенія гг. *Пападаки, Пападопуло*... и пр., въ переводѣ *Поповичей*, за могущія выйти отъ размноженія церквей въ ихъ резиденціи послѣдствія. Вчера мы уже упомянули, что въ Витолѣ одна всего навсѣ православная церковь. Гуляя же вчера же по городу, узнали, что есть еще другая *новая* церковь за городомъ на кладбищѣ. Изъ распросовъ оказалось слѣдующее: случилось, что нѣсколько прихожанъ городскихъ, по усердію ли къ мѣсту, отмѣченному какимъ нибудь священнымъ преданіемъ, или просто изъ желанія придать болѣе святости мѣсту общаго покоя вѣрующихъ, выпросили у владыки, и черезъ него у правительства, позволеніе построить на народномъ кладбищѣ небольшую церковь во имя *Св. Кириакіи*. Позволеніе было дано безъ всякихъ оговорокъ. Церковь выстроена и освящена и поставлена въ каноническую зависимость отъ городской церкви. Но чуть все это было сдѣлано, какъ новый храмъ огласили въ народѣ именемъ не *Кириакіи*, а *Недѣли* (Κυριακή = воскресный день, по славянски: недѣля)! Мало того. Патріоты соглядатаи не замедлили донести владыкѣ, что слу-

жившій въ „Св. Недѣль“, овященникъ имѣлъ при себѣ *русскій* службникъ и осмѣлился дѣлать славянскія возглашенія... Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ случая, мѣстный папа увѣдомленъ былъ о какомъ-то заговорѣ между жителями въ городѣ и о покушеніи такогото священника на жизнь митрополита... Злоумышленникъ немедленно былъ схваченъ и засажень въ тюрьму. Возглашать по славянски въ св. Кириакіи было больше некому, и русская интрига пресѣчена была въ самомъ корнѣ. Вотъ такъ Пѣповичъ! Къ счастью, у паши того времени были и десница и шуйца, изъ коихъ ни та ни другая не вѣдала, что творила (т. е. брала) въ извѣстное время товарка ея... Оттого вскорѣ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что ни заговора никакого не было въ городѣ, ни драгоценнымъ днямъ владычнымъ ничто не угрожало. Такимъ образомъ черезъ полтора мѣсяца тюремнаго заключенія, неосторожный о. Константинъ выпущень былъ на свободу, съ строжайшимъ запрещеніемъ служить по русскимъ книгамъ... Оттого мы и слушали сегодня въ Св. Недѣль совершенно греческое богослуженіе. Несмотря на праздничный день, молящихся въ церкви было весьма мало. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ слушать за городъ тѣ, что ему и въ городѣ надоѣло?

Возвращаясь домой, мы напали на *паннаиръ* ¹⁾ или *тѣржище*. Ряды воевъ со всякимъ продуктомъ деревенскимъ напомнили мнѣ нашу Русь съ ея мелкими „ярмонками“ сельскихъ храмовыхъ праздниковъ, или скорѣе повседневыми базарами большихъ городовъ. Преимущественно же припоминалось Малороссія. Рѣчь слышалась, конечно большею частью славянская, но невразумительная для меня. Ей вторило албанское слово. Греческій же языкъ слышался только по мѣстнымъ лавкамъ. Затѣмъ должны были слышаться еще турки, валахи, жида, цыгане—

¹⁾ Πανήγυρις — общая сходка, праздникъ, базарь... Славяне выдѣляли изъ него: *паннаиръ*, *панануръ*, *панадюръ*.

каждый съ своимъ говоромъ... Настоящій Вавилонъ! Долго бы мы бродили между своими „купно родными“, наблюдая ихъ рѣчь, обликъ, статуру, фигуру, нарядъ, обрядъ, сужденіе и міровоззрѣніе, если бы сами не сдѣлались въ свою очередь предметомъ наблюденія. Мнѣ пришла на мысль неудачная попытка съ *русскими* служебниками. Чего добраго? Какой нибудь патриотъ-искариотъ можетъ быть ужъ давно, смотря на насъ изъ темной лавочки, строчить доносъ папѣ о новой русской интригѣ, въ которую вмѣшается и *Лована* и *Стояна*, рассказывающихъ намъ у своей колы (телеги) про свои торговые обороты со всѣмъ простосердечіемъ, безъ малѣйшей задней или передней мысли... О простота, для которой текущее дѣло обращается въ дѣло жизни, замыкающее собою весь его мыслительный горизонтъ! Торговать-то мы, пожалуй, и умѣемъ, „добрые люди“ единоплеменники, истинные *ludi* въ глазахъ латинствующей расы, т. е. всей Европы. *Израильтя* она съ нами, *израильтя* мы передъ нею свою вѣчную потѣшающую роль, и — больше ничего! Чтобы изъ насъ — добрыхъ людей — сдѣлать „хорошій народъ“, потребовались на Дунаѣ Татары, на Волковѣ Скандинавы, еще гдѣ-то Гунны, гдѣ нибудь конечно еще Нѣмцы, пожалуй — Армяне¹⁾, и даже жида²⁾! Сами-то мы не догадались бы, по крайней мѣрѣ не сдумѣли бы, сплотиться въ одно цѣлое и крѣпкое государственное тѣло! Ярмарками-то своими мы прославились на весь свѣтъ (хотя и не сдумѣли до сихъ поръ подыскать для нихъ своего славянскаго имени!), но ужели только одна эта мизерная слава и предоставлена судьбою Славянамъ? Ужели честнѣе, цѣннѣе, славнѣе торга ничего и нѣтъ для великаго славянскаго племени? Мнѣ кажется, что, по

¹⁾ Имѣемъ въ виду Болгарскаго *Самуила*, по изслѣдованіямъ будто бы армянина родомъ.

²⁾ Напр. у *Козаръ*, которыхъ, кажется, нѣтъ крѣпкой причины выдѣлять изъ великой семьи Славянской.

нимо вѣдома нашего, языкъ нашъ выработалъ и отпечатлѣлъ въ себѣ общеславянскій взглядъ на торгъ, какъ на нѣчто *plus ultra* чело-вѣческаго достоинства. Достаточно припомнить образованіе словъ на-шихъ: *торжество, торжественный*, чтобы убѣдиться въ томъ. Словоу-потребленіе предательски, такъ сказать, обнаруживаетъ солидарность всякаго у насъ торжества, всего торжественнаго въ нашей жизни, службѣ и даже богослуженіи¹⁾ съ... торгомъ! Не замѣчательно ли это? Не смѣю отрицать, что торгъ — хорошая вещь. Но сами же мы резонируемъ: хорошаго по немногу! Изъ страсти къ торгу выходитъ тароватость (торговатость?), а за тароватостію тутъ и есть вороватость, слава которой, я думаю, уже давно, и довольно крѣпко, пристала нѣкоторымъ Славянамъ.

Продолжая путь, мы посѣтили почтеннѣйшаго о. Протосинкелла, отдавая ему вчерашній визитъ его намъ. Тоже впечатлѣніе, что и вчера, мы вынесли отъ свиданія съ нимъ и на этотъ разъ. „Крѣпко закупоренъ“, сказалъ мнѣ спутникъ сквозь зубы. Человѣкъ не для *торга*, подумалъ я самъ съ собою, хотя и славянинъ, скорѣе онъ для *панаши*, т. е. для чего-то съ неуловимымъ понятіемъ, не опредѣленнаго и неяснаго, не то церковно-священнаго, не то житейски-разгульнаго. Сдержанность его могла бы вывести изъ терпѣнія собесѣдниковъ, но люди — мы, ко всему приемотрѣвшіеся. — Итакъ, ужели въ отсутствіе владыки управляетъ, какъ говорятъ, епархію его родственникъ, человѣкъ свѣтскій, и къ тому же коммерсантъ? Спросили мы о. Стойчо такимъ тономъ, который вызывалъ его на всю откровенность накипѣвшаго озлобленія. — Нѣтъ, сказалъ онъ съ невозмутимымъ криводушіемъ, управляетъ дѣлами епархіальными комиссія изъ трехъ членовъ, а г. Димитрій болѣе смотритъ за экономіей владычнаго дома. — А обращенія *Св. Кириакіи въ Св. Недѣлю* онъ же досмотрѣлся? —

¹⁾ Выраженія: торжественный моментъ, торжественный актъ, торжественная служба.

опресилъ нашъ неумолимый инквизиторъ. Хозяинъ только улыбнувшись на этотъ новый вопросъ и повторилъ какъ бы про себя: *Жегамао ты есть противу рожну прати...* На какой сторонѣ усматривалъ при семъ почтенный греко-славянинъ неодолимые „рожны“, осталось ему одному вѣдомо. Всю дорогу потомъ раздавалась въ уши мои самая искренная брань русскаго ревнителя русскыхъ порядковъ таковымъ же порядкамъ Витольской каведры. „Слыханное ли дѣло: какой нибудь шалопай *вракасъ*¹⁾ и *бакѣлѣсъ* управляетъ церковію! Я бы его... онъ бы у меня!.. Подобный потокъ укоровъ и угрозъ лился до самой квартиры нашей. Вышло же такъ, что чуть мы пришли домой и расположились около самовара, доложено было, что новому г. консулу желаетъ представиться г. *Димитраки*, родственникъ преосвященнѣйшаго митрополита... тотъ самый, который не оходилъ съ языка у насъ. И вмѣсто ожидаемаго „вракаса“, явился молодой, по европейски одѣтый, съ приличными манерами человѣкъ, не много замскивающий — правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и видимо сознающій свое властvenное положеніе въ свѣтѣ. По его словамъ, онъ завѣдываетъ исключительно хозяйствомъ отсутствующаго митрополита, и по дѣламъ церковнымъ, соприкасающимся съ симъ хозяйствомъ, находится въ полномъ распоряженіи о. Протосинкелла, управляющаго каведрою совместно съ Архидіакономъ престола... Все какъ есть въ порядкѣ и согласно съ церковными правилами. Нѣтъ повода негодовать тутъ на что бы то ни было никакому консулу, всего менѣе — Русскому. Будь на мѣстѣ *Димитраки* какой нибудь *Дмитровичъ*, *Димитріевскій*, *Димитріенко*, все равно, онъ шолъ бы тою же дорогою. Дѣло тутъ въ *понасъ-Стойчалъ* и *Пѣтовичалъ*, у первыхъ нѣтъ духа, у вторыхъ — души.

Памятно мнѣ одно весьма практическое правило домашней адми-

¹⁾ *Βραχᾶς* — носящій широкое нижнее платье (*βραχι*), простонародный костюмъ. *Μπαχάλης* — мелочной продавецъ.

нистрации одного отпа семейства, когда кто нибудь изъ домочадцевъ бывалъ у него не въ духѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: поди, голубчикъ, поѣшь чего нибудь. Напившись чаю и вообще „подерѣпившись“, мы нашли себя въ лучшемъ расположеніи духа. Торжественный поѣздъ *Н. Ѡ. Якубовскаго* — нашего новаго Витольскаго Консула — къ Генераль-губернатору (Вали) области съ первымъ визитомъ, отвлекавшій мысль въ высшую сферу наблюденій, — Европейско — Азіатскую, христіано-магометанскую, окончательно парализировалъ воздѣйствіе на сердце эллино-славянскихъ дразгъ. А маленькое привходящее обстоятельство даже наклонило сердечные вѣсы на ту сторону, гдѣ за минуту передъ тѣмъ рисовались одни несимпатичные образы фанатиковъ племенства, торгашничества, педантства и антихристіанскаго чванства. Мнѣ сказали, что какой-то мальчикъ желаетъ представиться намъ. За пособіемъ, конечно, мелькнуло у меня въ головѣ. Эта старая пѣсня поется вездѣ, куда-только приходилось мнѣ пріѣзжать съ русскимъ именемъ на Востокъ. Мальчикъ рекомендуется сыномъ одного изъ обывателей города, грековъ, хорошо извѣстнаго консульству. Можно было дать ему на видъ лѣтъ 12. Пріятное умное лицо, незастѣнчивыя, но скромныя манеры, ситцевый халатикъ и красный фесъ на головѣ, вотъ все, что съ перваго раза бросилось въ глаза. Безъ малѣйшаго смущенія, съ довѣрчивостію и какъ бы близостію давнишняго знакомаго, онъ началъ рассказывать, что имѣлъ случай видѣть нѣсколько иконъ русскаго письма, которыя ему очень понравились, что желалъ бы и самъ научиться писать иконы и именно, какъ пишутъ ихъ русскіе, что можетъ быть мы знаемъ, какъ это сдѣлать, и возьмемъ помочь ему. Въ доказательство своей охоты къ занятію живописью, онъ досталъ изъ за пазухи нѣсколько образчиковъ своего рисованія, и именно копію какихъ-то гравюръ русскихъ въ родѣ трофеевъ, когда-то изображавшихся у насъ подъ портретами полководцевъ, которую онъ самъ навелъ красками по своему соображенію, какъ

оказалось, довольно вѣрному. Все это онъ говорилъ и дѣлалъ такъ просто и сердечно и съ такимъ отгѣнкомъ свойства, чуть не родства, что просто плѣнилъ насъ. Я повелъ его на балконъ и показалъ вчерашній свой „набросокъ“ горы Перистери. Сличая рисунокъ съ самымъ предметомъ, ребенокъ трепеталъ отъ удовольствія, и на глазахъ его чуть не блестяли слезы. Видно, что въ душѣ есть глубокая артистическая бороздка. Я посадилъ его тутъ же съ бумагой и карандашомъ, и сказалъ, чтобы онъ изображалъ все, что видитъ передъ собою отъ прямыхъ линій дымовой трубы до безформенныхъ очертаній дерева, поощряя его при всякой удачной чертѣ рисунка. Восторгамъ бѣдняка конца не было. Мнѣ же доставило это нѣсколько минутъ настоящаго, не выдвѣннаго изъ души, умиленія. Славная нація! Повторялъ я мысленно давно и стократно уже произнесенный отзывъ. Сиди ты на своемъ мѣстѣ, будь ты справедлива и къ другимъ также какъ къ себѣ, и сознай ты свое прямое назначеніе въ исторіи, тебѣ всѣ помогутъ, и скорѣе всѣхъ мы, обзываемые тобою эллиноненавистниками. Къ сожалѣнію, я не могъ ничего обѣщать юному искателю художественнаго образованія. Куда, какъ, чѣмъ и съ чѣмъ отправить его? Я ограничилъ свое заявленіе участія въ немъ советомъ отправиться ему въ Аѣны въ тамошнюю Политехническую школу, гдѣ и преподаваніе даровое и содержаніе дешевое и климатъ поспособнѣе и языкъ тотъ же самый и люди — одного поля ягода, по нашей пословицѣ. Долго мнѣ потомъ еще видѣлось олушевленное и опечаленное неудачей лицо юнаго дилеттанта, когда я, бродя по садику, укрывался въ тѣни деревьевъ отъ 28 градуснаго зноя.

Томящее впечатлѣніе выбилъ изъ души совсѣмъ другаго очертанія образъ. Пришелъ навѣстить русскихъ прїѣзжихъ нѣкто г. М... изъ „родолюбцевъ“, молодой человекъ съ большою головою, длинною исторіей и широкою рѣчью о притѣсненіяхъ турковъ, о зложелательствѣ грековъ, о безхарактерности Болгаръ, объ интригахъ консуловъ,

о равнодушіи Европы, о могуществѣ Россіи, словомъ обо всемъ, исключая самого такъ сказать пикантнаго обстоятельства, — недавняго перехода его изъ православія въ латинство вмѣстѣ съ негодной памяти *Цанковымъ* и другими коноводами Болгарскаго дѣла, выцарапывающими у себя глаза, чтобъ не видѣть непріятнаго предмета... Олатинился онъ ни болѣе ни менѣе, какъ изъ за жалованья, получаемого имъ теперь въ Битольской школѣ Римской Пропаганды, изнывающей отъ болѣзнованія о схизматическомъ Востока. Но не изъ простофилей былъ мой компаньонъ, знакомый давно и коротко съ „родолюбіемъ“ во всѣхъ его видахъ и фазахъ, и даже фразахъ. Онъ не замедлил вывести гостя на чистую воду. Только не долго держался тотъ на ней, сейчасъ же юркнулъ въ омутъ, пустивъ намъ въ глаза ослѣпляющую апологію себѣ, исходящую изъ того, что теперь единственный способъ сдѣлать что нибудь для „бѣднаго народа“, это прикинуться католикомъ, чтобы избыть inferнальнаго преслѣдованія *Караказима* ¹⁾ (т. е. Великой церкви). А вотъ если мы — русскіе — вмѣсто напрасныхъ попрековъ, заведемъ въ славянскихъ земляхъ свои народныя школы, какъ это дѣлаетъ Пропаганда, независимыя отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей, то способные люди найдутъ достойное себя поприще, и печальное явленіе перехода Болгаръ въ латинство не будетъ имѣть мѣста... Что сказать на это? О мудрый Папа Стойчо! *Жестоко ти* (славянство) *противу рожну трати*. А рожновъ то сколько! Магометъ, Оттоманская Имперія, Великая Идея, Эллинизмъ, Европа передъ пугаломъ панславизма, пропаганда, дипломатія, Русская лѣнь и близорукость, а въ добавокъ еще и скупость, Болгарская трусость,

¹⁾ Такъ зовутъ укорительно и послѣдовательно въ Константинополѣ и свои и чужіе «Великую церковь» или Константинопольскую Патріархію. Въ переводѣ прозвучитъ это значить: *чорный котелъ*. Какой существенный отбѣнокъ мысли заключается въ словахъ этихъ, скорѣе можно почувствовать, чѣмъ опредѣлить.

неспособность и испорченность наконецъ общая... Но, къ чему все высказывать? Рискуешь остаться потомъ съ пустою въ душѣ. Отъ затруднительнаго отвѣта „прикинувшемуся“ родолюбцу (наше же родогубцу) избавилъ насъ дорогой хозяинъ, объявивъ намъ, что готово обѣдать и прибавивъ, что у насъ еще будетъ довольно времени для веденія этой „бесконечной матеріи“ и здѣсь и повсюду въ Турціи. Ъмъ, по пословицѣ, пирогъ съ грибами, а языкъ держу за зубами, но не языкъ — Zunge, а языкъ — Sprache. Прерванная, столько поучительная, бесѣда съ антагонистомъ пресловутаго „Караказана“ снова заставила мысль мою бѣгать по колесу упомянутаго выше *торга*. Какъ хотите, а вѣдь все таже исторія, только подъ другими именами. Тамъ въ возахъ было продажное зерно для посѣва, а здѣсь вмѣсто зерна продается языкъ для посѣва... не знаю чегó. О родолюбии же помышляетъ тамъ, можетъ быть, одна телѣга, вѣрная до мелочей праотеческому образцу, а здѣсь развѣ необрѣзанные ногти пальцевъ родолюбца.

Ираклія. 25 Мая. Вторникъ.

Приснилось родное село со всею его приснопамятною обстановкою. Явный знакъ, что предлежитъ мнѣ на нынѣшній день археологическая работа. И пора, въ самомъ дѣлѣ, сказать что нибудь о давно минувшей жизни пріютившаго насъ мѣста. Мы уже упомянули вскользь, что по Антонинову Дорожнику, вторая станція отъ Едессы къ западу по большой дорогѣ Римской читается Негаслеа, т. е. *Ираклія*. За напрасными попытками отыскать на болѣе выслѣженной *дорогѣ Эгнатіевой* мѣсто, подходящее къ Иракліи, согласились пріурочивать его къ нынѣшней столицѣ области Пелагонійской, не даромъ же возникшей въ мѣстахъ этихъ. Древніе крѣпко были привязаны къ историческимъ мѣстамъ, и безъ крайней необходимости не оставляли ихъ. Легче они разставались съ именемъ мѣста, чѣмъ самымъ съ мѣстомъ.

Имя Иракліи могло забыться въ теченіе одного столѣтія, а селитва самая много-много только могла податься въ какую нибудь сторону, ибо имущественныя отношенія жителей къ окрестнымъ полямъ не позволяли имъ совсѣмъ оставить мѣсто. Такъ или иначе, Македонская Ираклія, въ отличіе столькихъ другихъ городовъ этого имени, называлась Иракліей *Линка* (Λύγκου) или *Линкистовъ*. Послѣдніе очевидно должны быть жители Линка, но Линкъ-то самый что такое ¹⁾? Былъ ли это древнѣйшій городъ, предварившій собою Ираклію? Была ли мѣстность, прославленная звѣремъ этого имени ²⁾? Были ли это — рѣка, гора, равнина, озеро, дремучій лѣсъ, по какому нибудь случайному сходству, или чему другому, носившіе это имя?.. Кто теперь можетъ разъяснить? Да и греческое ли имя *Линкосъ*, точнѣе бы — *Люнкосъ*? Не передѣлано ли, вмѣстѣ съ столькими другими, греческою *licentia grammatica* изъ нашего *Лука*, изъ латинскаго *lingua*, изъ гето-готскаго *lange*, и т. п?.. Отъ огреченнаго царства Македонскаго легко ожидать такой передѣлки. Коренные жители этихъ мѣстъ, по древнѣйшимъ показаніямъ географическимъ, звались *Пелагонами*, отчего и вся область эта — самая крайняя часть Македоніи къ западу — писалась *Пелагоніей*. По Плинію, Пелагонія входила, какъ часть въ цѣлое, въ *Пеонію* ³⁾. Послѣдняя же отдѣлала собою Македонію отъ земли *Три-*

¹⁾ Эукидидъ упоминаетъ о Линкѣ, но такъ, что тоже не вдругъ угадаешь, что именно онъ имѣетъ въ виду. И Λύγκος ставится у него уже въ женскомъ родѣ, слѣд. какъ будто не значить рѣки, которую гѣній (капризъ) греческаго языка обыкновенно надѣляетъ мужскимъ родомъ, имѣя въ виду конечно подразумеваемое слово: ποταμός — рѣка. Но выраженіе его: ἐπὶ τῇ εἰσβολῇ τῆς Λύγκου — при впаденіи Линка, ничему такъ не прилично, какъ рѣкѣ.

²⁾ Λύξ — рысь.

³⁾ Въ Иліадѣ завоевателямъ Трон помогаютъ и вожди *Пеонійскіе*, въ числѣ которыхъ упоминается *Астеропей*, сынъ *Пилегона*. По имени этого Пилегона вѣроятно и звались нѣкоторые Пеонцы Пелагонами. По Страбону, они же назывались *Титанами*, а Пелагонія звалась когда-то *Орестіей* (См. Кн. VII).

балловъ... Кто такіе были *Пелагоны*, не у кого спросить намъ. Имя ихъ, вмѣстѣ съ подобными же *Пелага* (море), *Пеласговъ*¹⁾, *Пелона* и пр. подлежитъ еще долгому обслѣдованію исторіи и филологіи. Римляне, завоеывая классическія земли, рубили, по пословицѣ, съ плеча ихъ географію, и узнавъ, что передняя (отъ нихъ) часть Македоніи зовется Пелагоніей, не долго думая, назвали самый городъ Ираклію Пелагоніей. По крайней мѣрѣ такъ надобно думать, на основаніи свидѣтельствъ самихъ римлянъ²⁾. Византійцы, вѣрные своему призванію забирать и укладывать въ магазинъ своей спитой и сколоченной государственной жизни все, что попадется подъ руку унаслѣдованнаго отъ предковъ, занесли въ свою роспись поземельнаго имущества и Пелагонію и Ираклію, не забывъ даже самаго Линка. Оттого на Соборныхъ Актахъ V и VI вѣка по Р. Х. встрѣчаются подписи епископовъ то *Иракліи Пелагонійской*, то *Иракліи Линкистидской*. А какъ именно называлась въ ихъ время ихъ резиденція, остается неизвѣстнымъ. Наконецъ неотразимый фактъ, заклятый врагъ архивныхъ преданій, патріотическихъ фантазій, невѣжества и педантства, заставилъ признать за городомъ имя *Витоля*, неизвѣстно когда именно при-

¹⁾ «Патріоты» въ *Пеласгахъ* древности видятъ нынѣшнихъ *Албанцевъ*, словопроизводство которыхъ несомнѣнно упирается въ корень: *albus*. Славяне греческій (архи)*телагъ* зовутъ *бѣлымъ* моремъ... Итакъ ПЕЛ... не есть ли простая, безпереводная, передача славянскаго БѢЛ?.. Извѣстно, что въ Кадмовомъ алфавитѣ нѣтъ буквы для звука *б*. Арабы и теперь постоянно чужезычное *ب* выговариваютъ какъ *б*, и передаютъ буквою *ب*.

²⁾ ... primaе regionis *Amphipolim*, secundaе *Thezsalonicen*, tertiaе *Pellam* quartaе *Pelagoniam* fecit (Paulus Aemilius). Такъ пишетъ Титъ Ливій (кн. 45. гл. 29), рассказывая о сдѣланномъ Римлянами административномъ раздѣленіи Македонской провинціи. Историкъ Киннамъ (кн. III. гл. 17) прямо говоритъ: 'Ἡρακλεία τῶν Μουσῶν, ἣν νῦν Πελαγονίαν τινὶ γλώσσῃ κατὰ τοὺς οὐνοὺς ὀνομάζουσι. т. е. Ираклія Мисовъ, которую теперь, слѣдуя одному языку, именуютъ Пелагоніей. Выраженіе *одному* (или нѣкоему) замѣчательно въ устахъ грека. Значить, слово: *Пелагоны* не греческое, а мѣстное. Далекіи мы отъ мысли дѣлать при этомъ аллюзію на наши *балагоны*, но все же устрояется такимъ образомъ производство Пелагоновъ отъ *πέλαγος*—море, до котораго далеко имъ во всѣ стороны.

ставшее въ нему, и архіереи области стали титуловаться *Битольскими* — ὁ Βιτωλίων, съ прибавленіемъ все таки, любезной эллинскому слуху, *Пелагоніи*, — καὶ Πελαγονίας.

Каеэдра Ираклійская есть одна изъ древнѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ, хотя о началѣ ея и нѣтъ положительныхъ извѣстій. Между подписями отцевъ Сардикійскаго Собора (347) уже читается: *Евагріи изъ Македоніи, Иракліи Линка*. На Эфесскомъ (разбойничьемъ) соборѣ (449) засѣдалъ *Квинтиллъ Ираклійскій* съ голосомъ епископа Фессалоникскаго¹⁾. Но какой именно Иракліи онъ былъ епископомъ, прямо не говорится. Кромѣ извѣстной Иракліи *Фракійской*, которую по примѣру Александріи Египетской, можно именовать „Великою“, извѣстной также подъ именемъ *Перинѳа* (на Мраморномъ морѣ), была еще въ самой Македоніи *Негаслеа Синтика*, въ странѣ Бизальтовъ около р. Стримона, по теперешнему — Струмы. Впрочемъ, подобный же случай изъ VI вѣка, о которомъ сейчасъ скажемъ, говорить тутъ въ пользу нашей Иракліи — Битольской. Затѣмъ, въ набѣгъ Готѳовъ на Македонію при Императорѣ Зинонѣ (около 475—80 г.) упоминается (только безыменно) *Епископъ Иракліи Македонской*, большими дарами умилостивившій *Валамарія* вождя Готѳовъ, и тѣмъ спасшій свою каеэдру и область отъ разграбленія. На пятомъ Вселенскомъ Соборѣ (553 г.) засѣдалъ *Венменъ, Иракліи Пелагонской* съ голосомъ Фессалоникскаго епископа. Видно, что въ это время каеэдра Пелагоніи еще не принадлежала вновь образовавшейся Архіепископіи Юстиніанской. Но вслѣдъ за тѣмъ, она вмѣстѣ съ другими семью сосѣдними

¹⁾ Но, съ другой стороны, черезъ два года послѣ Эфесскаго же собора, именно на Халкидонскомъ соборѣ (451 г.) засѣдалъ уже другой архіерей *Иракліи Линкестидской, Дюнисій* (См. *Vetera Itineraria*, 735 г. стр. 319), котораго Lequien пропустилъ въ своемъ перечнѣ битольскихъ епископовъ. Конечно, *Квинтиллъ* могъ умереть за два года, а еще вѣроятнѣе, что былъ повѣщенъ за свое участіе въ разбойничьемъ соборѣ, но все же остается мѣсто предположенію, что каеэдрой его могла быть *Ираклія Синтская*.

митрополіями отошла въ вѣдѣніе Архієпископа Первой Юстиціаны, и въ ряду ихъ заняла второе мѣсто. Изъ этого періода ея приводятся въ Oriens Christianus три архіерея: одинъ безымянный, современникъ Архієпископа Болгарскаго Теофилакта (XI в.), другой — *Теодосій* — XIV в., третій *Іоаннскій* — XVII в. Объ именахъ позднѣйшихъ предстоятелей церкви Витоло-Пелагонской намъ негдѣ оправиться. Предмѣстникъ нынѣшняго митрополита звался *Герасимъ*. Нынѣшній эллиноманъ, по странной случайности, долженъ войти въ исторію подъ чужезванными именами: *Benedictus Поповичъ*. Титулъ прежде Витольскаго архіерея (подъ Архієпископомъ?) былъ, по свидѣтельству патріарха Іерусалимскаго Хрисанеа историка, *Пелагонійскій и Прилпскій*. Теперь же пишется: *Витолійскій и Пелагонійскій, и Экзархъ Верхней Македоніи*. Разумѣется, на равнѣ со всѣми другими митрополитами Константинопольскаго патріархата, при церковныхъ имяглашеніяхъ (εὐφημία или и просто: φήμη), онъ величается *пречестнымъ и богопоставленнымъ*. Каѳедра Витольская въ ряду другихъ занимаетъ почетное 15-е мѣсто. Всегда ли такъ было, или лучше, когда такъ началось, не знаемъ. Для Витоля довольно и этихъ свѣдѣній. У кого живое воображеніе, тому открывается широкое и неисходимое поприще для воссозданія историческихъ картинъ мѣстнаго давноминушаго. Съ 347 года по Р. Х. до настоящаго протекло 1518 лѣтъ. Вставляйте въ эту рамку, сколько угодно, лицъ, событій, перемѣнъ въ природѣ и жизни, шума, движенія, разрушенія и пр., пережитыхъ христіанствомъ здѣшнимъ, и ищите слѣдовъ его въ безмолвномъ и какъ бы заживо погребенномъ мѣстѣ. Если теперешняя единотвенная церковь города насчитываетъ только два-три десятка лѣтъ своего существованія, то гдѣ же стояли Ираклійскіе храмы Божіи, въ теченіе 15 столѣтій собиравшіе въ себѣ вѣрующихъ на молитву? А вѣрно они были и служили, какъ и всегда, лучевыми фокусами духовныхъ стремленій несчетныхъ поколѣній безслѣдно исчезнушаго челове-

отва. Работа для мысли нескончаемая, хотя, по всей видимости, самая неблагоприятная. Это не то, что наши прошлогодніе города съ окончаніемъ на *инскъ* и *анскъ*, которыхъ исторіи можно прослѣдить и разсказать въ теченіе одного часа времени. Не перестаю ублажать я обитателей историческихъ мѣстъ, всегда готовыхъ предложить задачу любознательному духу. Пусть даже плодомъ ея будетъ одно утомленіе и нѣкая доля апатіи, какъ напр. у меня сегодня. Все же лучше, чѣмъ совершенно безплодная мечта о чистомъ полѣ, шумномъ вѣтрѣ и ясномъ небѣ.

Послѣдняго (яснаго неба) недоставало на нынѣшній день городу, что и было главнымъ образомъ причиною моихъ археологическихъ странствованій по минувшему. Не мало и смутило насъ начавшееся непогодье. Еще вчера вечеромъ мы исходили взоромъ, пальцемъ и отчасти линейкой по Киппертовой картѣ не одинъ географическій градусъ по всѣмъ направленіямъ отъ *Toli Manastir*, ища наиболѣе подходящаго къ археологическому вкусу нашему въ ближайшей окрестности мѣста для экскурсіи двухъ-трехъ дней. Разказы о богатой старыми иконами и рукописями *Каратовской* обители *Св. Отцево* крѣпко занимали меня. Но до *Каратовой* было, судя по линейкѣ, такое же разстояніе, какъ и до Солуня. Правда, что въ этой поѣздкѣ представлялся случай высмотрѣть три-четыре албано-болгарскихъ города, въ числѣ ихъ и древній *Скопль* — бывшую резиденцію *Кралей Сербскихъ* — довольно хорошо описанный византійцемъ Григорою, если не ошибаюсь. Но боязнъ какихъ нибудь пакостей отъ албанцевъ въ мѣстахъ, не часто посѣщаемыхъ русскими, взяла верхъ надъ искуссительнымъ помысломъ. Кромѣ *Каратовскаго*, намъ рекомендованы были знатокомъ сихъ мѣстъ еще два монастыря на гораздо ближайшемъ разстояніи отъ *Битоля*, *Слѣпченскій* и *Слимницкій*, оба обилующіе старыми славянскими рукописями. О первомъ было сказано, что тамъ цѣлый анбаръ или погребъ заваленъ книжнымъ гнильемъ,

до котораго никому нѣтъ никакого дѣла. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что село *Слѣиче* съ монастыремъ находится къ сѣверу отъ города часахъ въ пяти-шести, а Слимница лежитъ къ западу, немного въ сторону отъ Охридской дороги. На картѣ, разумѣется, не означены ни та, ни другая мѣстность. Отложивъ посѣщеніе послѣдней до поѣздки (уже рѣшенной) въ Старую Болгарію, мы собрались ѣхать въ первую, и притомъ не теряя времени. Усердный Търпко сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ поѣдетъ съ нами куда угодно, и что, затѣмъ, мы можемъ обойтись безъ всякаго конвоя. Тѣмъ лучше, заключили мы, и послали его доставать лошадей. Узнавъ о нашемъ намѣреніи, хозяева хотя одобрили принятое нами рѣшеніе, но замѣтили, что сегодня уже поздно пускаться въ дорогу, да и погода совсѣмъ ненастная. Лучше завтра раненько встать, и съ бодрымъ духомъ отправиться въ путь, по хорошей погодѣ, которую поднимающійся барометръ обѣщаль послать намъ за ночь. Мы оказали должное послушаніе и остались. Вѣчеромъ принимали нѣкотораго рода участіе въ продажѣ вещей одного консула другому. Съ отгѣнкомъ общей грусти происходило это занятіе. Походная жизнь этихъ чиновниковъ правительства какъ нельзя болѣе способствуетъ образованію въ нихъ международнаго характера, столько нужнаго въ ихъ службѣ. „Вѣдь и мы тоже *не имамы пребывающаго града*“, говорилъ мнѣ, помню, одинъ дипломатъ второй руки. Такъ, конечно, отвѣчалъ я мысленно. Хорошо, если притомъ же, вмѣстѣ съ Апостоломъ и *грядущаго взыскуете*.

Слѣиче. 26 Мая. Среда.

Въ напутственное знаменіе приснился мнѣ мертвый, и въ гробу лежащій, младенецъ. Жаль мнѣ стало неразпвѣтшей и увядшей жизни. На зовъ сердца, младенецъ ожилъ и поступилъ въ мое вѣдѣніе. По-

забывъ одно практическое наставленіе относительно сновъ¹⁾, я немедленно истолковалъ видѣнный мною въ самомъ конкретномъ смыслѣ, отождествляя младенца съ какимъ нибудь, укрывающимся въ общепанномъ „книжномъ погребѣ“, пергаментомъ неизвѣстнаго еще ученому міру содержанія, который отдается мнѣ въ полное распоряженіе, и такъ далѣе... Забота о предстоящемъ пути не дала намъ спать долго. Но раннее пробужденіе не повело ни къ чему. Прежде всего насъ встрѣтило сѣрое небо, сразу охладившее нашъ путешественный пылъ. Потомъ, закутанная въ облака зловѣщаго цвѣта, голубка наша навела на сердце просто уныніе. А когда изъ за привѣтливаго шума самовара вдругъ послышался на дворѣ шумъ дождя, то озлобленный компаньонъ сдѣлалъ жестъ отчаянія рукой по направленію къ сѣверу, говорившій: addio, пергаменты! Не смотря однакоже на такія предвѣстія, когда часамъ къ 8 показался на улицѣ Търпко съ лошадьми, рѣшеніе ѣхать взяло верхъ. Даже позванъ былъ къ допросу старый почтарь, отчего онъ заставилъ насъ такъ долго ждать себя. Виноватый ласкательно заговорилъ, что онъ все дожидался, что вотъ, вотъ выглянетъ солнышко, „ибо не подъ дождемъ же, прибавилъ онъ, ѣхать вамъ такимъ“... какимъ — именно, онъ не досказалъ. Только мнѣ неволью припомнилось при этомъ бывшее признаніе компаньона, что его въ школѣ товарищи звали „просвиркой“... На счетъ же солнышка, приходилось понимать его въ переносномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ самага баюна, сіявшаго удовольствіемъ отъ предстоящей поѣздки. Ибо настоящее солнце все еще не показывалось. Такъ мы и выѣхали, не дождавшись его; было 9 часовъ утра. Городомъ мы колесили по извѣстнымъ уже намъ улицамъ и закоулкамъ, пока не выбрались къ Св. Недѣлѣ. Тутъ къ тремъ всадникамъ присталъ моло-

¹⁾ Когда снятся мертвые, то значить у тебя ноги холодны. — Когда видишь, что летаетъ, то значить иѣшь вѣтры въ желудкѣ... и пр. Какое разочарованіе для идеалиста!

дой пѣшеходѣ, выданный намъ за суруджи, т. е. за хозяина нашихъ лошадей. Посмотрѣли мы изъ подъ зонтиковъ на сѣрый городъ и на туманную гору, пославъ имъ невеселое: до свиданія!, и направились прямо къ сѣверу, но не большою Прилѣпскою дорогою, пересѣкающею діагонально Пелагонскую равнину, а другою, какъ бы параллельною той, западнѣе ея, по не широкой долинѣ, отдѣленной отъ большой равнины невысокимъ горнымъ хребтомъ. Дождь накрапывалъ и обѣщалъ превратиться въ нашъ, столько памятный, осенній „бусенецъ“. Опытный провожатый однакоже обѣщалъ намъ къ полудню непремѣнное солнышко. Барометромъ ему служила все таже Перистерá его, съ одной стороны начавшая просинѣвать, чтобы потомъ окончательно стать „сизою голубкой“. У перваго придорожнаго хана сдѣланъ былъ привалъ. Часы указывали половину 12-го. Взавшій на себя полную отвѣтственность за насъ „передъ Богомъ и консуломъ“, Търпко, не дожидаясь приказа или вопроса нашего, сдѣлалъ освѣдомленіе у ханѣджи о томъ, есть ли что закупить намъ въ его хозяйствѣ. Нашелся творогъ, но, по предъявленіи намъ, онъ оказался кислымъ молокомъ, да притомъ — настолько дѣйствительно кислымъ, что нельзя было и думать полакомиться имъ. Ёдемъ далѣе. Панорама передъ глазами довольно однообразная. Справа и слѣва широкіе горные скаты съ весьма скудною растительностію, впереди нескончаемая прямая долина. На подгорьяхъ то тамъ то сямъ малыя села все съ болгарскими именами. — А чтожь невидно церквей? спрашиваемъ мы провожатаго, коротая время. Имя церкви, а много мали, отвѣчаетъ онъ. — То-то и есть, что малыя, продолжаемъ мы, на большія-то вы скупитесь. Хотите даромъ спасти душу. — Даромъ?! возражаетъ сквозь зубы старикъ, а откуда владыка нашъ нажилъ себѣ милліоны ¹⁾? Все отъ на-

¹⁾ Милліоны піастровъ, конечно. Преосвященный, говорятъ, дѣйствительно очень богатъ. Кромѣ своихъ прямыхъ и косвенныхъ доходовъ съ епархіи, ведетъ финансово обо-

шихъ душъ... Послѣ подобнаго отвѣта умножается молчаніе между нами и уменьшается охота освѣдомляться о чемъ бы то нибыло придорожномъ. Наскучило ждать неизвѣстно чего, и не знаешь, къ чему привязать нить своихъ помышленій. Раздающійся то спереди то сзади громъ, хотя развлекаетъ отъ времени до времени, но скорѣе ваетъ, чѣмъ разрѣшаетъ языкъ, внушая страхъ неожиданнаго купанья на сушѣ. — Търнче! спрашиваемъ мы, а гдѣ же солнышко - то, которое ты намъ обѣщала въ Битолѣ? — Да развѣ здѣсь Битоль? отвѣчаетъ онъ, хотъ бы малѣйшимъ образомъ выдавши, что онъ острить, и по прежнему опять погружается въ старческую апатію. Все его вниманіе обращено на цѣлостъ вещей нашихъ, уложенныхъ подъ нимъ и съ боковъ его, изъ подъ которыхъ не видно и самой лошади, и вся эта сложная фигура коня и всадника представляетъ издали громадной величины страуса. Кромѣ багажа нашего старикъ еще то и дѣло посматриваетъ на сухопараго суруджи, съ которымъ у него замѣчаются не рѣдкія перемигиванія, довольно таинственныя. Если бы онъ не состоялъ на русской службѣ, и вообще не былъ извѣстенъ за честнѣйшаго человека, можно бы было подумать, что у него съ молодымъ товарищемъ есть какіе нибудь не добрые виды на нашъ счетъ. Наконецъ проглянуло желанное солнышко, и вдругъ все кругомъ приняло другой свѣтлый колоритъ, на душѣ повеселѣло, и не нужно стало искать чѣмъ занять себя. Кстати показался впереди и ханъ. — Има млеко? — вопрошаемъ мы, поровнявшись съ нимъ. Отвѣтомъ служатъ кивокъ головы коренастаго ханъджи снизу вверхъ, что, въ соединеніи со сжатыми губами, означаетъ полное отрицаніе. Знакъ утвержденія дѣлается движеніемъ головы въ обратномъ порядкѣ, т. е. сверху внизъ. Третіе

роты (черезъ родственниковъ) на Константинопольской и даже на Вѣнской биржѣ, куда верѣдко и ѣздитъ подъ предлогомъ пользованія минеральными водами. Повторяемъ: «говорять».

горизонтальное движеніе изъ стороны въ сторону означаетъ средину между отрицаніемъ и утвержденіемъ, т. е. сомнѣніе. Отурившись — какъ говорилось когда-то въ школѣ, — ѣдемъ далѣе. Другой ханъ. Тотъ же вопросъ и совершенно такой же отвѣтъ. Еще селеніе впереди на возвышенности, съ ханомъ при дорогѣ. Обжегшись (именно) на молокъ, по пословицѣ, мы уже не трудимъ себя вопросомъ и минуемъ ханъ, скрѣпивши сердце и языкъ. Нѣтъ, это не Россія, гдѣ безъ коровы не мыслимо хозяйство. Еще деревня — магометанская, во всемъ похожая на христіанскую, только съ меньшимъ, игривымъ и шумливымъ, уличнымъ населеніемъ, ибо строгій *Ходжа* (учитель) не шутитъ своею профессіей и держитъ въ заперти питомцевъ науки, вопреки образовательной системѣ христіанскаго *дѣскала*, перваго высывающаго свою ученую голову изъ дверей, чтобы посмотреть на проѣзжающихъ. На то любознательность! Начинаетъ чувствоваться утомленіе, да и еще что-то... Высматриваемъ впереди гдѣ нибудь „рукописнаго“ монастыря, которому пора бы уже по расчету времени и показаться. Безконечная долина, послѣ несчетныхъ зигзаговъ, загоразивается впереди поперечною горою, что принимается нами за хорошій знакъ, ибо ожидается поворотъ дороги либо вправо либо влево, а съ нимъ и перемѣна видовъ, наконецъ отчего же и не бѣлѣющій гдѣ нибудь на косогорѣ среди густой зелени, самый монастырь. — Держу пари, что мы повернемъ на западъ, слышится одинъ голосъ. — И я-тоже, отвѣчаетъ другой. — Пари, такимъ образомъ, не было суждено состояться. Изъ одной долины мы вѣхали въ другую, идущую съ запада на востокъ подъ прямымъ угломъ къ первой. Она глубже той, шире, мягче и богаче растительностію. Точно мы направились къ западу къ темнымъ горамъ, за которыми должна лежать памятная мнѣ по нѣкоторымъ дѣламъ, *Дибра*, мѣстность, получившая свое имя конечно отъ дебрей, коими славится даже въ такихъ горныхъ полосахъ, какова Верхняя Македонія. Дорога наша обратилась въ тро-

пинку, и ту грязную отъ утренняго дождя. Солнце начало заглядывать намъ прямо въ лицо, но эта ласка его мало была цѣнима нами. Мысль была занята другимъ. Куда оно дѣвалось наше... — *Смѣнител!* договорилъ мою мысленную фразу Търпко, указывая рукою на выступавшую изъ за холма кучку мазанокъ. Вышелъ нѣкотораго рода сюрпризъ, хотя и нельзя сказать, неожиданный. Во 1-хъ, глаза смотрѣли вдаль, а село оказалось, какъ говорится, подъ носомъ. Во 2-хъ, вмѣсто настоящаго села въ общепонятномъ смыслѣ, тутъ представилось взору нѣчто въ родѣ нашихъ полевыхъ землянокъ безпорядочно разбросанныхъ на пригоркѣ, видимо служащихъ только убѣжищемъ людямъ „отъ всякаго зла противна“, а вовсе не мѣстомъ покоя, уединенія и мирныхъ домашнихъ удовольствій. Въ 3-хъ, доколѣ чаемое село укрывалось подъ именемъ Слѣпча, оно не возбуждало въ насъ интереса къ себѣ съ исторической точки зрѣнія. Мысль толкалась около *мѣла* и *млѣна*, и далѣе не шла. Совѣмъ инымъ повѣяло отъ имени: *Смѣнител*, т. е. по нашему *смѣнителѣ*. Тутъ хочешь-не-хочешь, дѣлаешь прыжокъ въ исторію. — Търпче! спрашиваю я, не слыхалъ ли ты, чтобы тутъ кто нибудь когда нибудь *осмѣтилъ* кого нибудь? — Давно? спросилъ онъ въ свою очередь. — Давненько. Лѣтъ за 500 слишкомъ до насъ. — Не слыхалъ, отвѣчалъ онъ просто и безучастно. — Тутъ, по близости *Примѣла*, Краль *Стефанъ Милутинъ* приказалъ выколоть глаза своему сыну Кралевичу. — Старика передернуло при этомъ. Тревожно, какъ мнѣ показалось, посмотрѣлъ онъ на суруджи, покачалъ головой, и сказалъ: Да развѣ можно это? — Ну? Неможно! отвѣчалъ я. Когда же было, когда пишутъ объ этомъ въ старыхъ книгахъ! Въ старыя времена чего не бывало. Вѣрно и ты что нибудь еще припомнишь такое, что теперь уже не водится... Старикъ только прищурилъ глаза на это, и не отвѣчалъ ничего болѣе. Седеніе уже все передъ глазами. — А гдѣ же монастырь-то? спрашиваетъ компаньонъ. — Еще съ полчаса туда далѣе, отвѣчаетъ суруджи. Тяжело про-

звучало въ уши мои это: полчаса. Полчаса значить еще версты три дороги, а это для истомленнаго тѣла не малое разстояніе. Отъ сухоходной рѣчки мы поднялись на пригорокъ и очутились лицѣмъ къ лицу съ церковію. Это такая же мазанка, какъ и воѣ дома, строенная какъ попало изъ плитняка и булыжника, крытая аспидными плитками, съ низкими стѣнами, узкими оконцами и т. д.; кругомъ церкви кладбище. Мы сошли съ лошадей и стали высматривать, у кого бы спросить ключа отъ церкви. Тѣрнко уже велъ въ сторонѣ переговоры, въ дѣствіе которыхъ вскорѣ изъ за ближайшаго угла показалась фигура духовнаго лица, одѣтаго, какъ и всѣ поселяне, только съ черною камилавкою на головѣ. Это былъ священникъ села, папа *Стойчо* или *Стоянчо*¹⁾. Молодой человекъ, чуть не юноша, худенькій, маленькій, смиренненькій. Поздоровавшись съ нами, онъ сейчасъ же отворилъ намъ церковь и пригласилъ войти. Храмъ Божій поразилъ насъ своимъ убожествомъ, несмотря на то, что для насъ уже дѣло привычное видѣть нищету церквей на Востокѣ. Чтобы сразу дать о немъ понятіе, довольно сказать, что размѣры его — четыре шага въ квадратѣ! Судите по сему о всемъ прочемъ. Церковь носить имя Св. Николая. Въ алтарѣ на престолѣ мы приложились къ деревянному кресту топорной работы и къ Евангелію въ черномъ кожаномъ переплетѣ безъ малѣйшаго украшенія. Последнее оказалось рукописнымъ, писаннымъ на хлопчаткѣ (бомбицинѣ) въ 8-ю долю листа, въ одинъ столбецъ неравнымъ почеркомъ, порыжѣвшими отъ давности чернилами. Книга крѣпко истерта и залита воскомъ. Въ концѣ ея читается приписка: *Прими моленіе Гѣ рабу свою Вышу. Коа приложи сѣю книгу стѣомъ Николѣ и*

¹⁾ Послѣ мы освѣдомились, что *Стоянъ* и *Иванъ* — одно и то же, что *Янъ* и *Иоаннъ* — разныя формы одного и того же имени, что легко допустить и объяснить; но откуда взялась приставка: *сто*? Не есть ли это сокращеніе слова: *свято*, въ той формѣ, какъ оно пишется «подъ титлой»? *Стоянъ* въ такомъ случаѣ значило бы: *Святой Иоаннъ*.

стѣмъ Овдѣру и стѣой Пекы. Будней въ душевное спасеніе и въ вѣчную памѣ. Аминь. Въ то, лѣтъ (1549). Мѣсяца апрѣл. 51 днѣ. Итакъ, если не самая церковь, то приходъ села Слѣпченскаго насчитываетъ уже по меньшей мѣрѣ 316 лѣтъ. Прозабаніе въ полнѣйшемъ смыслѣ! Кто такая была блаженной памяти *Выша*, она не позаботилась объяснить намъ. Но и за то спасибо, что съумѣла дать знать о себѣ потомству, да еще и съ указаніемъ года. Теперешняя какая нибудь Стана не догадалась бы сдѣлать этого. По этому самому Евангелію вы доселѣ читаете при богослуженіи, спросили мы ѳ. Стояна? Да, отвѣчалъ онъ въ блаженномъ невѣдѣніи существеннаго отгѣнка мысли при вопросѣ. Мы общались прислать ему для церкви большое печатное Евангеліе въ бархатѣ и серебрѣ.

Кромѣ Евангелія, мы досмотрѣлись въ церкви и другихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, а также рѣдкихъ старопечатныхъ. Рукописи оказались слѣдующія: *Пентикостаріонъ*, въ листъ, на бумагѣ. Начальные листы весьма попорчены. На послѣднемъ есть замѣтка: *Поменѣ Гѣ въ грѣсѣхъ богатаго и хѣдобмаго та¹⁾ діака Дмитра списавшаго сию книгу. Вѣчная памѣть и поѳ нѣр Николѣ и родителямъ его иже и потрудисѣ въ книзѣ сей. А писасѣ сѣа бжѣтвенная книга тридѣ въ лѣтъ зѣца (1393).²⁾ въ дни въ неже поѳищеніемъ Бжѣимъ прѣдани бжѣомъ грѣсѣ ради нашихъ въ рѣцѣ вразѣ беззаконныхъ и мрѣскихъ и грѣшнѣхъ неправднѣхъ и лѣкавѣйшѣхъ паче всѣхъ землѣ. и тогда бытѣ заѳстѣнне и скорѣбѣ велиа ѳ безбожнѣхъ измаилитѣ иже не бытѣ ни бѣдетѣ.* Исторія Слѣпченской церкви такимъ образомъ отодвигается еще на 107 лѣтъ глубже въ печальное минувшее. — *Трипѣснецъ* (трапѣйца), — въ листъ на бумагѣ, въ 2 столбца. Начало: „Трипѣснецъ съ Богомъ починаемъ: ѿ мнѣ арѣ“. Конца нѣтъ, а потому нѣтъ и никакой замѣтки

¹⁾ Оставленное безъ перевода, греческое: таха - какъ бы, какъ будто бы.

²⁾ Три года спустя послѣ Коссовской битвы.

писавшаго книгу. Всего 30 тетрадей. — *Апостолъ*, — въ листъ на бумагѣ, въ одинъ столбецъ, 27 тетрадей. Повидимому — не ранѣе XVII вѣка. Въ началѣ книги есть неискусное изображеніе Св. Апостола Луки съ разноцвѣтною по золоту виньеткою. Никакой замѣтки въ книгѣ не отыскалось. Изъ печатныхъ книгъ мы осмотрѣли два экземпляра 2-й части *Октоиха* южной печати, 7002 и 7047 года отъ сотворенія міра, *Анологіонъ* московской печати 1763 г. и *Псалтирь* — 1769 г. Кончивъ это книжное занятіе, я присматривался, нѣтъ ли еще чего нибудь въ церкви замѣчательнаго своею древностію, но не оказалось ничего такого. Выходя изъ церкви, мы перекомендовали о. Стояну беречь Евангеліе и Пентикостарь паче золота и топазія, объявивъ ему, что одной книгѣ 900 а другой 400 лѣтъ. Цифры эти однакоже, какъ мнѣ показалось, ни чуть не удивили, по крайней мѣрѣ видимо не занимали Слѣпштенскаго батюшку. За то онъ съ авраамовскимъ радушіемъ пригласилъ насъ посѣтить его убогую „кучу“.

Жилище священника, какъ и слѣдовало ожидать, ближе другихъ къ церкви и сравнительно богаче. Идемъ къ нему, окружаемые забѣгающими впередъ и засматривающимися на невиданныхъ гостей, дѣтьми. Я могъ поздравить себя съ давножеланнымъ зрѣлищемъ южной безпримѣсной ¹⁾ славянской жизни, и еще какимъ зрѣлищемъ! — Уносимъ насъ въ Великокняжескій періодъ нашей собственной исто-

¹⁾ Безпримѣсной — относительно грековъ. А Турки? спросить кто нибудь. У насъ привыкли вездѣ въ Турціи видѣть турковъ. Для гнѣвной мысли и узкаго взгляда это конечно такъ, — гдѣ Турція, тамъ и турокъ. Но какое отношеніе имѣютъ напр. къ Слѣпшченскимъ христіанамъ турки? Не много ошибемся, если скажемъ: никакого. Вѣроятно, даже подать государственную собираетъ какой нибудь откупщикъ битольскій изъ болгаръ или грековъ. Во всемъ прочемъ они вѣдаются и обходятся безъ турокъ. Просуществовавшая открыто въ церкви 400 лѣтъ книга съ самою неметною бранью предержавшей власти говоритъ ясно, что «турокъ» не мѣшаетъ славянскому селу вести дѣла свои, какъ оно хочетъ.

рiя! Вотъ онъ идетъ впереди насъ торопливо, и какъ бы бояливо, *поѣтъ Стопичо* со всѣми свидѣтельствами того, что онъ плоть отъ плоти и кость отъ костей своего роднаго села, какими были и наши пра-прадѣды въ давно забытое время, — попы Лукаши, Илюши, Митяи, Михалки... Разница только та, что у насъ трескучіе морозы выдумали батюшкамъ высокія шапки, заросшія камышемъ болота — высокія тросты, дремучіе лѣса — высокія хоромы, безмѣрныя разстоянія — высокія о себѣ мысли, а частые князья съ ихъ дворами и рѣдкіе владыки съ ихъ помпою — высокія титула... все — *высокое*, а оттого какъ будто и не очень прочное, неустойчивое, хотя пожалуй и казистое, (а на новой взглядъ такъ даже и невысокое, а значительно пониженное... Но объ этомъ рѣчь, какъ говорится „въ скобкахъ“). Можно бы не обинуясь утверждать, что между нынѣшнимъ пастыремъ Слѣпченскимъ и упомянутымъ *попомъ ктѣр* *Николой* 1393 года нѣтъ никакого различія, кромѣ племеннаго, такъ какъ теперешній — *болгаринъ*, а тотъ безъ сомнѣнія былъ *сербинъ*. Мало отъ обоихъ конечно разнися и старыхъ временъ *русинъ*. Развѣ только былъ тароватѣе ихъ, и объективнѣе относился къ своему дѣлу и званію. Нанимаясь напр. служить обѣдню на базарѣ, онъ держалъ за пазухой просфору, и грозилъ нанимателю, что сейчасъ закуситъ, и тогда конецъ торгамъ. Я увѣренъ, что если бы рассказать про случай о. Стояну, онъ не удивился бы ему, не разсмѣялся бы и всего менѣе осудилъ бы его, а только подумалъ бы про себя: тамъ у нихъ это можно, а у насъ тутъ кто подумаетъ нанимать? Конечно, прихожане, встрѣчая его, не снимаютъ тутъ шапокъ и не подходятъ подъ благословеніе, но за то и не отплачиваютъ за вынуждаемую обычаемъ почесть ни кукишемъ въ рукавицѣ, ни цѣлымъ лексикономъ позаочной брани, извѣстной у насъ даже малымъ дѣтямъ. Нѣтъ тутъ вообще на Востокѣ ни нашего высокопочитаія къ духовенству, ни нашей низкой озлобленности противъ него. Чему приписать это, пусть рѣшаютъ специалисты. Входимъ въ домъ

Петя Николы. Такъ зовется жилище о. Стояна, который собственно есть только помощникъ, какъ бы викарій, настоящаго приходскаго священника, своего родителя о. Николая. Послѣдній, посадивъ на свое мѣсто сына, самъ занялся дѣлами сосѣдняго монастыря, и живетъ болѣе тамъ, а не въ селѣ. Домашнимъ о. Стояна уже дано было знать о предстоящемъ посѣщеніи нашемъ. Оттого, при входѣ въ домъ, насъ встрѣтила съ большими привѣтами старая матушка. Но, Господи, что это за домъ! Ничего, что хотя сколько нибудь соотвѣтствовало бы нашимъ понятіямъ о „поповомъ“ домѣ. Я рѣшительно отказываюсь отъ описанія его. Чтобы дать гостямъ чистаго воздуха, насъ усадили въ прилаженный къ обиталищу птичникъ или иное что изъ жидкой и сквозящей загороди съ землянымъ поломъ. Послѣдній былъ накрытъ рогожей и устланъ самодѣльными ковриками, на которыхъ при стѣнкахъ лежали узкія и длинныя подушки. Нечего говорить, что мы рады были несказанно такому уютному помѣщенію. Старая матушка не замедлила представить намъ своихъ двухъ снохъ — тоже матушекъ. У о. Стоянчо есть еще братъ *Потъ Коста*, который на тотъ разъ былъ тоже въ монастырѣ, помогая отцу въ разныхъ тамошнихъ работахъ. Въ домѣ не мало дѣтей перваго возраста. Хотѣли послать за старымъ хозяиномъ, но мы объявили, что сейчасъ сами туда ѣдемъ. Поспѣшили потому угостить насъ сперва „водовареньемъ“ по восточному обычаю, а потомъ и хлѣбомъ-солью, т. е. яицами и молокомъ, которое, въ память единоплеменнаго сѣвера, подавалось „съ крошками“. Знаютъ ли южные славяне такое приготовленіе? пожелалъ я освѣδοчиться. Отвѣтомъ служила безмолвная улыбка, гласившая: ужъ на чтоже проще такого кушанья? Спутникъ, владѣя болгарскимъ языкомъ, разговаривалъ со старушкой о вещахъ обыденныхъ, я же чувствовалъ себя не способнымъ къ бесѣдѣ отъ набѣжавшаго на душу умиленія. Точно съ такимъ же чувствомъ, помню, лѣтъ за 30 передъ этимъ разсматривалъ я купленный по случаю въ одномъ изъ русскихъ губернскихъ горо-

довъ, *Греческій Часословъ*, весь истрепанный и засаленный, видимо бывшій въ постоянномъ, и еще недавнемъ, употребленіи. Ужели есть еще люди, которые читаютъ и молятся по этой книгѣ своимъ ихъ языкомъ? спрашивалъ я самаго себя. Вѣдь языкъ этотъ и люди, имъ говорившіе, принадлежать давнымъ давно къ области исторіи, и существуютъ только въ классическомъ учебникѣ. Тоже самое, только гораздо живѣе, происходило въ душѣ моей и теперь. Переговоръ матушекъ и о. Стояна между собою и съ прислугой и съ нашимъ Търнкомъ отзывался для меня чѣмъ-то, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Въ немъ столько было книжнаго славянокаго, что думалось иногда, ужъ не ослышался ли я? Особенно плѣнительно было услышать въ живой рѣчи слово: *Како*. Грамматика такъ сказать похоронила его, назвавши имъ одну изъ буквъ азбуки. А вотъ оно живетъ и движется, переходя изъ устъ въ уста цѣлой семьи. — Вѣдь даже младенцы, замѣтилъ я, и тѣ режутъ пославянски! — А я, отвѣтилъ на это шуточно компаньонъ, слушаю и нахожу, что даже пѣтухъ поетъ совершенно понашему... Завзятый славянофилъ подтрунивалъ надъ моимъ разблаженіемъ.

День уже вечерѣлъ. Послышались опять далекіе раскаты грома. Мы простились съ гостепріимнымъ кровомъ и отправились еще далѣе на западъ. Дорога шла, поднимаясь по склону горы. Появилась и довольно густая растительность. Какъ и слѣдовало ожидать, монастырь занимаетъ возвышенное и прекрасное мѣсто. Темныя стѣны его сразу высказали его значительную древность. Прежде, чѣмъ мы добрались до него, насъ еще разъ смочило дождемъ. Къ 5 часамъ мы были передъ воротами обители. Послѣ небольшого приключенія съ сѣдломъ, мнѣ пришлось явиться въ нее пѣшеходомъ, что было и приличнѣе. Радушно, хотя нѣсколько какъ бы растерянно, встрѣтилъ насъ игуменствующій о. *Николай*, видимо отозванный нами отъ работы. Сынъ его о. Константинъ, во всемъ похожій на брата,

старался доставить намъ весь возможный комфортъ. Единственный, только что возобновленный, комнаты обители отведены были для насъ. Отдохнувши и обохши немного, мы просили позволенія видѣть церковь. Она стоитъ среди двора отдѣльно отъ другихъ зданій, имѣетъ красивый видъ небольшихъ византійскихъ храмовъ съ высокимъ куполомъ, но представляется совершенно новою. Возобновлена всего за три года передъ этимъ уже въ управленіе о. Николая. Справедливѣе сказать, не возобновлена, а вновь выстроена на мѣстѣ старой церкви, такъ что о прежней церкви теперь и сказать ничего нельзя, такъ какъ объяснить ея плана мнѣ не могъ почтенный возобновитель. Судя по отзывамъ его, вообще о началѣ монастыря и его долговременномъ существованіи ни въ памяти народной ни въ какихъ нибудь записяхъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Чествуется онъ во имя Св. Іоанна Предтечи. Въ алтарь церкви мы видѣли большой деревянный крестъ, на подножіи котораго вырѣзана замѣтка: сіа чт (честный) и ст (святой) крестъ ѿ ст ѿ сѣчи (слѣпче?) оставлено ѿ рѣшала намико дартои чѣкр... Не умѣя дать полнаго объясненія написанному, мы ограничимся замѣчаніемъ, что надпись не должна быть очень древнею, судя по скорописному характеру буквъ. Другая замѣчательная вещь въ церкви есть большая деревянная икона Св. Архангѣла Михаила, рѣзаная рельефомъ. На оборотѣ ея замѣчено тоже рѣзью: *Помъ Никола Поповичъ. 1703 г.* Сличая этотъ храмъ съ сельскимъ, я воздалъ должную хвалу почтенному ктитору его, хотя не пропустилъ безъ замѣчанія, что если бы такая благолѣпная церковь была въ селѣ, а не въ пустынѣ, отъ нея больше было бы пользы для мѣста. Монастырь и при старой церкви имѣлъ бы тоже значеніе... Справедливое это замѣчаніе мое оказалось однакоже неумѣстнымъ. Монастырская церковь выстроена на пожертвованія, собиравшіяся прямо и исключительно на нее. При иномъ назначеніи пожертвованій, самый сборъ оказался бы невозможнымъ... Итакъ не только у насъ, но и въ остальномъ православномъ

міръ идея монастыря беретъ верхъ надъ идеей приходской церкви. Не замѣчательно ли это.

Пожалѣвъ о убожествѣ сельской церкви, мы однакоже успѣли воздать ей честь, заявивши передъ ея настоятелемъ о томъ утѣшеніи, которое вынесли изъ нея, отыскавъ тамъ нѣсколько цѣнныхъ древнихъ книгъ съ историческими замѣтками. Естественно было прибавить вслѣдъ за этимъ о той увѣренности, съ которою мы думаемъ найти еще несравненно больше подобныхъ сокровищъ въ древней обители, чѣмъ въ простой церкви. А чтобы старецъ какъ нибудь не увернулся отъ насъ, и прямо было присовокуплено, что извѣстный въ мѣстахъ этихъ, Цареградскій А. Н... насъ положительно завѣрилъ о цѣлой комнатѣ, заваленной старыми рукописями, видѣнной имъ въ монастырѣ Св. Предтечи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ много должно скрываться извѣстій и о началѣ монастыря и о всемъ его прошедшемъ, о правахъ его, объ угодьяхъ... Длинный этотъ приступъ или подступъ оказался впрочемъ излишнимъ. О. Игуменъ объявилъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, что есть въ разныхъ мѣстахъ по кельямъ нѣсколько старыхъ церковныхъ книгъ, которыя онъ пожалуй пойдетъ собрать и принесетъ намъ на поглядѣнье. Пока готовился самоваръ, внучекъ игумена одну за другою вносилъ къ намъ старыя рукописи, которыя дѣйствительно оказывались все церковными, и хотя не весьма древними, но очень ветхими отъ небрежнаго употребленія и небрежнѣйшаго храненія. Были и славянскія и греческія. Мы угостили за это чаемъ представителей трехъ поколѣній прошедшаго, настоящаго и будущаго, и даже съ удовольствіемъ согласились, по приглашенію О. Николая, отправить въ церкви русскую вечерню. Старецъ хотѣлъ послушать нашихъ *гласовъ*, не похожихъ, какъ ему говорили, на греческіе и на ихъ болгарскіе. О. *Константинъ* набросилъ на себя эпитрахиль по верхъ своей рабочей одежды, и благословилъ службу, а мы читали и пѣли. Въ церкви оказался Октоихъ русской печати. Ни *Миней*

ни Тріоди не было. Мы отыскали Четверговую службу первого, попавшагося подъ руку, гласа, и чтобы показать разнообразіе напѣвовъ нашихъ, пѣли каждую стихирю на особый гласъ. Мы бы такъ не сумѣли пропѣть, замѣтилъ по окончаніи службы представитель текущаго поколѣнія, провожая насъ изъ церкви. — Да вамъ и не позволять пѣть по нашему, сказали мы. — Кто не позволитъ? Быстро подхватилъ будущій дѣятель, и показалъ видъ, что ему не даромъ Богъ далъ руки... Отжившій дѣятель улыбнулся въ отвѣтъ на мужественное заявленіе внука. Были потемки, когда мы возвратились въ свой „архондарикъ“.

Уединившись, съ аппетитомъ голоднаго человѣка, накинута я на книжный ворохъ. Всѣхъ книгъ видѣлось на широкой лавкѣ (диванѣ) десятка два съ лишкомъ. Ихъ достало мнѣ для усидчиваго занятія далеко за полночь. Вотъ краткій перечень ихъ.

1. Тетрасѣла — на пергаментѣ, 4°, въ одинъ столбецъ уставнаго неровнаго письма, по 22 строки на страницѣ. Всего — 38 тетрадей, помѣченныхъ вверху числовыми буквами. Книга полная, безъ малѣйшаго ущерба. Главъ въ Евангеліи отъ Матѳея указано 38, а стиховъ 355. У Марка главъ 48, стиховъ 233. У Луки главъ 83, стиховъ 349. У Іоанна главъ 18, стиховъ 235. Ни предисловія ни послѣсловія при Евангеліяхъ нѣтъ. Буква ж въ книгѣ не встрѣчается, а к въ обилии. Удареній нѣтъ. Надъ и, к, а, о, ѡ, ѡ, ѡ въ началѣ реченія и вслѣдъ за другой гласной стоитъ точка. Напр. ѡче, ѡица... Но есть примѣръ, что видится и въ срединѣ реченія и не послѣ гласной, напр. Трѡѡа. Надъ доегласнымъ ѡ она стоитъ вездѣ и непремѣнно. Гдѣ въ нашей рѣчи слышится з, тамъ постоянно въ книгѣ видится кавычка — напр. ѡзѡише. Заѡнѡкъѡѡ. Мѡриѡсе. ѡ неѡже... полугласная з совсѣмъ неизвѣстна тексту. Вездѣ вмѣсто нея стоитъ ѡ. Единственный знакъ препинанія точка (.) внизу строки. Встрѣтились слова: маѡѡара, аѡѡ (дуси нечисти), скорѡѡѡ, доѡраѡѡго, глаѡти, таѡѡѡ

(тещу) ¹⁾. Въ одномъ мѣстѣ книги есть позднѣйшая историческая замѣтка. × *На ѵ и Ѹ и ѿ и ѿ то сирит (?Смерть?) господина Краля Владислава Албертовика краля 8раршага мца Дек... ²⁾*. Такъ какъ тутъ говорится о нѣкоемъ крадѣ (конечно Сербскомъ), да еще и съ опредѣленнымъ лѣтосчисленіемъ, то стоило бы разобрать замѣтку со всею подобающимъ вниманіемъ, но въ дорогѣ этого сдѣлать нельзя. Краля *Владиславъ* точно стоитъ въ ряду Сербскихъ державцевъ подь 1230 годомъ. Это былъ братъ и предмѣстникъ *Уроша I* или Великаго (!). Другой Владиславъ, племянникъ перваго, добивался въ свою очередь престола, и пожалуй могъ тоже назваться или быть названъ отъ приверженцовъ или льстецовъ, кралемъ, но оба они — сыновья кралей *Стефановъ III* и *V*-го, а никакъ не Альберта какого-то, совсѣмъ неизвѣстнаго въ сербской исторіи. Хронологія замѣтки могла бы повестъ къ чему нибудь, но она отмѣчена такими знаками, которые не поддаются разрѣшенію. Времени написанія Евангелія я не берусь опредѣлить.

¹⁾ Вотъ образчикъ сплошнаго письма: 1) Оѹе наша иже кси на нѣхѣ. да стѣитсе име твоѣ. да прииде црѣвнѣ твоѣ. и да коудета колѣ твоѣ. ꙗко на мѣси и на земли. хѣѣла соуцаствани дажда нама на всѣкѣ днѣ. и ѡстави нама грѣхѣи наше. ꙗко и мѣи ѡставляѣма всакомоу длѣжникуоу нашемуу. и не бабеди насѣ въ искоушениѣ. на избави насѣ Ѹ неприѣзни.—2) искони въ слово. и слово въ ка Бѡу. и Бѡ въ слово. се въ искони ка Бѡу. и въ гѣма бѣше. и безѣ него ничесоже не бѣста. иже бѣста.

²⁾ При пособіи Дюканжа Ранча и другихъ, удалось отыскать *Владислава Албертовича*. Это былъ дѣйствительно краля, только не Сербскій, а Угорскій или Венгерскій. Въ *L'art de vérifier les dates* онъ названъ Ladislas V ou VI, dit le Posthuma, сынъ Альберта (+ 1439) и Елисаветы. Онъ родился уже по смерти отца. Въ 1453 г. вступилъ на отеческій престолъ, а 23 Ноября 1457 г. скончался скоропостижно въ Прагѣ. Видно такимъ образомъ что лѣтосчисленіе замѣтки слѣдуетъ эрѣ не отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. Декабрь мѣсяць очутился тутъ вѣроятно потому, что только въ этомъ мѣсяцѣ паматописецъ узналъ о семъ.

2. *Четверо Евангелие*. На бомбицинѣ, въ 4°, въ одинъ столбецъ, крупнаго уставнаго письма. Весьма толстая книга, со множествомъ вырванныхъ или разорванныхъ листовъ. Имѣетъ также раздѣленіе на стихи и главы. Замѣтокъ никакихъ. Должна принадлежать XV вѣку.

3. *Апостолъ*, на бомбицинѣ, въ 4°, въ одинъ столбецъ. Въ началѣ книги есть мѣсяцесловъ, или такъ называемый *Канонарь* для руководства при отыскиваніи дневныхъ и праздничныхъ Апостольскихъ чтеній. Въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Замѣтокъ не встрѣтилось. Книга одного повидимому времени съ предыдущимъ номеромъ, и служитъ какъ бы продолженіемъ его.

4. *Апостолъ*. Бомб. 8°. 1 столбецъ. Въ началѣ недостаетъ листа. Въ концѣ есть приписка: *ѣс зачало и конецъ. Слова съвершителю Боу. аминь. Съписасе рѣкою грешнаго попа Ныколѣ*. Одного, по всеѣмъ признакамъ, времени съ предыдущими номерами.

5. *Апостолъ*. Бум. въ листъ. 1 столбецъ. Есть приписка простовато-забавная, повидимому современная: „*мѣта сѣси (1408), Блоуди (наблюдай) блоуди ѣноче блоуди блоуди брате и ꙗки рѣкъ блоуди что хоцетъ бити на нѣби знаменик и на земли тоуга езыхомъ сѣч крѣз якоже нѣтъ била никогда. Ржѣдтво въмедѣлю... Петръ въ пятокъ (пѣ). Блоуди луна ѣ, смѣць ѣ“¹⁾.*

6. *Псалтирь*. Бум. 8°. 1 столбецъ. Недостаетъ въ началѣ трехъ тетрадей. Не очень древняя и не представляетъ въ себѣ ничего, достойнаго замѣчанія.

¹⁾ Сѣч крѣ — вѣроятно: рѣзня и кровь. Поводомъ къ такой заботѣ о блюденіи послужило очевидно совпаденіе начала «круговъ» луннаго и солнечнаго. По теперешнему счету, обстоятельство такого рода имѣло мѣсто въ 1408—9 году. Указанія же замѣтки о праздникахъ Рождества Христова и Св. Ап. Петра и Павла относятся къ 1408 году. Но такъ какъ въ то время годъ начинался Сентяремъ, то и Рождество Христово естественно отходило уже къ новому 1409 году и слѣд. должно было приходиться въ понедѣльникъ — по табличкѣ П. Чтоже касается Петрова дня, то указаніе его вѣрно.

7. *Служебникъ*. Бомб. 8°. 1 столбецъ. Хорошаго большаго письма. Послѣ трехъ литургій положены Апостола-Евангелія на значительнѣйшіе дни года. Въ концѣ книги есть приписка: *Вѣ да проститъ Геромонаха Евфимію грѣшнаго еже и списавшихъ сію книжицу поѣ Дмитроу. И васъ Вѣ да проститъ*. Бросилось въ глаза нѣсколько особенностей литургійныхъ. Такъ напр. на Проскомидіи вмѣсто такъ называемыхъ „девяти чиновъ“ указано вынимать одну часть, и полагать на той же лѣвой сторонѣ, гдѣ и часть Богоматери. Просфоръ насчитывается пять. Странно, что и діакону указывается тоже вынимать частицы за живыхъ и усопшихъ. Въ самомъ послѣдованіи Литургіи стоитъ, какъ и теперь, *милость* (а не елей) *мира*, но за тѣмъ слѣдуютъ слова: *жертва твоя*. Молитва о призваніи Св. Духа не положена. Въ явленіи Св. Даровъ діакону указывается говорить только: *приступите*, а священникъ самъ прежде того скажетъ: *со страхомъ божиємъ и отрою*. Въ литургіи Св. Василия В. нѣтъ извѣстныхъ словъ: *преложивъ я Духомъ твоимъ Святымъ*. На Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ указывается священнику, при произношеніи словъ: *святъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*, смотрѣть къ востоку.

8. *Служебникъ*. Бум. 8°, 1 столбецъ. Гораздо новѣе предыдущаго номера. Помѣщены въ книги: *чинъ поставленія Подіакона и Діакона, и чинъ, бываемій на поставленіи Попа*. Вездѣ указывается говорить: *достойнъ*, а не *аксіосъ*, и притомъ, при рукоположеніи Діакона, одинъ только разъ, по наложеніи ораря, тоже и при священническомъ рукоположеніи, но не сказано, когда именно. Говорится только: *по аминь, архіерей прѣложитъ заднюю часть ораря его на прѣдъ. Потомъ облекутъ его въ фелонь, и цѣловавъ его, повелитъ стати емъ съ прочими попомъ*. Есть два листка изъ чина Архіерейскаго служенія; тамъ попалось въ глаза слѣдующіе: *Въ первіихъ помени Гдѣ Архіепископа, протона и Хартобглаго и прочіи попомъ. Епископа (?)*. *Послѣди же діаконъ въ*

олтари стое: Матѣя ¹⁾, прѣсвѣщеннаго архіѣпа нашего первые Юстиніаны и всея Българіе и всея поморскыи и западныи земли“. Тутъ же, но другою рукою написано: Кирилла, Еѣпа нашего ²⁾.

9. Часословъ. Бум. 8°. 1 столбецъ. Въ началѣ недостаетъ цѣлыхъ 17 тетрадей. Последняя помѣчена цифрою ѡз (37). Въ концѣ есть приписка: „Вѣдомо буды, яко скончаша синаксарь (?). Слава ти сѣга Троице“. Какое отношеніе имѣетъ къ часослову синаксарь? И какой синаксарь? И что за нужда дѣлать вѣдомымъ кому-то о его скончаніи? Про все это вѣдаетъ одинъ писавшій замѣтку. Письмо книги XVI вѣка.

10. Часословъ. Бум. 16°. Безъ начала и конца. Совершенно разбитая книжка. Тогоже вѣка.

11. Октоихъ. Бум. 8°. 1 столбецъ. Книга содержитъ въ себѣ однѣ Воскресныя службы восьми гласовъ. Конецъ оторванъ. На дощечкѣ замѣчено скорописью: *Въ лето, зѣю (1672) паде слана (?) мѣца апрѣля кѣс, и поварѣло зѣга (?). И все лето турцы пововаши на Московію, и бѣше гладъ крѣтко по местамъ на вѣсточней стране*“. А еще ниже прибавлено: *Тогда прѣповезахъ сию книгѣ грѣшныи поць Никола при господине влѣцѣ моего Теофана. У. града Скопѣя. И простите ми отцы и братія моя*... Чѣмъ-то *Московійскимъ* вѣетъ отъ этой безграмотной замѣтки особенно — отъ частаго употребленія *е* вмѣсто *ъ*. Обстоятельство, что книга когда-то находилась въ *Скопле*, бросаетъ нѣкую тѣнь на туземное происхожденіе монастырскихъ рукописей.

12. Мисья — Октябрь мѣсяцъ. Бум. Листъ. Безъ начальнаго листа. О нашемъ праздникѣ Покрова нѣтъ помину. 14 числа положена служба Св. Параскевѣ. Указано совершать бдѣніе. Святая постоянно

¹⁾ Oriens Christianus, *Матеей* ставится между Архіепископами *Аноимомъ* XIV в. и *Маркомъ* XV в.

²⁾ Кириллъ конечно енархіальный Епископъ мѣста, но едвали изъ митрополитовъ, подвѣдомныхъ Архіепископу 1-й Юстиніаны.

именуется петка, въ зват. над. петко. На литіи первая стихира начинается такъ: *Приниствіемъ събѣгъ моцехъ твоихъ српска земля обогатисе*. Канонъ 6-го гласа. Начало первого тропаря: „Параскевія славная“... Акrostиха не придерживался писатель. Книга должна принадлежать XVI в.

13. *Минея — Юль мѣсяцъ*. Бум. листъ, 2 столбца 1546 г. Въ концѣ есть приписка: „*Писасе сія книга въ лѣто зѣд егда достъхъ моего (зѣс) наста лѣто зѣд. Читите .. и мене помните грѣшная и худя въ священноинокъхъ іеромонаха Пахоміе писавшаго сіе грѣбо*“.

14. *Минея — Юль мѣсяцъ*. Бум. Листъ, 1 столбецъ, 1549 г. Въ концѣ приписано: *Слава Бѣу въ троици давшемоу по зачалу и концу. Томъ слава въ безкончїе вѣки. Аминь. Лѣта зѣд. мѣца генвара кс*“ Къ книгѣ приплетена служба Св. Іоанну Предтечѣ (7 янв.). Въ концѣ ея опять замѣчено: *Честнѣиши и сѣтѣиши оци любве ради хѣтъ аще что шбрещете прочитаноуе погрѣшено исправляйте и блѣите а не кльнете нь поминайте и насъ грѣшныхъ тѣрдившихсе въ стѣихъ вашихъ мѣтѣвахъ. Понесе не писа охъ сѣтъ ни зѣдъ нь рѣна брѣннаа и грѣшная и васъ Бѣ да проститъ. Аминь. Монахъ іерей*“... слѣдуетъ неразбираемая монограмма.

15. *Богородичникъ*. Бум. листъ. Начинается Субботнимъ канономъ 1-го гласа и оканчивается канономъ въ Пятокъ вечера 8-го гласа, совершенно сходно съ положеннымъ въ нашемъ Октоихѣ навечерними Богородичными канонами. Къ нимъ приписаны еще каноны на 8 гласовъ, т. е. по одному на каждый изъ гласовъ, съ канонами „мѣченикамъ, сѣтителемъ и преподобнымъ и оусопшимъ“ также на 8 гласовъ. Въ концѣ книги замѣтка: „*Сіа книга елѣмаа Мольбникъ Бѣи. Въ шбителъ сѣго Іоанна Предтеча*“. XVII вѣка.

16. *Номоканонъ*. Бум. 8°. Семь тетрадей разбитыхъ. XVII вѣка.

17. *Синаксариій*. Бумб. 8°. 1 столбецъ. Не достаетъ въ началѣ цѣлаго Сентября мѣсяца и первыхъ 10 чиселъ Октября. Начинается

такъ: „Въ тойже дѣнь (Окт.) память седмаго збора. Стѣны седмыи всея вселенныа зборъ бысть въ Никей“... Книга стѣдила бы подробнаго обслѣдованія ¹⁾. Можетъ относиться къ XIV вѣку.

18. *Златоустъ*. Бум. листъ, 1 столбецъ. Безъ первыхъ трехъ тетрадей. Начинается слѣдующими словами (вѣроятно изъ житія Святителя): „чищеніе навикноути. Ибо въ всемъ стѣмъ вѣсѣмъ бѣше подобень... видѣ же и *кельтскыи* народъ арианскою ересію везещъ въ сѣти“... Въ концѣ книги естъ приписка: „И писасе сіа *Бѣтманна* книга *Златоустъ* въ мѣсто дѣйс (1548) мѣца Декабря лѣ. Свѣеринисе же въ монастырь продрѣма при игумена *Серафима* іеромонаха: и потрѣдисе ѡ семь послѣднихъ въ иноуцѣхъ и ѡбѣгахъ въ члѣцѣхъ, а богати въ грѣсѣхъ *Висаріѡнъ* іеромонахъ ѡ Дебра, стѣчна мѣ память“.

19. *Св. Ефрема Сиринна* поученія. Бум. листъ, 2 столбца. Безъ начала и конца; первый листъ — изъ 27 слова — начинается такъ: „глаголющѣ поношенія притчаа (?) дша моя“. Конецъ на словѣ 109-мъ „о покаяніи и ѡ любви, еже и о крѣпченыхъ и исповѣданіи и крѣтоу похвала, ѡ бѣдѣщемъ соудѣ: Ничтоже почтемъ любимая братію паче велицемѣрние любве“.

20. *Св. Іоанна Златоустаго* избранныя слова. Бомб. 8°, 1 столбецъ. Всего 10 словъ принадлежать Златоусту. Слѣдующее 11-е есть *Св. Григорія Синайскаго* о томъ, „что естъ образъ иночскаго житія“, начинается словами: „постриженіе ѡбо власомъ“... Затѣмъ слѣдуетъ жизнь *Св. Василя новаго*. Потомъ еще статья (безъ начала),

¹⁾ Подъ 9-мъ Ноября положена память *Св. Александра* и *Антонія* мучениковъ Солунскихъ, а подъ 6-мъ числомъ *Св. Павла* исповѣдника — тоже Солунца, пропущенныхъ мною въ спискѣ Святыхъ, принадлежащихъ Солуню. Изъ нихъ *Св. Александръ* стоитъ въ Греч. Миней подъ 7, а не подъ 9-мъ Ноября. *Антоній* же дѣйствительно указывается подъ 9-мъ Ноября, но онъ по Миней жилъ и пострадалъ въ Сиріи въ городѣ Апаміѣ. Въ томъ же *Синаксаріаріѣ*, сомнѣнный мнѣ мученикъ названъ вопреки Греческимъ и Латинскимъ Свяцамъ, *АНДРОНИМОМЪ*, а не *АНТОНІЕМЪ*, хотя конечно ошибочно.

начинающаяся словами: „нѣ въ вѣроу правоу на дѣланіе заповѣдей“... XV вѣка.

21. *Св. Кирилла, архієпископа Іерусалимскаго поученія и пррнїа къ жидовомъ.* Бум. листъ 31 тетрадь. Начинается книга словами: „же блаженства воля на віи ω проовѣщаніе“. Въ концѣ 5-го тайноводственнаго поученія приписано: *χς. ζ'α и κ (Христосъ зачало и конецъ).* Въ *мѣтѣ (1547) мѣа авгоуста лѣ. писа сію бжтвенную книгу послѣдныи и богати въ грѣсьсь въ иноуцьхъ іеромонахъ Висариѡмъ“.*

22. *Аввы Дорофея — ученыя различна къ своимъ кмоу оученикомъ.* Бомб. 8°, 35 тетрадей. Конецъ крѣпко попорченъ. Первое поученіе начинается: „Хвалю оусердик“... Второе: „О оѣи Досиѡеи. Блажени поистинѣ Авва Дороѡеи“. Есть статьи и другихъ подвижниковъ. Книга неранѣе XVI вѣка.

23. *Сборникъ* разныхъ статейскъ скорописныхъ не одного времени и не однѣхъ рукъ. Есть любопытныя мѣстныя замѣтки историческаго характера, указанія погоды, врачебныя наставленія и пр. ¹⁾. Начала нѣтъ. Бум. 16°. 13 тетрадокъ.

24. *Τετραευαγγέλιον.* Бомб. 8°. 1 столбецъ. Толстая книга, въ началѣ своемъ крѣпко поврежденная; есть въ ней дѣленіе на главы (по старому порядку), безъ означенія стиховъ, принадлежитъ XV вѣку.

25. *Ὁκτώηχος.* Бум. 8°. 1 столбецъ, совсѣмъ разбитая книга XV—XVI вѣка.

26. *Ὁρολόγιον.* Пергаментъ, 16°. Безъ начала и конца. Всего 9 тетрадокъ. Листы крѣпко подмочены и покороблены. Письмо поружѣло, и съ трудомъ читается. XIII—XIV вѣка.

27. *Λόγοι τοῦ ἀγίου Ἰω. τοῦ Χρυσσοστόμου.* Пергаментъ, 4°. 2 столбца.

¹⁾ Книжку мы рѣшились выпросить у о. Игумена для выписки на досугѣ въ Битольт; оттого и не занялись ею на мѣстѣ. Пришлось пожалѣть о такомъ рѣшеніи, не провѣренномъ благовременно «заднимъ» умомъ русскимъ...

Книга состоитъ изъ 24-хъ тетрадей, обглоданныхъ кругомъ мышами. Нѣтъ ни начала ни конца. То, что сохранилось, есть 12—2 по числу бесѣда, оканчивающаяся словами: εἰσσεθε εἰς τὴν χάριν τοῦ κυρίου σου ἧς γενοίτο ἅπαντας... κ. т. л. оканчивается книга 38-ю бесѣдою на словахъ: ὡντως ἐπεφάνη ἡμῖν... Судя по характеру письма, книга должна быть XI-го, если не ранѣе, вѣка. Несомнѣнно, что это самая большая древность въ обители, но кажется также несомнѣнно, что она занесена сюда отъ инуды.

Обзоръ, хотя и самый поверхностный, почти трехъ десятковъ старыхъ рукописей, большею частію очень поврежденныхъ, отнял у насъ вечеръ, и прихватилъ большую часть ночи. Послѣдствіемъ его было крѣпкое истомленіе и вниманія и зрѣнія. Все въ обители уже почивало глубокимъ сномъ, когда я, окончивъ свою работу, вышелъ на крыльцо дохнуть чистымъ воздухомъ, освѣженнымъ ктому же еще дождемъ. Полная луна стояла высоко на небѣ. Вспомнилъ я наказъ давняго книгописца: блюда, блюда иноче! Блюда брате! Луна α, солнце α. И смѣшна и трогательна была забота „брата“ по званію изъ XV вѣка, ожидавшаго отъ луны α и солнца тоже α, т. е. отъ перемѣны *Великаго Индиктіона* великихъ перемѣнъ, а отъ того и знаменій на небѣ и на землѣ. Не имѣемъ свидѣтельствъ, какъ встрѣчали иноки тотъ Индиктіонъ (собственно: кругъ или періодъ Индиктіоновъ), который провожалъ нашъ безыменный наблюдатель небесныхъ явленій. Но можно, не ошибаясь, думать что въ 877 году отъ формъ и предѣловъ земнаго лѣтосчисленія ставили въ прямую зависимость все, неширокое и не глубокое тогда еще, небо. А еще назадъ за одинъ великій Индиктіонъ, въ 345 или 346 г., не только вѣрилось всѣми въ тожество неба вѣры съ небомъ мірозданія, но, по вѣрѣ ихъ, даже видѣлось множествомъ людей, какъ стоялъ и сіялъ паче солнца на небѣ, простиравшійся отъ Голгоѣы до Елеона, христіанскій крестъ!.. Такъ представлялось дѣло чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ проще! Что будутъ чувствовать,

говарить и писать иноки-инокамъ къ началу будущаго великаго Индиктиона, въ 1941 году? Многимъ кажется, что иноковъ къ тому времени уже не будетъ... Это первая причина не говорить имъ тогда ничего ни о лунѣ, ни о солнцѣ. А во вторыхъ, едва ли что останется къ тому времени въ наукѣ отъ старыхъ понятій о небѣ, о кругахъ — лунномъ и солнечномъ, о разныхъ знаменіяхъ небесныхъ и тому подобное. Отъ всего, упомянутаго въ отысканной нами замѣткѣ, доживетъ до того времени равнѣ только одна „тоуга езымкомъ“ обо всекъ сваренѣ, давноминувшемъ, безавратно востанувшемъ, — и о небѣ и обѣ Индиктионѣ и обѣ инокахъ и обѣ ихъ замѣткахъ рукописныхъ в о самыкъ рукописахъ.

Слѣпите ¹⁾. 27 Мая. Четвертокъ.

Занятіе рукописями преслѣдовало меня даже во снѣ. Оно же подняло меня на ноги съ разсвѣтомъ. Дребезжащій звукъ колокола приглашалъ насъ въ церковь на утреню, но я предпочелъ „зрѣніе дѣянїю“, или, если угодно, на оборотъ „дѣянїю зрѣніе“, выражаясь языкомъ подвижниковъ, т. е. вмѣсто молитвы присѣлъ къ работѣ. На которой сторонѣ болѣе *дѣянїя* или *зрѣнїя*, это могли бы рѣшить „грѣшный поць Никола“ или „богатїи въ грѣсѣхъ Висарїонъ іеромонахъ“, писавшіе божественныя книги и отбывавшіе въ тоже время божественную службу. Поздно вечеромъ вчера еще отысканъ былъ по темнымъ угламъ обители цѣлый десятокъ старыхъ книгъ. Нужно было для полноты дѣла пересмотрѣть и ихъ. Это были: 2 Евангелїя, 2 Апостола, 3 Псалтири и 2 Лѣствицы. Одно изъ Евангелїй — бум. 8° 1 столбець — можно относить къ XVI вѣку. Другое — бум.

¹⁾ Собственно: *Слѣпите*. Но болгаре, какъ и мы по деревнямъ (шти, ештѣ..), любятъ обращаться *ш* въ *шт*.

листъ — не выходитъ изъ XVII вѣка; одного формата и какъ бы одного письма съ послѣднимъ есть и Апостолъ, въ которомъ не достаетъ первыхъ пяти тетрадей. Другой Апостолъ — бум. мал. 4° — полнѣй, но совершенно разбитый или того же или XVIII вѣка. Изъ Псалтирей одна — бумб. мал. листъ — крупнаго уставнаго письма несомнѣнно XV вѣка. Другая — бум. 8° — весьма разбитая, XVI вѣка, отличается тѣмъ, что къ ней прилетена часть Синаксаріарія, писаннаго на кожѣ. Третья псалтирь — бум. мал. 4° — безъ начала и конца, принадлежитъ прошлому столѣтію. Изъ *Листовъ* старѣйшая — бум. 8° — хорошаго письма съ красными и зелеными заглавіями, не имѣетъ ни начала ни конца, состоя только изъ 8 тетрадей. Принадлежитъ XVI вѣку. Второй экземпляръ ея, во всемъ (сколько можно было наскоро сличить) сходный съ первымъ, совершенно полный, имѣетъ впереди себя и изображеніе самой „дѣствицы божественнаго восхода“. Долженъ принадлежать XVII вѣку. Осмотръ этихъ послѣдковъ былъ довольно бѣглый. Чувствовалось вообще утомленіе отъ занятія, хотя и нетруднаго и даже весьма пріятнаго, но довольно однообразнаго. Отдыхомъ и развлеченіемъ послужилъ самоваръ, составляющій, какъ замѣтилъ наблюдательный компаньонъ, предметъ спеціальнаго изученія со стороны братьевъ честной обители, т. е. дѣда, отца и внука, особенно же — сего послѣдняго.

Пора было намъ познакомиться съ монастыремъ. Надобно же было досмотрѣться пресловутаго книжнаго подвала, о которомъ я первая свѣдѣнія получилъ еще въ Царѣ-градѣ, или хотя увѣриться, что такого вовсе нѣтъ, или что онъ „былъ да сплылъ“ по пословицѣ. Такъ какъ вчера, по возбужденному книжному вопросу, часто слышалось имя *третьей* какой-то комнаты, то прежде всего мы и постарались отыскать ее. Она-то, конечно, и славится подъ именемъ „подвала“. Это родъ темной кладовой со всякимъ скарбомъ и хламомъ, негоднымъ, или по крайней мѣрѣ не пригоднымъ для употреб-

лѣнія, въ томъ числѣ, и старыми книгами. При одной изъ стѣнъ во всю длину ея тянется широкая полка. На ней и лежали тѣ рукописи, которыя намъ принесены были для просмотра. Заглянувъ на нее съ зажженнымъ огаркомъ свѣчки, я не нашелъ тамъ болѣе ни одной книги, а только въ разныхъ мѣстахъ валялись одиночные листы и можетъ быть цѣлыя тетради, запыленные до того, что ихъ нелегко было отличить отъ самой полки. Очевидно, что это остатки тѣхъ же богослужбныхъ книгъ. Расчитывать болѣе, значить, было не на что. Какихъ нибудь хрисовуловъ, дарственныхъ записей, судебныхъ актовъ, описей, приходорасходныхъ книгъ и проч., оставшихся отъ времени древнихъ, обитель теперь не имѣетъ. Находявшись много лѣтъ въ совершенномъ заустѣннѣ, она естественно не могла уберечь ничего, и диво еще, что хотя что нибудь уцѣлѣло въ ней. Какъ опять не похвалить фатальное равнодушіе турковъ къ церковному дѣлу рейадовъ. Тогда какъ въ нѣсколькихъ часахъ отсюда къ западу, лѣтъ за 5 передъ этимъ, греки сожгли два воза древнихъ славянскихъ богослужбныхъ книгъ въ патриотическомъ остервенѣннѣ, турки оставляютъ неприкосновеннымъ цѣлый складъ органовъ и проводниковъ ненавидимаго имъ ученія, и при случаѣ даже свято охраняютъ ихъ!

Все же, посѣщеніе „третьей“ комнаты не осталось совершенно безплоднымъ. Тамъ же я досмотрѣлся приставленныхъ къ стѣнѣ, такъ называемыхъ „диптиховъ“ церковныхъ, т. е. большихъ деревянныхъ складней, хранимыхъ обыкновенно на жертвенникѣ и исписанныхъ именами, предназначенными для всегдашняго поминованія при божественной службѣ. Большой и древнѣйшій изъ нихъ я осмотрѣлъ подробно ¹⁾. Въ немъ помѣщены главнымъ образомъ имена братій мона-

¹⁾ Озаглавленъ: Памятникъ престѣишимъ архіепископамъ. Но Архіепископъ внесенъ только одинъ *Прохоръ*. «Пресвятѣйшій» было ли официальнымъ титуломъ Архіепископа, или придумано самимъ писцомъ? Официально это есть преимущество одного Вселен-

стыря. Во главѣ стоитъ имя іеромонаха *Саввы*, конечно ктиторъ обители. За нимъ стоитъ имя архіерея *Макарія* (вѣроятно вышедшаго изъ братства, или — на оборотъ — оставившаго кассдру и поступившаго въ братство). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ іеромонаховъ, іеродиаконовъ и простыхъ монаховъ. Всѣхъ именъ 34. Въ другихъ побочныхъ столбцахъ изъ множества именъ выступаютъ *Димитрій* архіерей *ахса* (1671) года и *Германъ* архіерей, — вѣроятно вкладчики монастыря. Замѣтивъ, что я интересуюсь разборомъ и списываніемъ именъ, мнѣ доставила цѣлую книгу ихъ. Это былъ монастырскій помянникъ, писанный или на бомбицинѣ или очень толстой бумагѣ, in 4°, принадлежавшій началомъ своимъ XVI вѣку; весьма любопытный въ мѣстно-географическомъ отношеніи. Начинается онъ такъ. Помѣни Гн Архіепископа нашего пръвие Іоустиніаніе Кир. *Проксера*. За тѣмъ слѣдуютъ имена Епископовъ: *Никифора*, *Герасима*, *Асатія* (вѣроятно енархіальныхъ), Всесвященнаго Епископа Кир. *Григорія* (Авлонъ), *Соспатора* (Кратово), *Патія* (градъ Водѣнь), *Герасима* (Воложь) ¹⁾, *Никодима*, *Герасима* (Велесъ). На другомъ листѣ читается: Помѣнниа Сгѣвннннъ Митрополитомъ и боголюбивымъ Епископомъ. Всесвященнаго Митрополита Кир. *Митрофана*. Епископовъ *Асмансія*, *Пахомія*. Новоначертаннаго (?) іеромонаха *Каллистрата*. Затѣмъ слѣдуютъ на 7 тетрадахъ имена мирянъ, мужскія и женскія, какъ попало, съ обозначеніемъ ихъ мѣста жительства, — и славянскія и греческія. Видно, что помянникъ писанъ „таксидіотами“ т. е. сборщиками, ходившими съ книжкою по окрестнымъ городамъ и селамъ. Въ концѣ помянника приви-

слаго Патріарха, величаемаго *πατριάρχης* (да еще злоупотребительно Солунскаго Митрополита).

¹⁾ Собственное имя города мы читаемъ на угадъ. Написано: *κολοβ.χ.* Такого мѣста не отыскивается на имѣющихся подъ рукою картахъ. Другихъ всѣхъ мѣстоположеніе извѣстно. Сомнительно, чтобъ Кратово былъ епископальный городъ. *Соспаторъ* можетъ быть только проживалъ тамъ временно или на покое.

святъ *Параклизъ* (молебень) Св. Іоанну Предтечѣ, не имѣющей теперь конца. Конечно, таксидіють, по желанію христолюбивыхъ дателей, правили по нему въ домахъ молебень Св. Патрону обители.

Осмотрѣвъ монастырь внутри, мы пожелали обойти его и совнѣ. Грязь отъ вчерашнихъ дождей не послужила препятствіемъ къ тому. Объемъ монастыря оказался, конечно, незначительнымъ. Стѣны ни древни ни новы, ни высоки ни низки, болѣе невзрачны, чѣмъ величественны. Двое воротъ — восточныя и южныя — запираются надлежащимъ образомъ. Надъ первыми, остающимися главными, есть подъ аркою изображеніе Св. Іоанна Предтечи, а подъ нимъ сдѣлана и надпись олавянскими буквами, гласящая: *Изволеніемъ Отца и поставленіемъ Сына и свѣтленіемъ Святаго Духа писася сиа святой образъ въ лето 7137 (1637). И писася при шромонахъ игуменъ Сава. И надъ другими воротами тоже есть изображеніе и при немъ надпись въ 4 строки, которой мы едва досмотрѣлись изъ подъ олоя пыли и грязи. Поднявшись къ ней по лѣстницѣ и вымывъ ее тряпкою, мы прочитали: — *Изволеніемъ Отца и поставленіемъ Сына и Свѣтаго Духа. И да се знае... Монахъ Киприанъ отъ села Скробля. Въ лето 7137, мѣсяца сентябрія.* Такъ какъ разница въ лѣтосчисленіи съ предыдущею надписью только на одинъ годъ, то и можно думать, что творецъ обѣихъ ихъ есть одинъ и тотъ же, т. е. монахъ *Киприанъ* изъ *Скробли*. Но очевидно, что онъ не былъ ни строитель ни обновитель, а только росписчикъ, или — по любимому выраженію тѣхъ временъ — историкъ обители. Старая церковь внутри тоже была вся росписана иконами. И въ ней тоже были надписи и внутри и снаружи. Когда я выражалъ сожалѣніе, что онѣ пропали для насъ безслѣдно, Игуменъ утѣшилъ меня завѣреніемъ, что ихъ списалъ его „попъ таксидіють“, т. е. отправленный за сборомъ подацій еще одинъ (вѣроятно самый главный или по крайней мѣрѣ самый существенный) дѣятель въ предпринятомъ возстановленіи обители. Игуменъ *Сава*, съ которымъ мы вотъ*

уже двукратно встрѣтились, не былъ, какъ видно тоже, второмъ монастыря, а только въ свое время обновилъ его. Теперешній возобновитель о. Николай тоже будетъ зваться второмъ, и, если, замѣзавъ прежнія надписи надъ монастырскими воротами, напишетъ въ-сто нихъ подобныя же съ своими именами, то будущимъ поколѣніямъ останется знать и вѣрить, что Слѣпченскій монастырь застроилъ „боголюбивіи хтиторъ пошъ Никола, ва лето 7373“, или другое смежное съ нимъ.

У монастыря есть и своего рода „пустынь“. Черезъ поле ближе къ горамъ, по направленію къ сѣверу, бѣлѣтъ среди зелени, хорошо различаемая, небольшая церковь. Въ надеждѣ хотя тамъ найти нѣчто подревнѣе 1687 года, я отправился и къ ней. Она выше положеніемъ монастыря, и оттого зовется „горною“. Прямое имя ея *Богословъ*, потому что посвящена имени Св. Іоанна Богослова. Надъ входомъ въ нее я съ удовольствіемъ упримѣтилъ тоже надписи, хотя начертаніе буквъ, одинаковое съ монастырскими надписями, и не обѣщало чего нибудь очень древняго. Было написано: *Помни Гѣ Иеромонаха Герасима. При Игумена Вѣтѣмина Иеромонаха, въ лето джкѣ (1617)*. Приобрѣли лишніихъ 20 лѣтъ древности противъ памятниковъ монастырскихъ. Внутри церковь оказалась небольшою, но зато расписанною снизу до верху по стереотипнымъ иконописнымъ образцамъ рукою натертою, но неискуевою. На правой стѣнѣ есть и историческая заштѣка художника, содержащая слѣдующее: *Изволениемъ оца и по-стпашениемъ Оца и съ орпашениемъ Сѣго Дѣха писасе сей Вѣтѣминъ храмъ сѣго Николае (а не Богослова!). И потрудъ матѣа ермонахаъ при Ивѣменѣ шкимѣ. Въ тто джкѣ (1627)*¹⁾. Нечего было болѣе разсматривать и списывать. Оставалось только полюбоваться мѣстомъ.

¹⁾ Отыскались такимъ образомъ имена четырехъ Игуменовъ монастыря: *Серафимъ*—1548 года. *Вѣтѣминъ*—1617 г. *Іоакимъ*—1627 г. *Савва*—1687 г.

Оно очень хорошо и отлично годилось бы для Скита. Уединеніе глубокое. Кругомъ богатая растительность. Видъ на окрестныя горы. Вода по близости. Чего нужно больше трудолюбцу, отверженному міромъ или отвергшему міръ, и взыскавшему Бога сообщника, сотрудника, собесѣдника себѣ? Но увы! Всеразрушающее время подточило старыя затверзенныя понятія о мірѣ и не мірѣ, о жизни для Бога и о жизни (на языкѣ мірскогъ: о пробавленіи)... Богомъ. Не притягиваю я за волосы подобныя мысли. Онѣ сами собою лѣзли въ голову у *Азіазмы*, къ которой мы перешли отъ церкви. Что такое: Азіазма? Слово не славянское, цѣлкомъ взятое у грековъ, и оставшееся у единоплемениковъ нашихъ безъ перевода всего вѣроятнѣе потому, что не поддавалось простому практическому смыслу ихъ, не выражая собою яснаго опредѣленнаго понятія. *Ἁγίασμα* — до слова то, что освящено, и прилагается преимущественно къ освященной или *свѣтой* (по нашему), *водѣ*. А тутъ цѣлый родникъ воды, и вся она почитается святою уже не по освященію, а по природѣ. Такими „агіазмами“ перемолоченъ Востокъ. Это совсѣмъ не то, что напр. „водосвятный колодезь“, являющійся съ прямымъ и положительнымъ значеніемъ. На югѣ и у насъ въ Россіи можно встрѣтить впрочемъ „Святую Криницу“ съ отгнѣнкомъ греческаго смысла. Отчего она Святая? Помню спрашивалъ простовато — лукаво одинъ студентъ пастъ отца Теодора. — Да, оттого, что тутъ святымъ воду, отвѣчалъ тотъ коротко да ясно. — Но тутъ выстроена уже и каплица, уставленная иконами, въ родѣ какъ бы маленькой церкви? — Чтожъ? И прекрасно. Приди, покушай воды во здравіе, отдохни и кетати помолись! — Въ самомъ дѣлѣ, прекрасно. Только такъ же ли тотъ же батюшка объясняетъ значеніе *Свѣтой Криницы* и Грыцьку и Оксанѣ и ихъ маленькой Гапѣ или Марусѣ?.. На Востокѣ, напр. даже въ самомъ Константинополѣ, дѣло идетъ еще „прекраснѣе“. Тамъ не остановятся на словѣ: помолись, а присовокупятъ еще: купи и поставь свѣчку

(отъ 1-го шестра до 1-го меджиде-цѣною). Запиши всего хочешь на поминование (отъ А до Z), выпей кофе (по таксъ), а те и подаконецъ мастикой съ рахатъ-лукумомъ, погулай, потанцуй, проводи цѣлый день... Цѣлая, такъ сказать, святая афера! Чтожъ? И прекрасно! Миѣ *utile*, а тебѣ *dulce*. Расчитайся, и иди съ Богомъ! Но, да не подумаетъ читатель, что такая агіазма устроится тамъ церковно въ видахъ церковныхъ. Ничего не бывало. Ее содержитъ такой же торгашъ, какъ и воѣ городскіе лавочники. Это своего рода баналейный товаръ духовнаго требованія. Духовное лицо если и является тутъ иногда за чѣмъ нибудь, то развѣ только въ качествѣ „размышленаго“ и рѣдко „компаньона“. И никого на Востокъ не блазнить такой порядокъ вещей въ текущемъ Великомъ Индиктионѣ!.. Но на прощаніе съ Слѣпченской агіазмой скажу, что, въ виду нескрываемой интенціи современной жизни и науки *omne naturale* возвести въ *sanctimoniale*, я желаю не уменьшенія, а размноженія такого рода святыхъ кримиць малороссійскихъ, часовень великорусскихъ и агіазмъ греко-славянскихъ, съ ихъ иконами и евангельскими напоминаніями челоуку Христу, о душѣ, о судѣ, обо всемъ, что старается вывѣять у него изъ головы духъ вѣка. Прикомпанивавшаю святому дѣлу житейскій расчетъ легко отдѣлать и отдалить отъ него, а идея духовнаго чѣмъ глубже войдетъ въ него и укоренится въ немъ, тѣмъ лучше челоуку.

Прилѣпъ. 27 Мая. Вечеръ.

Когда мы возвратились въ монастырь, Търпо все уже приготовилъ къ отъѣзду. Тутъ мы узнали, что нашъ суруджи есть сынъ стараго проводника нашего. Ради сего мы наняли подъ него особаго магаре (осла), чтобы сберечь его ноги, которымъ еще много бѣготни предстоитъ въ жизни въ догонку за кускомъ хлѣба. О. Игумень не хотѣлъ отпустить насъ въ дорогу *тши*, т. е. тощими, и пригласилъ

закументъ. Передавая эту вѣсть компаньону съ достойнымъ ея благодарноженіемъ души, я неожиданно встрѣтилъ насуспенное лицо и спросилъ заботливо, что съ нимъ, и здоровъ ли онъ? — Оборвались! отвѣчалъ онъ сквозь зубы, устремивши мрачно взоръ въ уголь комнаты. Смысль этого психическаго изреченія мнѣ слишкомъ хорошо была понятна, и я едва удерживался, чтобы не разлиться хохотомъ. — Ну, такъ что жъ такое? Началъ я утѣшать преогорченнаго собрата. — Какъ, что? Стыдно! — Вотъ нашли время и мѣсто для стыда! Идемте, покушаемъ. Все какъ рукой сниметъ... Когда мы сидѣли за столомъ, намъ еще принесли для просмотра отыскавшіяся гдѣ-то 5—6 рукописныхъ книгъ, въ числѣ ихъ два *служебника* и одинъ *требникъ* славянскаго письма, и двѣ греческія рукописи: *четвероевангеліе* на хлопчатѣхъ, in 8°, вѣка XV, и *октоихъ* — бум. 8°, XVI вѣка. Приятное зрѣлище этого старья было послѣднимъ впечатлѣніемъ нашимъ въ обители. Мы успѣли пересмотрѣть ея 40 рукописей. Довольно съ насъ. Я просилъ о. Николая ради памяти въ Бозѣ почившихъ трудолюбцевъ „попа Николы“ „попа Дмитра“, „грѣшнаго и худаго во священноиноцѣхъ Пахомія“ и другихъ его предшественниковъ, беречь книги яво зѣнцу ока, собрать и держать ихъ все вмѣстѣ, устроивъ для нихъ особый шкафъ съ полочками подъ замкомъ, ибо это есть завѣтъ вѣковъ минувшихъ вѣкамъ грядущимъ, и проч. Особенно рекомендовалъ ему смотрѣть крѣпко за кожанымъ четвероевангеліемъ, объяснивъ ему разницу рукописнаго и печатнаго и относительную цѣнность бумажнаго, хлопчаточнаго и кожаннаго. Старецъ обѣщаль сдѣлать, что нужно, и просилъ помочь ему, насколько это въ нашей власти, возвратить монастырю его первоначальное значеніе. Богъ поможетъ, отвѣчали мы, и на этихъ словахъ разстались.

Весело спускаемся съ подгорья въ долину. Смотрите, не „оборвитесь“, замѣчаю я спутнику на одномъ скользкомъ мѣстѣ. — Хорошо вамъ смѣяться, отвѣчаетъ онъ, а если бы вы сами. — Ну, а вообще-

то какъ? Прерываю я его. Все обстоитъ благополучно? — *Джиско* отзывается онъ по-прежнему сквозь зубы, но съ интонаціей голоса, знаменующей ясно, что его „ничего“ далеко не есть тоже, что: ни что... Търпо былъ радъ, что юнакъ его тоже ѣдетъ; и въ благодарность старался болтать о чемъ-то. Погода стояла прекрасная, но видимо ненадежная. Зловѣщія облака темнаго цвѣта неслись съ запада непрерывною вереницей. Встрѣчается при дорогѣ небольшое селеніе, очевидно христіанское, т. е. болгарское, потому что въ числѣ живыхъ существъ, бродящихъ по позадворьямъ, мы видѣли и тѣхъ, которыхъ даже назвать по имени не согласится добрый магометанинъ. Собаки съ лаемъ кидаются на насъ, а полуголые мальчишки бѣгутъ съ дороги, куда попало, спасая животъ свой отъ вооруженнаго передоваго нашего. Опять поля мягкія, черноземныя и ярко зеленѣющія. Видъ разнообразится. Встрѣчаются перекрестные пути. На досугъ перебрасываемся съ компаньономъ нѣсколькими замѣчаніями изъ области исторіи, филологіи и даже ботаники, коротая время или и просто упражняя даръ слова. Търпо повидимому нѣсколько не занимаетъ бесѣда наша. Самоувѣренный видъ его, съ которымъ отъ вчера ѣхалъ въ Олѣпче, сегодня какъ будто оставилъ его. По временамъ онъ беспокойно посматривалъ по сторонамъ. — Воишься Търпо? — Спрашиваемъ мы. — Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ протяжно, видимо не такъ, какъ отвѣтилъ бы паликаръ, заподозрѣнный въ трусости. Тайна вскорѣ объяснилась. У перваго встрѣчнаго онъ началъ отбирать показанія о „болѣе прямой дорогѣ на Прилѣпъ“. Разумѣть же слѣдовало вообще дорогу туда. Не смотря на его утвержденія, что онъ знаетъ Маведонію, какъ свою ладонь, едва ли не въ первый разъ онъ ѣхалъ путемъ этимъ. А впрочемъ и то можетъ быть, что отъ великаго половецкаго горнаго долины эти дѣлаются въ иныхъ мѣстахъ не пробивными, и что самому лучшему знатоку мѣстности необходимо наводить справки отъ туземцевъ. Къ полудню начало парить, что сочтено было нерадо-

отыиъ явленіемъ. Давно уже свадн насъ слышались глухіе раскаты грома. А тутъ вдругъ громъ раздался съ боку, да еще и съ удвоенною силою. Поднявъ голову, мы увидѣли, что и справа и слѣва надвигались на насъ грозныя тучи. Особенно пугала насъ южная, собиравшаяся очевидно все у той же аловѣцей „голубицы“, нашей знакомки Битольской, обыкновенно вмѣсто вѣтки масляной приносящей краю проливной дождь. Еще село въ сторонѣ, въ такой прекрасной мѣстности, что спутнику пришло на память поля Елисейскія. — Уже не березы ли это бѣлоствольныя высятся тамъ около какой-то загороди? спросилъ я, указывая на лѣво къ отысканному у Ипербореевъ Елизію. Новой Колумбъ, въ отвѣтъ на это сказалъ, что онъ слышалъ въ Битолѣ отъ X, что на вершинѣ Перистеріи есть цѣлая роща березовая. Мнѣ показалось сомнительнымъ подобное обстоятельство. Наведши зрительную трубу на деревья, я не нашелъ стволы ихъ на столько бѣлыми и какъ бы пухлыми, каковымъ представляется наше, столько намятое, берѣсто, да и цвѣтъ листьевъ и очертаніе ихъ не говорили прямо о любезной березкѣ. Особенно же „Иудинъ“ трепетъ листьевъ выдавалъ въ нихъ скорѣе осину или малороссійскую осокорь, а не березу. А все таки „Русью запахло“ отъ убогой деревушки. И долго еще я оборачивался съ лошади, чтобы полюбоваться на тѣхъ „воронъ“ расцвѣтальнаго міра, по классификаціи дѣтскаго мозга. Небогатая паворона роднаго села обилвала въ давнее оное время излишкомъ березами и осинами. Оживляло же ее зрѣлище, подъ стать ей убогое, сорокъ и воронъ. Почему то первыхъ фантазія приурочивала къ березамъ, а вторыхъ къ осинамъ. Вѣроятно, степень бѣлизны перьевъ тѣхъ и другихъ давала поводъ къ тому. Разумѣется по этой „философіи бессознательнаго“, березы и сороки занимали первое, а вороны и осины второе мѣсто въ спискѣ предметовъ, интересующихъ сердце. Не хороша, по крайней мѣрѣ не *такъ* хороша, была вторая категория уже и тѣмъ, что кромѣ отгалкивающего преданія о христопродавцѣ,

осины не давали березовки и не годились на вѣники, а воробы свои́мъ карканьемъ разрушали самыя завѣтныя мечты о „загородѣ“ съ ея грибами и ягодами... Теперь оставалось выкинуть изъ памяти „давнопрошедшее время“ и затверживать одно „будущее“. Грамматика не менѣе скучная, чѣмъ и та 20-хъ годовъ, которая умѣла и самыя березки дѣлать страшилищемъ для дѣтскаго воображенія, напоминая ими пресловутую „березовую кашу“.

Поднимаемся на небольшую высоту, направляющуюся съ сѣвера на югъ и служившую доселѣ предѣломъ кругозора нашего къ востоку. Дорога поворачиваетъ къ югу. Съ одного пункта неожиданно открывается намъ зрѣлище, вполнѣ вознаградившее насъ за терпѣливое трехчасовое высматриваніе привычныхъ глазу горныхъ высотъ. Прямо на востокъ стояла передъ нами темно-фіолетовая масса скалъ самыхъ причудливыхъ очертаній. Первое впечатлѣніе рисовало ее гигантскимъ комкомъ подсыхающей грязи, вывороченнымъ прошедшемъ по мѣстамъ этимъ въ періодъ міроздавія колесницею Диміурга ¹⁾. Терчали въ небо какія-то сосульки, пупышки, головки, не поддающіяся никакому описанію. Перевидалъ я множество горъ съ разнообразнѣйшими вершинами, но такихъ вычурныхъ веркушекъ, которыя — можно сказать — дразнили теперь глаза, еще не случалось видѣть. — Вотъ это и есть *Притъгъ*, сказалъ намъ, обернувшись, Търпко; подъ этою горою стоитъ городъ. — Дождавшись такого развлекающаго зрѣлища, мы сдѣлали привалъ у первой воды, и расположились подъ деревомъ на густой травѣ. Нужно было попоить лошадей, да кстати съ ними и сѣдковъ. Мы находились уже на великой равнинѣ Пелагоновой, хотя кругозоръ нашъ все еще стѣснялся выступающими въ нее въ-

¹⁾ Да найдеть себѣ извиненіе этотъ быстрый переходъ отъ «березовой каши» къ «Диміургу». Никогда воображеніе не стремилось съ такою страстію въ область поэзіи и миеологіи, какъ въ счастливое, но вѣстѣ и тяжелое, время березовой ферулы.

видѣ мысовъ, подгорьями западной рамы ея. Хотѣлъ я срисовать на память себѣ видѣ Прилѣпской горы, но на бѣду никакъ не могъ отыскать карандаша. Уставши лежать и читать алой памяти „нѣмецкія книжки“, я пошелъ разбирать великій и стародавнѣйшій манускриптъ Божій, разстилавшійся впереди насъ цвѣтуцій лугъ, гдѣ что ни травка, что ни цвѣтъ, то мысль зиждителя, что ни червь ни мотылекъ, то его дума живоначалная, переходящая въ слово, живое и дѣйственное, — въ человѣкъ... Строгой логики не ищите въ гуляющей мысли. Довольно, что она въ каждой формѣ физической жизни ищетъ видѣть букву книги Божіей. Сбирая цвѣты, я довольно далеко ушелъ отъ мѣста отдыха, и, видя передъ собою ровную нескончаемую дорогу, пустился по ней впередъ. Сладость полнѣйшаго одиночества переполняла душу. Напранивалась память несчетныхъ пѣшехожденій моихъ въ минувшемъ, тоже одинокихъ и тоже иногда довольно рискованныхъ, отъ самыхъ краткихъ въ нѣсколько десятковъ шаговъ до самыхъ длинныхъ въ 800 съ лишкомъ верстъ. Последнимъ я могъ бы, но съ сожалѣнію не заслужилъ права, похвалиться. Непрактичность такъ называемаго „зеленаго“ ума испортила эффектъ. Начитавшись рассказовъ о пѣшихъ странствованіяхъ нѣмецкихъ „гелертеровъ“ съ батошкой въ рукахъ и котомкой за плечами, я обратилъ это обстоятельство въ вопросъ чести для себя. Какъ? Нѣмецъ можетъ это дѣлать, а русскій — нѣтъ? Да не будетъ! Оказавъ это, я взвалилъ суму на плечи, и отправился изъ одного большого города русскаго въ другой самый большій у насъ, — какъ говорится, одинъ-одинѣхонекъ. Напѣвавшаяся безъ конца пѣсня о рыцарскомъ подвигѣ держала высоко мою голову до первой станціи. Но тутъ и ждало меня искупеніе. Проѣзжавшій куда-то изъ тогоже города на почтовыхъ, профессоръ Д*, поровнявшись со мною, спросилъ: а вы куда, юный старецъ? — Въ Х*. — Въ Х* — прямо? Далеконько же! — А вотъ нѣмецкіе гелертеры и дальше моего ходятъ... Садитесь-ка со мной, да расскажите,

какъ они ходятъ. Предложеніе это было сдѣлано такимъ тономъ, что отказаться значило обидѣть челоуѣка. Рѣшимость моя состязаться съ нѣмцами потерѣла, какъ говорится, фiasco. Цѣлыя 53 версты пролетѣлъ я на почтовыхъ. Компаньонъ мой не переставалъ трепать меня по плечу и приговаривать: такъ, такъ! Ототавать отъ мѣкъ? Ни за что на свѣтѣ! И веселый смѣхъ оглашалъ окрестность до самаго пункта, гдѣ отличному челоуѣку (да будетъ память его съ похвалами!) дорога выпадала на лѣво, а мнѣ на право. На прощанье онъ еще осмотрѣлъ меня всего съ головы до ногъ, и весьма значительно остановилъ взоръ свой на послѣднихъ, но не сказалъ ни слова, зная, что самый лучший профессоръ на свѣтѣ есть соботвенный каждаго опытъ. На другой день къ вечеру я былъ, что говорится, уже безъ ногъ. Казенныя сапожки, годныя для козпнаты и для класса, до того стерли мнѣ ноги, что я не только идти, но и пошевелить ими не могъ... Отодвинулась уже и эта „исторія“ въ роковое прошедшее чуть не на $\frac{1}{4}$ столѣтія! Шолъ я, почти тоскуя по невозвратной миновшемъ, пока Търпко не нагналъ меня съ лошадыю. — Ну, спроси же, думаю я себѣ, какъ спросилъ тотъ, а вы куда — старый юноша! — Ни онъ не спрашиваетъ, ни у меня бы уже не нашлось самодовольнаго отвѣта. Вдемъ далѣе. Равнина все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами. Показывается на далекомъ югѣ хребетъ *Сухои горы* или *Боры*, оканчивающійся на западѣ громадой Перестери, закутанной въ облака. Сталъ накрапывать дождь, но опасность промокнуть до костей уже миновала. Обѣ тучи, гнавшіяся, казалось, по пятамъ нашимъ, прошли на востокъ, не захвативши насъ. Равнина все ширится, почва становится мягче и сырѣе. Въ сторонѣ большое село: *Вѣла-церква*, не дающее упримѣтить въ себѣ никакой церкви, но крайней мѣрѣ, такой, къ какой привыкъ глазъ въ Россіи. Вѣлыхъ же церквей и въ Константинополѣ не увидишь. Цвѣтъ этотъ сталъ преимущественно мечетей на равнѣ съ чалмами. Меня увѣрили въ Палестинѣ (1857 г.),

что если Христианинъ пожелалъ бы повязать себѣ по фесу голову, то можетъ употребить для сего только черную матерію. Въ противномъ случаѣ рискуетъ потерять и саритиш и сарут. Чѣмъ нибудь ярко-показнымъ, не въ мѣру желаннымъ и любимымъ, согрѣшили предки наши по вѣрѣ предъ Богомъ, что онъ наслалъ на нихъ голодранную орду, такъ грубо унижающую ихъ. Въ отвѣтъ на это недоумѣніе мое, откуда взялся, похлѣлъ дождь, да такой частый и сильный, что не позволилъ мнѣ даже посмотреть, изъ какихъ хлябей небесныхъ онъ выходитъ. За минуту передъ тѣмъ видѣлась надъ головою одна радующая лазурь... *Высшихъ себе не шчи, и крѣпшихъ себе не истязуй!* Такъ видно, надобно. Великолѣпная радуга, ставшая впереди насъ надъ Прилѣпомъ, возвратила намъ вѣру въ добрую погоду. Дѣйствительно, дождь сейчасъ же пересталъ, и засіяло теплое вечернее солнце. Хватить его еще на столько, чтобы высушить наши зонтики. Набъваемъ на какія-то страшныя черныя полосы по землѣ. Что-то противное и странное врывается въ душу. Полосы кажутся живыми. Блещутъ и копошится на нихъ миллионами какое-то омерзительное населеніе. Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли простыя массы черной мелкой саранчи, усѣвшейся по сторонамъ дороги. — Пожреть проклятая все наши носѣвы! Проворчалъ озлобленно старикъ. Какой ее дьяволъ несетъ на насъ? — Нескоро придумаешь, чѣмъ отвѣтить на такой роветъ. Что земля создана не для одного человѣка, это конечно правда. Но чтобы трудъ одного вида земнородныхъ обращался, ни за что ни про что, въ наслажденіе другаго вида, это несправедно. По философіи абсолютнаго права, это такъ. Но куда дѣвать этой философіи наши: мадь, овѣчи, сукино, шелкъ и всю животную пищу?.. — Търпиво! Како мыслиши? Для кого курица несетъ свое яйцо? Ужели для того, что бы ты взялъ да съѣлъ его? — Старикъ не скоро понялъ суть вопроса, но когда понялъ, сразу отвѣчалъ: а то что же? Сама что-ли будетъ ѣсть его? — Передъ такою необходимомъ логикою конецъ всякому

прекословію. Подъѣзжаемъ къ рѣчкѣ, зовоимой *Черною*. Широкой и высокій деревянный мостъ перекинутъ черезъ нее, но полотно его такъ ажурно, что мы не рѣшились перѣѣзжать его верхомъ, а перешли пѣшіе, ведя лошадей за поводъ. Странно узорчатая гора стояло уже передъ глазами, а все еще было далеко до нея. Должно быть она гораздо выше того, чѣмъ кажется. — Пора бы уже намъ увидать вашъ пре-лѣпный Прилѣпъ, говорю я Търкаку. — А вы развѣ хотите въ Прилѣпъ? Неожиданно спросилъ онъ, и остановилъ лошадь. — А то куда же? Мы цѣлый день ѣдемъ къ нему. — Если въ Прилѣпъ, то надобно было вотъ еще отсюда взять направо, и ѣхать туда, гдѣ деревья. — Но куда же мы ѣдемъ? — Въ Прилѣпскій монастырь, гдѣ всѣ путешественники останавливаются. Въ городѣ что вамъ дѣлать? Тамъ и ночевать вамъ негдѣ. Туда ѣдутъ только въ торжиште, но это не теперь, а въ другое время. — Ну, въ монастырь, такъ въ монастырь, только бы поскорѣе добратъся до мѣста, отвѣчалъ я. Чувствовалось большое утомленіе. Монастырь не заставилъ долго ждать себя. Какъ гвѣздо птички бѣлѣли въ черныхъ скалахъ голой горы *Марковой*, какъ намъ ее называли. Мы прямо направились къ нему, но, не доѣзжая горы, встрѣтили на пути большое село *Варошъ*, и узнали, что Прилѣпъ старыхъ временъ, о которомъ говорится въ старыхъ книгахъ, былъ именно на мѣстѣ этого селенія, въ которомъ еще и теперь можно видѣть „множество“ старыхъ запустѣлыхъ церквей. Отлично. Жатва, значить, многа. Дѣйствительно, еще издали, проѣзжая восточной окраиной села, я замѣтилъ большую и прекрасную церковь съ высокимъ куполомъ, напомнившую мнѣ „византійскіе“ храмы Константинополя и Аѣннѣ. Круто поднимаемся на гранитную гору. По сторонамъ стези нашей торчатъ причудливой формы каменные глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ обрублены отвѣсно, и по отвѣсу росписаны иконами, отчасти уцѣлѣвшими. При одномъ изъ такихъ изображеній была многострочная надпись, почти совсѣмъ уже изглаженная временемъ,

не историческаго, какъ видно, содержанія. Послѣ многихъ туда-средовъ (зигзаговъ) дорога насъ вывела прямо къ воротамъ монастыря, какъ бы вдѣланнаго въ скалу, напоминавшаго мнѣ нѣсколько Пелопоннескій *Меса-стилеонъ* своимъ тѣснымъ и укрѣпленнымъ входомъ. Икона Архангеловъ надъ воротами даетъ знать, что обитель посвящена ихъ имени. Не нужно было стучаться въ ворота, стоявшія на степѣ. Сейчасъ же видно стало, что и этотъ памятникъ былыхъ временъ ничего монастырскаго, кромѣ имени, не имѣетъ. Въ старыя, и даже очень старыя, времена тутъ несомнѣнно была иноческая обитель, укрывавшаяся подъ защитой крѣпкаго и непреступнаго замка еще древнѣйшихъ временъ. Можетъ быть начало ея даже предварило собою наплывъ въ эти мѣста славянской стихіи, если давать вѣру мнѣнію, что она существуетъ уже тысячу лѣтъ. Въ Сербскую эпоху конечно процвѣтала вмѣстѣ съ именитымъ городомъ, но потомъ вмѣстѣ же съ нимъ и запустѣла подъ давленіемъ ислама. Мы нашли въ монастырѣ населеніе, котораго даже послѣ Слѣпченскаго, не ожидали встрѣтить. Все воздѣ полно было пріѣзжаго народа съ цѣлою оравой дѣтей и всякаго рода и вида прислуги, съ кухней и даже съ музыкой. Дни были праздничные, заговѣльные и Христіане окрестныхъ мѣстъ по обычаю хотѣли почтить ихъ благочестивымъ странствованіемъ по св. мѣстамъ, и, какъ водится, воѣмъ домоу. Да, какъ мнѣ показалось, тутъ были и не одни христіане. Доброе сообщество и обоюдная помощь въ нуждѣ все болѣе и болѣе становятся въ Турціи звеномъ, соединяющимъ раздѣленные вѣрою семьи и цѣлыя общины. При отсутствіи чего нибудь большаго и лучшаго, можно съ радостію привѣтствовать и этотъ симптомъ перерожденія: Востока.

Насъ принялъ священникъ среднихъ лѣтъ, игуменствующій въ монастырѣ, по примѣру Слѣпченскаго о. Николая. Немедленно для насъ очищена была комната съ хорошимъ видомъ на: окна и болѣе ни чѣмъ, что бы строго подходило подъ понятіе хорошаго. Для

утружденных костей наших однакоже все намъ казалось не только хорошимъ, но даже отличнымъ. Если же что, по всей справедливости, слѣдовало назвать не хорошимъ, такъ это нескончаемые визиты гостей монастырскихъ, не позволявшіе намъ расположиться на украшающей полъ рогожѣ, какъ бы того хотѣлось. Не замедлившии явиться въ „одаю“ нашу походный самоваръ нашъ оказалъ неосцненную услугу, отогнавъ лишнихъ любопытныхъ. Укрѣпившись не замѣнимымъ суррогатомъ дорожной панацеи, и успѣвъ уже собрать кое-какія свѣдѣнія о томъ, что тутъ есть на мѣстѣ замѣчательнаго, мы, не теряя времени, подъ руководствомъ одного мѣстнаго проводатаго, предприняли восходъ на Маркову гору. — Дѣло по началу представлялось какъ бы прямо не возможнымъ. Громадная твердыня стояла какъ бы отвѣсно надъ монастыремъ, и голова кружилась при взглядѣ на высprenнюю крѣпость, гдѣ предстоало быть намъ. Насъ вывели въ верхнюю калитку за монастырь на сѣверный скатъ горы, до того крутой, что, оступившись разъ, можно было далеко неудержимо катиться кубаремъ къ низу, пока какой нибудь роковой ударъ о встрѣчный камень не положитъ предѣла и движенію и дыханію. Подъ такими страшливыми мыслями мы начали свой подъемъ. Сперва дорога, вѣляя туда сюда, давала намъ возможность выбирать, куда ступить до крѣпче и понадежнѣе. Монастырскіе батошки держали тѣла на равновѣсѣ. Приходилось шагать подъ угломъ 45° и больше сего. Потомъ дорожка разбѣжалась во всѣ стороны. Въсто нея торчали однѣ каменныя глыбы. Приходилось карабкаться, хватаясь за скользкій гранитъ всѣмъ, чѣмъ попало. Батожокъ не помогать болѣе, и положительнo мѣшаль рукамъ. Черезъ каждыя 5 минутъ нужно было давать себѣ передышку, я старался не смотрѣть ни впередъ ни назадъ отъ страха, чтобъ не закружилась голова. Наконецъ им уперлись въ стѣну, перегоразживавшую дорогу, но развалившуюся на столько, что ни въ какихъ воротахъ не оказывалась нужда. Ихъ и слѣда, впрочемъ, не ви-

две было съ этой стороны, такъ что могъ бы надосугъ возникнуть
 вопросъ, откуда же люди входили въ крѣпость въ былыя времена,
 если вѣрить проводнику, что другого доступа къ Маркову замку нѣтъ,
 какъ только отъ монастыря. Стѣна владѣна изъ кирпича и природнаго
 камня, и идетъ въ нѣсколько рядовъ по высотѣ, представляя своео-
 образное, величественное и въ высшій степени страшное зрѣлище. Поднимаемся
 еще выше, и оканчиваемъ восходъ свой у одной башни съ узкими
 окошечками. Куда ни помотришь, всюду видишь одно и то же. Все
 растрескалось, пошатнулось, облунилось, искажилось. Намъ показы-
 ваютъ разныя ячины въ стѣнахъ башни, въ щеляхъ часто находятъ
 цѣлыя горсти ячменя и другихъ хлѣбныхъ зеренъ. Это — остатки того
 корма, который приносятъ и даютъ каждую ночь своему любимому
 коню обитающій въ замкѣ Марко Краевичъ. Въ тѣхъ дырахъ стѣ-
 нныхъ, которыя можно было оцупать рукой и осмотрѣть глазами, въ
 тотъ разъ впрочемъ не оказалось ни одного зернышка. Не диво, что
 они и бывають иногда тутъ. Помимо Марка, ихъ могутъ заносить
 осы и птицы, у коней водятся конечно по угламъ башни и гнѣзда,
 свидѣтельствуемыя кучами помета. Что ни Марку ни коню его не
 страшно тутъ жить однимъ, это понятно. Но какъ бѣлорукій Крае-
 вичъ выносить всю отвращающую неприглядность своихъ одичалыхъ
 налетъ, вотъ этого не смекнула неприхотливая славянская фантазия,
 ослѣпшая своихъ богатырей по образу своему и по подобию. Можно
 было еще выше карабкаться къ остаткамъ самой высшей круглой
 башни. Но для этого слѣдовало бы не показывающемуся козлену при-
 славить намъ въ подмогу своего „Шарца“. Все равно, стоитъ же такъ
 себѣ даромъ гдѣ-то тамъ, и быть краденый ячмень! Поговорить бы
 недолго о славномъ витязѣ древности на тезоименитомъ ему мѣстѣ,
 но другой крылатый конь, только не Шарцъ, а развѣ schwarz, т. е.
 иракъ ночи заставляя насъ опѣшить возвращеніемъ во свояси. Спу-
 скаться было хотя также опасно, какъ и подниматься, но за то ди-

намось легко. Мы взяли другое направление къ „висячему камню“, которому сказано было: *стой*, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, летя сверху, готовъ былъ ринуться съ отменнымъ и убить тамъ шошоторошного пастуха, и онъ повисъ, и виситъ до сего дня! А пастухъ продолжаетъ внизу на полянѣ пастись своею стадо. Мы его видѣли, но конечно въ двадцатомъ или тридцатомъ уже повозвѣннн. Что же касается самаго камня, то справедливо, что стоить только коснуться его рукою, онъ и полетитъ въ бездну, но руку-то нужно заждительную. Часами къ 7-ми ночи мы уже опять покоились въ своей одежѣ, перебрасываясь замѣчаніями о совершонномъ нами подвигѣ.

Кто былъ *Марко* съ свѣтлымъ именемъ и темной исторіей? Когда, гдѣ и какъ онъ жилъ, и чѣмъ успѣлъ стяжать себѣ посмертную славу? Это былъ одинъ (старшій) изъ четырехъ сыновей узурпатора краля *Волмашина* или *Вулмашина*, изгребившаго послѣдній отпрыскъ владѣтельнаго дома *Неманей*. Самъ краля этотъ властвовалъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, не болѣе. Въ его державствованіе не было особеннаго случая прославиться его дѣтями, въ томъ числѣ и Марку. Послѣ его вѣнчины, съ 1371 до 1395 г. Марко былъ вассальнымъ владѣтелемъ *Насторія*. Тамъ онъ прославился только своимъ семейнымъ злодѣемъ. Жена его — грѣшница — бросила его, и вышла за мужъ къ другому богатыря *Валму*, который отнялъ у него, кромѣ жены, и самую землю, вмѣстѣ и съ резиденціей. Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ не видно и тѣни геройства Марка. Въ обѣихъ *Кассовскихъ* битвахъ (1370 и 1389 г.) онъ могъ быть и просить военною славою, но спялъ однимъ отсутствіемъ. Исторія не знаетъ его во все правленіе князя *Мазаря* и сына его *Стефана IX*, а вдругъ, совсѣмъ неожиданно, застаеъ его убитымъ въ сраженіи Султана *Балаида* съ Валахскимъ Воеводой *Мирчей* (1395 г.), и притомъ въ станѣ мусульманскомъ, а не христіанскомъ! Это ли славный богатырь южно-алаванскаго міра? Правда, что онъ, какъ говорятъ, искалъ смерти, стараясь

стыда, что вынужденъ былъ воевать за чужихъ противъ своихъ, и тѣмъ какъ бы смылъ вѣтно съ своего имени, но это уже не герой пѣснопѣній народныхъ, не князь, не *Кралевичъ*, а самъ пустоименный Юрмъ Костурскій или иной какой, купившій достоинство свое цѣною униженія. Тѣло его привезено было съ поля битвы и погребено по близости города *Скопль* въ монастырѣ *Власиттѣ*, следовательно смѣть такъ не здѣсь, что бы чѣмъ нибудь можно было объяснить приуроченіе имени его къ мѣстамъ этимъ. Впрочемъ, весьма могло быть, что и тотъ и этотъ монастырь выстроены были имъ, по общему обычаю времени тѣхъ. Къ году кончины его, онъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ, вѣроятно давно порѣшившій съ удалствомъ молодости и ударившійся можетъ быть въ другую крайность. Само мѣсто погребенія Маркова не напоминаетъ ли именемъ своимъ „власянинцу“ Маркову? Не довольно знакомые съ памятниками южнославянскою поэзіи, воспѣвавшей съ такимъ сочувствіемъ *Марка Кралевича*, мы прекращаемъ свои разсужденія, боясь и такъ, что успѣли уже знатокамъ дѣла выказать себя если не смѣшными, то названными ¹⁾. Удовольствуемся тѣмъ, что вмѣстѣ съ другими признаемъ Прилѣтъ родною Марка. Довольно и сего, чтобы объяснить, отчего Прилѣтъ старшій съ его замкомъ на горѣ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Марковской Паланки*. Обо всемъ этомъ я думалъ и передумывалъ, и отдыхая съ книжкой въ своемъ углу, и сидя за вечерней трапезой, и ходя потомъ по длинной галлерей, освѣщенной полною луною. Наконецъ, какъ ни славетъ, ни дорогъ славянскому сердцу „Кралевичъ“, онъ подчинился общему закону природы, — наскучилъ мысли. Не происходило ли еще чего нибудь, дѣйствительно славнаго, въ исто-

¹⁾ Любопытенъ отзывъ о Маркѣ Кралевичѣ историка *Ромча*: «Аще ли за истину почитается, еже о немъ въ простыхъ пѣсняхъ поется, обрѣтаемъ его бити продержавшимъ на-сладившемъ и водивимъ пѣвникомъ, кромѣ прочихъ безстудій» (кн. VII. гл. 14. § 13).

рической местности? Византийцы познакомились и других познакомили съ нею, повидимому, первые. До нихъ конечно знали ее еще римляне и греки, и вѣроятно не разъ упоминали о ней въ исторіи, но подъ какими именами ее знали, остается неизвѣстнымъ. Ничего созвучнаго съ именемъ: *Примна* не встрѣчается у древнихъ историковъ и географовъ. Былъ тутъ въ Пеоніи весьма именитый городъ *Стоби* — по гречески и *Stobi* — по латински. Но ученые древлеислани указываютъ ему другое мѣсто, — восточнѣе Примна — и стараго (Варопа) и новаго (Перлепа). По свидѣтельству *Тита Ливія* (книга XXXIX, глава 59) предслѣдній царь Македоніи *Филиппъ V*, ведя войну на жизнь и смерть съ Римлянами, выстроилъ не подальше отъ Стоби городъ, который назвалъ, по имени сына своего, *Персеидой*. Легко понять, чѣмъ могъ водиться онъ, строя новый городъ. Ему нужна была неприступная крѣдость. Что лучше для этого теперешней Марковой горы? Могло это происходить только до 178 (года его поимини) года до Р. X... После родовою битвы подъ *Пидной*, положившей конецъ Карамовой монархіи, погасло имя *Персеи*, исчезло изъ исторіи и мертворожденное имя *Персеиды*. Постройка же должна была остаться, и, за негодностію для новыхъ хозяевъ страны, мало по малу запустѣть, оставаясь безымянною развалиною во весь римскій періодъ. Съ ослабленіемъ имперіи, пограничные Иллиры весьма естественно поварились на *примное* мѣсто, и втихомолку заняли его, пока не вытѣснены были отсюда законными преемниками побѣдителей при Пиднѣ — Византийцами. Послѣдніе, не терпя варварскаго *Примна*, переименовали мѣсто *Приманомъ*, напоминающимъ любезнаго педанта *Пріана*¹⁾... Все это, конечно, только могло быть. Настоящимъ

¹⁾ Видно въ переименованіи имени водились чистые капризомъ. Звукъ *е* или *ь* послѣ *л* долженъ былъ слышаться греческому уху какъ *е*, а вовсе не какъ *а*, чтобы изъ *примна* вышелъ *пріана*. Чтобы дѣло могло случиться на оборотъ, т. е. чтобы Славяне изъ древ-

образомъ познакомились съ мѣстомъ Византійская хронографія уже по случаю многолѣтнихъ войнъ имперіи то съ Болгарами, то съ Сербями, изъ коихъ то тѣ, то другіе постоянно наводили огнь на укрѣпленный пунктъ у грековъ. Положеніе его на рубежѣ славянства и эллинизма, перваго — ширившагося во всѣхъ направленіяхъ, втораго — стягившагося къ своему исходному, но фальшивому, центру — Константинополю, дѣлало его яблокомъ раздора между двумя народностями. Къ сожалѣнію, нѣмые камни, очевидцы давноминувшаго, не въ состояніи передать, сколько разъ городъ переходилъ изъ греческихъ рукъ въ славянскія, и обратно. Намъ не откуда узнать, изъ чьихъ именно рукъ, когда и какъ перешолъ онъ наконецъ къ Туркамъ, чтобы положить конецъ единоборству единовѣрныхъ соперниковъ. Въ концѣ XIV вѣка мы находимъ его подъ славянскимъ владѣніемъ. Если давать вѣру темному извѣстію, что славной и несчастной памяти князь *Лазарь I Вранковичъ* былъ побочный сынъ царя *Стефанъ Душана*, то надобно будетъ согласиться, что Прилѣпъ воздвигъ и воспиталъ одного изъ державцевъ земли Сербской. Ибо, во вѣдствіе извѣстія, отецъ назначилъ ребенка, вмѣстѣ и съ матерью, мѣстомъ пребыванія Прилѣпъ, который по видимому только что взятъ былъ имъ отъ грековъ.

Въ 1328 г. (только за 5 лѣтъ до воцаренія Душана) городъ принадлежалъ Византійскимъ самодержцамъ, коихъ было тогда два дѣда и внучка, оба *Андроника* изъ дома *Палеологовъ*. Дѣду хотѣлось единодержавствовать, а внучку не даромъ украшаться титуломъ императора. Последний сталъ забирать у перваго въ свои руки Фракію и Маке-

дѣвшаго греческаго *περίλατον* сдѣлали, по своему усмотрѣнію, прилѣпъ, это крайне невѣроятно. Ученый авторъ: *Les Turques etc.* недовольный ненаходчивостію Византійцевъ, придумалъ городу имя: *Периллатъ* (*Περίλλατον*), которому конечно рукоплещать Аенны и Византія. Право, послѣ этого кажется уже Богъ простить отыскать въ имени и русскія *перила*, а еще удачѣе считать его перифразомъ выраженія, столько подходящаго къ условіямъ времени и мѣста: *бери съ лавы*.

донию, слабый старикъ въ сотый разъ можетъ быть прибѣгъ къ пресловутой политикѣ Византійскаго двора — побуждать своихъ чужими, и отправилъ воеводъ своихъ къ Кралю (отцу Стефана Душана) уговаривать его пойти войной на мятежнаго внука. Сербъ естественно отказался помочь усилению враждебной ему имперіи. Въ отместку за это, можетъ быть, воеводы, возвращаясь отъ Краля (проживавшаго вѣроятно въ Скоплѣ), заняли Прилѣпъ именемъ императора — дѣда. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего царскій протовестіарій (тоже Палеологъ и тоже Андроникъ) умеръ. Чуть узнали объ этомъ Прилѣпцы, немедленно перешли вторично на сторону юнаго царя... Этотъ эпизодъ заставляетъ насъ спросить: кто были тогдашніе жители Прилѣпа? Если они были славяне, то не все ли равно для нихъ, который бы изъ Андрониковъ ни владѣлъ ими? Иноплеменникъ одинъ, иноплеменникъ и другой. Но старшій Андроникъ представлялъ собою принципъ законности, т. е. порабощенія всего инороднаго, а младшій, какъ самъ мятежникъ, естественно привлекалъ къ себѣ все мятущееся, да кому же вошелъ, секретно отъ дѣда, въ дружескія сношенія съ Кралемъ. Такъ можно объяснять прилипаніе нашихъ Прилѣпцевъ стараго времени то къ той то къ другой преобладающей власти. Но вѣтъ, также, ничего невѣроятнаго, что жители мѣста могли быть если не всѣ, то въ большинствѣ, и греки. За 8 лѣтъ передъ олучаемъ встрѣчается у историковъ (греческихъ, конечно) имя правителя Прилѣпскаго, чисто греческое: *Федоръ Синадимосъ*, то же дальній родственникъ Палеологовъ, державшій сторону сперва дѣда, а потомъ со *всєю*, управляемою имъ областію передавшійся внуку. Это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ того, что въ самое цвѣтущее время Сербской державы древняя Пеонія или Пелагонія, т. е. теперешняя Витольская равнина, считалась греческою, а не славянскою.

Ступимъ еще лѣтъ на 100 далѣе въ глубь исторіи. Мы станемъ лицомъ къ лицу еще съ третьимъ притязателемъ на межеумочный

край этотъ. Знакомый намъ по Солунскимъ дѣламъ, Деспотъ Эпирскій (*Михаилъ II*), задавшись мыслию, что съ паденіемъ Константинополя имперія принадлежитъ ему, все таки — какъ бы тамъ ни было — *Комнину*, а не Никейскому скиптродержцу, неизвѣстному *Ласкару* или и совсѣмъ безвѣстному *Ватаци*, простеръ свои завоевательные замыслы прежде всего къ сѣверу отъ своей, вновь созданной, державы, на греческую Иллириду — старыхъ временъ, т. е. на эти самыя мѣста, и овладѣлъ Прилѣпомъ. Императоръ (Ватаци) вырвалъ крѣпость изъ рукъ Деспота, но не надолго. При Θεодорѣ II она опять отошла къ владѣніямъ Ангела Комнина неугомоннаго. Никейскій самодержецъ рѣшился положить конецъ неумѣстнымъ и совершенно безвременнымъ притязаніямъ на лохмотья разорванной имперіи одного изъ *своихъ*, когда столько было чужихъ претендентовъ! Θεодоръ II Ватаци Ласкаръ отправилъ сюда значительное войско, разбитое на нѣсколько отрядовъ, вѣренныхъ наилучшимъ полководцамъ, въ томъ числѣ и *Михаилу Палологу* — будущему пресловутому императору и основателю династіи, верховное завѣдываніе дѣлами поручилъ канцлеру имперіи, своему бывшему учителю и историку, *Георгію Акрополиту*, который самъ обо всемъ и рассказываетъ въ своемъ „хронографѣ“ о своемъ посольствѣ въ эти мѣста. Чтобы лучше наблюдать за ходомъ всей компаніи, императорскій комиссаръ избралъ мѣстомъ пребыванія своего Прилѣпъ, какъ пунктъ, пригодный между прочимъ и для наблюденія за сношеніями Деспота съ Крадемъ. Происходило это въ 1258 г. Любопытно и въ историческомъ и въ топографическомъ отношеніи описаніе этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и отличнаго писателя. Видно, что не только военные чины, но и разные мѣстные правители городовъ, на сколько могли, старались игнорировать, или и прямо не признавать приставленнаго къ нимъ начальника. Губернаторомъ Прилѣпа и вмѣстѣ военнымъ начальникомъ округа былъ тогда нѣкто *Стутерій Ксилей*. Ум-

ный писатель играет при этомъ словами. Первое изъ именъ происходитъ отъ σκῶτον — щитъ, а второе отъ ξύλον — дерево, что и даетъ ему поводъ дѣлать аллюзію на: *деревянный щитъ*. Комендантъ во всемъ перечель дипломату, и при первомъ же случаѣ зло отомстилъ ему за его невинное верховенство (и за острословіе, конечно). Стало извѣстно, что, пользуясь движеніями Деспота, Краль (*Стефанъ IV Храпавый*, зовомый еще *Урошемъ I* и Великимъ) и самъ вторгся въ Пелагонию. Скутерій, при вѣсти объ этомъ, объявилъ солдатамъ, чтобы они шли на Сербовъ, кто хочетъ. Тѣ не замедлили уйти, только не на Сербовъ, а кто куда хотѣлъ. Съ остаткомъ войска Скутерій и самъ двинулся на сѣвернаго врага, но былъ разбитъ имъ на голову, и едва спасся гдѣ-то въ неприступныхъ горахъ. Въ крѣпости Прилѣпской (Марковомъ замкѣ) остался только самъ Акрополитъ съ 40 человѣками гарнизона. Это командованіе ею онъ называетъ „заключеніемъ въ тюрьму“. Тѣмъ временемъ на поляхъ Водены происходили сшибки императорскихъ войскъ съ Деспотскими. Палеологъ пожиналъ лавры, но желаннаго оборота дѣло не принимало. Повѣренный царскій послалъ приказъ воеводамъ явиться къ нему на совѣщаніе. Хотя не-хотя, генералы съѣхались въ Прилѣпъ ¹⁾, но, увидавъ, что дѣлать тутъ имъ нечего, поспѣшили убраться отъ ненужнаго главнокомандующаго. Акрополитъ опять остался одинъ съ своими 40 тѣлохранителями. Чуть Деспотъ узналъ, что воеводы отправились къ своимъ воевамъ, онъ, какъ тутъ и былъ, явился передъ Прилѣпомъ. Три раза храбрые защитники крѣпости отразили приступъ врага. Но жителямъ города (Варона?) наскучила наконецъ осада. Они вошли въ тайныя сношенія съ осаждавшими, отворили имъ ворота, что съ полн, и выгнали врага. Акрополитъ выговорилъ лично себѣ свободу. Но не изъ такихъ былъ Деспотъ, которые считаютъ нужнымъ держать данное

¹⁾ Πρίλλαπον — по употребленію историка *Никифора Григора*.

слово. Онъ заковалъ въ желѣза императорскаго уполномоченнаго, и возилъ съ собою на показъ всюду, гдѣ ходилъ съ своимъ войскомъ, и наконецъ отослалъ въ свою столицу Арту.

Отбросимъ и еще лѣтъ 200 глубоко въ древность. О Сербяхъ тогда еще не было слышно. Ни какой Деспотъ, кромѣ самаго самодержца (и пустоименныхъ властителей духовныхъ) не былъ извѣстенъ. Имперія казалась цѣльною и единичною, хотя уже и крѣпко уцербленною съ Востока. Но борьба славянства съ адлинствомъ тогда была еще сильнѣе, чѣмъ при князяхъ Тривальскихъ. Это эпоха знаменитаго *Самуила* князя Болгарскаго, сколько царствовавшего, столько воевавшего съ императоромъ, то удачно то нѣтъ, то забиравшего греческія земли, то съ позоромъ возвращавшаго ихъ законному державцу. Стыдъ пороженія сходилъ съ него какъ съ гуся вода, по пословицѣ. Его владѣнія простирались чуть не на весь Балканскій полуостровъ. Естественно потому, что онъ владѣлъ и Прилѣпомъ. Въ 1014 г. онъ еще разъ направился съ воинственными ордами своими по проторенной дорогѣ къ Царю-граду. Не менѣе его неутомимый, соперникъ его императоръ Василій II не замедлилъ выслать противъ него войско подъ командой *Никифора Ксифія*. Зловѣщее это имя „побѣдоноснаго мечника“ было роковымъ для Самуила и его державы. Гдѣ-то на *Длинныхъ поляхъ* (Кимбалунга — camp longi) произошла (29 іюля) битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Болгаръ. Самуилъ бѣжалъ, спасая животъ свой, куда глаза глядятъ, и укрылся въ неприступномъ Прилѣпѣ. Побѣдитель не преслѣдовалъ его сюда, а только послалъ ему въ утѣшеніе 15,000 слѣпыхъ, въ коихъ тотъ узналъ своихъ несчастныхъ сподвижниковъ, попавшихся грекамъ въ плѣтъ. Гуманный ¹⁾ императоръ оставилъ изъ нихъ по одному на сто съ однимъ

¹⁾ Мы не впринуемъ. По понятіямъ тѣхъ временъ, онъ имѣлъ право умертвить

глазомъ, чтобы было кому вести слѣпцовъ къ мѣсту ихъ назначенія ¹⁾. Зрѣлище было до того разительное и плачевное, что даже такой безсердечный воитель, какъ Самуиль, не вынесъ его, заболѣлъ и черезъ два дня померъ. Случилось это 15 Сентября 6523, т. е. 1015 года отъ Р. X. Этимъ изъ фактовъ фактомъ мы и заключимъ свою Прилѣпаду.

Перлесе. 28 Мая. Пяткъ.

Утомленіе, подобное вчерашнему, требовало глубокаго и продолжительнаго сна. Но, съ одной стороны веселая музыка гостей — боголюбцевъ, а съ другой — да простить мнѣ читатель — неистовая пляска тѣхъ хозяевъ гостелюбцевъ, которыхъ всего менѣе имѣемъ въ виду, и тѣ, которыхъ не избавлялись тутъ въ свое время ни Душанъ ни Самуиль ни самъ Александръ Великій (воевавшій съ Триваллами), не давали залежаться намъ. Въ дорогѣ, впрочемъ, чѣмъ меньше спится, тѣмъ лучше. Въ этомъ я убѣдился сегодня неоспоримымъ образомъ. Вставъ еще до солнышка, по крайней мѣрѣ когда оно еще не показывалось изъ за горы Марковой, я вышелъ къ церкви монастыря, желая отыскать въ ней или на ней какіе нибудь слѣды его разсказываемаго 1000 лѣтняго существованія. Церковь небольшая, византійскаго стиля, не представляетъ въ архитектурѣ своей ничего замѣчательнаго. Новая штукатурка изнутри и снаружи закрыла собою все, что могло уцѣлѣть отъ временъ древнихъ. Впереди ея есть открытый притворъ съ навѣсомъ, утверждающимся частію на стѣнахъ, частію на мраморныхъ колоннахъ, существованіе которыхъ одно уже говоритъ о значительной древности зданія. Въ глубинѣ сего притвора, на западной стѣнѣ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ входной двери сохранились

плѣнниковъ. Ослѣвленіе тогда считалось простымъ наказаніемъ или даже административною мѣрою.

¹⁾ Передавая цифру 15 тысячъ, историкъ (Кедришъ) прибавляетъ: какъ говорятъ.

остатки фресковых (не въ собственномъ смыслѣ) изображеній, пощажённыхъ штукатурщиномъ не всё какими судьбами. Видятся во весь ростъ фигуры царственныхъ лицъ, полагать можно ктиторовъ или особенныхъ благодѣтелей обители. По правую (южную) сторону изображёнъ муцина лѣтъ 30 съ красивымъ лицомъ, въ царскомъ — на византійскій образецъ — одѣяніи, въ коронѣ на подобіе архіерейской митры, и съ сіяніемъ въ кругъ головы, какъ у насъ принято писать Святыхъ. Въ правой рукѣ изображенный держитъ длинный крестъ съ двумя перекладинами. По обѣимъ сторонамъ головы видится трехстрочная, хорошо различаемая, надпись слѣва: *Въ Хѣ (Христа) Бѣ (Бога) стрѣмь крал Марко*. Справа къ сожалѣнію углылись только слогъ: *ка..* Во всемъ подобное изображеніе существуетъ и съ сѣверной стороны дверей, только тамъ видится фигура старика. Надпись при немъ совершенно стерлась. И такъ, вотъ онъ самъ превоспѣтый „кравичъ“ какъ бы привѣтствуетъ насъ, въ качествѣ хозяина мѣста, стоя въ царскомъ убранствѣ и въ апогеозѣ святости! Конечно, вѣрить изображенію нельзя, не зная какого оно времени, но все же взгляды на посмертную славу Марка старыхъ Сербовъ замѣчательны. Не скупились тогда, конечно, на титулы и на ублаженія сильнымъ земли, и ореолъ святости усвоивался всёми вѣнценосцамъ, такъ сказать, по праву, отчего онъ могъ достаться и Марку — „вѣрному во Христа Бога кравлю“. Но не осталось ли въ народѣ преданія о его богоугодной на послѣдокъ дней жизни, на что мы уже и сдѣлали намекъ выше? Больше нечего было осматривать. Еще вчера намъ было сказано, что ни старыхъ иконъ, ни старыхъ книгъ, ни какихъ бы то ни было остатковъ глубокой древности, никто не знаетъ и не слышалъ въ монастырѣ. Оставалось потому довольствоваться тѣмъ, что видѣли. Проходя мимо колоннъ—числомъ трехъ—или точнѣе колоннокъ, такъ какъ онѣ весьма скромныхъ размѣровъ, я вспомнилъ свои археологическіе поиски на колоннахъ языческихъ храмовъ въ другомъ

мѣстѣ, увѣнчавшіеся самымъ желаннымъ успѣхомъ, я болѣе какъ бы для очистки совѣсти только, осмотрѣлъ поверхность ихъ снизу доверху. Какова-же была моя радость, когда на одной изъ нихъ замѣтилъ присутствіе строчекъ, и, поднявшись глазами на уровень ихъ, прочелъ слѣдующее: (вз) лѣто ,сѣа αγω (ατος) επ̄λξ Αν̄ρι Φεβρ. ζ. Цифроныя буквы вырѣзаны такъ ясно и отчетливо ¹⁾, что не даютъ повода ни къ малѣйшему сомнѣнію въ вѣрности ихъ чтенія. И такъ какой-то святѣйшій Епископъ Андрей былъ тутъ (молился, скончался..) 7 февраля 996 года. Какой епископъ? мѣстный епархіальный, или иной какой? Напрасно бы мы стали ломать надъ этимъ голову.

Ни въ Oriens Christianus, ни индѣ гдѣ, думаю, не найти сего имени. Умножая имъ число іерарховъ христіанскаго міра, мы еще не большую оказываемъ услугу наукѣ. Важнѣе сего то, что надпись выноситъ существованіе монастыря въ X вѣкѣ. Самое же важное заключается въ томъ, что мы открываемъ славянское письмо 996 года. Съ выводомъ этимъ насъ заставляеть неспѣшить одно только обстоятельство: современна ли замѣтка о епископѣ Андрѣ самому епископу? можно спрашивать. Ее могъ сдѣлать ктонибудь и сто и четыреста лѣтъ послѣ Андрея, особенно, если дѣло шло о *кончинѣ* какогонибудь замѣчательнаго для мѣста Епископа, не занесеннаго въ свое время въ мѣстныя лѣтописи. Возраженіе имѣетъ свою относительную силу, но $\frac{1}{10}$ вѣроятностей на сторонѣ предположенія, что появленіе надписи принадлежитъ указанному въ ней году. Самое титулованіе епископа „святѣйшимъ“ по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область освященныхъ и утвержденныхъ вѣрою именъ и терминовъ, чужезычныхъ и неразумѣемыхъ, но отъ того именно и неприкосновенныхъ для вѣрующаго народа. Утвердивши же за надписью принадлежащую ей хро-

¹⁾ См. fac-simile по таблицѣ.

нологію, можно поздравить себя съ рѣдкою находкою и ублажить мыслью, что мы сегодня заслужили спасибо отъ ученаго міра за то, что встали до солнца. *Augora misis amica..* не даромъ мы когда-то „доказывали“ это въ своей ученической задачкѣ, усыпая „аррорами“¹⁾ свою цистеронщину. Не знаешь бывало, за чѣмъ смотрѣть болѣе, мысли ли чтобъ были подходящія, латынь ли чтобъ была безъ ошибокъ, переписано ли чтобъ было аккуратно, тетрадка ли чтобъ была чистенькая, задача подана въ свое время, и пр.; поневолѣ долженъ былъ дружить съ музами, сочувствія къ которымъ ничто не вызывало въ тогдашней обстановкѣ жизни. Иное дѣло вотъ — *ὁ φιλόμουσος* (музолобивый) владыка Венедиктъ Поповичъ *Византійскій*.. Обратившись къ востоку, чтобы молитвенно проститься съ церквію, я прочиталъ ускользнувшую прежде отъ взора (занятаго святыми краями) замѣтку надъ входными дверями церкви, гласившую, что храмъ возобновленъ²⁾ „во время дѣйствованія (?) Митрополита Венедикта Поповича Византійскаго, въ 1861 году“. Такъ и видно, что человекъ и вспоенъ и вскормленъ музами. Онѣ (никто другой) подсказали ему употребить и слово: *дѣйствованіе*, онѣ научили его коварно сочетать *Поповича* съ *Византійскимъ*.. Онѣ, онѣ — всѣ девять вмѣстѣ! Человекъ родился въ Византіи, а между тѣмъ — Поповичъ! Наруку кому угодно — и панславистамъ и панэллинистамъ, и нашимъ и вашимъ, а всего болѣе г. Димитраки и его милліонамъ.

Поднимаемся по галлерей въ свою *одаю*. Нѣсколько такихъ съ правой руки стоятъ запертыми. Занимающіе ихъ гости, послѣ все-

¹⁾ *Еггог* — погрѣшность, которую знаменовала наведенная учителемъ подъ мѣстомъ ошибки черточка. Сумма такихъ черточекъ выставлялись учителемъ въ концѣ задачи и опредѣляла собою «похвалу», а при переходѣ въ двѣ цифры, нерѣдко и диверсію къ «порогу».

²⁾ Монастырь стоялъ 40 лѣтъ въ совершенномъ заустѣніи. Алтара не существовало.

нощного „панайра“, предаются блаженному покою. Читаю поверхъ одной двери высѣченную на мраморной плитѣ, надпись: иже ко монастырѣ стѣхъ Архагѣла. Сіа одаа соградиса... и пр. 1862 г. Такая же плита утверждена надъ входомъ и въ нашу комнату. Читается на ней: сіа одаа соградиса иждивеніемъ православныхъ еснафъ кантардемирѣискихъ, именима Нікола Стоянова... 1868 г. Писавшіе видимо не гонялись за Авророю, оттого и наполнили непростительными *errорами* свое сочиненіе. Особенно хорошо эти: *иже* и *именемъ*. Похваляя патриотизмъ писавшихъ, какъ видно ревнующихъ о родномъ языкѣ, я не могу однакоже оправдать пристрастія ихъ къ чужезарному слову: *одаа*, т. е. комната. Греки туркомериты (изъ областей Турціи), да большею частію и Элладиты — по старой памяти — зовутъ вообще комнату словомъ *оутѣс* (ондасъ), род.: *оутѣдос* мн.: *оутѣдес*.., конечно Турецкаго происхожденія. Познакомившись съ нимъ еще въ Греціи, я безъ труда понялъ смыслъ слова: *одаа*, находя послѣднее даже удачнѣе периформированныхъ изъ турецкаго подлинника (видимаго въ сложныхъ словахъ: *ода* — баша, *ода* — лиска и пр.), потому что тутъ дѣло обходится безъ вспомогательнаго носоваго звука. Но Греки не затруднятся выгнать варварское слово. Въ свободной Греціи давно уже въ употребленіи свои родныя слова: *камара*, *дымѣтїон*¹⁾, водятся уже въ Аѳинахъ и древнее *ѳаламос*. Мы славяне не скоро дойдемъ до убѣжденія, что слѣдуетъ и намъ выгнать чужеземщину, и что есть чѣмъ замѣнить ее намъ. Оставляя въ сторонѣ *одаа*, легко объясняемую и извиняемую, спросимъ себя, откуда мы взяли свою *комнату*? Тоже у добрыхъ сосѣдей (die Kempter), какъ и Болгаре? — Да и одна-ли у насъ слышится „комната?“ А *зала*, а *салонъ*, *флигель*, (по народному: флигирь), *сортиръ*, *корридоръ*? И не замѣчательно ли? Раз-

¹⁾ Греки не уступаютъ этого слова Латинамъ, производя его отъ глагола: *кампты*, тогда какъ Латини свое: самое не имѣютъ изъ чего вывести.

ныя части дома, каждую порознь, мы съумѣли назвать подходящими именами: *каба, клѣтъ, горница, чуланъ, заходъ, стѣны* и пр., но обобщить недѣлимыя понятія однимъ терминомъ изъ своего языка не удалось! Зато предки наши, составители и образователи русской рѣчи — снабдили насъ до излишества краснобайными: теремами, хоромами, покоями, свѣтлицами, божницами, опочивальнями и т. под., изъ коихъ только *покои* могли бы дѣйствительно замѣнить чужеродныя „комнаты“, если бы не были слишкомъ метафоричны и какъ-то подагитичны. Если бы я не зналъ, что толку воду, то предложилъ бы вмѣсто комнаты и покоевъ дать ходъ слову: *хоромина* (по церковному: храмина), совсѣмъ готовому и пригодному къ дѣлу. Въ известномъ закличительномъ оборотѣ народной рѣчи: „не слушай хоромина“, что другое выражается этимъ словомъ, какъ не общее понятіе отдѣльныхъ частей дома?

Осыпанные благословеніями, порученіями и просьбами, мы оставили гостепріимную обитель, воссіявшу солнцу. Положено было посѣтить другой сосѣдній монастырь *Трескавецъ*, стоящій далѣе къ сѣверу на продолженіи Марковой горы, съ которой мы вчера и наблюдали его въ трубу. Его намъ рекомендовали въ Битолѣ бывальцы, обѣщавшіе намъ въ немъ и древнія надписи и древнія рукописи и древнюю церковь, выстроенную на основаніяхъ языческаго храма. Значитъ, впереди была пожива. Оттого мы спустились по тропинкѣ отъ монастыря въ самомъ благомъ настроеніи духа. Конечно, я не могъ забыть притомъ своего „агіотата епископа Андрея“, современника Самуилова, да и самаго Самуила, умершаго тутъ отъ печали. Вѣрно, тутъ же и погребенъ грозный вонтель въ безвѣстности и всеобщемъ забвеніи. Темнаго рода человекъ, онъ темныхъ былъ и религіозныхъ убѣжденій, да не очень свѣтлыхъ и вообще нравственныхъ качествъ, все разрушалъ и ничего не создавалъ, все всевалъ и ничего не пріобрѣталъ, всемігъ грозилъ смертію и самъ бѣжалъ (но не избѣгъ) смерти. Впрочемъ, не

будучи историкомъ, нельзя произносить приговора надъ историческою личностію. Ёдемъ между каменными глыбами, разбросанными по подошвѣ горы. Остатки вѣка передъ однимъ изъ упомянутыхъ вчера изображеній, украшающихъ гранитныя скрежили, стояція подъ открытымъ небомъ и подверженныя всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ. Изображеніе сдѣлано по штукатуркѣ, видимо, очень давнее. Представленъ въ естественную величину всадникъ — воинъ на бѣломъ конѣ, со щитомъ въ одной и мечемъ въ другой рукѣ. Не похоже, чтобъ это были Св. Мученики Георгій или Дмитрій, изображаемые обыкновенно съ копьями. Волѣ головного сіянія сохранились двѣ буквы О А, означающія конечно: *ὁ ἅγιος* — святой, и больше ничего. Подъ изображеніемъ была большая надпись въ 7 строкъ, но она нещадно истреблена временемъ. Я съ трудомъ могъ разобрать только два слова КО и МА... Даже и того не могу опредѣлить, славянская ли она, или греческая была въ свое время. Болѣе похоже, что греческая.

Мы отдали поклонъ *старому Варошу*, сказавши: до свиданія, и поворотили по косогору прямо на востокъ, а потомъ и еще разъ перемѣнили направленіе, взявши къ сѣверу, въ объѣздъ горы Марковой. Крѣпость сіяла вверху, освѣщаемая въ упоръ солнцемъ. „Воротъ съ поля“ я немогъ усмотрѣть въ ней. Но ничто не препятствовало мнѣ видѣть государственнаго канцлера, привыкшаго къ перу и пергаменту, трикратно отбивающимся приступъ осаждающихъ его войскъ, съ помощію 40 тѣлохранителей. Какъ онъ сумѣлъ это сдѣлать, онъ одинъ про то вѣдаетъ. Выходимъ на перемычку, соединяющую крѣпостную гору съ другою, еще вышею точкою дикообразной гранитной толщи, которую бывалые люди называютъ миниатюрнымъ Синаемъ. Солнце вскользь освѣщаетъ зеленѣющія поля Прилѣбскія. Каринно и весело и — скавалъ бы — даже славно! Что-то побѣдное напѣвается въ головѣ. Это вѣрно онъ, „въ Христа Бога вѣренъ краль“ незримо мелеется съ нами, и поднимаетъ наше вовсе невоинственное сердце.

Уже мы стали выше его горы, и, вилля туда сюда между камнями и деревьями, выбрались наконецъ къ загородкѣ, явно указывающей границу монастырскихъ владѣній. Она начинается у придорожной водотечи, устроенной въ 1802 году, какъ значится на украшающемъ ее мраморѣ. Еще мало, и мы выѣзжаемъ изъ чащи деревьевъ передъ монастырскія ворота.

Третья уже это, обозрѣваемая нами обитель Славянская. Имя ея, по народному зову, просто: *Богородица*, а прозваніе: *Треснавецъ*. Последнее это такъ хорошо выражаетъ характеръ мѣстности, что какъ будто нарочно придумано для нея. Тутъ все и повсюду видится треснувшимъ и олышитъ трещащимъ отъ безмѣнныхъ вѣтровъ, вѣющихъ пронзающимъ холодомъ. даже въ такую лѣтнюю пору, какъ настоящая. Мы успѣли слѣзть съ коней и стать за вѣтромъ. Тѣрпко педялъ такой стукъ въ ворота, что имъ, пожалуй, тоже предстояла опасность треснуть. Послышались сзади ихъ стукъ и бряки. Отворили ихъ намъ дѣти, появленіе которыхъ хотя и не удивило насъ, но все же было неожиданностію. Оказалось, что это были школьники, обучающіеся въ монастырѣ чтенію и письму. Самое же братство монастырское состояло изъ двухъ человѣкъ. Одинъ былъ настоятель, какъ и въ Архангельскомъ монастырѣ — простой *поя*, глубокій старецъ, вѣроятно сдавшій свой приходъ гдѣ нибудь по близости своему сыну или зятю, и доживающій дни свои въ мирной обители. Другой, такой же запятаный священникъ, и тоже старый, былъ при первомъ не то послушникомъ, не то помощникомъ его. Кромѣ этихъ „старцевъ“, есть еще человѣкъ нѣсколько прислуги. Затѣмъ школяры съ ихъ учителями. Вотъ и все населеніе честной обители Треснавецкой, существующей по отзыву о. Игумена уже *четырнадцать столѣтій* лѣтъ. Конечно, это — обмолвка, слѣдовало сказать: *четырнадцать*. И то — за глаза! Братій же бывало когда-то тутъ *три столѣтій*, такъ что по всей горѣ и даже на обнаженныхъ скалахъ, висящихъ надъ монастыремъ, жили

въ кельяхъ и расклинахъ боголюбивые отшельники, питаемые монастыремъ.

Монастырь показался намъ очень тѣснымъ, недостаточно просторнымъ для житья и одной „стотины“ монаховъ. По своему положенію на обрывистомъ скатѣ горы, дворъ его представляетъ рядъ небольшихъ террасъ. На центральной изъ нихъ стоитъ углубившійся въ землю храмъ очень древней постройки съ широкимъ куполомъ посрединѣ. Два меньшихъ купола вьются надъ притворомъ съ передней (западной) стороны его по угламъ. Планъ церкви, впрочемъ, неправильный. Она низка и темна, внутри по стѣнамъ болѣею частью расписана иконами или новыми или подновленными, не богата никакимъ убранствомъ и хотя содержится въ порядкѣ, но такимъ, который диктуется привычкой, а не вкусомъ. Съ сѣверной стороны притворенъ къ церкви узкій придѣлъ, по древнѣйшему обычаю достигающій только половины церковнаго длиннаго. Такой же ширины южный придѣлъ идетъ напротивъ во всю длину церкви, сообщаясь съ нею однею дверью. Этотъ главный корпусъ церкви обходитъ съ юга и запада низкая галлерей, тоже темная, какъ и все вообще зданіе. Не свѣта, конечно, боялись первые здатели храма, а отверстій для пронизывающаго и кружачагося горнаго вѣтра. Такъ мнѣ думается. Внѣшняя стѣна галлерей съ фасада церкви вьстроена изъ прочныхъ, правильно обтѣченныхъ, камней, принадлежащихъ видимо до — христіанской эпохѣ. Когда мы осматривали алтарь, о. Игумень обратилъ наше вниманіе на престолъ и жертвенникъ. Оба они оказались цѣльными кусками камня, обтѣланнаго въ видѣ куба съ расширенными основаніемъ и карнизомъ по образцу древнихъ надгробныхъ или посвященныхъ намятниковъ языческаго времени. И на томъ и на другомъ вполне сохранились греческія надписи крупнаго и красиваго нартзаннаго письма. На престольномъ камнѣ читается: *Года 260. Флавіа Нина.*

*Никандра (дочь). Аполлону Эммеданскому. Обити*¹⁾. Все это разбито в 6-ти строчках. После слова *года* и *Никс* изображены обычный в подобномъ завязкѣ листокъ плюща. На жертвенникѣ надпись со стороны гласитъ слѣдующее²⁾: *Аполлону Эммедану Т. Флавій Аммиановъ сынъ. Аполлодаръ по обѣту*³⁾. И въ этой надписи тоже вырѣзаны въ двухъ мѣстахъ листки плюща, после слова: *Эммедану и с. сынъ*. Мѣстоисполненіе не показано. Годъ первой надписи, считаемый по Маркеловской эрѣ, будетъ соответствовать 58-му передъ Р. Х., и, значитъ, выносить надпись въ періодъ уже римскаго владычества въ тѣхъ мѣстахъ, съ чѣмъ хорошо согласуется и Латинское имя *Флавій*⁴⁾. Такъ какъ камни, по своей тяжести, не могли быть принесены сюда (особенно — на такую высоту!) впоследствии времени изъ другихъ мѣстъ, то и надобно думать, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря въ языческія времена стояло капище Аполлона, который почему-то названъ *Эммеданомъ* и *Эммеданисомъ*. Между множествомъ известныя провансій этого, любимаго древними, божества, не встрѣчается подобное

1) Έτος ΗΣ. Φλαυία Νική Νικάνδρου Ἀπόλλωνι Ἐμμεδάνῳ εὐχῆν. Бува α не совсемъ пишется А, а не Λ, бува с имѣетъ начертаніе η Σ и Γ, а ω имѣетъ форму позднѣйшаго ω, что можно считать замѣчательнымъ для греческой графики. Въ словѣ Ἐμμεδάνῳ надъ Δ видится зеркала, ставшая обыкновенно надъ бувами — цифрами, доказаніе ее тутъ кажется совершенно случайное.

2) Ἀπόλλωνι Ἐμμεδάνῳ. Τ. Φλάουιος Ἀμμιανῶνου υἱός. Ἀπολλοδωρος εὐχάμενος. Въ этой надписи, на оборотъ, α пишется всегда Λ, а ω — Ω и σ — Σ. Это различіе начертанія бувы слабѣе, какъ видно, нежели различіе основаніемъ къ опредѣленію времени происхожденія надписей.

3) Εὐχῆν... εὐχάμενος. Оба выраженія очевидно должны имѣть одинъ и тотъ-же смыслъ. Εὐχῆ, εὐχόμεναι и пр. имѣетъ значеніе «сердечнаго желанія», значитъ же жельба и обѣта. Здѣсь оно должно имѣть отглагольствованной мисли, и значитъ собою латинское: ex voto, и-ваша — по обѣту.

4) Однакоже, имя Флавіевъ стало известно и распространилось по Имперіи уже съ Императоромъ Флавіемъ Воспалеломъ. Не считать ли 260-й годъ по Августовой эрѣ, начинающейся годомъ Активской побѣды? Вышелъ бы тогда 280-й отъ Р. Х.

валичаніе. Слѣдуетъ заключить изъ сего, что прозваніе это совершенно мѣстное. У древнихъ историковъ и географовъ однакоже не находится ни города, ни рѣки, ни горы съ этимъ, или хотя малосложимъ, именемъ, и мы не знаемъ, потому, что сказать о немъ болѣе. Что-то слышится въ словѣ Готское ¹⁾. Готы конечно бывали въ этихъ мѣстахъ, но, кажется смута нѣсколькимъ столѣтій послѣ *Флавіи Нисандровой*, прозванной „небѣдой“. Третью надпись гораздо позднѣйшаго времени намъ указали внутри церкви, вытѣченную на одной изъ мраморныхъ плитъ помоста — въ 180 × 58 фран. метра величиною. Намъ обя-

¹⁾ Известны готскія имена Theadis, Theudericus... Но, какимъ образомъ одно и то же божество, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и повидному въ одно и то же время, зовется и *Оттеданомъ* и *Этеданискомъ*? Ошибкой рѣзкая надпись объяснять этого. Уже если гдѣ, то при имени божества, да еще мѣстно чтимаго, не могло быть недостатка во вниманіи у мастера. Считать одну форму имени официальной, книжною, а другую—уменьшительною, едва ли можно совмѣстятъ осторожные критики. Правда, что греческое словообразованіе даетъ на то полное право (*δρόμος* — *δρομίσκος*, *βασιλεύς* — *βασιλίσκος* и пр.), но къ имени Аполлона не приложимо такое удлинненіе имени и укороченіе чести, а особенно — отъ благоговѣйнаго читателя и молебника. Не много поможетъ дѣлу, если въ окончаніи: *αυος*, мало извѣстномъ грекамъ, мы будемъ видѣть латинское... *авис*, передаваемое нашими омончаниемъ: *скій*. Но-чуть я произнесъ въ собственнѣйшій слухъ это родное: *скій*, какъ все затрудненіе исчезло! *Тевданискомъ* вдругъ оказался точной, но несовсѣмъ удачной, передачей нашего славянскаго: *Тевдонскій*, на греческое письмо. Сильно, конечно, признатъ существованіе на этихъ мѣстахъ до Р. К. славянскаго стихія, но откуда и откуда вошло же мы въ Европѣ. Я не сомнѣваюсь, что почтенный компаньонъ мой, если бы вѣдалъ, надъ чѣмъ я бьюсь, сразу порѣшилъ бы, что *Этеданискомъ* есть не что иное, какъ *Этеданиско*. Я не пойду такъ далеко, хотя передъглавнѣйшій, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, историкомъ изъ *Иоаннѣмъ Иоанновичемъ*, развѣиваетъ ладъ руки на все. Для *Этедана* годятся, въ случаѣ, еще Сербское *данъ* (день), и общеславянское: *данъ* (данный). Начало необъяснимаго прозвища Аполлонова разногласитъ не менѣе, чѣмъ и конецъ его. Что вѣрнѣе: отецъ или *отець данъ*, кто можетъ рѣшить теперь? Не предположить ли наконецъ, что два чествованія тутъ Аполлона, одинъ — *Оттеданъ*, а другой — *Этеданискъ*? И то возможно. Что сказать, наконецъ, объ *Аполлодорѣ*, оказывающемся въ надписи совершенно латинскимъ? То, что онъ же самый и есть Т(итъ) Флавій, выпрошенный вѣроятно родителями у Аполлона, и нареченный въ благодарность за то, кромя матерческаго имени, еще *Аполлоновымъ дитяемъ*.

сняли; что икона сперва была вделана въ поперечную стѣну церкви и находилась въ стоечномъ поясаеши. А потомъ, когда стѣна та для расширенія церкви была снята, икона угодила на полъ церковный. Неблагоприятное это обстоятельство было причиною, что большая часть надписи стерлась совершенно. Изъ 10 строкъ ея уцѣлѣли вполнѣ только четыре. Онѣ содержатъ къ переводѣ слѣдующее: *Почилъ раба Божий Николой Тесуй. Мѣсяца Августа 21 дня. Въ царствованіи Стефана... въ году...* (инд.) 7¹)... Тамъ какъ титулъ *царя* присвоилъ себѣ первый изъ Сербскихъ Королей (вое почти Стефановъ) *Стефанъ VIII Сильный* или *Друшанъ*, то надпись не можетъ быть древнѣе 1336 года, когда онъ вступилъ на престолъ. Замѣчательно, что она сделана по гречески, а не по славяноки. Фамилія *Тесуй* говоритъ ясно, что усопшій не былъ грекъ. Не сумѣю что сказать болѣе о немъ. Въ аркавѣ церкви, по правую сторону входной западной двери было когда то, какъ и въ монастырѣ Архангеловъ, изображеніе во весь ростъ какого-то вѣщеносца — конечно, ктитора церкви, отъ котораго осталась теперь только верхушка короны, окруженной сіяніемъ, на которое, какъ видно, не скупились старые славяне, принимая ласкательное титулованіе Византійскихъ самодержцевъ „святыми“ за чистыя деньги. Хорошо сохранилась за то прекрасная головка ангела съ боку царя, обращенная къ нему. Кромя ея, по другую сторону изображенія, отлично хорошо сохранилась греческая трехстрочная надпись, гласящая въ переводѣ слѣдующее: *Стефанъ во Христв Божъ стертый Король и Самодержецъ осяя Сербии и Померія*²). Къ сожалѣнію, личность

¹) Ἐκομήθη δοῦλος τοῦ θ̄ου Νικόλαος ὁ Τσοῦης μηνὶ Αὐγούστου (sic) ἡμέρα κα. ἐπ̄η (sic) τῆς βασιλείας Στεφά... ἐν ἔτη... Сохранилась, кромѣ того, оконечности грекъ послѣднихъ строкъ, состоящія изъ буквъ: καλ...λληαρη...ροτφνα, коимъ не возможно поднести никакого смысла. Въ 6-й строкѣ какъ будто можно видѣть указаніе индиктіона.

²) Στέφανος ἐν χ̄ρ̄ τῷ θ̄ῳ πιστῶ (sic) κράλης καὶ αὐτοκράτωρ ἀπάσης Σερβίας καὶ παραθαλασσίας. Буквы семикратно имѣютъ слитное начертаніе. Ни удареній ни знаковь препинанія нѣтъ.

Стефана не оживляет хронологией. Слово *самодержавца* (Αὐτοκράτορ), замѣляющее на дѣловомъ языкѣ Византін латинское: *imperator*; могло бы давать намекъ на Душана. Но если бы рѣчь шла действительно о немъ, вѣрно бы вмѣсто *κράλης* было употреблено *Βασιλεύς*. Можно согласить краля съ самодержцемъ въ лицѣ Стефана развѣ предположивши, что надпись и изображеніе сдѣланы, когда Душанъ еще собирался возвестъ себя въ цари, и пускаться, какъ говорится, пробный царь въ тому титуломъ самодержца. Понскаль я и по другую сторону дверей слѣдовъ подобнаго же изображенія, но не выше ничего. Половинчатая дверь деревянная, темнаго отъ древности цвѣта, изукрашена, какъ и въ Слѣпченскомъ монастырѣ, обильною и хитрою рѣзбою, изображающею Святыхъ, какого-то свиринча, драконовъ, грифозъ, оленей и пр. Замѣчательный образчикъ древняго славянскаго искусства. Изъ притвора есть выходъ на право и на лѣво въ маленькіе притворы упомянутыхъ выше боковыхъ пристроекъ. Темны и они, не смотря на возвышающіеся надъ ними осмикононные купола, темны и слѣдующіе за ними придѣлы, изъ коихъ лѣвый, обращенный въ церковь, расписанъ по стѣнамъ изображеніями — внизу преподобныхъ, а вверху мучениковъ. Какъ видно, придѣлъ этотъ служилъ когда-то Крестильной (или водосвятной, ибо кого крестить въ монастырѣ?). Въ немъ и доселѣ стоитъ древняя мраморная купель въ видѣ чаши, съ надписью по краинѣ: *Во Иорданѣ крещаяущся тебѣ, Господи* на греческомъ языкѣ. На бокахъ ея начерчено въ одномъ мѣстѣ: *Γερασιε*, а въ другомъ: *ιερμοναхъ Герасимъ*. Стѣны вѣншей галлерей просто выпукатурены и ничѣмъ не украшены. Въ одномъ мѣстѣ вдѣланъ въ стѣну церкви камень съ рѣзнымъ изображеніемъ креста въ видѣ шестилучевой звѣзды, напоминающаго Константиновъ Лаваронъ.

О. Игуменъ повелъ насъ изъ церкви въ пріемную комнату въ западной стѣнѣ монастыря, возвышающейся на отвѣсной скалѣ. При входѣ въ нее намъ бросилось въ глаза пріятное зрѣлище самовара

испускающаго пары и сѣдой головы, выглядывающей изъ нихъ, какъ изъ облака, нашего Търпка, объясниваго юнымъ школярамъ тайны пресловутой русской машины. И давно пора была намъ согрѣться. Архондарикъ нашъ имѣлъ одно неоспоримое достоинство, — обширный видъ изъ малыхъ приземистыхъ окошекъ на широкую и цвѣтущую равнину Пелагонскую или Перлепскую, дѣйствительно предѣльную, упирающуюся въ гранитный кряжъ этотъ своимъ сѣверовосточнымъ угломъ. Къ сожалѣнiю, нельзя было наслаждаться этимъ благомъ. Окончинъ въ окнахъ не полагалось, по отеческимъ преданiямъ, и по комнатѣ, нѣтъ, лучше — по хороминѣ, гулялъ такой холодный и пронзительный вѣтеръ, что мы вынуждены были взять изъ подъ себя подушки и коврики, чтобы ими заткнуть зияющiя отверстiя, такъ какъ ставни существовали только для порядка и отъ ветхости были совершенно ажурными. Что же бываетъ тутъ зимою? Вездѣ, куда ни взглянешь, печатлѣетъ себя убожество, недоглядъ, неумѣнье и, конечно, нехотѣнье что нибудь поправить, украсить или хотя прибрать.. Но заповѣдь не ходить въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшихъ нескончаемыхъ неокончательныхъ.

Подкрѣпившись питьемъ, столь пригоднымъ для мѣста въ три или три съ половиной тысячи футовъ абсолютной высоты, я оставилъ спутника вести со старцами бесѣду о прошедшемъ и будущемъ, и занялся, какъ умѣлъ, рисованiемъ вида церкви съ разныхъ сторонъ. При этомъ нашелъ и списалъ еще пятую надпись — уже на Славянскомъ языкѣ. Она высѣчена тоже на мраморной плитѣ, вставленной со внѣ церкви въ стѣну, по близости алтаря, и состоитъ изъ 8 строкъ, сохранившихся вполне. Содержитъ слѣдующее: *Мѣѡа Генара оусне рабѣ Бегі Дабижимъ; енохиярѣ цѣѡа Оуроша все Сръбскиѣ земле: грѣчьскѣ и поморскѣ въ лѣтъ 2: 'ω: о: енкта: е:.* Годъ выходитъ отъ Р. X. 1362-й. Царь *Уроиз* — 5-й этого имени и послѣдній. Это

былъ сынъ Стефана Сильнаго, отличный какъ человекъ, но слабый и неспособный правитель, измѣннически убитый преемникомъ его Вукашиномъ. Какую должность отправлялъ *Энохiарь*? Слово, очевидно, греческое, и можетъ быть производимо двоякимъ образомъ. По гречески оно должно писаться или: οἰνοχάρης — виночерпій, или ἡμινοχάρης — конюшій. Первое словопроизводство правдоподобнѣе. *Дабы живъ* конечно собственное имя, а не фамильное, и составлено изъ: *да би живъ*, т. е. „дабы живъ (былъ)“, данное можетъ быть энохiарю, еще младенцу, боявшимися за его слабое сложеніе родителями. Если бы это было не собственное имя, а прозвище напр., то памятописецъ ужели бы не дополнилъ его настоящимъ именемъ, имѣя дѣло, какъ по всему видно, съ немаловажнымъ сановникомъ? А что Сербы способны были (и суть) на такое нецеремонное обращеніе съ крещальными именами; за доказательствомъ не нужно ходить далеко. Въ той же эпитафiи встрѣчается имя *Уроша* или *Уреша*, никакого отношенія не имѣющее къ христіанскимъ святцамъ. Кромѣ Уроша извѣстны еще крали *Драгутинъ* и *Милутинъ*, *Вукашинъ*, *Угмша*, самъ *Неманя* наконецъ!

Когда я оканчивалъ свою работу, былъ позванъ смотрѣть хрисовуль „Стефана Четвертаго Краля“, данный монастырю на владѣніе разными угодьями. Оказалось впрочемъ, что это не былъ подлинникъ, а только списокъ съ подлинной грамоты, отосланной въ Вѣлградъ для ученыхъ изслѣдованій. Я списалъ нѣсколько строкъ документа на память ¹⁾. Теперь хрисовуль этотъ важенъ только развѣ въ исто-

¹⁾ Вотъ онъ въ точной копiи. «Святому Пророку Божию Моисею: повелѣ ему «Господь Богъ сотворити скинiю по образу видѣнному ему на горѣ. И въ ней служби «совершали Господу Богу. И тако Бога прославляли. Они ветхозавѣтнiи iудее суще. Сего «ради и Кральство наше много подвигло есть на любовь церковь Господню... Наипаче «же въ семь Святѣмъ и Пречестнѣмъ храмѣ Пресвятны Владычницы нашея Богородицы и «Приснодѣвы Марiи. Больше возлюбихъ красоту и благолѣпіе сего Святаго храма Пресвя- «тны Владычницы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марiи образѣ чудотворномъ Треславны

рическомъ и филологическомъ отношеніи. Монастырю отъ него еще меньше пользы въ настоящее время, чѣмъ отъ языческихъ жертвенниковъ, угодившихъ въ христіанскій алтарь. Подписался подъ грамотой: *Стефанъ во Христа Бога благовѣрный король и самодержецъ Сърбскомъ и Поморскомъ и Болгарскомъ земли*. Года нѣтъ въ хрисовулѣ. По крайней мѣрѣ мы не отыскали его въ копіи. Но если онъ слыветъ въ монастырскомъ преданіи (взятомъ вѣроятно изъ какой нибудь замѣтки на самомъ хрисовулѣ) за *четвертаго*, то это долженъ быть *Стефанъ Храпавый* или *Уроизъ I* (1237—1270). Вѣроятно, онъ самый и былъ изображенъ при входѣ въ церковь на „кѣиторскомъ мѣстѣ“, хотя монастырь вѣритъ, что кѣиторомъ его былъ знаменитѣйшій изъ монарховъ Сербскихъ, *Стефанъ VII Душанъ*.

За единственнымъ числомъ слѣдуетъ естественно множественное. Держа въ рукахъ рукописный листъ, мы обратились къ Игумену съ заявленіемъ, что въ бытность свою въ Битолѣ мы слышали о большомъ желѣзномъ сундукѣ, полномъ старыхъ рукописей, хранящемся въ какомъ-то запертѣ обители. Игумень улыбнулся на этотъ сумбуръ важныхъ словъ. Знаю, сказалъ онъ, кто вамъ говорилъ объ этомъ. Но мы ему отдали послѣднее, что еще было въ сундукѣ-то не согнившаго совсѣмъ, — „одно големо Евангеліе“. Теперь въ сундукѣ только куча разорванныхъ и сгнившихъ листовъ. — Однакоже, замѣтивъ, что намъ непремѣнно хочется добраться до завѣтнаго сундука, охотно повелъ насъ въ церковь. Мы остановились передъ одною, до нельзя

«И що се предале царіе и кралеве и кто либо, все утвердисмо нарекоемо Хрисувуль. «Первы метохъ у Прилепѣ Св. Димитрія. И молю вы о Господѣ отцы и братія его же «Богъ изволи по кралевни господствующаго Сербскою землею, ни сынъ кралевни ни инъ «кто сродникъ кралевни симу записанному Хрисувулю мною Стефаномъ четвертымъ, Богомъ поставленному кралю...» и пр. Полагаемъ, что представленная намъ копія не вѣрна своему подлиннику. Въ противномъ случаѣ хрисовулъ представляется, судя по языку, весьма сомнительнымъ.

низкою и узкою дверцей, и пролѣзли въ темное и тѣсное подполье, гдѣ при свѣтѣ восковыхъ свѣчей сейчасъ усмотрѣли воображаемое сокровище. Сундукъ самъ могъ поспорить съ любою гнилью. Можно потому было гадать, въ какомъ состояніи находятся стерегомыя имъ рукописи. И точно, когда мы открыли его, взору нашему представился цѣлый ворохъ гнилой и затхлою бумаги въ изорванныхъ, измятыхъ и скомканныхъ листахъ, разбитыхъ тетрадахъ и наконецъ нѣсколькихъ цѣльныхъ, но страшно растрепанныхъ, книгахъ въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Все что попадалось на глаза, относилось къ церковному обиходу, представляя собою остатки Миней, Триодей, Псалтырей и тому подобное и почти все было бумажное. Листки хлопчатки составляли рѣдкость, а о пергаментѣ и думать было нечего¹⁾. Все, что можно еще назвать книгою, было бѣгло пересмотрѣно мною. Серьезныхъ плодовъ отъ такого занятія конечно и ожидать нельзя. Замѣчательнѣе другихъ показалась мнѣ рукопись:

1. Олока стѣхъ оца. На бумагѣ, въ листъ. Большая и крѣпко разбитая книга. Въ концѣ ея есть приписка: *Сиче писавый послѣдній въ итоуцьхъ авплое. Молюже прочитающихъ преднастоица къ исправленію сѧа исправити, прочая стръзирати. Понезже не писа дѣхъ стѣ... писа же сѧа книга въ тѣто 3цос (1468) григоріе грекъ ѿ костѣра и сѧѣ Манонаѣ. Криптографическое имя Авплое, по извѣстному способу чтенія, даетъ слово: *Аикола*, вмѣсто котораго несомнѣнно слѣдовало написать: *Никола*, т. е. Нвплое; тутъ очевидна ошибка. Замѣчательно, что въ 1468 г. Касторійскій грекъ интересовался славянскимъ переводомъ Отческихъ писаній. А въ 1865 г. какой нибудь Витольскій *Поповичъ* слышать не хочетъ въ своемъ городѣ славянскаго богослуженія!*

¹⁾ Однакоже компаньонъ мой увѣрялъ меня потому, что онъ и видѣлъ, и въ рукахъ держалъ пергаментную тетраду съ отличнымъ славянскимъ письмомъ. Въ подтвержденіе сего представлены были и *вещественныя* доказательства.

2. Другая рукопись: *миниа маргіе*, — тоже на бумагѣ, въ листѣ, и тоже разбитая, имѣетъ въ концѣ, на послѣднемъ листѣ: въ лѣтѣ 738 (1712) *списа сии миниа азъ убогий и мншии въ иноцѣхъ Захаріе іеромонахъ монастыру Грѣскавцоу храмъ чѣное оуспеніе прѣстѣя Бѣы*. Точно такая же приписка находится въ концѣ другихъ трехъ-четырехъ книгъ, писанныхъ очевидно тѣмъ же самымъ Захаріею.

Всѣхъ книгъ мы насчитали 15. Описывать ихъ не стоило труда, да и обстоятельства не позволяли. Сырость, духота, всякое неудобство, да къ тому же еще и темнота, едва разгоняемая свѣтомъ огарка, обливавшаго платье наше воскомъ, гнали насъ неумолимо на верхъ. Съ десятокъ листовъ отъ „голема“ (большаго) Евангелія, незахваченныхъ въ свое время вмѣстѣ съ книгою въ Битоль, мы, по порученію Игумена, взялись доставить, куда слѣдовало. Тщательно осмотрѣвши подвалъ и не нашедши въ немъ рѣшительно ничего болѣе, мы выбрались въ церковь, и не одну минуту упражнялись въ одномъ дыханіи сухимъ и чистымъ (относительно) воздухомъ. Еще разъ на прощаніе обошолъ я церковь внутри, съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ присматриваясь ко всему. Въ правомъ (длинномъ) придѣлѣ мнѣ удалось, при этомъ, прочитать на одной иконѣ Богоматери, писанной на деревѣ, слѣдующую подпись: *Списасше съя Вжѣвная икона въ лѣто 737. Митрополтъ Прилѣпскоу Іосіфа. Изъмень Маѣимъ. Настоятель (?) Цветко. Хлѣбарь Мутавацъ*. Такъ какъ вторую цифру лѣтосчисленія можно принимать и за 7, и за 8, то годъ написанія иконы и процвѣтанія *Цетко* съ *Мутавацомъ* и другими долженъ колебаться между 1599 и 1569-мъ. Во всякомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ имя Прилѣпскаго архіерея *Іосифа*, неизвѣстное ученому Лекеню въ его: *Oriens Christianus*. Другая, весьма чтимая, икона Богоматери въ томъ же придѣлѣ написана въ нишѣ стѣны, отдѣляющей его отъ большой церкви, и повидимому служившей когда-то дверью. По окружности нишевой арки тоже тянется надпись, гласящая: *Изволеніемъ отца... и пр... съи образъ*

въ *тто* *ѣцлѣ*. *Мѣсяца октоверіа* іѣ. Такая хронологія поставила меня въ тупикъ: 5939-й годъ соотвѣтствуетъ 431-му отъ Р. Х.! Иконы такой отдаленной древности, да еще писанной на стѣнѣ, мнѣ еще не случалось не только видѣть, но даже слышать. Если икона относится къ V вѣку, то и церковь сама должна быть тогоже времени... Выводовъ не оберешься. Не довѣряя глазамъ своимъ, я сталъ освѣщать цифры съ разныхъ сторонъ, и убѣдился наконецъ, что числовая буква *ѣ* подправлена. Очевидно, что первоначально на мѣстѣ ея стояло *з*, и годъ выходилъ тогда 1431-й. Кому пришла охота играть людскимъ довѣріемъ? Мнѣ невольно припомнились при этомъ „*четыредесятъ стотинъ*“.

Волѣе не за чѣмъ было оставаться въ горней Обители Трескавецкой. Не отъ кого было узнать, отчего она получила такое трескучее имя. Въ Стефановомъ хрисовулѣ какъ будто можно видѣть намекъ, что Богоматерняя чудотворная икона звалась этимъ именемъ, перешедшимъ потомъ и къ монастырю. Можетъ быть слышался по временамъ отъ образа *трескъ*. Выдаю догадку за то, что она есть, не зная даже, нѣтъ ли въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ другаго слова, также близко подходящаго къ Трескавцу, но съ другимъ значеніемъ, нежели наше: трескъ. Мы поблагодарили хозяевъ за ихъ радушный пріемъ, сдѣлали маленькіе подарки школьникамъ, сказали слово благо ихъ учителю, и вышли за монастырскую ограду. Намъ указали мѣсто, откуда можно подняться на вершину горы. Признаюсь, при взглядѣ на голыя и страшно расчепанныя скалы громаднаго конуса, именуемаго *златоверхомъ*, золотой верхушки котораго нельзя было и видѣть изъ близи, у меня, такъ сказать, упало сердце, хотя для меня и далеко не первина — горные подъемы. Смѣлый спутникъ мой попытался было сдѣлать нѣсколько сальтоморталей съ утеса на утесъ, но, не замѣтивъ во мнѣ большаго сочувствія къ такому напрасному подвигу, спустился назадъ. Тутъ мы вторично откланялись Трескавецкимъ старцамъ, и по указанію ихъ стали пѣшіе спускаться съ горы бездорожицей по

западному ея склону, а Търпко съ лошадыи отправился въ обходъ по стежкѣ, носящей имя дороги. Пришлось все таки не мало попрыгать по устѣянному огромными глыбами гранита, крутояру. Долго стояли на верху на выдающемся утесѣ оба старика, видимо пригорюнившись и провожая насъ глазами. Уже мы махали имъ зонтиками на прощаніе, давая знать, что имъ пора идти на дѣло свое и на дѣланіе свое, а они все стоятъ! Видъ ихъ умилилъ меня. Жаль стало ихъ одиночества. Поставилъ я себя на мѣсто ихъ, и почувствовалъ такой приливъ тоски, что счелъ за лучшее не оборачиваться уже болѣе къ нимъ. Живите съ Богомъ, пришельцы міра, отшедшіе изъ міра! Вѣроятно вамъ и не на столько скучно тамъ подъ небомъ, на сколько сокрушается тутъ о васъ сердце, готовое горевать при всякомъ случаѣ. — Не тужи, родимый нашъ, говорилъ мнѣ, помню, одинъ такой же глубокій старецъ, на котораго я насматривался въ послѣдній разъ, мы-семейные вѣдь привыкли къ разлукѣ. Вотъ по отъѣздѣ твоёмъ, возьму внучка за руку, и пойдемъ въ полугоре, и уляжемся. — Божіе, конечно, и это устроеніе, что гдѣ старый, тамъ и малый. Другъ за друга держатся они на землѣ сей, и такъ, невѣдомо самимъ себѣ, рѣшаютъ глубокую загадку жизни. Вотъ и Търпко нагоняетъ насъ веселый и благодушный, какими въ его лѣта вѣрно не будутъ его спутники. Онъ, по слову Экклезіаста, видитъ и чувствуетъ себя *подъ солнцемъ съ юнымъ вторымъ, иже встанетъ вмѣсто него*, и радъ тому!

„Златоверхъ“ грозно высится темнофіолетовой массой. Чтобы нѣкоторое впечатлѣніе золота пало съ него на глазъ, нужно смотреть на него вечеромъ при заходженіи солнца. Теперь же, скорѣе бы кто назвалъ его свинцоверхомъ. Видъ его съ каждымъ шагомъ лошади все мѣняется, профилируется и суживаясь. За то впереди раскрывается иззубренный конусъ Марковой горы. Придорожныя высоты ея мало по малу задвигаютъ собою златоверхій Синай въ миниатюрѣ. Какъ не пожелать ему на прощанье дѣйствительно стать

Хоривомъ Славянства. Малая школа Трескавецкая пусть бы была питомникомъ какого нибудь новаго ревнителя Иліи. Мнѣ всегда казалось знакомъ упадка и извращенія идеи монашества наша послѣднихъ временъ тенденція обращать монастыри въ школы, фальшивымъ звукомъ въ общемъ строѣ нашей духовной жизни. Уступаю на этотъ разъ въ пользу Трескавца, зная, что тамошняя наука не выйдетъ изъ духа азбуки, и первымъ продуктомъ своимъ не будетъ имѣть ополченіе противъ монашества. Огибаемъ *Маркову* (да не лучше ли: Самуилову или Лазареву?) *Паланку* съ запада, и выѣзжаемъ прямо къ *Варошу*, или Старому Прилѣпу. Вонъ и монастырь Архангеловъ ослѣпительно бѣлѣетъ въ своей горной впадинѣ, и старая крѣпость уходитъ въ безоблачное лазуревое небо. Было часовъ 11. Отъ жара все въ селеніи попряталось въ дома, и на узкихъ, искривленныхъ улицахъ мѣстечка не было ни души. Невольно припомнились мнѣ пыльные и опаленныя Помпеи, по которымъ я когда-то также бродилъ въ полдневный зной, не встрѣчая образа человѣческаго. И здѣсь на каждомъ шагу разрушеніе. Преданіе о 70 церквахъ, существовавшихъ тутъ въ стародавнее время, изъ коихъ тридцати можно еще указать мѣсто, побуждало насъ переходить отъ одного пустыря Вароша къ другому, въ надеждѣ отыскать что нибудь болѣе, чѣмъ три единственныя теперъ (всѣ впрочемъ древнія) церкви мѣста. Пришлось довольствоваться этими одними. Большая изъ нихъ, какъ бы соборная, есть *Св. Дмитрій*. Она стоитъ отдѣльно на площади, незначительныхъ, конечно, размѣровъ, но отличается красивымъ византійскимъ стилемъ, съ высокимъ куполомъ, пробитымъ множествомъ узкихъ оконъ. Судя по тремъ абсидамъ (алтарнымъ выступамъ) на восточной сторонѣ, надобно думать, что храмъ трехпрестольный. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть его внутренность. Не могли отыскать человѣка, владеющаго ключами отъ него. Обошедъ назадъ кругомъ его, и напрасно поискавъ какой нибудь надписи, преднамѣренной или случайной, на

стѣнахъ его, я сдѣлалъ для себя карандашемъ набросокъ его съ юго-восточной стороны, и предоставилъ преемнику и продолжателю своихъ странствованій по Румелии удовольствіе разглядѣть и сообщить къ свѣдѣнію всѣхъ, что онъ найдетъ тамъ достойнаго пера новаго Павсанія. Другая, тоже очень красивая церковь *Св. Петки* (Параскевы) осмотрѣна была нами и снаружи и изнутри. Изящно ея наружное убранство изъ правильной перемѣси краснаго кирпича и желтаго камня, съ разными игривыми узорами, не худо и внутреннее расписаніе стѣнъ иконами, конечно уже много попорченными отъ времени¹⁾. Планъ церкви есть параллелограмъ, раздѣляемый четырьмя колоннами, поддерживающими куполъ и всю систему арокъ и сводовъ, на три продольника, по простѣйшему и самому общему чертежу византійскихъ храмовъ; хорошо все и стройно, но уже черезъ чуръ малообразно (миниатюрно). Достаточно сказать, что вся длина церкви 7 метровъ съ половиной, а ширина только 5½. Третія церковь *Св. Николая* по плану еще проще. Вся она состоитъ изъ продолговатой комнаты съ выступомъ на восточной сторонѣ для алтаря. Почти тѣхъ же (29 × 12 футовъ) размѣровъ пристроенъ къ церкви спереди притворъ низкій, темный, нечистый, пригодный болѣе для конюшни, чѣмъ для мѣста общественной молитвы. Его требовала конечно крайность, условливаемая тѣсною самимъ храма. Странно, что епитору сего послѣдняго не пришла въ свое время въ голову мысль о тѣсотѣ. Богомольцы того времени предпочитали множество величію. Не будемъ осуждать ихъ за то, но желали бы узнать отъ нихъ, гдѣ они доставали средства содержать столько церквей съ богослуженіемъ въ каждой изъ нихъ, и слѣдъ съ столькими священнослужителями? Внутренность церкви (безъ притвора) расписана иконами старой кисти, и стояла бы по-

¹⁾ Всѣ подписи иконъ греческія. Замѣтки о времени расписанія церкви и пр. я нигдѣ не могъ досмотрѣться.

дробнаго осмотра. А вѣшная отдѣлка стѣнъ такъ изящна, что весь храмъ кажется дорогою игрушкою, на которую слѣдуетъ поставить футляръ, чтобы защитить отъ непогоды. Осматривая внутри притворъ, мы увидѣли въ стѣнѣ церковной, возлѣ самой двери, ведущей изъ него въ церковь, большой камень съ древнею греческою надписью въ 7 строки (сохранившихся), заключающую въ себѣ слѣдующее: *Величайшаго и божественнѣйшаго императора Кесаря Луція Септимія Севера. Ульпия, Исидора—она же—Саратада—и Адрелія Антисона...*¹⁾ (почтили чѣмъ нибудь). Другой такой же камень съ греческою же надписью, находится у входа въ притворъ, половина котораго закрыта раздѣляющей притворъ отъ церкви стѣною. Оттого сохраняющаяся часть надписи не даетъ опредѣленнаго смысла. Мы передаемъ ее въ точной копш²⁾. Вторично осматривая внутренность церкви, мы усмотрѣли надъ окномъ правой стѣны трудно различаемую отъ идущаго изъ подъ нея луча солнечнаго ктиторскую замѣтку, начинающуюся словами: *съ основанія воздвигнутъ..* и пр. 6807 года, въ Ноябрь мѣсяцѣ³⁾. Годъ этотъ соотвѣтствуетъ 1299-му отъ Р. X. Освѣщается такимъ образомъ эпоха построения Прилѣпскихъ церквей, видимо принадлежащихъ одному и тому же времени. Кралевствовалъ тогда Стефанъ VI Милутинь, а царствовалъ (въ Константинополѣ) Андроникъ Старшій, тестъ Милутина, въ этомъ именно году выдавшій за него осмилѣтнюю дочь свою Симониду, о чемъ мы уже упоминали, бывши въ Солунѣ. Который изъ двухъ монарховъ владѣлъ тогда Прилѣпомъ? Вѣрится, что греческій, а не славянскій самодержецъ. Ибо вотъ, со-

¹⁾ Τὸν μέγιστον καὶ θεϊότατον αὐτοκράτορα Καίσαρα Λούκιον Σεπτίμιου Σεουήρου. Οὐλπια, Εἰσιδώρα καὶ (?) καὶ Σαραπίδας καὶ Αἰρήλιος Ἀντιγόνου.... εἰων... Конца надписи нѣтъ. Время опредѣляется императоромъ.

²⁾ εἰκο τύχη... δ'ἀγαλμα... κλη ἀνορ... εὐξε παρὰ ε... πύγωντε... οἰμου εὐνο... μαί μαμος...

³⁾ ἐκ βαδρου ἀνεγέρθη... ϸΩΞ. Νοεμβρίου..

временное имъ обоемъ, расписаніе церкви иконами, представляетъ сплошь однѣ греческія надписи, увѣнчанныя, такъ сказать, ктиторскою замѣткою, писанною тоже по гречески. Наконецъ, отыскались двѣ строчки и славянскаго письма въ притворѣ. По лѣвую сторону дверей, вводящихъ изъ него въ самый храмъ есть замѣтка на стѣнѣ: *Помени моле... раба своего Димитра*. Въ темномъ углу той-же паперти мы досмотрѣлись шкафа. Онъ оказался безъ замка. На полочкахъ его валялся всякій хламъ церковный, негодный, или на время ненужный для употребленія. На ряду со всѣмъ прочимъ валялось и около десятка старыхъ и погнившихъ рукописныхъ книгъ богослужебнаго содержанія XVII—XVIII вѣка, безжалостно брошенныхъ на конечное истребленіе гордою эпохою скоропечатнаго слова, какъ колющій глаза анахронизмъ. Не сомнѣваюсь, что ими наполненъ былъ когда-то весь шкафъ, но лучшія изъ нихъ, конечно, попали въ карманы и сакъ-войажи сострадательныхъ туристовъ. Хоть бы уже то, что еще осталось, священники забрали и спрятали въ Архангельскомъ монастырѣ, во свидѣтельство того, что Прилѣвъ когда-то жилъ широкою славянскою жизнію, не смотря на свою греческую иконопись. Я просилъ вратарника церкви передать мое сердечное желаніе Архангельскому игумену.

Пожелавъ безнадежно старому Варошу обновиться, мы сѣли на лошадей, и отъѣхавъ сажени сто, еще разъ полюбовались его прекрасными церквами, и затѣмъ понеслись безъ оглядки по ровному полю къ новому Прилѣпу или по турецки *Перлет*, манившему къ себѣ издали зеленью садовъ и бѣлизною минаретовъ. Леркія и красивые эти зданія исламофильной фантазіи инаго европейца-туриста могутъ казаться восковыми свѣчками, ставимыми новыми иконоборцами Византіи передъ нерукотвореннымъ иконостасомъ храма вселенныя. На взглядъ же инаго византіяца, смотрящаго деннонощно изъ высокаго окна Московсерая на цѣлый лѣсъ минаретовъ, высящихся на *томе*

берегу, они представляются скорѣе отточенными отрѣлами, пускаемыми въ живое и населенное христіанское небо дикимъ и степнымъ магометанствомъ. Есть такимъ образомъ способъ заставить себя въ дѣйствительно изыщномъ видѣть нѣчто непріятное и отвращающее. Съ другой стороны, и магометанинъ не можетъ слышать равнодушно христіанскаго колокола, этого *вссмичнаго* органа музыкальнаго, такъ мудро и вмѣстѣ такъ просто придуманнаго духомъ человѣческимъ, тоскующимъ о небѣ. Уже болѣе 1000 лѣтъ уживаются кое-какъ на Востокѣ коранъ съ Евангеліемъ, отрицая постоянно другъ друга. Чѣмъ объяснить это? Всего проще—общностию понятій ихъ о Богѣ—Отцѣ Небесномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дервишъ-изувѣръ и христіанскій богословъ протянутъ другъ другу руку, чтобы вмѣстѣ оттолкнуть отъ себя ученаго астронома, „не отыскавшаго въ небѣ ни какаго слѣда Бога“. Меньше, чѣмъ черезъ полчаса мы были уже въ городѣ, показавшемся, судя по улицамъ, черезъ которыя мы проѣхали, весьма не възрачнымъ, въ родѣ Водены и Енидже и отдаленныхъ кварталовъ Битоля. Мы остановились въ одномъ изъ многочисленныхъ хановъ торговаго города, просторномъ, но крайне неприглядномъ. Пока Търпко кормилъ лошадей и производилъ на базарѣ какія-то необходимыя закупки, намъ представлялся случай осмотрѣть довольно громкую въ Македоніи мѣстность и въ частности мѣсто пресловутой въ краѣ ярмарки, на которой, благодаря дѣятельному и предприимчивому духу родолюбца А. Н., открыта продажа и русскихъ Богослужебныхъ книгъ, особенно—Кіевской печати. Такъ какъ мнѣ нужно было привести въ порядокъ свою записную книжку, то я и отказалъ себѣ въ подобномъ удовольствіи, но предложилъ воспользоваться имъ спутнику, улегшемуся въ тѣни на рогожѣ. Въ отвѣтъ получилъ замѣчаніе, что населеніе города албанское, фанатичное, и что нашъ костюмъ, да еще и русскій, можетъ непріятно броситься въ глаза... и пр. Я перемѣнилъ, какъ говорится, тему,

и скавалъ, что хотя до церкви, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ пройти, чтобы имѣть понятіе о христіанствѣ города... Но и на это послѣдовало совершенно основательное замѣчаніе, что теперь въ полдень всѣ церкви заперты, и что не найдется совсѣмъ охотника сидѣть тамъ и ждать насъ съ ключемъ... Такъ, припоминаю, и у Саломона нѣкто, *посылаемый на путь, глаголетъ: левъ на стезяхъ! На стогахъ же разбойники!*.. Ничего не подѣлаешь! Правда, впрочемъ, требуетъ сказать, что если не „левъ“, то палящій жаръ дѣйствительно свирѣпствовалъ на стезяхъ и стогахъ городскихъ. Продолжая аллюзію, я могъ бы отыскать и грознаго „разбойника“, только уже не въ городѣ, а тутъ возлѣ насъ, въ корзинѣ. Его грозящему положенію обязаны своимъ бытіемъ и всѣ вышеписанныя 10—15 строкъ, какъ легко угадаетъ читатель... Подкрѣпившись пищей и короткимъ сномъ, мы нашли, что у стараго вожатаго уже все готово, и что онъ только въ ожиданіи нашего пробужденія открылъ, коротая время, „кувенду“ съ почтеннымъ ханджи. Отъ послѣдняго мы узнали, что въ новомъ Пригѣгѣ, какъ и въ Битогѣ, одна только всего на все церковь, что при ней числится 13 священниковъ, завѣдывающихъ 8-ю приходами, неравными по числу населенія въ каждомъ, но вообще не менѣе 100 и не болѣе 300 семействъ. Одинъ изъ священниковъ титулуется Протопопомъ, но существеннаго преимущества надъ другими не имѣетъ. Каждый изъ цѣповъ ежегодно вноситъ владыкѣ эпитрахильной подати одинъ австрійскій дукать (3 р. звонкою монетой). Изъ этихъ немногихъ свѣдѣній видно, что городъ болѣе, чѣмъ на половину христіанскій, ибо имѣетъ въ себѣ не болѣе 6—7 тысячъ жителей. И, несмотря на это, физиогномія его, какъ говорится, турецкая. Ибо доколѣ существуетъ въ краѣ предательски — боязливая система „Византійскихъ Пѣповичей“, напрасно ожидать возвышающихся надъ массою домовъ куполовъ и колоколенъ. При мысли же о сіяющемъ издали надъ городомъ золотомъ крестѣ, почтенная система пришла бы въ вѣрнопод-

даннической ужасъ. Оттого-то у ней и умножаются ежегодно десятками тысячъ золотые флурья, кремицы, маджары, дукаты ¹⁾... А за тѣмъ у нея на головѣ хотя колъ теши, по пословицѣ!

Сейчасъ же за городомъ начинается тучная луговая земля, вся зеленѣющая въ настоящую пору года отъ избытка воды. Не достаетъ только лѣса, чтобы опять стала носиться передъ глазами родная земля. Дорога широкая и *колесная*, что въ Турціи не малая рѣдкость. На встрѣчу попадаются телѣги, запряженные и лошадьми и волами. И часъ и два пути, — все тѣже впечатлѣнія. Начинаетъ уже и при-скучивать гладкая и ровная земля славянская... Нѣтъ! Довольно уже иллюзій. Перестану тревожить ни въ чемъ неповинное славянство. А то, того и глади, покажутся гдѣ нибудь на дорогѣ 15,000 слѣпыхъ воителей славянъ, гонимыхъ гуртомъ, по направленію къ Прилѣпскому замку, на показъ зрячему воеводѣ. Славяне виноваты въ такомъ обстоятельстве, не слышанномъ, думаю, отъ вѣка и въ исторіи гуртовыхъ животныхъ? Нѣтъ. Виноваты люди! Влѣво встрѣчная телѣга, полная сѣдоковъ. Одинъ изъ нихъ поць Никола, знакомый незнаю кому изъ насъ, изъясняетъ и языкомъ и глазами и руками свое глубокое сожалѣніе о томъ, что не былъ у себя дома въ Перлеце, и потерялъ случай принять такихъ рѣдкихъ гостей. Спасибо за неожиданную ласку. Видно, что изъ зрячихъ „гуртовыхъ“. Поднимаемся на одну возвышенность, съ которой открывается вся широкая Битольская равнина, и на ней самая столица Целагоніи, исчезающая въ вечерней тѣни, набрасываемой на нее птичьимъ силуетомъ громадной Перистерии. Быстрѣе поѣхали мы на этотъ радующій и какъ бы помававший намъ образъ. Дорожникъ *Буе* насчитываетъ съ десятокъ селеній

¹⁾ Все это разныя наименованія одной и той-же монеты — венеціанскаго, а потомъ австрійскаго, *червонца*, болѣе всѣхъ другихъ распространеннаго по обѣимъ сторонамъ Балкановъ.

между Прилѣпомъ и Битодемъ, но мнѣ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ. Вѣрно, по поводу ради, мы избрали другой путь. Въсто людей, встрѣтили въ одномъ мѣстѣ большой табунъ лошадей, стойвшій намъ не малыхъ усилій удержать въ порядкѣ своихъ коней. Наилучшимъ средствомъ къ тому оказалось пронестись въ махъ мимо соблазнительнаго для нихъ зрѣлища. Въ награду за такой непосильный подвигъ мы встрѣтили цѣлый обозъ мирныхъ поселенцевъ, двигавшихся съ стоическимъ терпѣнiемъ на волахъ отъ Витоля къ Прилѣпу съ музыкой и всякимъ степнымъ весельемъ. Стало темнѣть, а Битоль все мало подвигался къ намъ. Наконецъ все кругомъ насъ слилось въ одинъ непроглядный мракъ. Усталыя лошади чуть передвигали ноги, а мы чуть держались на нихъ. Кажется все сплошь болѣло и просилось на покой. Лай собакъ привѣтствовалъ былъ нами, какъ свѣтъ маяка мореходами. Затемнѣли очертанія деревьевъ, за которыми естественно ожидалось и неясныя фигуры домовъ. А между тѣмъ дорога уперлась въ какія-то, даже Търпку — самоземцу мѣсть этихъ невѣдомыхъ, собранія водъ. Это были лужи, образовавшіяся вчера и третьяго дня отъ проливныхъ дождей. Наконецъ задвигались по нимъ и огоньки, отражавшіеся несомнѣнно изъ оконъ городскихъ домовъ. Въ то же время сзади вдругъ разостлалось какое-то блесоватое полотно кругомъ насъ. Показалась запоздавшая немного (славянская?) луна. Вотъ загудѣла и мостовая подъ копытами лошадей нашихъ на разные тоны, бросились съ лаемъ собаки, захлопали оконныя створки, заржала гдѣ-то лошадь, привѣтствующая нашихъ четырехногихъ товарищей. Мы были, значитъ, дома... Отъ всѣхъ впечатлѣній дальнѣйшаго времяпровожденія вечерняго осталось въ памяти одно, — минутное сомнѣнiе въ томъ, что сидишь на диванѣ, а не на конѣ, и держишь въ рукахъ стаканъ съ чаемъ, а не поводъ узды. Припоминается еще смутно, вмѣстѣ съ пѣнiемъ самовара, и чье-то напѣванье на тему, что, по обязательному уставу азбуки, за *покоемъ* слѣдуетъ:

рцы, но что ни одно слово твердо не исходило изъ онѣмѣвшихъ устъ. Даже и острословный намекъ на *Прильпъ* не могъ расшевелить языка, дѣйствительно прильпнувшего къ гортани.

Пелагонія. 29 Мая 1865 г. Суббота.

Цѣлая недѣля уже прошла со дня водворенія нашего здѣсь. Приходить помысль въ голову, усталую или лѣнивую или боязливую — чего болѣе? Недоберешься — не достаточно ли на первый разъ? Вѣдь, собственно говоря, мы только провожаемъ своего добраго знакомаго до мѣста его назначенія. Цѣль наша была проѣхать Македонію, высмотрѣть своихъ предковъ по исторіи — южныхъ славянъ — на мѣстѣ ихъ жительства, повѣрить своимъ ухомъ и глазомъ то, что рассказываютъ одни о другихъ, съ одной стороны „патріоты“ съ ихъ великою идеею, а съ другой — „родолюбцы“ съ ихъ малыми затѣями, и — наконецъ — просто прогуляться. Все это мы сдѣлали, по милости Божіей, удачно, вполне по желанію сердца своего. Чего же еще болѣе? Остается помолиться Богу и возвратиться черезъ Веррію и Олимпъ опять въ Солунь, а оттуда на свой несравненный Воспоръ-Фракійскій. И куда ѣхать еще изъ Витоля? Прямо на западъ къ Албанцамъ? — На югъ къ Грекамъ? — На сѣверъ къ Сербамъ? Сербы — тѣже славяне, жизнь ихъ я уже нѣсколько видѣлъ, и — понимаю. Албанской не хочу, да пожалуй и боюсь видѣть. Греческую — и такъ знаю... Такъ я разсуждалъ утромъ сегодня, находясь еще подъ вліяніемъ вчерашней непомерной усталости. Но вотъ явился на столъ „славянскій“ самоваръ. Къ нему присосѣдился Киперт, хотя и нѣмецъ, но посвященный во все таинства славянства. По Киперту ходитъ палець, измѣряющій разстояніе отъ Витоля до Охриды. — Вѣдь только *одинъ* день! Утромъ отсюда, а вечеромъ тамъ! Вотъ помѣрайте. Что въ Трескавецъ, то и въ Охриду. — Все это напѣвалъ мнѣ любезный това-

рица мой. Для него конечно она — *Охрида*, центральный пункт отъезной Болгарии, в течение послѣднихъ 5—6 лѣтъ уже прославившей себя національными стремленіями. А для меня она къ тому же еще и пресловутая *Первая Юстиниана*, столько шума надѣлавшая въ исторіи церкви. Какъ же пропустить случай видѣть ее? — Ну, а изъ Охриды куда? — спросилъ я, притворяясь упорствующимъ и настаивающимъ на своемъ вчерашнемъ, отчаянно изреченномъ: *pes plus ultra!* — Изъ Охриды? А тамъ — куда хотите. На море, и — домой!.. Это: „домой“ такъ свѣтло и радостно просіяло мнѣ изъ за синяго моря, что я чуть не сказалъ: „тамъ чтоже? Садимся и ѣдемъ.“ Но ѣхать-то все таки пришлось обождать. Мы связаны были условіемъ съ тѣмъ, о комъ освѣдомлялись изъ Солуны по телеграфу, а его не было на лицо. Онъ поѣхалъ провожать провожавшихъ насъ сюда. Пришлось посвятить покою день субботный. Да и очень кстати было это. Накопилось много „записнаго“ дѣла. Ктому же попало въ руки славянское пергаментное Евангеліе, принадлежащее г. Секретарю мѣстнаго консульства, завязаному славянофилу, поднесенное ему благодарными родолюбцами. По обычаю, книгѣ недостаетъ конца, и нѣтъ потому возможности съ точностію опредѣлить вѣкъ ея, такъ какъ книготворцы стараго времени, списывавшіе „священныя дѣлты“, боялись осквернить ихъ какими нибудь сторонними замѣтками среди текста, и прибегали для этого послѣднюю страницу, на которую, къ сожалѣнію, больше всего нападаетъ время. Можетъ быть и Евангеліе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло свою хронологію, рассчитывавшую на вниманіе и память отдаленныхъ поколѣній, но не смекнувшую, что до тѣхъ поколѣній она можетъ дойти въ видѣ письма безъ адреса. По всей видимости, книга должна принадлежать XII вѣку. Говорилъ ли кто нибудь въ то время ея языкомъ? И откуда взялся этотъ таинственный *Славянский* языкъ? Несмотря на сотни, и можетъ быть тысячи изслѣдованій о немъ, мнѣ кажется, это все еще остается вопросомъ „открытымъ“.

Конечно, прежде всего за осведомленіями о немъ надобно обратиться къ *Слотманъ* и *Склавунимъ*, какъ естественнымъ наследникамъ и носителямъ великаго имени. Но разъ, знакомый мнѣ и очень книжный Славунъ Аѳинскій завѣрялъ меня, что и для него Евангеліе на столько же и свое виѣстѣ и чужое, на сколько и для всякаго русскаго; я ссылаюсь на этотъ примѣръ потому, что считаю себя совершенно неподготовленнымъ къ дѣлу. Наиболѣе знакомыя мнѣ изслѣдованія въ этомъ родѣ *Шабарина* и *Майнова* оставляютъ много желать въ ясности и опредѣленности, а главное — въ систематичности изложенія. Первое слово Библии: *искомъ*, говорятъ, уже есть наше русское, а не склавунское или иное какое южно-славянское. Мы и теперь въ живой рѣчи своей употребляемъ выраженіе: *по комъ вѣку*. Въ раннемъ дѣтствѣ, играя въ бабки, бывало говоришь и слышишь съ утра до вечера слова: въ *комъ*, за *комъ*, *изъ-кому*... вовсе не думая о томъ, что выражаешься по славянски. Отчего бы нашимъ славянистамъ не передать къ общему свѣдѣнію самымъ нагляднымъ и впечатлительнымъ образомъ всѣ оттѣнки широкой, многочастной и многообразной славянской рѣчи, передавъ напр. одинъ и тотъ же литературный образчикъ какой нибудь (всею бы лучше разговоръ) на всѣхъ существующихъ нарѣчіяхъ, мѣвахъ и говоряхъ великаго племени нашего. Всею свѣту извѣстные (изъ *Kladderadatsch*) Шульцъ и Миллеръ сдѣлали всею свѣту извѣстнымъ плоско-нѣмецкій (*Plattdeutsch*) говоръ Германскаго племени. А наши несчетные писатели, вышедшіе изъ народа, никакъ не додумаются до мысли ознакомить хотя свой собственный людъ со всѣмъ разнообразіемъ его областной говѣри въ настоящихъ, живыхъ и вѣрныхъ образцахъ, на которые такъ мало похожи встрѣчаемыя иногда въ изданіяхъ „для народа“, смѣшныя и жалкія попытки поддѣлаться подъ его могучую, замысловатую, и полную своероднаго юмора, рѣчь. Послѣ нашихъ подобныхъ образчиковъ всенародной мѣви въ 10-ти и болѣе видахъ,

нашлись бы охотники сделать тоже самое и за границей, на славянскомъ югѣ и западѣ. Сравнительные словари славянскихъ нарѣчій — вещь безспорно хорошая, но имъ никогда не удастся своими тысячами страницъ сдѣлать то, чего достигнетъ придуманная подобнымъ родомъ христоматія (воиющее въ русскій смыслъ и слухъ слово) на 5—10 страничкахъ. Заговорился я по обычаю черезъ чуръ, привязавшись къ первому, что попало на языкъ. Но была и причина тому. Наслушавшись въ теченіи трехъ минувшихъ дней Болгаро-педагогскаго нарѣчія, и сличая его напр. хотя съ тою рѣчью, которою, во что бы нистало, хочеть прельстить насъ неотвязный г. М**, я воспламенился желаніемъ увидѣть въ двухъ-трехъ параллеляхъ хоть бы уже одно Болгаро-Македонское нарѣчіе. Помню, одинъ весьма почитаемый родолюбецъ, паче же боголюбецъ (на Авонѣ), утверждалъ, на основаніи читаемаго въ Евангеліи: *да прииде* (мати Господа моего ко мнѣ...), принадлежащаго исключительно Болгарской рѣчи, что Болгарское нарѣчіе имѣеть больше всѣхъ другихъ, сродныхъ ему, право называться *славянскимъ языкомъ*. Подстрекнутый любопытствомъ, я отыскалъ въ разсматриваемомъ Евангеліи сказанное мѣсто, но тамъ стояло грамматически неправильное: *да приидетъ*, т. е. будущее желательное вмѣсто прошедшаго сослагательнаго. И не диво. Текстъ Евангелія Сербскаго, такъ называемаго, извода, а Болгаре, завербовавшіе себя Кирилла и Меодія, ревниво отстаиваютъ свое первенство въ христіанствѣ, исторически взваливая на Сербовъ всякія ошибки... Возвратился въ теченіе дня и г. I**, утвердившій насъ въ намѣреніи ѣхать въ Охриду и оттуда... далѣе. Чтобы изгнать изъ насъ и послѣдній скрупулъ страха, онъ самъ предложилъ намъ себя въ спутники. Это было уже такое великодушіе, перадъ которымъ долженъ былъ стать всякъ глаголь. Рѣшено было потому за вечернимъ часомъ прогостить тутъ еще завтрашній день, какъ воскресный, да кому же

еще и заговѣльный, а послѣ завтра въ Понедѣльникъ и отправиться въ *Старую Болгарію*.

Толл-Манастиръ. 30 Мая. Воскресеніе.

То ли монастырь, что носить теперь на себѣ, повидимому безъ всякаго права, монастырское имя, или въ самомъ дѣлѣ былъ тутъ гдѣ-то, когда-то знаменитый какой нибудь, безъ вѣсти пропавшій, монастырь, съумѣвшій закрѣпить свое имя за всею окрестностью? Надобно отыскать что нибудь похожее на *монастырь*. Не даромъ же имя такое пристало городу. При первыхъ поискахъ отсрывается преданіе о существовавшихъ тутъ (гдѣ: *тутъ?*) 70 монастыряхъ. Припомнимъ рассказъ о 70 церквахъ Прилѣпскихъ... Слѣдуетъ заключить, что цифра 70 играетъ тутъ роль только круглаго числа или множества, въ родѣ французскаго: *infinité*. Но что нибудь осталось же отъ столькихъ обителей, кромѣ неуловимаго преданія? Церкви, кельи, стѣны, заросшіе холмы, урочища, земли, наконецъ — за недостаткомъ всего этого — древнія имена, истребить которыя часто не могутъ ни люди, ни вѣка, ни всѣ силы природы?.. Когда на то пошло, объявились близъ самаго города, на подошвѣ Перистерии, вдругъ два монастыря: *Бумескій* и *Христоворовъ*. Рѣшено было видѣть ихъ. Около полудня мы — трое всадниковъ — отправились въ путь, направляясь прямо къ югу. Погода отлично благопріятствовала поѣздкѣ. За городомъ перестрѣли по зеленому полю группы гуляющихъ. Подъ большимъ деревомъ цѣлая ватага греческаго юношества, распѣвающая патристическія пѣсни, коихъ не должно было слышать магометанское ухо. — Вонъ и нашъ артистъ тамъ же, замѣчаетъ компаньонъ. Но артиста тутъ уже не было. Тутъ былъ патристъ. Онъ не обратилъ на насъ ни какаго вниманія, хотя мы проѣхали весьма близко къ *partie de plaisir* юныхъ Ираклидовъ Пелагонскихъ. Все таже, роковая для потомства отставнаго полубога, колонизаціонная система продолжаетъ заявлять

себя между и теперь у племени, которое все учится, и все не научится самой простой и старой истинѣ, что сила народа заключается въ совокупности, а не въ разрозненности отдѣльныхъ личностей, и что всякое выселеніе съ роднаго мѣста равносильно народному самоуничтоженію. Но... фатума ни обойдешь ни перейдешь! Весь теперешній жгучій вопросъ Трако-Македонскій есть прямое послѣдствіе подобныхъ parties de plaisir людей, живущихъ ultra-практически, и на известный моментъ весьма пригоднымъ правиломъ: Ubi bene, ibi patria, но въ политическихъ комбинаціяхъ совершенно не приложимымъ къ дѣлу. Простирая собственный взядъ за предѣлы угла своего, поселенецъ привыкаетъ думать, что и все прочее есть тоже его собственность въ какомъ нибудь смыслѣ, хотя напр. въ смыслѣ *сво* отечества, но никакъ не додумается до вопроса: онъ-то самъ чья собственность? А когда вопросъ этотъ, послѣ множества родовъ и поколѣній, приметъ характеръ „вопроса жизни“, ему не останется ничего болѣе дѣлать, какъ выбрать одно изъ двухъ: или согласиться на нерадостную правду, что онъ пришлецъ и живетъ въ чужомъ мѣстѣ, или отдѣлываться отъ нея софизмами, паралогизмами, жалобами, бранью, всѣмъ, что можно натянуть и, такъ сказать, притянуть за волосы, въ подтвержденіе своихъ отрицаемыхъ *народныхъ* правъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, по притязанію другихъ мѣстъ, гдѣ онъ никогда не жилъ, но гдѣ живутъ такіе же проходивцы, или хотя переходивцы, успѣвшіе образовать изъ себя нѣчто сильное и цѣлостное... Но — опять мы толчемъ воду. Вотъ на подгорьи стоитъ невзрачная кучка зданій, обнесенная кое-какъ стѣнкой. Это и есть монастырь Вуковскій, получившій свое имя отъ сосѣдней деревни *Вуксем*. Было время послѣ—обѣденнаго отдыха, и потому не скоро мы были приняты о. Игуменомъ. Приѣмъ былъ, конечно, по всѣмъ правиламъ мѣстнаго этикета, но какой-то тяжелый, какъ бы сонный. Почтенный хозяинъ — человѣкъ лѣтъ за 40 съ темной и сухой физиогноміей — отдѣлывался самыми

краткими отвѣтами на вопросы наши и даже на привѣтствія наши. Равнодушно показалъ намъ свою, ничѣмъ незамѣчательную, церковь (Преображенія Господня), выстроенную вѣново при Митрополитѣ Пеллѣгонійскомъ Гераимѣ въ 1886 г., и также равнодушно объявилъ, что въ монастырѣ нѣтъ вообще ничего ни древняго ни рѣдкаго, стоящаго вниманія нашего. Послѣ чего намъ стоило только поблагодарить его за „ласковнѣй“ пріемъ, и отправиться, откуда прибыли. Такъ мы было и сдѣлали. Но на бѣду нашу на небо набѣжала туча, и мы напросились опять къ Игумену невольными гостями, переживая воздушную невзгоду. Оглушающій громъ мѣшалъ бесѣдѣ нашей. Вонарилось молчаніе. Гости мялись, хозяинъ жался. Вдругъ, за блескомъ молніи, раздался... запросъ Игумену о „пресловутомъ“ Буковскомъ Евангеліи, которое видѣлъ такой-то, изслѣдовалъ извѣстный знатокъ, описалъ неизвѣстный инярекъ и т. д., однимъ словомъ, громовый запросъ послѣдовалъ въ такой формѣ, что досточтимый начальникъ эконо-славянской обители, извѣстный своимъ нерасположеніемъ ко всему не — эллинскому, не могъ, если бы и хотѣлъ, увернуться отъ насъ. Онъ долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно есть „тамъ на поляхъ“ три-четыре *Булгарски стари книги* (сказано по болгарски. Вся же бесѣда наша шла по гречески), въ томъ числѣ можетъ быть и Евангеліе, но что ихъ отъ гнили страшно въ руки взять. Однакоже мы настояли на желаніи своемъ видѣть погнившее старье, въ чайнѣ отыскать въ немъ хоть что нибудь говорящее о прошедшемъ обителіи и самаго Витоля. Самъ Игумень, по своей новости въ монастырѣ и въ краѣ, ничего не могъ сообщить намъ въ этомъ родѣ. По приказу Настоятеля, послушникъ (составляющій повидному все братство монастыря) принесъ и положилъ передъ насъ 5 старыхъ рукописей. Видя, что мы имѣемъ предметъ, занимающій насъ, Игумень поспѣшилъ оставить насъ. Книги оказались слѣдующія:

1. Четверо-Евангеліе, на пергаментѣ. 4°, 26 × 18 фр. метра. 1

столбецъ. 20 тетрадей, изъ коихъ многія пополнены бумажными листами. Таково и начало книги. Первый кожаный листъ начинается словами... де престоупиша къ намѣмъ обученици нѣго и откѣрза оубѣтѣ есѣмъ оубашѣ... конецъ книги полный. Послѣ всего текста замѣчено: слава бѣѣ шъ есѣмъ. Затѣмъ слѣдовали еще 4 строчки, но въмѣ-то выскребены въ давнее время. Въ Евангеліи отъ Матѣя 355 началъ или главницъ. Марково Евангеліе оканчивается на 166-мъ. Текстъ Лукина обрывается на 340-мъ началъ. Въ Евангеліи отъ Іоанна всѣхъ началъ 225. Особенности, сколько я могъ замѣтить, — общія всѣмъ такъ названнымъ Сербскаго извода Евангеліямъ. Встрѣтилесь: ииѣи вмѣсто ннѣѣ, нѣтѣмъ вмѣсто: нѣѣѣѣѣ, понитгскомѣ вмѣсто: Понтійскому.

2. Прологъ. Мѣсяцы: Сентябрь, Ноябрь, Декабрь. Бум. въ листъ. 2 столбца. Начала нѣтъ. Сохранившееся начинается житіемъ Св. Апостола Іоанна Богослова. Оканчивается житіемъ Св. Мученицы Анниоѣи Солунской. Подъ 24-мъ Ноября положено житіе Св. Григорія Акрагантійскаго, а подъ 25-мъ Св. Мученицы и Философы Евтѣрины. Октября 1-го положено житіе Св. Преподобномученика Михаила отъ монастыря Зовы.

3. Минея. Мѣсяць Мартъ, бумага, въ листъ, 1. столбецъ. Безъ начала и конца. XVI—XVII вѣка.

4. Минея. Мѣсяць Ноябрь ¹⁾. Тоже. На первой страницѣ замѣчено: *Во имя оца и сѣа и сѣаго Дѣа. Азѣ крѣ. (!) Аванасіѣ прошеу-
монѣ сѣи оѣи прилагаю сѣю книжѣ сѣѣомъ оѣѣ шѣтѣмъ. Да кто щѣтѣ
отнѣсти отъ цѣркѣе или... да е проклатѣ отъ оѣа и сѣа и сѣѣо Дѣа
и ш сѣѣо шѣѣа въ сѣи отѣѣ и въ бѣдѣжѣи.* Другою рукою пониже при-
писано: *Малахиѣ повеа сѣю книжѣ ш Кратова.* Ясно, что книга при-
надлежала прежде Кратовскому монастырю Св. Отцѣе. Удалившию

¹⁾ Память и служба Св. Муч. *Екатерины* положены 24 числа, а 25 Свв. *Климента* и *Петра*.

оттуда на жительство въ монастырь Св. Іоакима, бывшій Игуменъ тамошній взялъ съ собой и принадлежавшія ему книги, которыя и пожертвовалъ въ свою новую обитель, въ которой, какъ видно, удерживалъ за собой титулъ игуменскій, отчего и зоветъ себя проигуменомъ. Но величать себя вмѣстѣ съ тѣмъ и Киромъ, т. е. *господиномъ* внушить могло ему одно только его славянство, которое не затрудняется иногда титуловать само себя и Великимъ Государемъ и Милостивымъ и Отцомъ, назвавъ себя по отчеству (на визитной карточкѣ), поддаться „кавалеромъ“, и пр.

5. Октоихъ, оказавшійся не рукописнымъ, а печатаннымъ въ Градчаницкой Митрополии въ 7047 (1539) году.

Ученая пожива наша въ Буковѣ, какъ видитъ читатель, была не велика. Но повторимъ заключительныя слова пераписчика вышепомянутаго Евангелія: *Слава Богу о всемъ!* Все же кое-что пріобрѣтено. Отыскался новый монастырь *Святаго Отца Іоакима*. Не дочеть до 70 монастырей, засвидѣствованныхъ преданіемъ, убавился на единицу. Гдѣ былъ Іоакимовскій монастырь, остается конечно неизвѣстнымъ. Не диво, если когда нибудь докопаются, что онъ здѣсь именно и былъ. *Буковскій* и *Іоакимовскій* — одно другому не противорѣчить. Можетъ быть вопросомъ еще имя *Іоакима*. Въ Овятцахъ нашихъ одинъ извѣстенъ, такъ называемый „Богоотецъ“ Іоакимъ, но онъ никогда и не пишется и не празднуется одинъ, а постоянно съ праведною Анною. Можетъ быть „Святой Отецъ“, давшій свое имя здѣшнему монастырю, былъ мѣстный преподобный Іоакимъ, неизвѣстный за предѣлами этой области. Туча прошла, не задѣвши насъ, и мы вслѣдъ за нею поѣхали отъ одной обители къ другой — по преднамѣренному плану. О. Игумена мы не нашли, чтобы поблагодарить за обязательное позволеніе видѣть „Българско Евангеліе“. Его сухость и холодность не шла согласно съ извѣстною мнѣ греческою привѣтливостію. Смотри на него, я все задавалъ себѣ вопросъ, не огреченный

ли это болгаринъ? Оказалось, что это — Влахъ, но не изъ Великой Дунайской Влахиі или по теперешнему Романіи, а изъ Эпиро-Фессалійскихъ Куцо-Влаховъ или горныхъ пастуховъ, знакомыхъ мнѣ еще по Греціи. Это бродячее безземельное племя, подобно цыганамъ, не имѣетъ причины ни любить кого нибудь по идеѣ, ни ненавидѣть, и готово служить первой силѣ и первой подачкѣ. Таковъ именно характеръ и нужень былъ Пелагонійскому Святителю, задавшемуся мыслию обратить *Буковскій* монастырь въ Греческій¹⁾. Но увы! Торговый духъ греческій не находитъ пригоднаго себѣ поприща въ стѣнахъ обители, и все населеніе ея, какъ мы видѣли, состоитъ доселѣ изъ одного Игумена, который — надобно отдать ему справедливость — дѣйствуетъ въ видахъ эллинизма почище настоящаго грека. Не странно ли? Въ Молдаво-Влахиі существуетъ поголовное ополченіе противъ всего греческаго, а тутъ волохъ распинается за грековъ! Явленіе поучительное. Мнѣ припоминается теперь, какъ лѣтъ за 12 передъ этимъ одинъ архимандритъ греческій (и кавалеръ Св. Анны), долго жившій въ Влахиі, прибывъ съ „золотыми“ конечно воспоминаніями о мѣстѣ своихъ подвиговъ — въ прекрасную, но нищую, землю отцовъ своихъ, говорилъ мнѣ, жалуясь: „Братъ ты мой любезный! Ненавидятъ насъ тамъ наши братья по вѣрѣ (и соперники по карману!), и не однихъ насъ, а и васъ, да еще — какъ“! Тогда мнѣ казалось, что преогорченный фанариотъ хочетъ только утѣшить себя, примѣшавъ ὕμῶς къ ἡμῶς. Но за тѣмъ уже не разъ я имѣлъ случай убѣдиться, что насъ пожалуй тоже не долюбливаютъ новые *Римляне*. Отчего бы это было? Не отъ того ли, что столько вѣковъ уже славяне упорно навязываютъ имъ свое писмо, а подѣ часъ и еще кое-что? Не вслѣдствіе

¹⁾ Ультрамонтанъ В. Nicolaidy, согласно сему предположенному огреченію, въ своей книгѣ уже называетъ монастырь: Βουκοπον. Удивляюсь, какъ не назвалъ его еще патристичѣе: Βουκολέων.

ли столько извѣстнаго положенія: „изъ огня да въ пламя“, вотъ они и оказываются на сторонѣ грековъ? А то, нѣтъ ли еще какой нибудь болѣе важной, просмтрѣнной исторіей, причины, какихъ нибудь старыхъ неконченныхъ счетовъ изъ темнаго періода Печенеговъ, Аваровъ, Комановъ, способствовавшихъ размолвкѣ „братьевъ“? Смѣшно признаться. При видѣ сухой, черствой, черномазой фигуры игумена, во мнѣ какъ бы воскресало представленіе *Печенега*, составленнаго еще на ученической скамейкѣ, какъ чего-то перепечѣннаго, потрескавагося и пригорѣлаго. Наша послѣднихъ временъ беллетристика помѣшалась на словѣ (безъ понятія): *мягкій*. Вотъ этого-то „мягкаго“ и не достаетъ о. Игумену, какъ несомнѣнно недоставало и *Паццимакамъ* Византійскихъ историковъ, такъ черство отнесшимся напр. хотъ къ нашему Сфендоселаву.

Нечѣмъ было занять души посерьезнѣе, оттого мысль и носилась отъ предмета къ предмету. За Святославомъ стоялъ уже Цимисхій и весь печальный дворъ Византійскій, а за нимъ да саро Римляне и т. д. Однообразная дорога благопріятствовала круженію представленій. Чуть мы спустились и поднялись, повернули и обогнули пересѣкавшій дорогу холмъ, какъ впереди уже показался и другой монастырь, зовомый Христофоровымъ. Близость обѣихъ обителей какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, не дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе о существованіи тутъ когда-то множества обителей, передавшихъ свое имя городу. Если *Битоль*, *Бетолья*, *Толи*... еще могутъ подавать поводъ къ сомнѣнію въ томъ, то турецкое имя *Монастиръ* закрѣпляетъ вѣру въ него. Откуда туркамъ взять это слово, какъ не отъ монастыря? Христофоровская обитель оказалась еще менѣе и невзрачнѣе Буковской. Церковь выстроена тоже лѣтъ за 30 передъ этимъ. Видно, что одна и таже добрая и властная воля дѣйствовала и тамъ и здѣсь. Начальства монастырскаго мы не застали, и сами себя руководили по монастырю. Сверхъ всякаго чаянія попали на одну замѣчательную древность — цѣлокаменный саркофагъ языческаго времени въ 2 метра длины, 0,72 ширины

и 0,62 высоты. Его нашли на соседней нивѣ и поставили въ притворѣ церкви. Крышка же его угодила на украшеніе водотечи на дворѣ монастырскомъ. Ни надписи, ни рельефныхъ украшеній онъ на себѣ не имѣетъ. Видно такимъ образомъ, что поблизости монастыря, а можетъ быть и на самомъ мѣстѣ его, была въ древности селитва чело-вѣческая, и притомъ не изъ дюжинныхъ. Мало того. Видно, что селитва эта продолжала быть значительною и въ христіанскія времена. Въ сѣверномъ окнѣ. церкви, раздѣленномъ столбикомъ на византійскій образецъ, мы увидѣли вставленную мраморную плиту съ древнею христіанскою надписью, къ сожалѣнію разбитую въ длину на три части или и болѣе, изъ коихъ сохраняются только двѣ. Надпись надгробнаго значенія и состояла изъ 9 строкъ. Въ теперешнемъ обрубленномъ и искаженномъ ея состояніи, только съ помощію догадокъ можно дать ей нѣкоторый смыслъ¹⁾. Видно что дѣло идетъ о *кончинѣ, случившейся въ Ноябрь мѣсяцъ въ пятницу, какого Марка, по поводу чего и призываются Святые Апостолы и ученики принести молитву владыкѣ Спасу Христу о (упокоеніи) души его.* Года нѣтъ, но характеръ буквъ вообще и въ частности буквъ: А, Ω и широкаго О выносятся надпись въ глубокую христіанскую древность, одной эпохи съ Воденскими эпитафіями. Когда и гдѣ отыскана плита, некому было объяснить намъ. Мнѣ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что мы находимся по близости древней *Иракліи Лижковой.* О давности монастыря и о его прошедшемъ, а равно и о происхожденіи его имени, мы ничего не могли дознаться. Но что онъ, наравнѣ съ Буковскимъ, былъ славянскою обителью, это свидѣтельствуетъ его единственная

¹⁾ (Μηνὶ Ν) οεμβρ(ιω, ἡμέρᾳ π) ἀρασκευ (ἡ. Ἀνεπαύσατο ὁ(δοῦλος τοῦ Θεοῦ) κάρκως... εναμψ... πα...ον (δ)εξάμε(νοι οἱ) ἅγιοι Ἀπ(όστο)λοι καὶ μα(θηταί) σπρο(φῆ)ται τῷ δ(εσ)πότῃ (καὶ) Σωτῆρι Χριστῷ πρ(εσ)ευόντε(ς... ἀῆναι τ(ὴν ψ)υχῆ(ν)αὐτοῦ. Въ собственномъ имени хотя ясно видится начальная буква К, но конечно вмѣсто нея должно стоять М.

старая рукописная книга: *Сборникъ похвальныхъ словъ* или *Метафраза*, безъ начала и конца, XVII вѣка, хорошаго славянскаго письма, незамѣчательная впрочемъ ничѣмъ, кромѣ своей единственности.

Солнце уже склонялось къ западу. Приѣхавшіе вѣроятно еще съ утра въ горнюю обитель подышать чистымъ воздухомъ горожане собирались обратно въ свой дымный и сырой городъ. Мы, такъ сказать, показали имъ дорогу, пожелавши на прощаніе обители... обитателей. Возвращаясь прямою дорогою во свояси, мы проѣхали мимо заведенія кислыхъ водъ, гдѣ встрѣтили большую публику и не мало солдатъ. Оба наши были тамъ на прокладѣ. Нашъ колонновожатый привѣтствовалъ сановниковъ, какъ знакомый. Этикетъ требовалъ, чтобы и мы сошли съ своихъ лошадей. Съ напускнымъ вниманіемъ разсматривали и испытывали мы цѣлительныя воды, ставши въ свою очередь предметомъ дѣйствительнаго вниманія и наблюденія со стороны всѣхъ гулявшихъ. Въ городѣ уже ходили слухи, что новый Москофъ-Консулъ привезъ съ собою цѣлый штабъ сестеръ милосердія... Откуда до самаго города дорога идетъ ровная экипажная. Лошади, настроившись въ духъ арабскихъ бѣгуновъ, принадлежащихъ посламъ и ихъ свитѣ, и едва сдерживаемыхъ сенсами (конюхами), не удержимо понесли насъ во весь махъ. Оставалось молить Бога, чтобы остаться въ живыхъ. Получасовое разстояніе мы пролѣтели въ 5 минутъ. Удержала наше отчаянное стремленіе только городская мостовая. — За то, показали *имъ* себя! съ торжествомъ произнесъ мой горячій патріотъ. Для меня же осталось подъ сомнѣніемъ, точно ли мы въ этомъ героиствѣ показали себя, или только лошадиныя ноги.

Но было и настоящее: „за то“. Посмотрѣвъ на часы, мы нашли, что у насъ еще осталось довольно времени, чтобы посѣтить жилище митрополита или собственно прилегающій къ его дому садъ, въ которомъ, какъ говорили, не мало собрано камней съ древними надписями, доставляемыхъ изъ разныхъ мѣстъ владыкъ, извѣстному

своею любовію (?) къ древностямъ. Сказано — сдѣлано. Визита нашего тамъ давно уже ждали, и приглашали „на верхъ“ пожаловать, чуть только мы появились. Но мы, сославшись на низкое солнышко, просили позволенія остаться въ саду. Не мало, дѣйствительно, видѣлось кусковъ блага мрамора, разставленныхъ то тамъ, то сямъ на садовыхъ дорожкахъ. Три изъ нихъ имѣютъ надписи, всѣ греческія; на одномъ обручкѣ колонны вышиною въ аршинъ и около двухъ четвертей въ діаметрѣ, читается (въ переводѣ): *Аврелій Юліанъ Аврелію Амiанту сожигательницу, равную Артемидѣ. Воздвигъ по повелѣнію богини* ¹⁾. Собственное имя *Амiанты* (непорочной) въ связи съ намекомъ на равенство *Артемидѣ* (Діанѣ), говоритъ какъ будто о дѣвствѣ сожигательницы, явленіе, конечно, рѣдкое въ языческомъ мірѣ. „Богиня“ очевидно разумѣется сама Артемида. Жаль, что достохвальный сожигатель не объяснилъ, какимъ способомъ ему открыта была воля богини, видимо не равнодушной къ своей подражательницѣ. Могъ бы ктонибудь отъ такого ревниваго божества ожидать скорѣе казни новой Ніобѣ, дерзнувшей сравняться съ нимъ, чѣмъ ласки и почести. Развѣ предположить, что къ вѣку Авреліевъ и Аврелій и самыя божества колониальной Греціи присмирѣли и сдѣлались человѣчнѣй подъ римскою ферулой. Другая надпись, начертанная на капители бывшей колонны большихъ размѣровъ, странная и необычная уже по сему одному обстоятельству, представляется смѣсью строкъ и разнохарактерныхъ буквъ, то совершенно отчетливыхъ, то почти сглаженныхъ, изъ коей нельзя вывести никакого заключенія о ея значеніи и назначеніи. Мы довольствуемся передачей ея въ возможно вѣрной копіи для любителей древности. Капитель Ионическая.

¹⁾ Αὐ(ρη)λιος Ἰουλιανὸς Αὐ(ρη)λίαν Ἀμιάντην τὴν σύμβιον. Ἀνέθηκον κατὰ κέλευσιν τῆς Θεοῦ. Надпись принадлежитъ конечно II вѣку по Р. Х., когда сдѣлалось известнымъ императорское имя *Аврелии*.

Буквы надобно представлять, потому, идущими частью по цилиндрической поверхности ствола капители, частью по завиткамъ, улиткообразно выходящимъ въ двѣ противоположныя стороны. Обѣ эти надписи доставлены на мѣсто изъ селенія *Вашиарейцы*, по турецки: *Аккечели*, не отыскиваемаго на картахъ. Третія, самая любопытная, надпись состоитъ изъ 13 длинныхъ строкъ. Содержаніе ея слѣдующее: нѣкто *Филонъ Кононовъ* на совѣтѣ, собранномъ Политархами (градоначальниками)... Филиппова въ *Дерриотъ*, держалъ рѣчь о своемъ дядѣ *Веттій Филоновъ*, и объявилъ, что тотъ, высоко почитая свою родину, оставилъ ей по завѣщанію 534 (монетъ?) для получения по нимъ ежегодныхъ процентовъ. Составленъ же актъ этотъ передъ выборными предсѣдателями: *Филиппомъ Посидипповымъ*, *Орестомъ Орестовымъ* и *Тралломъ Макновымъ*, въ мѣсяцѣ *Дэсѣ*, 243 (70 до Р. Х.)¹⁾. Изъ дарственной записи этой видно, что и подъ Римскимъ владычествомъ Македонскіе города пользовались полнымъ самоуправленіемъ, имѣя свою палату и своихъ градоначальниковъ или точнѣе граждано-на-

¹⁾ Παρά Φιλίππου τοῦ Ποσιδίππου, Ὁρέστου τοῦ Ὁρέστου, Τραλλοῦ τοῦ Μάχνου, — τῶν ἀποκληρωθέντων προέδρων δόγματος ἀναγραφῆ. Τῆς ζ' τοῦ Δαισίου μηνὸς τοῦ ΓΜΣ ἔτους. Τῶν περὶ βα. αρον Φιλίππου ἐν Δερρίσπῳ πολιταρχῶν, συναγαγόντων τὸ βουλευτήριον, κ(αί) Φίλωνος τοῦ Κόνωνος ποιησαμένου λόγους περὶ Ἰουεττίου Φίλωνος τοῦ θείου, κ(αί) προσαγγείλλαντας, ὅτι κ. γερῶν τὴν ἑαυτοῦ πατρ(ι)δα ἐταίμησε μεγάλως, κ(αί) τελευτῶν οὐδὲ τῆς κατὰ τὴν βουλὴν τεμῆς ἡμέλησεν, ἀλλ' ἄφιεν αὐτῇ κατὰ διαθήκην ΔΛΦ. εφωκτων κατ' ἐνιαυτῶν γεινομένων τόκων. Чтеніе затрудняется на словахъ: 1) Τράλλουоу внутри буквы о видится легкое υ, что вмѣстѣ составило бы: ου — окончаніе род. падежа. Но въ такомъ совсѣмъ лишнее, состоящее за о еще вторичное ου, да еще и въ небольшой формѣ ς, свойственной позднѣйшему времени. 2) Μάχνου стоитъ вѣроятно вмѣсто Μάγνου. 3) Περιβα. αρον одно ли это слово, или надобно читать раздѣльно: περὶ и βα. αρον. Последнее вѣроятнѣе, но чтеніе его трудно установить. Третья буква сглажена, вторая похожа и на α и на λ. 4) θείου — имѣетъ значеніе и «дяди» и «спокойника». 5) κ. γερων — писано вязью нерѣшиною. Предположительно стоитъ вмѣсто: γεραιρων. 6) Εφωκτων одно ли это слово, означающее наше: 6%, или состоитъ изъ ἐφ' ᾧ ἐκ τῶν, или по опяскѣ поставлено вмѣсто: ἐφικτῶν, или еще вваче какъ, рѣшить не можемъ.

чальниковъ. Къ сожалѣнію, имя роднаго города жертвователя написано весьма нечетко. Можно бы гадать, что дѣло происходило въ упомянутой нами *Персеидѣ Филипповой*, но темное и сбивчивое слово требуетъ непременно имени, оканчивающагося на... *αρος* или *αρον*¹⁾. Но былъ ли тутъ какой нибудь городъ съ такимъ окончаніемъ въ древнія времена, неизвѣстно. Въ моихъ справочныхъ книгахъ такого не оказывается. Камень, найденъ въ селеніи: *Чепигово*, тоже не означенномъ на картѣ. Тамъ, значить, и нужно искать остатковъ Филиппова имя рекъ города.

Идучи домой, мы завернули въ квартиру Англійскаго Консула г. Кальверта, большаго любителя древностей, скупившаго также, въ числѣ прочихъ вещей, и нѣсколько камней съ древними надписями. Мы ихъ могли только осмотрѣть сегодня. Сумерки мѣшали заняться списываніемъ. На случай, мы выпросили позволеніе, завтра, чуть свѣтъ, не тревожа никого, придти прямо въ садъ, гдѣ разставлены вѣще антики, и заняться списываніемъ ихъ. Насъ предупредили впрочемъ, что ихъ уже многіе европейцы приходили и списывали, и что вѣрно они извѣстны уже всему свѣту. Чтожь? тѣмъ больше причинъ списать ихъ, значить, стѣять того. Впрочемъ ихъ всего на все — 4. Дома я продолжалъ приводить въ порядокъ свои замѣтки, а компаньону вышалъ жребій собираться въ путь — дорогу. Когда я за вечернимъ чаемъ

¹⁾ А что, если это просто: *Βαρος* т. е. *Варошъ*? Въ Греческомъ лексиконѣ приводится слово: *Βαρις* — дворець, замокъ, крѣпость. Слово, очевидно не греческое. Но на столько же оно и славянское, чтобы, не разъ встрѣчаясь на теперешнихъ картахъ Балканскаго полуострова въ областяхъ чисто славянскихъ, дать этимъ самымъ поводъ считать себя результатомъ славянской рѣчи и жизни. Смутно припоминается это же, или весьма близкое къ нему, имя фигурирующимъ при взятіи Иерусалима Титомъ, и тоже въ значеніи укрѣпленія или замка. Латинскому языку оно также не принадлежитъ. Турковъ оно конечно предупредило собою здѣсь. Что же? Остается назвать его древне-Македонскимъ, Пеонійскимъ, Дерріонскимъ.

хвалился археологическими успѣхами дня, дорогой хозяинъ сказалъ, что и онъ тоже въ теченіе какой нибудь одной недѣли успѣлъ уже открыть древность, современную самому Гомеру. — Да вотъ она тутъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я ищу глазами чего нибудь не бывалаго. Антикъ заключался въ стоявшей передъ нами бутылкѣ, полной вина, называемаго по гречески: ἡλιαστμένον, что можно бы перевести: *просолженное*. Оно есть, хотя мѣстное произведеніе и весьма недавней даты, но извѣстно было еще Гомеру, какъ увѣрялъ амфитріона одинъ бывший съ визитомъ, мѣстный ученый. Не справляясь ни съ Илядой ни съ Одиссеей, мы попробовали антикварнаго вина, нашли его отличнымъ по вкусу и лѣкарственнымъ по свойству, т. е. говоря прямо, — усыпительнымъ до того, что порекомендовали его какому-то отсутствующему лѣкарю давать своимъ пациентамъ вмѣсто морфина. Въ самомъ дѣлѣ, его ли дѣйствіе или утомленіе дневное, навели тутъ же за самоваромъ такую неодолимую дремоту, что весь обстоятельный рассказъ о способѣ приготовленія его не оставилъ по себѣ въ памяти никакого слѣда. Помню только одно заключеніе рассказа: „взять его съ собою“!

Еще *Румелия*. 31 Мая. Понедѣльникъ.

Итакъ... *finis Rumeliae!* Съ этими словами я и проснулся. Они были финаломъ соннаго разговора моего съ кѣмъ-то по латыни, какъ будто опять съ Мальтійскимъ сенаторомъ, съ которымъ мы вмѣстѣ плыли въ 1852 г. на пароходѣ и усердно бранили протестантское правительство острова, подкапывающееся подъ католическую церковь островитянъ. Причина же ночнаго латинства моего заключалась конечно въ видѣнной мною вчера у Англійскаго Консула Латинской надписи языческаго времени, съ датой: *anno mundi...* Невозможная вещь! Оттого, конечно, она и засѣла въ память глубже всего прочаго. Но *finis*-то оказался на сей день неоправдавшимся. Вышло, что сего —

дня понедѣльникъ, тяжелый день, въ который „даже и медвѣдь не выходитъ изъ своей берлоги, а только поворачивается съ боку на бокъ“. Ктому же совпали и послѣднее число мѣсяца и первый день поста, — столько причинъ, внушавшихъ пребываніе in statu quo... у меня же кстати оставалась еще на совѣсти не конченная работа археологическая. За ночь ее даже прибыло. Когда я наводилъ вчера вечеромъ свои карандашныя коши черниломъ, мнѣ сказали, что онѣ списаны мною не всё, что въ томъ же саду владычнемъ есть еще одна большая надпись греческая съ славянскимъ именемъ *Пуда*. Такой я дѣйствительно не видѣлъ. Слѣдовало всячески отправиться и списать ее. Я началъ именно съ нея, оставивши Кальвертовы камни съ неудобоваримымъ: *anno mundi*, какъ говорится, на закуску. Извинился передъ хозяевами владычнаго сада въ частомъ безпокойствѣ, и безъ труда отыскалъ камень, во всемъ подобный видѣнному вчера и составляющій какъ бы дополненіе къ нему, второй томъ парламентскаго акта Деріоповъ. Надпись состоитъ изъ 15 строкъ такого же точно письма и видимо одного съ предыдущею времени. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее: *День, въ который правится праздникъ Уэттія Волама, бываетъ за 14 ноябрскихъ календъ... Угодно было Совѣту принять честность и намѣреніе мужа по статьямъ, прописаннымъ въ его завѣщаніи, получить серебро, и править ежегодно праздникъ Уэттія Волама на проценты, и ничего изъ преждеписаннаго капитала совершенно не издерживать на другія потребности, ни изъ самыхъ процентовъ съ него, но (поступать), какъ хотѣлъ давший Филонъ. Серебро сосчиталъ и принималъ Денежный Старатель Совѣта, Луцій Лукрецій Пудъ¹⁾.*

¹⁾ Ἡμέρα ἡ ἄγουσα Οὐεττίου Βωλάνου ἐορτάσιμον (ἡμέραν, πράξιν. τελετὴν) εὐωχῆται τῇ πρὸ δεκατεσσάρων καλανδῶν Νοεμβρίων. ἔδοξεν τῇ Βουλῇ τὴν τοῦ ἀνδρός σεμνότητα καὶ βούλησιν ἀποδέξασθαι ἐπὶ τε ταῖς ὑπ' αὐτοῦ κατὰ τὴν διαθήκην γεγραμμέναις αἰρέσεσιν, τὸ τ' ἀργύριον λαβεῖν καὶ κατ' ἐνιαυτὸν ἄγειν τὴν τοῦ Οὐεττίου Βωλάνου

Надежда моя объяснить эту надпись темныя мѣста вчерашней не оправдалась. Имя мѣста, гдѣ свершенъ актъ правительственный, не повторилось болѣе. Ни названіе единицъ пожертвованной суммы, ни количество процентовъ съ нея не означены въ другой разъ. Остается потому довольствоваться высказанными вчера соображеніями. Что дѣло здѣсь идетъ о томъ же самомъ *Уэттѣ*, это очевидно, но отчего же въ той надписи онъ не названъ *Воланомъ*, а на противъ, какъ будто именно въ замѣну этого прибавочнаго названія (или прозванія), онъ поименованъ тамъ *Филономъ*. Грамматическая послѣдовательность двухъ сряду собственныхъ именъ въ родительномъ падежѣ Ουεττίου и Φίλωνος даетъ возможность переводить послѣднее и: *Филона* и: *Филонова* (сына). Для выраженія послѣдней флексіи требовался бы, впрочемъ, опредѣленный членъ той передъ именемъ: Φίλωνος, такъ какъ этому правилу слѣдуетъ надпись въ 4-хъ другихъ случаяхъ. Не менѣе Уэттіа обращаетъ на себя вниманіе и Казначей Совѣта *Луцій Лукрецій Пудисъ*. Два первыхъ имени очевидно Латинскія. А въ послѣднемъ, какъ не рискнуть, въ самомъ дѣлѣ, не усмотрѣть славянщины? Изъ святцевъ нашихъ мы уже знакомы съ именемъ Апостола (изъ 70) *Пуда* (См. 4-го Января и 4-е Апрѣля). Къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно о его родѣ и мѣ-

εορτάσιμον ἐκ τῶν τόκων ἡμέραν, καὶ μήτε τοῦ προγεγραμμένου κεφαλαίου ἅπαν ἀλίσκεν τι εἰς ἑτέραν, μήτε τοῦ κατ' ἐναυτὸν γινομένου τόκου, ἀλλ' ὡς ὁ δοὺς Φίλων ἠθέλησεν. Τό τ' ἀργύριον ἠριμύησατο καὶ παρέλαβεν ὁ ἐπιμελητὴς τῶν τῆς Βουλῆς δηναρίων, Λούκιος Λουκρήτιος Πούδης. Εὐωχῆται — до слова *пирруется*, т. е. проводится въ пиршествахъ. Νοεμβρίων. Замѣчательно это римское названіе мѣсяца, тогда какъ въ предшествовавшемъ актѣ употребляется Македонское названіе мѣсяцевъ. Σεμνότητα въ точности не переводимое на нашъ языкъ слово. Имъ обозначается и честность, и степеньность, и скромность, и почтительность, и благочестіе. Ουεττίου Βολάνου. Vettia gens — одна изъ извѣстныхъ римскихъ до-императорскихъ семействъ, пользовавшихся отъ республики правомъ бить свою монету. Встрѣчаются монеты прямо съ именемъ Vettii Bolani, бывшаго проконсула Смирны. Оказывается, такимъ образомъ, что родиной этого савонника была вышняя деревня *Четново*.

стороженіи. Возможно, что и онъ, со многими другими, былъ родомъ изъ Македоніи, но далѣ этого предположенія некуда пойти. Конечно, въ греческомъ языкѣ не отыщется подходящаго корня для имени Πούδης, только есть ли такой и въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ? Мало ли чего можно найти въ русскомъ языкѣ, о чемъ и неслыхали никогда ни Болгаре ни Сербы ни другіе заграничные единоплеменники наши. По крайней мѣрѣ здѣсь въ Битолѣ и понятія не имѣютъ о нашемъ *пудѣ*. А помню, одинъ грекъ, хорошо знавшій по русски, въ укоръ нашей подражательности, увѣрялъ меня, что мы свой пудъ цѣликомъ взяли у французовъ, вмѣстѣ съ манерами, сортами, модами и пр. Предоставляю судить знатокамъ дѣла ¹⁾).

Съ нетерпѣніемъ спѣшилъ я изъ одного разсадника древностей въ другой. Annus mundi не давалъ мнѣ покоя. По сдѣланному вчера соглашенію, я прямо изъ воротъ квартиры г. Кальверта направился въ садикъ къ римскому камню. Это — надгробная стоячая плита бѣлаго мрамора въ 0,67 фр. метра ширины и въ 1,55 вышины, изъ коихъ — идя снизу — 85 заняты 9-ти строчною надписью, 50 рельефнымъ изображеніемъ двухъ фигуръ: отходящей изъ міра и прощающей ся съ нею, и остальные 20 входятъ въ родъ фронтона, вѣнчающаго памятникъ. Надпись по римскому обычаю сдѣлана съ частыми усѣченіями словъ, и особенно собственныхъ именъ, и кое-гдѣ потерта. Оттого отчетливое списываніе ея потребовало не мало соображенія и времени. На сколько я могъ понять, въ ней содержится слѣдующее: *Кай Юлій Вассъ, Кайевъ сынъ, Мецеовой трибы, Пелаговецъ изъ отпускныхъ ветера-*

¹⁾ Всѣ эти разсужденія о *Пудѣ* греческомъ и славянскомъ ви къ чему не ведутъ. Ихъ разбиваетъ въ прахъ латинскій текстъ 2-го посланія Апостола Павла къ Тимошею, гдѣ (гл. IV, ст. 21) Апостолъ Пудъ поименованъ Ριδεπς. Переформированіе этого имени въ греческое Πούδης слѣдуетъ совершенно тому же лексическому закону, какъ и Στεπενς передѣланное въ Κλήμης, Valens — въ Ουάλης и т. д. Намъ, чтобъ быть послѣдовательными, слѣдуетъ потому переписать своего *Пуда* въ *Пудента*.

новъ, изъ VIII легиона Августова. Служилъ 25 лѣтъ. Жилъ 75 лѣтъ. *Наслѣдники (?)*: Кай Юлій Цэніалъ, и Кай Юлій Олимпъ, и Кай Юлій Экспедитъ, и Кай Юлій Феликсъ. Поставилъ А. М. за 60 динарiевъ ¹). Никакаго лѣтосчисленiя въ надписи нѣтъ и признаковъ. Соблазвившiя вчера меня А. М., если не суть начальныя буквы имени и прозванiя рѣзчика, то весьма могутъ означать: Ad mercedem. Четыре Кайя Юлія очевидно суть дѣти Кайя Юлія Басса. Жилъ покойникъ несомнѣнно во время первыхъ императоровъ римскихъ Августа — Калигулы. Изъ греческихъ надписей первая начертана на обломкѣ колонны въ 0,85 фр. метра вышины и въ 0,28 въ діаметръ, состоитъ изъ 9 строкъ и содержитъ слѣдующее: *Года 267. Фронтонъ Діонисіевъ Стиверреецъ, начальствующій вмѣсто Діонисія, Агораномова сына, столбы (эти) сдѣлалъ* ²). Сотенная цифра года можетъ подлежать сомнѣнію. Въ томъ видѣ, какъ теперь она представляется глазамъ, она не похожа ни на какую изъ буквъ алфавита. Городъ *Стиверра* извѣстенъ древнимъ историкамъ. Онъ находился въ Дерріопiи, и значить тутъ недалеко отъ насъ. Жаль, что не у кого было освѣдомиться, гдѣ найденъ камень съ надписью. Вѣроятно, археологи ad hoc уже отыскали мѣстность Стиверры. Жесткіе и дерущіе звуки этого имени, какъ бы сами просятъ на знакомый намъ Трескавецъ, гдѣ былъ же вста-

¹) C(aius) Iulius Bassus, C(ai) f(ilius), Ma(ecia tribu), Pelago, mis(sus) Vete(ranus) ex leg(ione) VIII Aug(usta) mil(itavit) ann(os) XXV, vixit ann(os) LXXV. H. r. d. f. (Haeredes... filii? fuerunt? fecerunt?) C. Iulius Cas (f? r? p?) nialis et C. Iulius Olympus et C. Iulius Expeditas et C. Iulius Felix. Paxit. A. M. denariis LX.

²) *Ετους ΖΞ? Φροντών Διονυσίου Στιβερραῖος ὁ ἀντάρχων Διονυσίου τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀγορανόμου τοὺς κίονες ἐποίησεν). Конецъ послѣдняго слова сплаженъ. Στιβερραῖος... По Стравону въ странѣ Дерріоповъ были три города: Βρυάτιον, Ἀλαλκομένα и Στύμβαρα. Поливій пишетъ послѣдній: Στύβερρα, согласно съ нашею надписью. У Тита Ливіа онъ зовется: Stuber. Ἀντάρχων въ греческихъ лексиконахъ не встрѣчается. По аналогіи съ столькими другими, подобнаго склада словами, надобно заключить, что здѣсь частица: ἀντί означаетъ: *вмѣсто* (лат. Vice), а не *противъ*. υἱοῦ — ошибочно вмѣсто υἱοῦ.

рину какой-то безымянный городъ. Впрочемъ, не надобно терять изъ виду, что еслибъ и было извѣстно мѣсто, откуда доставленъ Фронтонъ камень, еще не слѣдуетъ заключать, что тамъ и находился городъ Стиверра. Фронтонъ могъ быть Стиверрейцемъ, а жить и чертить надписи совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь нѣсколько словъ о самой надписи. Что она такое? Не эпитафія, не судебный актъ, не похвальный листъ, не „возложеніе“, ничего въ подобномъ родѣ. Широколобый Стиверрянинъ кажется хотѣлъ только заявить вѣкамъ грядущимъ, что онъ исправлялъ должность начальника въ своемъ мѣстѣ, а начальникъ этотъ (если только не отецъ его) былъ не кто нибудь изъ простыхъ людей, а сынъ Агоранома, т. е. базарнаго смотрителя!.. Такого рода обстоятельство, по Стиверрійскимъ понятіямъ, слѣдовало увѣковѣчить памятникомъ. Шуги надъ нимъ сколько хочешь, а онъ достигъ своей цѣли. Вторая греческая надпись надгробнаго значенія начертана на могильномъ памятникѣ, во всемъ подобномъ Бассовому, вышиною въ 1,39 фр. метра и шириною въ 0,57. Также въ верхней половинѣ своей имѣетъ изваянныя фигуры, а въ нижней 5-ти строчную надпись гласящую такъ: *Юлія Александра Γ(αίη?) Юлію Александру (своему) сыну... Александръ Ант(оній) Юліевъ — Юлія Александръ матери. Изъ своихъ (денегъ) поставили (надгробный сей памятникъ) ¹⁾*. Соорудителей памятника было такимъ образомъ двое: мать и сынъ. Встрѣчается однакоже неразрѣшимое затрудненіе, усугубляемое поврежденіемъ слова, существенно важнаго для опредѣленія смысла. Вторая Юлія Александра была мать или дочь Александрова? Отъ слова, опредѣляющаго это, осталось только окончаніе... τρι, общее и μητρι — матери и θυγατρι — дочери. Но какое бы ни принять чтеніе, все ос-

¹⁾ (Γο)υλία Ἀλεξάνδρα Γ. Ἰου(λίω) Ἀλεξάνδρω τῷ υἱῷ. Ἀλέξανδρος Ἀντ. (Γο)υλίου Ἰουλίᾳ Ἀλεξάνδρα τῇ (μη)τρὶ ἐκ τῶν ἰδίων ἔσθησαν. Начало всѣхъ пяти строкъ сглажено временемъ.

тается не рѣшимымъ, какъ могъ умершій сынъ ставить кому бы то ни было памятникъ. Развѣ сынъ и мать хотѣли поспорить въ великодушія и заказали общій другъ другу памятникъ, для обоюднаго прославленія въ потомствѣ? Повидимому — такъ. И чтобы окончательно убѣдить въ томъ всѣхъ и cadaго, люди позаботились прибавить замѣтку, что сдѣлали это на *свои* деньги. Если и этотъ памятникъ стоилъ 60 динарiевъ, то выйдетъ, что сынъ для матери и мать для сына издержали по семи рублей съ половиной — на наши деньги... Потомство можетъ воспользоваться такимъ урокомъ. Последняя надпись принадлежитъ христіанскому времени, и тоже имѣетъ значеніе надгробія. И въ началѣ и въ концѣ ея стоитъ изображеніе креста. Она говоритъ слѣдующее: *Здѣсь покоится Спуркіонъ воинъ, хорошо прошедшій годы привременной жизни, благочестно же преставившійся отъ здѣшняго житія индиктіона 13, мѣсяца іюля, въ четвертокъ, котораго принявши упокой Христе молитвами Святыхъ*¹⁾. Надпись замѣчательна характеромъ письма, какого мнѣ еще не удалось встрѣтить между тысячами видѣнныхъ мною греческихъ рукописныхъ памятниковъ изъ всѣхъ эпохъ эллинской письменности. Жаль, что нѣтъ возможности опредѣлить ея время. Ея три даты: индикта, числа мѣсяца и недѣльнаго дня даютъ слишкомъ широкую рамку для того, чтобы покуситься отыскать въ ней мѣсто для надписи. Двѣ числовыя (если только числовыя) буквы, видимыя въ концѣ ея, какую должны составить цифру, нелегко рѣшить. Вторая изъ нихъ несомнѣнно 9. Первая же, совершенно необычная въ греческой графикѣ, похожая на наше 4, если должна замѣнять собою скорописное

¹⁾ — Ἐνθάδε κίτε (καίται) Σπουρκίων στρατιώ(της), καλῶς πορευθί(εις) τῆς ζωῆς προσέ(αι)ρου χρόνον, σεμνῶς δὲ μεταστάς τοῦ ἐνταῦθεν βίον(βίου). ἰνδ. ΠΙ. Μην. Ἰουλίου κϛ. ἡμ. Εἰ δὲν προσδεξάμενος Χε ἀνάπαυσον εὐχῆ(αι)ς τῶν Ἁγίων. S405 — Начертано на толстой мраморной плитѣ почти квадратной (41×35) съ фронтономъ наверху въ 0,15 фр. м. вышиною. Надпись находится въ совершенной сохранности.

4 или 9, то даетъ цифру 90. Но христіанское счисленіе на Востокахъ, ни Селевкидское ни міробытное, съ 99-мъ годомъ, возможно только по „эръ Мучениковъ“ или Діоклитіановой, начинающейся 285 годомъ по Р. Х. Прибавивъ къ этому числу 99, получимъ 383-й годъ христіанскій. И по составу своему и по характеру письма и по множеству орографическихъ ошибокъ наша надпись пожалуй и подошла бы къ этому времени ¹⁾, такъ мало оставившему по себѣ письменныхъ памятниковъ, но употреблялась ли эта, весьма мало распространенная эра (особенно безъ прямого указанія на лице Діоклитіана) въ Македоніи? Весьма сомнительно. Можно бы думать, что ставившій числовой знакъ 4, имѣлъ въ виду столько обычное с, т. е. значокъ (или сложныя буквы στ) 5, соотвѣтствующій цифрѣ 6. Тогда сумма цифръ выражала бы число 6009, т. е. 501-й годъ по Р. Х. Къ сожалѣнію, и такъ не выходитъ. Этому году соотвѣтствовалъ 9-й, а не 13-й индикціонъ. Для охотниковъ хронологическихъ вычисленій мы передаемъ въ точномъ fac-simile всю надпись ²⁾. Странно слышать христіанское имя (очевидно Латинскаго происхожденія), имѣющее такой не хорошій смыслъ. Spureus значитъ: нечистый, мерзкій... Если и предположить, что носившій его, жившій и вѣроятно воспитавшійся на греческомъ

¹⁾ Затрудненіе въ индикціонѣ. 383-му году соотвѣтствовалъ 11-й, а не 13-й индикціонъ.

²⁾ На досугѣ мы сосчитали всѣ годы, которымъ соотвѣтствовалъ 13-й индикціонъ, за цѣлый періодъ отъ 310 г. по Р. Х., т. е. года прекращенія гоненій до 900 года—крайняго предѣла для надписей съ подобнымъ графическимъ характеромъ—и нашли ихъ числомъ 40. Изъ нихъ только на четыре приходилось 25-е Іюля въ Четвертокъ, а именно 580, 625, 670 и 715-й, всего на періодъ изъ 135 годовъ. По мнѣнію нашему, только къ этому именно періоду и можетъ относиться наша надпись. Съ VIII вѣка письмо унциальное греческое получило уже особенности, такъ сказать, типическія (съ которыми и къ намъ перешло), совершенно отличныя отъ Спурціоноваго надгробія. Никакая впрочемъ комбинація изъ предполагаемыхъ числовыхъ знаковъ надписи не приводитъ къ этимъ годамъ.

востокѣ, не разумѣлъ смысла, заключающагося въ его имени, то дававший оное ему долженъ былъ знать о томъ, ибо выбиралъ конечно такое изъ множества другихъ. Можетъ быть, по христіанскому смиренію и самоукоренію назвалъ такъ себя человѣкъ въ послѣдствіи? Имѣемъ же мы примѣръ Св. *Копрія*... Имя, прямо бьющее въ греческій слухъ. Спуркіонъ, какъ видно, былъ не изъ великихъ міра, — простой солдатъ, и *не долженъ* былъ обижаться своимъ нехорошимъ именемъ. Но, сдѣланное ему, такое сердечное и полное уваженія надгробіе показываетъ, что не по низкой долѣ, а скорѣе по высокой доброй волѣ своей онъ носилъ и любилъ свое мерзостное имя. Вѣчная ему память!

Возвратившись изъ послѣдняго своего археологическаго похода въ Румелии, мы употребили остатокъ дня на приготовленіе къ дорогѣ. Завтра неотложно ѣдемъ въ *старую Болгарію*, а по древнему *Иллириду*, а тамъ за нею... что Богъ дастъ. Послѣдній вечеръ подъ гостепріимнымъ кровомъ близкаго намъ человѣка, не мало дѣлывшаго съ нами свое доброе сердце, имѣлъ отгѣнокъ грусти. — И останусь завтра одинъ... съ канарейками, проговорилъ онъ прощаясь и желая намъ доброй ночи. Хотѣлъ по обычаю подшутить надъ собою, но тонъ шутки былъ фальшивый. Въ немъ слышались, какъ говорится въ музыкѣ, „три бемоля“, вовсе нерасполагающіе къ веселью, — одиночества, немощи и старости. Порывистый вѣтеръ и злобѣщій дождь долго смущали сердце страхомъ, пока на мѣстѣ ихъ не появилась великолѣпная ясная погода съ тепломъ и прохладой, съ цвѣтами, птичками, мотыльками... Она принадлежала уже сновидѣнію.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	3	Строка	25 сверху	Напечатано.	Должно читать.
»	8	»	21 »	почетному	понятному
»	13	»	3 »	кабаса	каваса
»	16	»	3 »	т. е. то	т. е. не то
»	30	»	3 »	васеть	несеть
»	39	»	18 »	походило	походило бы
»	42	»	6 »	патрея	патрис.
»	42	»	15 »	<i>Николаиъ</i>	<i>Николаисъ</i>
»	47	»	3 снизу	крестьянинъ	Крисянинъ
»	50	»	2 »	επί	τῆς
»	53	»	5 сверху	задавнимъ	гадаемымъ
»	53	»	11 »	уважали	уважили
»	63	»	5 »	мѣстамъ	мѣстомъ
»	65	»	7 снизу	<i>Кобаницы</i>	<i>Кабаницы</i>
»	66	»	22 сверху	<i>Виликійская</i>	<i>Великская</i>
»	66	»	30 »	<i>Готъ</i>	<i>Готъ</i>
»	68	»	6 »	Διάχως	Ἰάχως
»	68	»	6 снизу	нуженъ	нужусь
»	75	»	19 сверху	последовательно	посмѣвательно
»	76	»	7 »	подлежащее	надлежащее
»	79	»	4 снизу	одного	одною
»	80	»	12 сверху	Σίδως	Σίδως
»	85	»	18 »	Кассандрия	Кассандрия
»	91	»	13 »	<i>Полянская</i>	<i>Полянская</i>
»	91	»	20 »	небесное	особенно
»	93	»	1 »	<i>Джулия</i>	<i>Джулия</i>
»	99	»	18 »	можемъ	можемъ
»	109	»	11 »	мирѣ	мурѣ
»	111	»	1 »	зимній мѣсяцъ	епископъ
»	112	»	6 »	года	годъ
»	117	»	12 »	и болгаробойца	и болгаробоецъ
»	117	»	26 »	...женіе описываетъ	...женіе открывается
»	120	»	1 снизу	на	въ
				Ρωμαιοφρονος	Ρωμαιοφρόνος

			<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
Стран. 125	Строка 3 снизу		<i>Голаида</i>	<i>Голаида</i>
» 148	» 4 сверху		называемъ	называемыхъ
» 156	» 9 »		на какихъ	никакихъ
» 157	» 8 »		сказалось	оказалось
» 159	» 1 »		Тарбутъ	Тарбушъ
» 160	» 5 »		... никійскій домъ	... никійцамъ
» 163	» 7 снизу		души	душа
» 170	» 5 »		ея	ее
» 174	» 14 сверху		что	чего
» 175	» 8 »		натужнаго	ведужнаго
» 175	» 1 снизу		ψευδομάτις	ψευδομάτις
» 178	» 16 сверху		всего	всего болѣе
» 184	» 10 »		Γγορίνο	Γγορίνο
» 185	» 1 »		зачѣмъ	зачѣмъ
» 187	» 13 »		различаютъ	различаются
» 193	» 2 »		Карловой	Барановой
» 193	» 3 снизу		ниже-при	ни же, — при
» 201	» 1 »		школы	иконы
» 202	» 2 сверху		<i>Ахридскаго</i>	<i>Ахридскаго</i>
» 205	» 8 снизу		переписи	перемѣсь
» 207	» 5 сверху		а	и
» 224	» 8 »		Атл.	Англ.
» 224	» 1 снизу		не то	не до
» 235	» 9 »		странники	стратегики
» 241	» 17 сверху		потомившись	помялись
» 242	» 2 »		лучшаго	лунваго
» 245	» 21 »		указали	указалъ
» 248	» 11 »		Штивъ	Штинъ
» 249	» 7 снизу		<i>христіанъ</i>	<i>крестьянъ</i>
» 250	» 18 сверху		почистились	поочистились
» 250	» 5 снизу		со стороны	съ той стороны
» 264	» 12 сверху		предоставиться	представиться
» 267	» 4 снизу		последовательно	посмѣвательно
» 271	» 2 »		повѣщенъ	отрѣшонъ
» 276	» 6 »		има	има
» 279	» 4 »		что	чего
» 281	» 2 сверху		Дѣѣ	„ѣѣ
» 281	» 17 »		та	тѣѣ
» 282	» 12 »		900	300
» 282	» 2 снизу		не метною	не лестною
» 289	» 2 сверху		̄	̄
» 291	» 2 снизу		<i>протопа</i>	протопопа
» 292	» 6 сверху		скончави	скончасе
» 296	» 2 »		12—2	12-я
» 297	» 15 »		зрѣніе дѣянію	зрѣнію дѣяніе
» 300	» 16 »		<i>Патія</i>	<i>Памсія</i>

			<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
Стран. 306	Строка 8 сверху		отъ	онъ
» 307	» 18 »		уже	ужъ
» 311	» 15 »		страшныя	страйныя
» 324	» 4 »		глубоко	глубже
» 324	» 11 »		и тѣ	отъ
» 332	» 21 »		прочныхъ	огромныхъ
» 333	» 2 »		слово	словъ:
» 333	» 9 »		тѣхъ	этихъ
» 385	» 19 »		за	на
» 339	» 12 »		VII	VIII
» 343	» 16 »		полугоре и уля- жется	поле, горе и уля- жется
» 344	» 15 »		Помпей	улицы Помпей
» 344	» 2 снизу		назадъ	не разъ

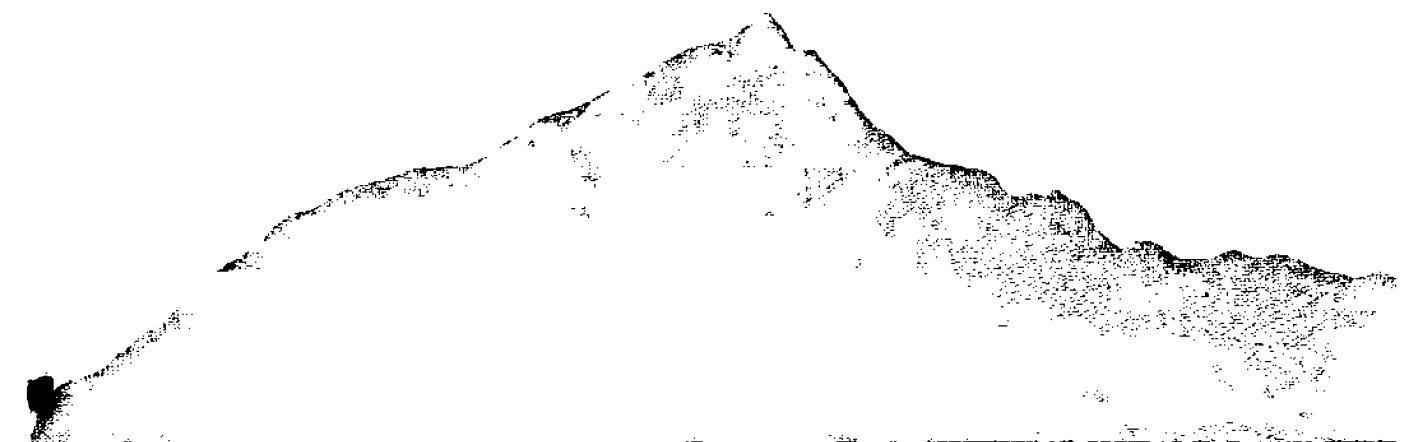
Гора РОДОПА Деспото-Планина.

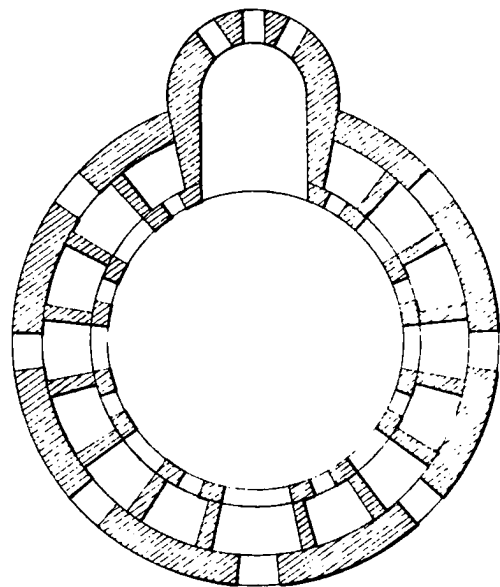
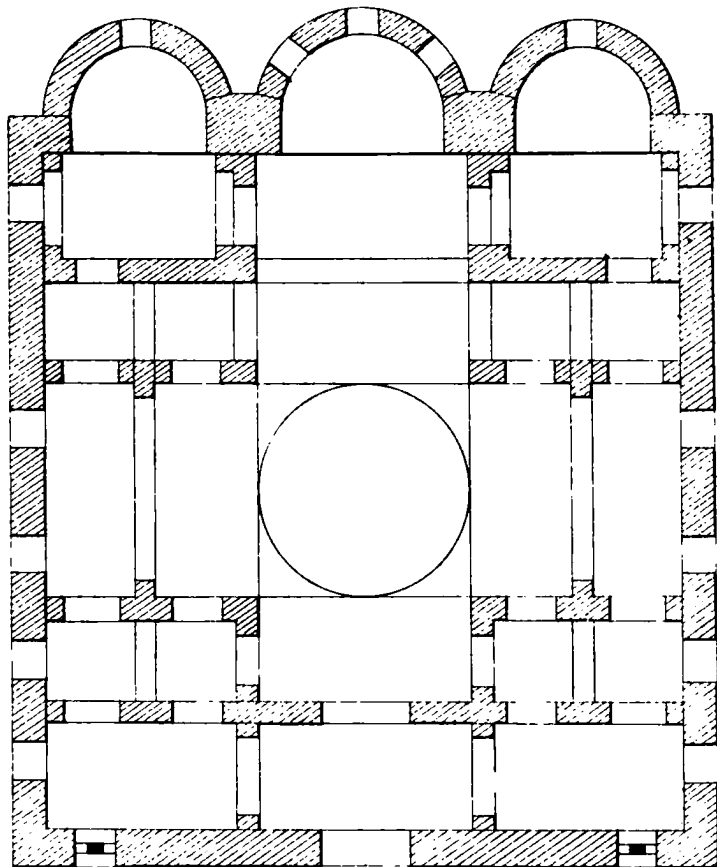

Фракійскій НЕАПОЛЪ (Кавала)

Островъ ЭСС

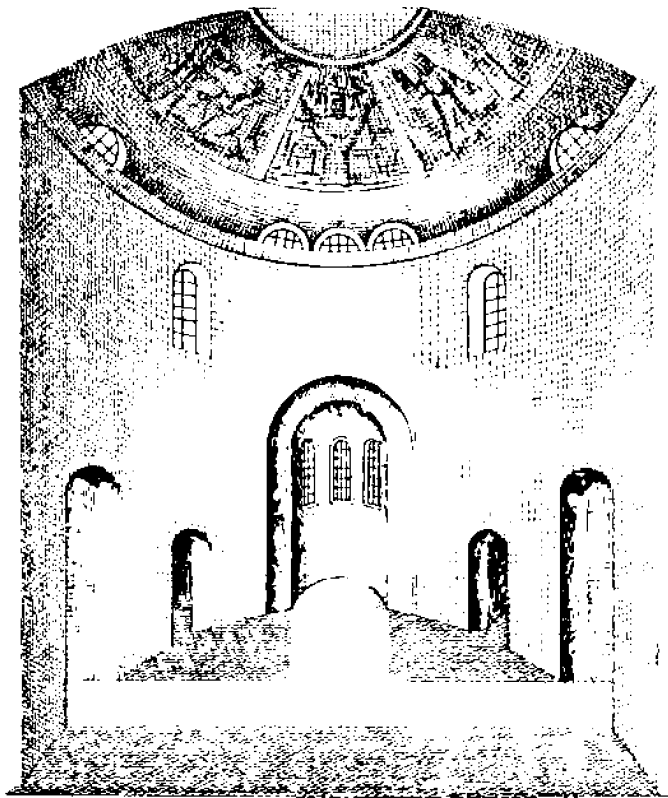
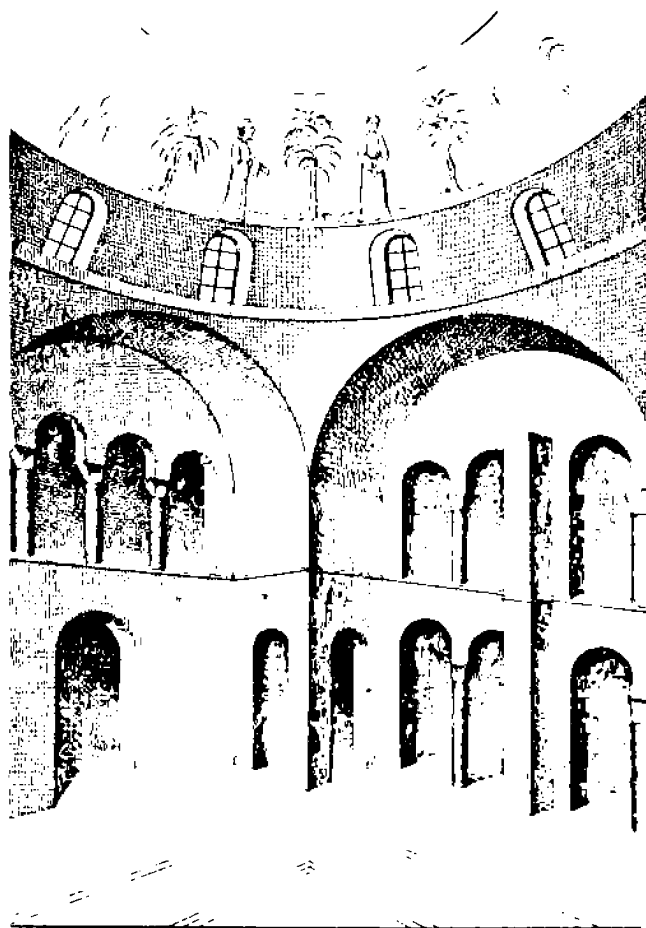

1 2 4 6 8 10 сажень (приблизительно).

Планъ Церкви Св. Софїи въ Солунѣ.

Планъ Ротонды-тамъ же

ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ ΚΑΙΚΤΗΤΩΡ

ΙΟΥΣΕΚΟΥΝΔΟΣΚΑΙΚΑΣΣΑΝΔΡΑΘΙΟΥ
ΣΕΚΟΥΝΔΟΥΤΟΥΛΕΥΚΙΟΥΕΑΥΤΟΙΣΚΑΙΙΟΥ
ΣΕΚΟΥΝΔΩΤΩΛΕΥΚΙΟΥΚΑΘΩΣΔΙΕΘΕΣΕΝ

ΜΑΙΛΙΟΣΠΑΡΑΜΟΝΟΣ
ΑΙΛΙΑΦΑΥΣΤΑΥΤΗΓΥΑΙΚΙ
ΚΑΙΕΑΥΤΩΒΖΩΝ
ΕΤΟΥΣΔΙΤ

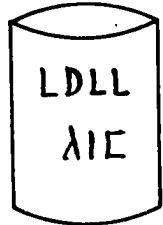
ΑΓΑΘΗΤΥΧΗ

ΕΤΟΥΣ·ΗΚ·ΤΒ ΑΠΟΓΡΑΦΗ
ΕΦΗΒΩΝΤΩΝΕΦΗΒΕΥΣΑΝ
ΤΩΝΥΠΟΥΛΥΣΙΜΑΧΟΝΣΑΒΙ
ΔΙΑΝΟΥΤΟΝΕΦΗΒΑΡΧΟΝ
ΚΑΤΑΤΟΔΟΓΜΑΤΗΣΒΟΥΛΗΣ
ΚΛΑΥΔΙΟΣΕΡΗΝΟΣ·ΔΘ·ΚΟΥ·ΚΟΙΝΤΟΣ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣΚΑΙΕΙΟΥΛΙΟΣΙΜΑΡΚΙΑΣ
ΟΥΛΠΙΟΣΔΟΜΙΤΙΟΣΕΛΠΙΔΗΦΟΡΟΣ
ΕΥΤΥΧΙΩΝΜΑΚΕΔΟΝΙΧΟΥΑΝΙΚΗΤΟΣ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣΠΑΠΑΙΔΡΩΒΥΟΣ
ΖΩΠΥΡΟΣΟΥΑΛΕΡΙΟΥΕΣΠΕΡΟΝΣΕΜΕΛΗΣ
ΣΟΥΔΙΣΚΑΛΙΣΤΗΣΚΑΦΙΔΟΜΕΝΟΣ
ΣΑΤΟΡΝΙΛΟΣΗΔΕΑΣΦΙΛΗΤΟΣΦΑΡΙΩΝΟΣ
ΦΗΛΙΖΝΙΚΟΜΗΔΟΥ
ΠΑΡΑΜΟΝΟΣΚΑΙΙΟΥΛΙΣΚΑΙΑΚΥΛΑΣΟΙΟΥΛΙΟΥ
ΓΑΙΟΣΚΑΙΠΑΡΑΜΟΝΟΣΟΙΓΑΙΟΥ
ΙΟΥΛΙΑΝΟΣΑΣΚΛΗΠΑ

ΛΙΟΥΛΙΟΣΕΠΑΦΡΟΔΕΙ
ΤΟΣΙΟΥΛΙΩΝΕΙΚΗΦΟ
ΡΩΚΑΙΙΟΥΛΙΑΡΩΜΗ
ΤΟΙΦΑΠΕΛΕΥΘΕΡΟΙΦ
ΜΗΜΗΕΧΑΡΙΝΒ
ΒΕΤΟΥΣ·Φ·Φ·ΙΤ·Β

ΞΤΟΥΣΒΩΟΖΒ
ΞΤΩΝΚΒ
Σ·ΠΞΔΙΣ
ΛΥΚΟΝΤΟΝΒ
ΑΔΞΛΦΙΔΙΗΡΞΞ
ΝΩΣΤΟΝΥΟΝ
ΜΗΜΗΖΧΑΡΙΝ

D M
EPICTE TO
NVTRICIO
MVLVIA·CF·PIA
CIDA·PATRONA
TADI·NEPOTIS·LEO
PRO·PR·PRO·VINC
MACEDONIAE

ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΠΑΡΜΕΝΩΝΟΣ
ΑΝΝΙΒΑΙ ΜΕΘΩΝΑΔΟΥ
ΜΕΘΩΝΑΔΗΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ
Η Ρ Ω Σ Ι

ΓΠΕΔΟΥΚΑΙΟΣΤΡΙΑΚΑΔΙΩΝΚΑΙΑ
ΤΕΙΑΠΑΡΑΜΟΝΑΚΑΙΣΑΒΕΙΝΑΤΩ
ΤΕΚΝΩΖΩΝΤΕΣΕΑΥΤΟΙΣ
Β ΠΟΙΗΣΑΝ

ΚΛΑΥΔΙΑΝΕ
ΠΑΡΑΜΟΝΟΣ
ΚΟΥΡΙΑΤΙΩ
ΤΡΟΦΙΜΟΣ
ΦΙΛΩ

ΒΟΥΛΗΚΑΙΣΤΙ
ΝΕΝΔΕΦΛΕΙΤΑΙΕΜΟ
ΕΠΙΝΓΑΡΤΟΙΑΥΤΑ

ΠΛΟΥΣΙΟΥΣΤΟΥΣΑΝ
/Η

ΡΟΤΙΝ
ΜΕΡΟΥΤΩΝΚΑΘΟΡΙΩ
ΜΕΝΩΝΣΕΚΟΥΝΔΑΝΩ

ΜΑΡΤΥΡΙΩ ΠΡ
ΕΣΒΣ ΚΑΙ ΗΜ
Η ΤΡΙΨΑΝΑΓΗ
Ως 1.

ΝΟΥ
ΟΙΚΟΝΣ
ΠΡΕΣΒΣ 2.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
ΔΡΟΣΕΡΙΑΣ ΖΩ
ΣΙΜΙΑΝΣΙΟΑΝΑΣ 3.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΔΙΟΓΕΝΟΥΣ
ΚΑΙ ΤΗΣ ΤΟΥ
ΤΟΥ ΑΔΕΛΦΗΣ
ΠΡΟΚΟΠΙΑΣ
4.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΔΡΟΣΕΡΙΑΣ
ΚΕΥΔΟΞΙΑΣ: ΚΑΝΘΕ
ΜΙΘΕΙΑΤΡΩ: ΚΤΗΣΥΜ
ΒΙΩ ΑΥΤΩ ΣΟΦΙΑΣ 5.

ΜΗΜΟΡΙ
ΟΝ ΤΩΝ
ΑΓΙΩΝ
ΠΕΤΡΟΥ
ΚΑΙ ΠΑΥ
ΛΟΥ 9.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΙΩΡ
ΔΑΝΘΙ ΠΠΟΙΑΤΡΩ
ΚΑΙ ΤΗΣ ΣΥΜΒΙΩΝ
ΤΩ ΔΗΜΗΤΡΙΑΣ 14.

ΔΟΥΛΟ
ΠΡΟΚΟΠΗ 18.

ΤΧ ΘΥΣ Χ ΜΓ
† † † † †
ΜΗΜΟΡΙΑ ΔΥΟ
ΕΝ ΑΒΔΟΥΛΚΙΤΩ
ΨΑΛΤΩΣ ΚΑΙ ΤΟ
ΕΝ ΑΒ ΜΑΥΡΟΥ
ΟΙΚΟΔΟΜΟΥ ΚΑΙ
ΤΗΣ ΣΥΜΒΙΟΥ
ΑΥΤΟΥ ΔΟΜΝΙ
ΝΑΣ 6.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΑΙ
ΣΥΔΟΞΙΟΥ ΠΡΕΣΒΥ,
ΚΑΙ ΤΟΥ ΑΜΑΡΤΟΥΛΟ
ΩΑΝΝΟΥ ΔΙΑΚΟΝΟ 10.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΓΛΑΥΚΩ
ΠΑΡΑΜΟΝΙΩΝΟΣ
ΜΒΙΟΥ 15.

ΚΕ ΒΟΗΘ
ΙΤΟΥ ΔΟ
ΜΛΟΥΣΟΥ
ΒΣ ΟΡΓΗ
Υαμνη 18.

ΕΜΜΑΝΟΥΗΛ
ΕΛΕΗΣΟΝ
ΗΜΑΣ
7.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΣΩΦΙΑΣ ΚΑΙ ΚΑΛΛΙ
ΚΡΑΤΩ ΣΤΑΤΙΩΤΩ 11.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΔΗ
ΑΦΕΡΟΝΤΑΙΩ
ΑΝΘΟΥ ΘΩΝΙΑ
ΚΟΥ ΚΑΙ ΤΗΣ ΣΥΜ
ΒΙΟΥ ΑΥΤΟΥ ΔΑ
ΜΗ 16.

ΚΕ ΒΟΗΘ
ΤΟΥ ΔΟΛΟΥΣΟΝ
ΠΑΠΑ ΙΟΥΑΝΝΗ
ΟΥΑΜΗΝ 18.

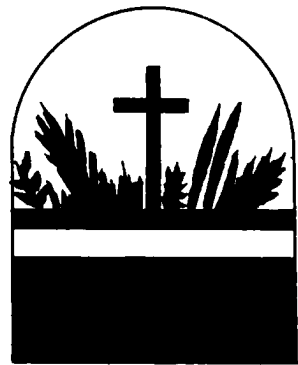
ΜΗΜΟ
ΚΑΙ ΤΗΣ
ΑΝΑΤΙ
ΤΗΝ ΤΟΥ
ΣΙΝΑΣ 12.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΘΕΟΔΟΣΙΑΣ
ΚΑΣΠΙΛΙΑΣ
ΠΑΡΘΕΝΩΝ
17.

† ΒΟΗ
ΘΗ ΤΩΝ
ΔΟΥΛΩΝ ΣΟΥ ΑΠΟ ΤΩΝ ΚΑΤΕ
ΟΜΗΟΣ ΚΕ ΤΟΥ Κ
ΟΥΝ ΔΟΥΝ ΒΕΡΝΑΡ
ΟΥ ΔΕ ΤΩΝ ΘΕΟ
ΔΟΥ 18.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΘΕΟ
ΔΟΦΙΑ ΔΙΑΚΟΝΩ
ΚΑΙ ΑΓΓΕΛΙΑΣ
ΚΑΙ ΑΓΓΕΛΙΑΣ
ΑΓΓΕΛΙΑΣ
ΑΓΓΕΛΙΑΣ 7.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΓΙΟΥΓΩ
ΑΙ ΤΗΣ
ΤΩ Κ
ΗΣ 13.

ОДНЪ ИЗЪ МОГЯЛЬНЫХЪ СКЛЕПОВЪ.

ΜΗΜΟΡΙΑ
ΜΑΡΤΥΡΙΩΝ
ΝΕ 19.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΑΓΓΕΛΙΑΣ ΚΑΙ
ΑΓΓΕΛΙΑΣ
ΝΟΥ
ΚΑΙ ΔΙΑΚΟΝΩ 8.

HC XC NB
3A

† CIA чти стк рбствъ ѿ стѣ ѿ слни остав лѣно ѿ рѣфайлъ наичко зартоиъ ѿ ѿк р

+ ИЗВОЛЕНИЕМЪ СЪЧА IIII
НАНСФЕТАГОДХА ИААСЕЗНАЕ
МОНАХЪ КЫПРИАНЪ ѿ СЕЛО-СКРЕБЛА
ВАЛЕТО ЗРМЪ МЕСЕЧА СЕПТЕВРІА В.

ВЪХБѦ КА
ВЪРЕНЬ КРА
МАРКО

ΛΒ ΤΟ ΖΦΔ
σπω ΔΝΗ ΕΠΠΖ
· φεαο ρλ

ΕΤΟΥΣ ΖΞΣ
ΦΛΑΟΥΙΑ
ΝΕΙΚΗΣ ΝΕΙΚΑΝ
ΔΡΟΥ ΑΠΟΛ
ΛΩΝΙ ΕΤΕΥΔ
ΑΝΙΚΩ ΕΥΧΗΝ

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟ
ΤΕΥΔΑΝΩ
ΤΦΛΑΟΥΙΟΣ
ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ
ΙΟΣ ΦΑΠΟΛΛΟ
ΔΩΡΟΣ ΕΥΞΑ
ΜΕΝΟΣ

ΕΚΟΙΝΗΘΗ ΔΔΛΟΣ ΤΩ ΘΥ
ΝΙΚΟΛΑΟΣ ΤΟΣ ΗΣΗΝΙ
ΑΥΓΟΥΣΤΟΝ ΗΡ' ΚΑ ΕΠΗ
ΤΗΣ ΒΑΣΗΛΕΙΑΣ ΣΤΕΦΑ
..... ΕΝΕΤΗ
..... 'ΥΞ
..... ΚΟΛ
..... ΙΛΗΝΑΡΗ
..... ΡΣΦΗ

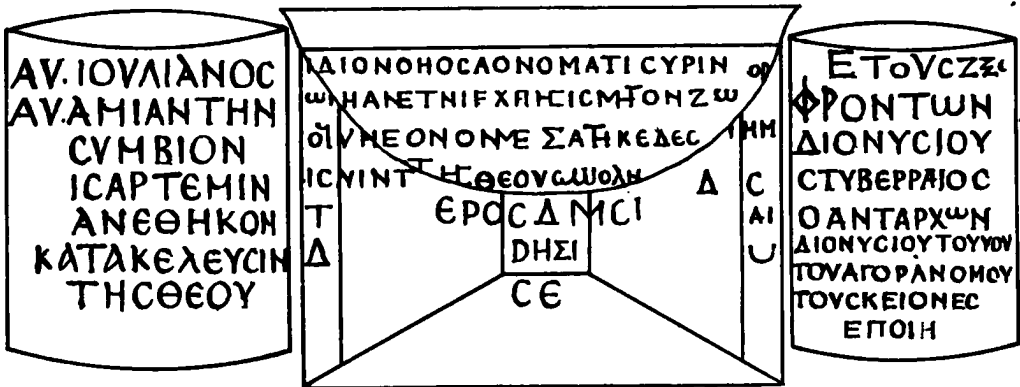
+ ΗΕЧАГЕНАРА: ОУС
РАБЪ БЕИДАБИЖИ
ВЪ: ЕНОХИГАРЬ: ЦР
ОУРОША ВЪ СЕ СРЪБ
СКНЕ ЗЕМЛЕ: ГРЪЧ
СКНЕ И ПОНОРСКИ
ВЪ ΛΒ, Ζ: Ω: Ο:
СНΚΤΑ: ΕΙ:

ΣΕΦΑΝΟΣ ΕΝ ΧΩ ΤΩ ΠΙΣΩ ΚΡΑΗΣ ΚΑ' ΑΝΤ
ΚΡΑΤΩ ΑΠΑΣΗΣ ΡΒΙΔΚ ΠΑΡΑΘΑΔΙΑΣ

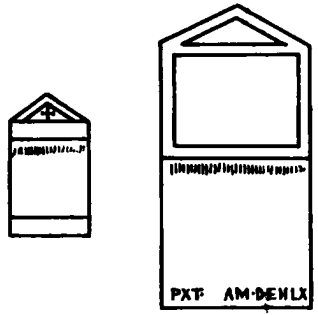
ΤΟΝ ΜΕΓΙΣΤΟΝ ΚΑΙ Θ
ΕΙΟΤΑΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ
ΚΑΙ ΣΑΡΑΛΟΥΚΙΟΝ ΣΕΠ
ΤΙΜΙΟΝ ΕΣΟΝ ΗΡΟΝΟΥ ΑΠΙ
ΛΕΙΣΙ ΔΩΡΑ Η ΚΑΙ ΣΑΡΑΠΙ
ΑΣ ΚΑΙ ΑΥΡΗΛΙΟΣ ΑΝΤΙ
ΓΟΝΟΣ Ο ΕΜ Ν

..... ΕΙΚΟΤΥΧΗ
ΔΑΓΑΛΜΑ
ΚΚΗΙΑΝΟΓ
ΕΥΖΕΠΑΡΑΒ
ΠΙΓΟΝΗΤΕ
ΟΜΟΥΕΥΝΟ
ΜΑΙΜΑΙΜΟΣ

... ΟΕΜΒΡ: ... ΑΡΑΣΚΕΝΙ
... ΥΣΑΤΟΣ ... ΚΑΡΚΩΣ
... ΕΝΑΜΥ ... ΗΣ ... ΟΝ
... ΕΣΑΜΕ ... ΑΓΙΟΙΑΠ
... ΥΟΙΚΜΑ ... ΔΙΣ ΠΡΟ
... ΤΑΙΤΩΛ ... ΠΟΤΗ
... ΕΡΙΧΩΠΡ ... ΕΥΟΝΤΕ
... ΑΗΝΑΙΤ ... ΥΧΗ ...
... ΑΥΤΟΥ

ΕΝΘΑ ΔΕ ΚΙ. ΕΣΠΘΡΚΙ
ΩΝ ΣΤΡΑΤΙΣ ΚΑΛΩ ΠΡΕΥ
ΒΙΣ ΤΟΝ ΤΗΣ ΖΩΗΣ ΠΡΟΚΕΡΣ
ΧΡΟΝΟΜΕΝΟ ΔΕ ΜΕΤΑ ΤΑ ΤΩ
ΕΝ ΕΥΦΕΒΙ ΟΝΙΝ Δ Π Μ Ι Δ Ι Σ
ΚΕΙ Η ΕΝ ΠΡΟ ΔΕ ΖΑ Μ Ε Ν Τ
ΧΕ ΑΝ Α Π Α Ν Σ Ο Ν Ε Ν Χ Ε Σ Τ Ω
ΑΓΙΩΝ ΣΥΘΕΣ +

C.IVLIVS BASSVS C.F. MA F
RELACO·MIS·VETE·EXLEI
VIII·AVG·MIL·ANN·XX
VIXIT·ANN·LXXV·H·R·D·F
C.IVLIVS C·F·NIALIS·ET
ΦCIVLIVS·OLV·MPVS·ET
C.IVLIVS·EXPEDITVS·ET
C.IVLIVS·FELIX

ΡΧΤ ΑΜ·ΔΕΝΛ

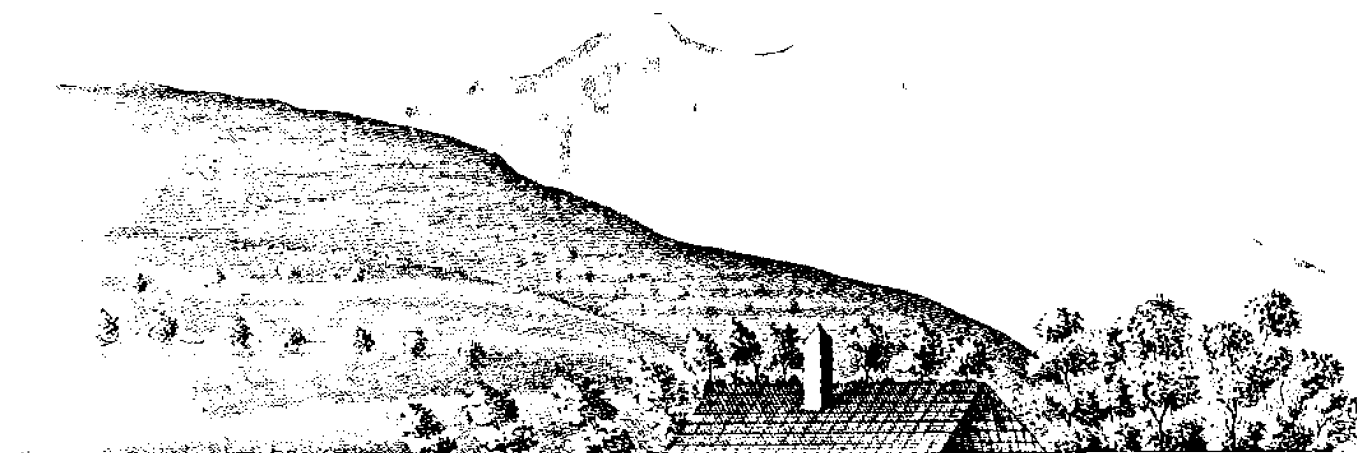
ΠΑΡΑΦΙΛΙΠΠΟΥ ΤΟΝ ΠΟΣΙΔΙΠΠΟΝ, ΟΡΕΣΤΟΥ
 ΤΟΥ ΟΡΕΣΤΟΥ ΤΡΑΛΛΟΘ ΓΟΥ ΜΚΝΟΝΤΩΝ ΑΠΟΚΛΗ
 ΡΩΘΕΤΩΝ ΡΟΕΔΡΩΝ ΔΟΓΜΤΟΣ ΑΜΦΑΦΗ ΤΗΣ
 ΤΟΥ ΔΑΙΣΙΟΥ ΜΗΝΟΣ ΤΟΥ ΓΜΣ ΕΤΟΥΣ ΤΩΝ
 ΠΕΡΙ ΒΑΒΑΡΟΙ ΦΙΛΠΠΙΟΥ ΕΝ ΔΕ ΡΡΙΟ ΠΩ ΠΟΛΙ
 ΤΑΡΧΩΝ ΣΥΝΑΓΑΓΟΝΤΩΝ ΤΟ ΒΟΥΛΕΥΤΗΡΙΟΝ
 ΚΦΙΛΩΝΟΣ ΤΟΝ ΚΟΝΩΝΟΣ ΠΟΗΣΑΜΕΝΟΥ ΛΟ
 ΓΟΥΣ ΠΕΡΙ ΟΥ ΕΤΤΙΟΥ ΦΙΛΩΝΟΣ ΤΟΥ ΘΕΙΟΥ
 Κ ΓΡΟΣΑΝ ΓΕΙΛΛΑΝΟΣ ΟΤΙ ΚΤΡΩΝ Η ΑΥΤΟΥ ΠΑ'
 ΡΔ ΑΕΤΕΙ ΜΗΣ ΕΜΕΓΑΛΩΣ ΚΤΕΛΕΥΤΩΝ ΟΥ ΔΕ ΤΣ
 ΚΑΤΑ ΤΗΝ ΒΟΥΛΗΝ ΕΜΗΣ Η ΜΕΛΗΣ ΕΝ ΑΛΛΑ ΦΗΚΗ
 ΑΥΤΗ ΚΑΤΑ ΔΙΑΘΗΚΗΝ Δ' ΛΦ ΕΦΩ ΕΚ ΤΩ ΚΑΤΕ
 ΝΙΑΥΤΟΝ ΕΞ ΑΥΤΩΝ ΓΕΙΝΟΜΕΝΩΝ ΤΟ ΚΩΝ

Η ΜΕΡΑ Η ΑΓΟΥΣΑ ΟΥ ΕΤΤΙΟΥ ΒΩΛΑΝΟΥ Ε ΟΡΤΑ
 ΣΙ ΜΟΝ ΕΥΩΧΗΤΑΙ ΤΗ ΠΡΟΔΕΚΑΤΕΣ ΣΑΡΩΝ
 ΚΑΛΑΝ ΔΩΝ ΝΟ ΕΜΒΡΙΩΝ ΕΔΟΞΕΝ ΤΗ ΒΟΥΛΗ
 ΤΗ ΤΟΥ ΑΝΔΡΟΣ ΣΕΜΝΟΤΗΤΑ Κ ΒΟΥΛΗΣ ΙΝ
 Α ΠΟΔΕΞΑΣΘΑΙ ΕΠΙ ΤΕΤΑΙΣ ΥΠΑΥΤΟΥ ΚΑΤΑ
 ΤΗΝ ΔΙΑΘΗΚΗΝ ΓΕΓΡΑΜΜΕΝΑΙΣ ΑΙΡΕΣΙΝ
 ΤΟΤ' ΑΡ ΓΥΡΙΟΝ ΛΑΒΕΙΝ Κ ΚΑΤΕΝΙΑΥΤΟΝ ΑΓΕΙΝ
 ΤΗΝ ΤΟΥ ΟΥ ΕΤΤΙΟΥ ΒΩΛΑΝΟΥ Ε ΟΡΤΑΣΙ ΜΟΝ ΕΚ
 ΤΩΝ ΤΟ ΚΩΝ Η ΜΕΡΑ ΚΑΙ ΜΗΤΕ ΤΟΥ ΠΡΟΓΕΓΡΑΜΜΕ
 ΝΟΥ ΚΕΦΑΛΑΙΟΥ ΑΠΑΝΑΛΙΣΚΕΙΝ ΤΙ ΕΙΣ ΕΤΕΡΑΝ
 ΧΡΕΙΑΝ ΜΗΤΕ ΤΟΥ ΚΑΤΕΝΙΑΥΤΟΝ ΓΙΝΟΜΕΝΟΥ ΤΟ
 ΚΟΥ ΑΛΛΩΣ ΟΔΟΥΣ ΦΙΛΩΝ ΗΘΕΛΗΣΕΝ ΤΟΤ' ΑΡ
 ΓΥΡΙΟΝ ΗΡΙΘΜΗΣΑΤΟ ΚΑΙ ΠΑΡΕΛΑΒΕΝ Ο ΕΠΙ ΜΕΛΗ
 ΤΗΣ ΤΩΝ ΤΗΣ ΒΟΛΗΣ ΔΗ Η ΑΡΙΩΝ ΛΟΥΚΙΟΣ
 ΛΟΥ ΚΡΗΤΙΟΣ ΠΟΥ ΔΗΣ

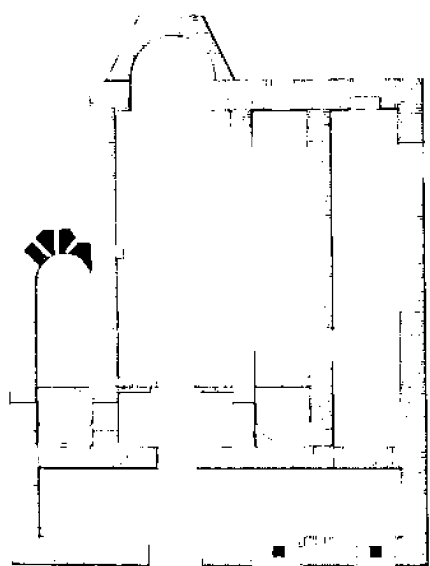
перистери

Хребетъ: СУХА-ГОРА, предположительно древняя БОРА (откуда ИПЕРБОРЕИ)
Видъ отъ Вошпоранъ.)

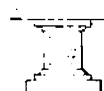

Гора, Перистери (надъ Битолею.)

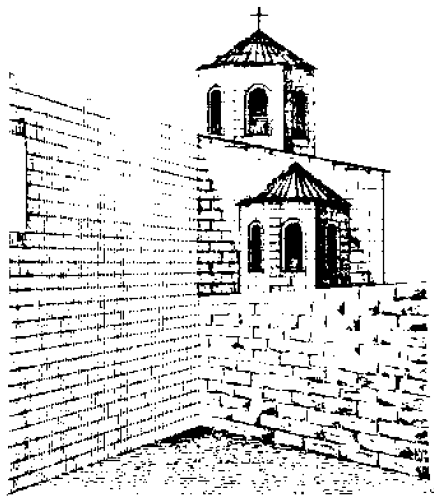

ВЪ ХАБД
БЪ РЕ ИЪ КРА
МАРКО

КАЛ ПИЕ

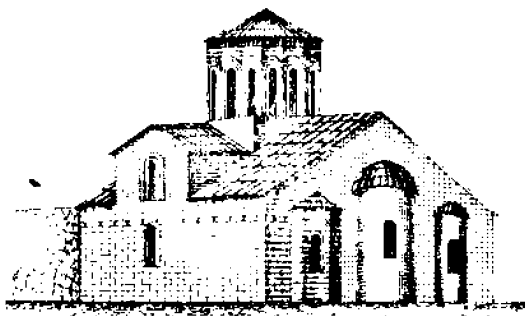
Церковъ Успенія въ Трескавицъ

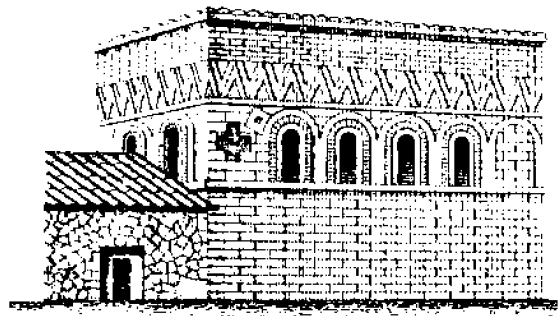
Видъ Успенской Церкви съ Востока.

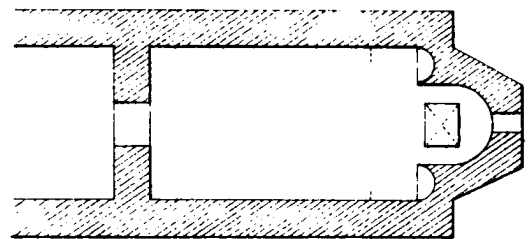
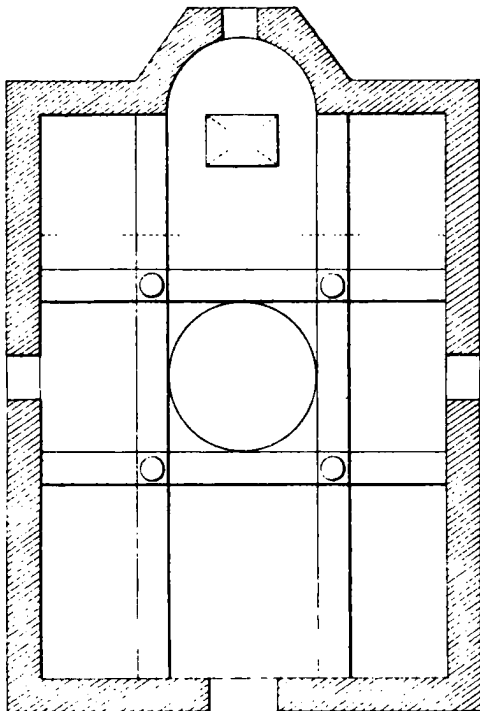
Видъ Успенской Церкви съ Сѣвера

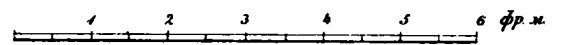
Церковь Св. Дмитрія въ Варшѣ.

Церковь Св. Николая въ Варшѣ.

Планъ Церкви Св. Николая.

нъ Церкви Св. Тетки (Тараскеви) въ Варшѣ

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004